

ОТКУДА МЫ РОДОМ?

Дела давно минувших дней,
Преданья старины глубокой.
А.С. Пушкин

Давнее-давнее

Вспоминается давнее-давнее детство в деревне под Орлом. Под шум метели за окном в хате, крытой соломой, сидел я, слушал одну за другой сказки, а там и легенды, и были из старины глубокой. Бабушка Ефросинья любила вспоминать, как в Киев ходила молиться, в Лавре мощи угодников святых видела. Дедушка Матвей, когда-то работавший в пекарне на Крещатике, всё говорил о славных богатырях Земли Русской, уводил меня в степь широкую, в степь раздольную. Илья Муромец на коне врывался в детские сны. Тарас Бульба из повести Гоголя скакал с сыновьями в Запорожскую Сечь.

— Слышу! — отвечал он могучим голосом на прощальный крик Остапа, а потом и сам расставался с жизнью, задыхаясь в огне.

— Про отца своего расскажи, — приставал я в ожидании новых удивительных историй.

— Прадедушку твоего Максимом звали, — отвечал Матвей. — Весной он в поле пахал, а я ему обед носил. Летом травы косил, к осени рожь убирал. А зима придёт, так он не лежит дома на печи, а поедет в город, наберет красного товару — и ну продавать по деревням. Раз от разбойников еле укатил.

— А прапрадедушка кем был?

Антипом звали твоего прапрадедушку, моего дедушку. Тоже землю пахал, тоже травы косил, рожь убирал. Зимой наружу босиком выходил. В хату войдёт весь в снегу, ноги обметёт веником — и на печку греться. Как-то летом на Кнубре пошли три подруги купаться в Оку, да и тонуть начали. Антип был мужик сильный и смелый, побежал спасать. Двух вытащил, а третью не смог.

— Почему?

Голос услышал: «Ещё нырнёшь сам на дне останешься». Пришлось другим нырять.

— А теперь расскажи про отца его.

Дедушка вздохнул:

— Знаю, что был, что тоже в деревне жил, а вот как его звали — не знаю.

Мне стало грустно и даже страшно сделалось. Будто бежал я по дороге, и вдруг стена выросла передо мной высокая-высокая, до неба...

Много лет спустя пришёл я в Орловский государственный архив и попросил Анну Ивановну Кирсанову, старейшую работницу, жену известного в Орле краеведа:

— Не могу ли я с вашей помощью порыться в своей родословной?

— У нас многие интересуются предками, — улыбнулась Анна Ивановна. — Одну минутку!

И вынесла из архивных глубин рукописную книгу под названием «Ревизская сказка пятьдесят восьмого года мая пятого Орловской губернии Орловского езда»...

Открыл и ахнул. Передо мной мои земляки, крестьяне 1858 года:

Иван Фролов, Леон Киреев, Николай Кузякин Иван Кузякин, Семён Гаврилов, Аким Прыгунов, Алексей Воякин, Дмитрий Котиков, Иван Сычугов, Алексей Шелаев, Арефий Кузякин... Стоп! Эта фамилия потом умножилась деревенским прозвищем Арешкины — наша родня. Отсюда вышла Ефросинья, дочь Стефана, внучка Ивана, моя бабушка.

Вышла замуж и стала Катановой. А вот и Антип Катанов в 51 год. Упомянут его сын Михаил, умерший в 1855 году, 26 лет, жена его Матрёна Константиновна 30 лет, дочь Ирина 5 лет. Там же значится и Максим 17 лет — сын Антипа, будущий родитель Афанасия, Матвея и Натальи, выращившей в Горках под Кромами целый куст Овчаровых.

Антип назван по отчеству: Климентов. Открытие так обрадовало, что я поспешил со всей родней поделиться. Стихи написал о том, что теперь при встрече с родной Фоминкой «крепостной мужик Катанов Клин меня ведёт к истокам родословной».

Далее исследование не пошло. Но зато я вдоволь налюбовался на предков по материнской линии. В селе Никольское, Альшан тож, умер в 1858 году Леон Елисеев сын Баракин — предок Авдотьи Ивановны, бабушки моей, ставшей женой Спиридона Парменовича Комарова в списке упомянут годовалый Пармен, сын Артёма, мой прадед.

Однажды выступал я в школе. Рассказал о находках в архиве, потом попросил ребят назвать имена своих бабушек и дедушек. Поднялся лес рук.

— А теперь, — говорю, — назовите прабабушек и прадедушек.

Лес исчез. Вверх потянулись четыре руки.

Когда же вопрос усложнил, то и те четыре приросли к партам.

— А, знаете ли, друзья, — вспомнил я прочитанное в одном из журналов, что в Африке живут люди, которые свою родословную знают до десятого колена?!

Класс замер в изумлении.

Родная старина начинается с порога. Много раз я расспрашивал не только о своих предках, но и о прошлом всей вашей округи. Узнал, что Альшань, Фоминка, Кнубрь, Альшанские выселки принадлежали графине Бобринской Софье Прокофьевне. А она даже в словарь Л.А. Черейского «Пушкин и его окружение» (Л., 1977) попала. Представляю себе приезд супругов Бобринских в наши места в Николин престольный праздник или на Троицу, когда так хороши были и лес над Окой, и роща за канавой, исчезнувшие задолго до моего рождения. Вышли из церкви, построенной «иждивением» графини в 1844 году, и покатали в карете с гербом (щит, двуглавый орёл, девиз «Богу слава, жизнь тебе») на мою Фоминку, на хутор Софию. На всём пути — груши в белом цвету. Сам хутор — зелёный остров около большака на Кромы. Холмятся кусты шиповника и сирени, хорошо знакомые нам. И мне кажется: я слышу их разговор между собой, вижу руку графини...

Руку, которую целовал А. С. Пушкин!

Граф Василий Алексеевич Бобринский носил фамилию не свою: его отец был внебрачным сыном Григория Орлова и Екатерины Второй. Внук государыни, будучи офицером гвардии, сошёлся с декабристами, предлагал им деньги на устройство типографии за границей Суда избежал, хотя ему выпал восьмой разряд: пришлось бы кандалами греметь...

Графиня Софья — из рода Соковниных. В её родословной сиял строгий лик боярыни Морозовой, соратницы грозного Аввакума. Однажды рассказали мне предание: умирая, деньги свои отказала боярыня Морозова родной Альшани, чтобы церковь построили над Окой...

Последней помещицей в нашем краю была княгиня Екатерина Алексеевна Святополк-Мирская. Бабушка вспоминала, как она, приезжая, конфетами детей угощала. Муж был известным министром внутренних дел, человеком либеральных взглядов, включён в «Советскую историческую энциклопедию». В журнале «Исторические записки» (1965 г.) был опубликован дневник княгини за 1905 год. Жили супруги то в столице, то в Гаевке под Харьковом. В 1906 году хутор на Фоминке сгорел. За своё участие в поджоге Т.П. Зыбин, наш сосед, попал в Сибирь, в народе получил прозвание Отец революции...

Дмитрий Петрович Святополк-Мирский, сын помещицы нашей, в юности выпустил сборник стихов, служил в армии Деникина, в Лондоне читал студентам курс русской литературы, издал его в Англии, США. Вернувшись домой, писал о Н. Заболоцком, П. Васильеве, Э. Багрицком и о других поэтах. Работал над книгой о Пушкине. Успел опубликовать первую часть. Печатался под псевдонимом Мирский. «В чём-то напоминал, — читаем в предисловии к сборнику его статей, по типу своих мечтаний, по характеру отношения к событиям времени Рощина, героя романа “Хождение по мукам” Алексея Толстого».

Талантливый исследователь русской литературы погиб на Колыме. Его тень мне так и

видится в Альшани, где над ручьём стоял и барский дом и большой каменный храм на зелёном острове, где был хутор, да и на всём пространстве альшанско-фоминском. Поиски родной старины привели меня к Писцовой книге 1594— 1595 годов. Там нашёл селение Ольшанец на ручье того же имени. Помещиками были Данила Толокин сын Родцов, Иван Яковлев сын Фомин, Нестор сын Евстратьев Огарков. Они пахали, сеяли, косили и службу несли в крепости Орловской, на южной границе государства Московского. Орёл-город был в ту пору совсем молодым. Фомин владел землёй, ранее принадлежавшей Григорию Афанасьевичу Шевякову. Имел одного крестьянина, не названного составителями Писцовой книги. Видимо, от Фомина и пошла наша Большая Фоминка.

Встречаю в той же книге родственные фамилии Кузякины и Комаровы (в книге Комарёвы, как и доныне у нас говорят).

Откуда пошли наши сёла? Лаврово — от Ивана Лаврова, служилого человека. Малая Фоминка на старинной карте обозначена Лавровскими Выселками. Волоконка (Сеножать на Оптухе), по преданию, принадлежала князю Волконскому. Некрасовка — память о Некрасовых, предках великого поэта. В Киреевке жили П.В. Киреевский — знаменитый собиратель народных песен, его старший брат И.В. Киреевский — критик и философ. Булгаково — от Булгаковых; это фамильное древо украшают философ С.Н. Булгаков, умерший в Париже, А.И. Булгаков, отец автора «Белой гвардии», и другие известные люди. Среди них — братья Сергей и Николай Булгаковы, члены Орловской учёной архивной комиссии, оставившие в память о себе Булгаковскую рощу у Фоминского посёлка. Сабурово на Цне знаменито Сабуровской крепостью, усадьбой генерал-фельдмаршала М.Ф. Каменского, отца двух сыновей-генералов, в том числе Сергея Михайловича, основателя орловского театра. Сабурово названо по фамилии орловского воеводы Михаила Боглановича Сабурова, убитого во время Смуты за верность Москве. Главный усадебный дом М.Б. Сабурова находился в Сабурове на Орлике, впоследствии стало оно Телегиным. Всего в селе было 15 домов и церковь.

Орловщина богата памятными местами. Спасское-Лутовиново на весь мир шумит-гремит о Тургееве, классике русской литературы. Новоселки, Степановка, Клеймёново светятся в биографии А.А. Фета. Павлодар в Болховском районе и Рыбница за Змиёвкой помнят А.Н. Апхтина; Яковлево — Е.А. Благинину; Грунец — Д.И. Писарева; Холх, Муратово, Большая Чернь и многие другие места — В.А. Жуковского; Старое Горохово — Н.С. Лескова и поэта первой половины XX века Владимира Мятлева; Лепёшкино — основоположника цыганской литературы А. Германо; Высокое — поэта С.Е. Раича, современника Пушкина; Давыдово — поэта-партизана Д.В. Давыдова; Кочеты — Л.Н. Толстого; Знаменское, Большая Чернь — Н.М. Карамзина; Муратово - ботаника В. Хитрово; Ярище — А.И. Клушина; Хотетово — поэта и философа Г.С. Сковороду; Богородицкое — дипломата, сподвижника Петра Первого Б.И. Куракина, историка академика Н.Г. Устрялова, писателя И.Е. Вольнова; Золотарёво — духовного писателя С.А. Нилуса; Первый Воин — композитора В.С. Калининкова; Русский Брод - историка и ботаника Н.Я. Данилевского, автора книги «Россия и Европа»; Васютино — поэта XX века, то есть нашего современника Д.И. Блынского; Спас-Чекряк — М.М. Пришвина, а более всего — Егора Коссова, причисленного к лику святых; Легостаево — генерала Пухова, маршала К.К. Рокоссовского, писателя К.М. Симонова; Никольское — генерала А.С. Жадова; Успенское — писателей М.И. Пыляева и Л.С. Овалова; Большое Столбецкое — скульптора В.И. Орловского. Всчезнувшее Сабурово в Покровском районе — родина собирателя народных песен П.И. Якушкива. Липовец в том же районе помнит детство братьев Дубровинских, Покровское — сестёр Оловенниковых. И те, и другие вошли в историю революционного движения России. В Змиёвке и в окрестных сёлах побывал знаменитый государственный деятель П.А. Столыпин, выпускник Орловской гимназии, изучал результаты собственной реформы. Орловщина — родина известных деятелей нашего бурного времени Г.А. Зюганова из Знаменского района и Е.С. Строева из

Хотынецкого. В нашем краю немало мест, связанных с пребыванием А.С. Пушкина, Н.М. Карамзина, В.А. Жуковского, с проживанием в родном краю И.С. Тургенева и других классиков русской литературы.

Есенин писал:

Я о своём таланте много знаю,
Стихи писать — не трудные дела,
Но более всего любовь к родному краю
Меня томила, мучила и жгла.

Надо знать и любить нашу землю-кормилицу, край своих предков, изучать события разных лет, беречь предметную память о былом, волнующие душу достопримечательности. Это хорошо знали Г.М. Пясецкий, А.Н. Шульгин и другие известные историки Орловского края.

«В Западной Европе, — писал краевед П.И. Кречетов в 1905 году, — вы не найдете ни одного мало-мальски образованного человека, который не имел бы самых точных сведений обо всём, что касается его отечества.

Историю и положение своей родной провинции он знает до мельчайших подробностей. Он знает, чем знаменит левый берег такой-то реки, что происходило 300 лет тому назад на этом поле, кто стоял когда-то на этой скале, чем вызваны такие-то народная легенда и песня, почему тот город носит такое название... Мы же, русские, помним, что есть такая река, но чем она замечательна это мы или вовсе не знаем, или забыли».

И ещё утверждал историк: «Историческое самосознание столь необходимое для великого народа не придёт до тех пор, пока не установится духовная связь между потомками и предками, сокрытыми в глубине веков».

В своей книге стихов и поэм «Жар-птица» я начинаю с первой страницы говорить о самом дорогом:

Я живу в Орле.
Мой май сиренев,
Мой октябрь багров и золотист
Входит в парк задумчивый Тургенев,
Слышит каждый падающий лист...

Мне повезло. Работая десять лет в «Орловском комсомольце», я много ездил по родному краю, потом стал путешествовать по архивным документам и страницам краеведческих книг. «Собирал Орловщину» и в разговорах с бывальыми людьми, старожилками наших мест. Например, никогда не забуду встречу с М.К. Родзевич-Белевич, сестрой известного революционера, её рассказ о В.А. Русанове, будущем полярнике, о том, как ходила с ним в театр, что находился у входа в городской сад. От врача Ассмана из Москвы узнал, что Эмма, родная тётка его деда, была известной в Орле повивальной бабкой и что она принимала роды у жены полковника С.Н. Тургенева при появлении на свет великого орловца, славы России. Интересными были встречи с правнуком Пушкина, с внучатым племянником Некрасова, сыном Пришвина, приёмными детьми Ивана Новикова, с известной писательницей Еленой Благиной...

Литературную Орловщину с громкими именами, интересными местами я изучал по книгам и публикациям Н.М. Чернова, автора трижды издававшейся книги, литературоведов Л.Н. Афонина и В.А. Громова, музыкальную красоту края постигал по двухтомнику П.В. Сизова, архитектурную — по трудам С.И. Фёдорова.

Прекрасную книгу о С.А. Есенине и З.Н. Райх выпустила А.В. Гольцова, немало интересного узнал я от В.А. Власова, Р.М. Алексинной и других наших краеведов. На краеведческие темы написано немало стихов, которые охотно применяли в своих беседах экскурсоводы.

Исторический роман «Сабуровская крепость» о графах Каменских берёт начало из семейных преданий детства. Книга привела к знакомству с потомками грозного фельдмаршала. Собрание сведений по истории родного края помогло написать «Однажды в Орле», «Царский венец», «Жар-птицу», «Русскую заставу» и другие книги, в том числе «Змиёвский край», изданный дважды, и «Покровский край» (написан в соавторстве).

Незабываемы встречи с памятными местами. Много раз бывал в Спасском. Бывал на Бежином лугу. В Новосёлках вместе с поэтом Иваном Александровым изучал берег Афанасия Фета, где потом не раз в соловьиный пору гремел праздник поэзии. Не раз открывало мне свою красоту Клейменово: там однажды обнаружил в церкви столик Тургенева.

В одно из путешествий по Змиёвскому краю услышал легенду о Гремячем ключе — отозвался небольшой поэмой. Не раз бродил в зарослях, где до 1924 года стоял дом, в котором родился Н.С. Лесков. Открыл поэта Владимира Мятлева, автора 8 книг, жившего до 1918 года в названном доме.

Был на открытии мемориальных досок Лескова, историка Устрялова, Писарева в других знаменитых людей. Дружил с А.Е. Венедиктовым, помогал советами в построении первой его книги — о Болхове, вторую — о предках Пушкина — редактировал. Был инициатором Фетовского и Благининского праздников поэзии, участвовал не раз в Тургеневском. Много было статей о сбережении старины. Одна — «Потери старого Орла» (Советская Россия, 1983) - наделала шуму с неприятными для автора последствиями.

Краеведение стало любимой темой на всю жизнь.

Не раз видел Шаблыкский парк. Узнал, что там, у Н.В. Киреевского, бывали Тургенев и Толстой. Так и видится на аллее романтическая тень Наташи Ростовской, всплывают в памяти сцены из «Войны и мира».

Одна из важнейших задач краеведения — открывать духовные ценности, умножающие в сердце любовь к родному краю. Находясь в Риге, я попал на экскурсию на теплоходе. Услышал: «А это старый Рижский замок. Здесь служил Иван Крылов и танцевала Анна Керн». И всё. Потом услышал по радио: в Риге открыли памятник нашей землячке. И вспомнил с грустью, как у нас некоторые чиновники отмахивались от предложений увековечить память Анны Керн: «Мало ли с кем встречался Пушкин?» Так мы отмахнулись от дома, где у родителей гостила талантливая русская актриса Зинаида Райх вместе с мужем Сергеем Есениным. Лишь после долгих хлопот членов Есенинского комитета, открытого при Орловском краеведческом обществе, появился в Орле памятник великому поэту.

Снесли дом А.П. Ермолова, а потом уже подумали о мемориальной доске. Ещё прошли годы. Заложили памятник. А надо было давным-давно прислушаться к добрым советам. В наше время растёт интерес к прошлому, остро стоит вопрос о патриотическом воспитании. В Орле одна за другой выходят книги о родном крае. Событием стал вышедший в «Вешних водах» труд Владимира Неделина «Орёл изначальный». Автор художник, исследователь — прочёл множество архивных материалов, сумел восстановить в мыслях «по брёвнышку» Орловскую крепость, дать характеристику людям из давней старины и даже открыл Звенигородское княжество в нашем краю.

Яркие книги о писателях и художниках выпускало издательство при Орловской телерадиокомпании. Приняли участие наши краеведы и в издании «России чернозёмный край».

Стали выходить книги по истории наших районов: «Кромское поочье» и «Малоархангельские истоки» В. Агошкова, «В центре России» (Мценск) А. Макашова

«Страницы ливенской жизни» Г.В. Рыжкина, «Россия в одном районе» А. Злобина и В. Переверзева (Новодеревеньковский район), «Дорога жизни» Н. Васюковой и Л. Эм (Корсаковский район), солидный том о древнем Новосиле — яркое творенье В.И. Корневой и другие. Имеют исторические очерки о себе старейшие предприятия Орла. Пишут краеведы на духовные темы. Например, Людмила Иванова издала очерк о священнике Георгии Коссове. «Город Орёл» Александра Бельского — краеведческий словарь, на страницах которого — имена живших в Орле и посетивших его в разные годы. В одном ряду, например, маршал И.Х. Баграмян, участник освобождения города в сорок третьем, фельдмаршал М.Б. Барклай де Толли (бывал в Орле в 1816 году), генерал П.И. Багратион (владел вотчиной в Кромском уезде), Герой Советского Союза С.Е. Барков (житель Орла), Г.М. Брянцев - писатель, М.М. Бычков - полный кавалер ордена Славы... Большой интерес вызвал «Орловский энциклопедический словарь» того же автора. «Века над Окой» — полнейшая история края с описанием природы, со множеством имён — коллективный труд краеведов, сотрудников Орловского краеведческого музея. Многотомная «Книга памяти» — роскошные фолианты о войне, с очерками, именами, документами труд В.И. Фёфелова и В.Я. Воробьёвой. Содержательны труды по истории края В. Ливцова, Е. Ашихминой, Е. Щекотихина, Г. Лазарева, П. Козина, А. Лысенко, В. Матвеева, Е. Годлевской, А. Полинкина, В. Шапочки и других авторов. Ярко светятся в краеведческом мире имена К. Седойкиной, Н. Кирилловской, В. Титовой. В.И. Воробьёва, его сына А.В. Воробьёва. Почётный академик архитектуры, кандидат искусствоведения, известный краевед С.И. Фёдоров в издательстве Орловской телерадиокомпании (редактор А.П. Олейникова) выпустил «Эхо минувшего времени», переработанное и дополненное издание «По следам легенд и траг», «Записки из фронтовой сумки» и другие книги. Сергей Иванович с большой любовью вспоминал родителей, друзей юности, товарищей по войне и по работе в архитектурных мастерских Курска, Орла и других городов. И не только вспоминал. Немало нового содержат исторические очерки «Мценск — ровесник Москвы», «Болхов — младший брат Суздаля», «Мемориалы Орловщины», «Тургеневское лукоморье», «Дворянское гнездо в Шаблыкино», «Марьино князей Барятинских», «А.П. Керн и А.С. Пушкин в Орле». Заслуживают внимания рассказы о встречах и знакомствах с интересными людьми. Грубая критика в адрес замечательного русского писателя В.С. Пикуля вызвала желание у С.И. Фёдорова написать в «Наш современник», дать отпор критикакам. Письмо, к сожалению, не было опубликовано. Тогда Сергей Иванович послал копию письма Пикулю, приложив две своих книги. «В.С. Пикуль, — рассказывал Фёдоров, — ответил мне тёплым письмом, благодаря за книги, и прислал свою, как он говорил, самую любимую книгу «Нечистая сила» (Красноярск, 1989), на титульном листе которой коричневым фломастером написал: «Моему коллеге Сергею Ивановичу Фёдорову дружески от автора. XX век. В. Пикуль». Ещё две книги из Орла были отправлены в Ригу. Пикуль ответил «хорошим письмом» и прислал «Под шелест знамён» с надписью: «Сергею Ивановичу Фёдорову, моему доброму коллеге на память от автора. В. Пикуль. XX в.»

Смерть Валентина Саввича оборвала переписку. «Когда рукопись моей автобиографии была подготовлена к сдаче в издательство, — писал Фёдоров, — я неожиданно узнал о только что вышедшей в свет книге вдовы В.С. Пикуля Антонины Ильиничны Пикуль «Валентин Пикуль. Из первых уст» (М., «Голос», 1995). Горячо рекомендую её читателям. Я прочёл эту книгу с захватывающим интересом. Каждая строка её наполнена высокими чувствами любви и уважения к личности Валентина Саввича Пикуля — русского патриота и выдающегося писателя-историка. Высоким патриотическим чувством была согрета новая книга С.И. Фёдорова, восемнадцатая по счёту. Это чувство привело его в театр, где он познакомился с дорогим гостем из Москвы - Н.Н. Каменским, участником Великой Отечественной войны,

потомком знаменитых Каменских. В книгу включил письма Н.Н. и А.Н. Каменских автору. Острые, полные драматизма «ума холодные наблюдения и сердца горестные заметы» умножены убедительными фактами и доводами. Литератор-публицист показал умение отстоять свою позицию в споре с противниками. «Вам не нравится правда, вы хотите её замолчать? — восклицал с молодой горячностью Сергей Иванович. — Стыдно!» Обладая большими знаниями в области искусства, он рассказал так много интересного о памятниках, о скульпторах и художниках, книгах, краеведах, что, читая, невозможно оторваться.

«Словно не было у нас, — возмущался Фёдоров, — удививших весь мир достижений и побед, а были только одни доносы, аресты и лагеря».

Автору этих строк дорога память о замечательном краеведе С.И. Фёдорове.

Дорога и память о писателе-историке В.С. Пикуле. Вослед за Фёдоровым я направил свои «Живые письма» с тёплой надписью в Ригу. В ответ получил «Под шум знамён». В своей надписи Валентин Саввич и меня назвал коллегой.

В поэме «Валентин Пикуль» я попытался выразить свои чувства, вызванные этим событием.

Ещё играет солнце на рассвете,
И вся земля как бы в зелёном сне,
Но облако летящее о лете
Греметь устало в синей вышине.
Ещё река игривою волною,
Целуя камешки, бежит,
Но срок придёт,
И свет с моей сольётся сединою,
На тёмные поляны упадёт.
Ещё светлы берёзовые чащи,
Еще, любясь далями, стою...
О смысле жизни думается чаще
У этой самой жизни на краю.
Как много времени прошло в пустой забаве.
В той суете, что делом мы зовём!
О мужестве,
О подвигах,
О славе
Рассказывают мне за томом том...
Таких, как он, мы знаем поимённо,
Рожденные для взлёта имени,
Шумят во дни сомнений, как знамена,
И молодеет древняя страна.

2.

Святитель Дмитрий Ростовский (1651—1709), родом из казаков, составитель Четых миней (житий святых), выпустил «Синописис, или Краткое описание о начале славянского народа». Патриарх Ной, как повествует Д. Ростовский, после потопа разделил землю между тремя сыновьями: Иафету, предку нашему, достались страны, лежавшие на запад и север в Европе. «Сам же Иафет, продолжает святитель, — есть прародитель и отец всех, особенно же в Европе обитающих христиан. Ибо по благословию отца своего Ноя так с благополучного своего имени он размножился и возрос в племени своём, что распространился не только в странах северных в западных, но и по восточным. Итак, ведать надлежит, что славяно-русский христианский народ имеет своё происхождение от

Иафета, Ноева сына и сею честью своего благородного происхождения, нисшедшего от него, как от отца на детей, величается из рода в род, украшаемый как бы неким венцом присноцветущей славы». Речь о венце славы исходит из того, что родитель определил ему «царское достоинство, храбрость воинственную и расширение племени сообразно значению имени его: ибо Иафет означает расширение или расширительный».

Славяне отличались храбростью и мужеством. За это Александр Македонский даровал им грамоту, писанную на пергаменте золотом, утверждая за ними вольность и землю.

Произошло это за три века до Рождества Христова. Кесарь Август, при котором родился Христос, «не дерзал вести войны со свободными и сильными славянами. Когда правителю Рима советовали начать войну с нашими предками, он отвечал: «Не следует золотую удочкою рыбу ловить». В польских летописях есть указание, что «власть славяно-русская доходила и до Рима». Тринадцать лет сидел на престоле в Риме славянин Одоакр...

Русские или иначе российские племена, писал Ростовский, — есть те славяне; ибо они все суть единого естества отца своего Иафета и одного и того же языка. Ибо как славяне изначала приобрели себе Славянское имя славных дел своих, так потом, рассеянные по многим странам племени своего прозвались россами. Иные, более близкие к тем давним временам, произвели название россов от города Роси, лежащего недалеко от Великого Новгорода, другие от реки Росси, иные от русых волос...»

Многие в России с большим интересом читали всё это. Прочитал и ещё один человек. Майским утром 1700 года Хилков — ближний стольник Петра Первого, назначенный резидентом в Швецию, выехал из Москвы. Дорога дальняя — прибыл в Стокгольм только 18 июля. Намерен был сразу же явиться к королю Карлу XII, но его в столице не оказалось: ускакал в город Ландскорн. Пришлось снова считать мили, а в каждой миле — десять вёрст. Князь был молод, крепок телом и с виду пригож. Добрался до короля, который всю жизнь не слезал с коня, передал Его Величеству нужные бумаги и повёл искусно дело государево.

Всё бы хорошо, да война случилась. Ускакал король беспокойный вместе с войском своим под Полтаву удачи искать, а посольство русское вместе с резидентом велел на замок закрыть, да стражу надёжную у ворот поставить. На долгие годы растянулся плен. В Полтаве русские ликовали, победу праздновали. А тут здоровье князя Хилкова всё хуже и хуже. В Россию возвращался в гробу. Тело резидента 18 октября 1718 года привезли на галере к острову Галанту, оттуда доставили в молодую столицу на Неве, там и погребли в монастыре Святого Александра Невского.

Живым и здоровым вернулся домой сотрудник князя Хилкова, о котором речь впереди. А время между тем шло да шло. 14 вот в 1770 году, при Екатерине Второй, большой любительнице просвещения, вышла иждивением книгопродавца и университетского переплётчика Христиана Ридигера в Москве при университете книга. На титульном листе значилось: «Ядро Российской истории, сочинённое ближним стольником и бывшим в Швеции резидентом князь Андреем Яковлевичем Хилковым в пользу российского юношества»...

Автор предисловия Г.Ф. Миллер описал славный род Хилковых и воскликнул в радости великой: «Коликая сия честь, коликая польза для России! Знатнейшие лица участие принимают в просвещения сограждан своих». Выразил надежду учёный человек, что книга «в недолгом времени требовать будет нового издания».

Так оно и вышло. «Ядро российской истории» переиздали. Только пришло время, когда на титульный лист новое имя взошло, как солнышко ясное. Оказалось, что книгу-то написал не резидент А.Я. Хилков, а его секретарь Алексей Ильич Манкиев, умерший в 1723 году. Вместе с князем делил он долгий шведский плен в городе Вестерасе. Книгу он закончил 7 апреля 1715 года, на 400-й странице. В последней главе описал «самодержавство царя Петра Алексеевича». До 1712 года довёл. Признался, что славные дела государя «подробно исследовать и по достоинству описать надлежало», но автор, «будучи в Швеции в плену под жестоким арестом», «больше известий и записок не имел», а потому

принужден «перо покинуть». Из предисловия Миллера можно заключить, что автор имел у себя российские летописи, разрядные и родословные списки и в последние годы получал из России всё, что требовалось.

Историк русской литературы А.Н. Пыпин высоко оценил «Ядро», назвал первой книгой по истории России после «Киевского синопсиса».

«Учёность Манкиева, — писал он, — шире, чем у кого-либо из его предшественников. Кроме твёрдого знания библейских книг, он хорошо знает географию, ссылается на целый ряд древних источников».

В первой главе «Ядра» упомянуты Ной и его сыновья: мы — от Афета, Яфета, или Иафета, у которого было семеро сыновей. Один из них, Мосох (или Месех) — родоначальник народов московских, русских, польских, волынских, чешских, мазоветских, болгарских, сербских, и прочих, которые «словенский язык употребляют». Продолжая размышлять о происхождении русского народа, Алексей Ильич ссылался на Библию, на пророка Иезекииля, который в «главах 38 и 39 князя Роса, Мосоха, Фовеля поминает». Перечислил Ксенофонта, Птоломея, Флавия и других, которые «сему согласуют». С гордостью писал Манкиев о народе, который «начало своё ведёт непрерывным порядком от Мосоха-человека, а не от притворных богов, как греки, персы и проч.» Зацепил римлян: они «стыдились простого своего начатка и для того притворились, будто и народ от Ромула».

«Российский народ, — писал Манкиев, — истари в великом умножении и силе людей, изобилии и славе был...»

После вавилонского смешения языков предки наши ушли через Армянские горы и Скифские степи. Селились у Чёрного моря... О доблести и храбрости русских писали многие. Это мы в глубокой древности громили шведов, захватили для Новгорода медные ворота, разбили Атил», помогали Филиппу и Александру Македонским...

Говоря о крещении Руси, историк вспомнил Андрея Первозванного, который «чрез Чёрное море к устью Днепра-реки приплыл, а оттуда на то место, где наш Киев, пришёл, на горах Киевских крест поставил, проповедуя там впредь быть благочестию».

Историк-патриот с уважением писал о Владимире Святом, крестившем Русь.

Историк Иван Нехачин выпустил «Новое ядро Российской истории» сначала в двух томах (1795), затем в трёх (1809). С первых же слов заговорил о древности русского народа: «Праотцы Россиян есть славяне: первобытные их жил ища, но токмо под другими названиями, были в Сирии и Финикии. Оттуда вышед, поселилися они в Пафлагонии, Колхисе и Каппадокии, а отсюда уже в разные стороны разошлись. и под разными именами основали себе жилища при Дунае, при Каспийском море, на Волге, в Польше, в Иллирии, на берегах Адриатического моря, в Германии и проч. От оных рассеянных Славян произошли многие, разного звания, колена...»

Подтверждал древность нашу Георгий Конисский в книге «История руссов», изданной в 1846 году. Отсюда читатель узнавал, что восточных славян историки называли скифами или скитами за их кочевую жизнь.

Славяне — самый древний народ в Европе. К такому выводу пришёл историк Е.И. Классен, автор книги «Новые материалы для древнейшей истории славян вообще и славяно-руссов до рюриковского времени, в особенности, с лёгким очерком истории руссов до Рождества Христова» (М., 1854). В свою книгу Классен включил в собственном переводе труд Фадея Воланского «Описание памятников, объясняющих славяно-русскую историю». Славянский язык, читаем, был народным, родным на обширных пространствах земли: от Каспийского моря до устья Лабы (Эльбы), от Урала до Адриатического моря. Славянские надписи были обнаружены на камнях Нумидии, Карфагена, Египта. Читаем со ссылкой на Геродота: «Славяне не уступали своим соседям в науках и искусствах, напротив того, опережали их». Историк-грек говорил, что «кроме Анахарсиса он не знал ни одного великого мужа, который бы родом не был скифом».

«Греки, — писал Классен, — по сделанной однажды привычке называть народ

произвольно прилукманнм ими именами — Скифами, продолжали употреблять это название и тогда, когда уже он им известен был сперва под прозвищем орматов (сарматов), а потом под другим грозным для Византии именем Русов, державшим греческих императоров в постоянном страхе и неоднократно приводившим их в трепет». Много тайн содержит история наша. Много зла принесли ей норманисты. Первый удар с благословения самого Бирона нанёс Готлиб Зигфрид Байер (1694—1738). Этот академик даже говорить по-русски не умел.

Киммерийцы — наши предки, под этим названием жили в незапамятную старину, вошли в произведения греческих авторов, в анналы ассирийских царей.

И скифы — наши предки.

Вспомним Блока: «Да, скифы мы! Да, азиаты мы...»

Великая Скифия упомянута Нестором-летописцем.

Страна Сарматия — тоже мы.

Отзвуки легендарной древности вошли в «Слово о полку Игореве». На этих корнях и выросла русская классика, душа великого народа.

Древность народа русского горячо отстаивал М.В. Ломоносов.

Такого же мнения были в Академии наук С.П. Крашенинников, Н.И. Попов, В.К.

Третьяковский. Историк В.Н. Татищев на том же стоял. Учёные были недовольны преувеличением роли норманнских завоевателей в нашей истории. В 1760 году Г.Ф.

Миллер пригласил к себе в помощники А.Л. Шлецера, ученика профессора Михаэлиса, сына пастора из Геттингена. Не зная русского языка, Шлецер, тем не менее, вскоре стал адъюнктом (1762), затем профессором истории (1764) и, наконец, академиком (1765).

Начал же карьеру в 1761 году, предоставив в Академию наук «План занятий русской историей», где заявил, будто русская история ведёт начало с прихода Рюрика, что в древности люди русские жили «подобно зверям и птицам, которые наполняли их леса». С резкой критикой «Плана занятий» выступил М.В. Ломоносов. До конца дней своих отстаивал он свою патриотическую позицию. «Множество разных земель словенского племени, писал он в «Древней Российской истории» (СПб., 1766), — есть неложное доказательство величества и древности... В начале шестого столетия по Христе словенское имя весьма прославилось: и могущество сего народа не токмо во Фракии, в Македонии, в Истрии и в Далмации было страшно, но и к разрушению Римской империи способствовало весьма много. Венеды и анты, соединяясь со сродными себе славянами, умножали их силу».

Далее писал: «Имя словенское поздно достигло слуха внешних писателей и едва прежде царства Юстиниана Великого, однако же, сам народ и язык простираются в глубокую древность. Народы от имён не начинаются, но имена народам даются».

Славяне издавна прославились своими войнами против римлян и греков. Прокопий Кесарийский, историк тех времён, рассказывал: «Сии народы, славяне и анты, не подлежат единой державной власти, но издревле живут под общенародным повелительством. Пользу и вред обще приемлют. Также и прочие дела у обоих народов содержатся издревле. Единого Бога, творца грома и всего мира господа, исповедуют... Сверх того, почитают реки и другие воды... Живут в убогих хижинах, порознь рассеянных... Когда на бой выходят, многие идут пеши со щитами и с копьями; лат не носят».

Утверждая древность русского народа, Ломоносов ссылался на историков (Иордана и других), писал, что «от начала реки Вислы к северу к безмерному пространству» жили многолюдные венеды, что «в северных российских пределах словенские жители умолчаны не столько за малолюдством, сколько за незнанием от внешних писателей», что венеды происходят «от троянской породы», что мы «имеем древность словянского племени в Азии от самых древнейших времён». Наш народ, утверждал историк, «славою дел утвердил себе славное имя, которое хотя поздно по свету распространилось, однако внутри было давно в употреблении». О храбрости ваших предков «можно уведать, читая о

войнах персидских, греческих и римских с мидянами, сарматами и иллирийцами, которые принадлежали и до россиян обще с другими словенскими поколениями». В ту пору, когда славяне из Мидии распространялись около Чёрного моря, «тогда и в северные страны поселялись в великом множестве». «Когда Римская империя, — писал Ломоносов, — усилилась и оружие своё распростёрла далече, тогда почувствовали насильство её и словенские народы, живущие в Иллирике, в Далмации и около Дуная, для чего в север уклонились к своим однородцам, которые издавна в нём жительствовавали. По свидетельству Нестора, славяне в местах, где Новгород, обитали во время проповеди Евангелия святым апостолом Андреем.

Итак, явствует, что, ненавидя римского ига и любя свою вольность, славяне искали оной в странах полунощных, которою единовременные их пользовались в местах пространных, по великим полям, рекам и озёрам».

Под пером великого учёного оживает картина движения племён славянских. Вот жили-были наши предки на Дунае, но вот пришли волохи и стали их обижать. Тогда, как повествует Ломоносов, «иные, отошед на реку Вислу, назвались ляхами. От ляхов прозвались иные лутичами, иные мовозшане, иные поморяне. Иные сели по Днепру и назывались поляне, другие древляне, затем, что сели в лесах: многие между Припятью и Двиною и назывались дреговичи; некоторые поселились на Двине и назывались полочане по реке Полоте; многие...» Стоп!

Все были «иные» да «иные», а тут на тебе — «многие». Прочтём ещё раз самую важную для нашего повествования строку: «многие перешли на Оку и проименовались вятичами». Перед нами во всём многолюдстве встают наши предки. Наши предки!

Среди источников, которыми пользовался Ломоносов, сам он называл Нестора, Геродота, Иорнанда (Иордана), Павла Дьякова. Феофана Исповедника, Страбона, Птоломея и других, в том числе своего современника В.Н. Татищева (речь идёт о его «Истории Российской», изданной в пяти книгах после смерти автора). Татищев хотел видеть свой труд изданным с посвящением-предисловием Ломоносова. Михаил Васильевич с радостью отозвался на просьбу Василия Никитича. Но, как говорится в примечаниях к «Запискам по русской истории» Михаила Ломоносова (М., 2003), печатание книг Татищева проходило под наблюдением Миллера, а тот «написанное Ломоносовым посвящение» заменил своим. «Древняя российская история» Ломоносова (1766), изданная также после смерти автора, вышла с предисловием лютого его противника А.Л. Шлецера. Немцы старались крепко держать в своих руках нашу науку. Особенно их пугала древность русского народа.

Ломоносов с большим вниманием прочёл «Синописис» и другие труды о древности вашей. В 1733 году он поехал в Киев для изучения философии, физики, математики, но там нужных книг не оказалось. Что делать? Молодой учёный, как потом писал его биограф М.И. Верёвкин, находясь в Киеве, изучал главным образом древние летописи и другие книги «на словенском, греческом и латинском языках». Из воспоминаний Я.Я. Штелина: в Киевской Академии «прилежно перечитывал он летописи и творения св. отцов».

В книге В.В. Данилевского «Ломоносов на Украине» (Л., 1954) названы две дороги, по которым мог ехать Ломоносов: одна — через Тулу, другая — через Калугу. В первом случае на его пути были Белёв, Болхов, Карачев, Севск... Назовём почтовые станции после Тулы: Сергиевск, Малое Скуратово, Большое Скуратово, Мценск, Обтуха (Оптуха), деревня Кнубы (Кнубрь), Чувардино, Дмитровка (Дмитровск), Любошь, Севск. На Калужском направлении находились Лихвин, Белёв, Карачев, Севск, деревня Толстодубова...

«Поездка из Москвы на Украину, — читаем у Данилевского, — значительно расширила кругозор будущего учёного, обогатила его новыми знаниями родной страны и тем самым способствовала плодотворности его последующих трудов на благо народа». И ещё: «Основу, заложенную в Москве, он мог тогда расширить и углубить только в Киеве». В Киево-Печерской лавре, в Софийском соборе, в монастырских библиотеках всюду

встречались книги и рукописи по истории России и народа русского, полезные для пытливого ума.

«Записки по русской истории» — под таким названием вышел сборник М.В. Ломоносова объёмом более 700 страниц в наши дни (М., 2003) с предисловием Игоря Лосиевского, подчеркнувшего главное направление учёного-патриота. Начало русской истории — по убеждению Ломоносова уходит в глубокую древность... На основе анализа античных, византийских и древнерусских источников Ломоносов выдвигает тезис о нахождении славян «в нынешних российских пределах» задолго до Рождества Христова...

Ломоносов обнаруживает у ранних славян довольно высокий по тем временам уровень общественной организации, большое количество городов, развитые торговые отношения с соседями и отдельными народами. Аргументированный вывод о древности пребывания славян в Европе является большим научным достижением нашего историка». На стороне Ломоносова археологические и лингвистические исследования «вплоть до новейших». Ломоносов «выявляет немало общего в истории Рима и Руси». «Даже А.Л. Шлецер, — читаем далее предисловие, — неприязненно относившийся к нему и не видевший в нём историка, вынужден был признать: «Ломоносов был действительно гений...»

Гений был требователен к себе. Готовую к печати «Российскую историю» (первый том) он забрал из академической типографии для доработки. Книга под названием «древняя российская история» вышла после смерти автора — в октябре 1766 года.

Открою «Возражения на диссертацию Миллера» 1750 года. Здесь Ломоносов, опираясь на труды Страбона и других историков, продолжал защищать корни нашего Отечества. Писал о роксаланах, живших на просторах от Чёрного моря до Ильмень-озера. Русы или россы, или, по-гречески, роксаланы, жили прежде Рюрика, воевали против Митридата царя понтийского, а по свидетельству Тацита, при Оттоне, кесаре римском, числом в девять тысяч конных латников ворвались в Мизию и «два баталиона римлян побили». далее Ломоносов приступил к важнейшему из доказательств древности нашей: «Язык словенский во времена Рюриковы, а по свидетельству российских летописей и много прежде оно, простирался в длину с востока от реки Дона и Оки на запад до Иллирика и до реки Албы, а шириной от Чёрного моря и от реки Дуная до южных берегов Варяжского моря, до реки Двины и до Бела-озера...

А чтобы словенский язык так широко распространился, надобно было весьма долгое время и многие века, а особливо что словенский язык ни от греческого, ни от латинского, ни от другого какого известного не происходит следовательно, само собой состоит уже от самых древних времён, и многочисленные оные словенские народы говорили словенским языком ещё прежде Рождества Христова».

Итак, Ломоносов убедительно доказал, опираясь на изучение языка, что русы жили на всём просторе от Варяжского моря и далее к востоку, к югу. И варяги, и пруссы были славяне, говорили на одном языке.

В Российской Академии состоялся большой диспут.

После смерти М.В. Ломоносова его роль как историка была принижена. Архив учёного исчез. Зато Шлецер настолько укрепился в сознании современников, что стало привычным делом считать русский народ молодым, а потому второстепенным и даже третьестепенным. И вот за историю взялся Н.М. Карамзин. Профессор М.Н. Погодин, посетивший Остафьево в 1846 году, вспоминал огромный барский дом, с прудом и церковью в стороне, кабинет с окнами, обращёнными в сад, широкий сосновый стол и простой стул, где «в славном затворе» 12 лет работал Карамзин над своим главным творением. Среди памятников старины на почётном месте были «Слово о полку Игореве» и «Повесть временных лет».

Полемизируя со Шлецером и другими иностранцами, плохо знающими наше прошлое, Карамзин подчёркивает, что не с ХУ века, как утверждал учёный немец, а со времён самых древних, «задолго до Рюрика», новгородцы освоили Двинскую землю, Белоозеро,

Прикамье...

3.

Откуда мы родом?

В книге «Тайны русского народа» (М., 1997) В.Н. Дёмина, доктора философских наук, отстаивается концепция полярной прародины человечества.

«Есть все основания утверждать, — пишет Дёмин, — что в самых глубинных истоках, на заре становления людского рода, все без исключения языки имели общую основу — а следовательно, и сами народы имели общую культуру и верования... Хочется выделить несколько первичных элементов, которые повторяются во всех без исключения языках мира — живых и мёртвых, донося до наших дней дыхание Праязыка. Какая-то случайность здесь полностью исключена. О былом единстве языков однозначно говорится уже в Библии, аккумулировавшей в себе древнее знание Востока, Запада, Севера, Юга: “На земле был один язык и одно наречие”. (Бытие 11,1). В дословном переводе это звучит ещё более точно: “И были на всей земле язык один и слова одни и те же”. И это не наивная легенда, а непреложный факт».

Писатель-орловец Даниил Святский в книге очерков по астральной мифологии в области религиозного и народного мировоззрения «Под сводом хрустального неба» (СПб, 1913) обратил внимание на «следы северного сияния в Библии», на слова одного из возгордившихся людей в книге Исая: «Взойду на небо, выше звёзд Божиих вознесу престол мой, и сяду на горе в сонме богов, на краю севера». Писал Святский о северном происхождении Троянских преданий, обнаруживая в них глубокие славянские корни. Опираясь на Беды — священные песнопения древних ариев, наш современник В.М. Кандыба, президент Всемирной ассоциации нетрадиционной медицины при ЮНЕСКО, в своей книге «История русского народа до XII в. н.э.» (М.,1995) пишет: «Люди, населяющие Арктику, жили в жаркой горной стране и называли себя русами. Столицей русов был город Арка, который расположился у подножия высочайшей горы Меру. Построил царь Туле. Прямо над священной для руссов горой находилась знаменитая звезда Ур (Полярная звезда) — центр мироздания. На вершине горы жрец Индра построил первый священный храм руссов. В храме находилась Священная книга русов, которая лежала на чудесном святилище в виде ярко сияющего необыкновенного камня...»
На прародине нашей, омываемой со всех сторон Мировым океаном, цвели магнолии и кусты калины, росли кипарисы и платаны, каштаны и тополя, плодоносили виноградные лозы.

Около десяти миллионов лет назад климат начал меняться. Четыре миллиона лет назад вокруг материка стали плавать льды. Ещё миллион миновал льдом покрылась земля, ныне называемая Гренландией; центральная часть Арктиды надела белую полярную шапку. «Наступила, — по словам историка, — эпоха великих оледенений Земли».

Арктиду, как утверждают Русские Беды, покидали всем народом под водительством легендарного царя Има. Осели на реке, которую называли Русь (ныне Лена). Арктида скрылась в пучине Ледовитого океана. Легенды и предания остались в памяти народной. В дополнение к Бедам друг Вольтера аббат Балби в XVIII веке обнаружил истории о том, что часть руссов создала Атлантиду легендарную страну атлантов.

Жили русы мощными родами по 20-55 семей, т.е. по 1-2 тысячи человек. Родство велось до девятого колена. Браки внутри рода жестко запрещались.

Шли годы, века складывались в тысячелетия. Похолодание продолжалось. Русы распространились от Тихого океана до реки Ра (Волга). Русские поселения выросли на землях современного Урала, Казахстана, Средней Азии, Северной Индии и Северного Китая...

«Около двухсот тысяч лет тому назад, — продолжает историк, — древнерусский праэтнос разделился условно на северных и южных русов. Северные уже освоили дальний Восток, Сибирь, Урал, Волгу (Ра-реку), а южные стали мигрировать к югу и на юго-запад к Средиземному (Сурожскому) морю».

Около 40 тысяч лет тому назад окончательно сформировался тип русского этноса, который, в отличие от своих предков, ведущих кочевой образ жизни, осел в верховьях реки Ху (Тигр), в местах, очень богатых растительностью и дичью. Это место и есть наша настоящая прародина, земля наших предков, которая со временем стала материнской для всей последующей индоевропейской цивилизации.

Жили наши предки в глинобитных домах-хатах, сеяли ячмень, пшеницу и лён, разводили скот, занимались охотой, рыбной ловлей, бортничеством, собирали съедобные растения, злаки, фрукты, ягоды, держали собак и кошек. Писали на глиняных табличках «чертами и резами». К 30 тысячелетию на западном малоазийском побережье стали строить крупные поселения.

«С другой стороны, — читаем у Дёмина, — многочисленные археологические находки на Севере свидетельствуют о другом: жизнь здесь кипела всегда!»

В эпоху глобальных катаклизмов прапрадеды индейцев двинулись из Туле на юг, заняли в течение веков и тысячелетий территории Северной, Центральной и Южной Америки. Вот почему древняя столица толтеков (в Мексике) именовалась Тула.

В названии города Тула допустима память о древнем Севере: русские люди могли знать о существовании легендарной страны. Корень слова Тула — во многих языках мира, точнее — в названиях географических объектов.

О далёкой Тулии — северной стране наперебой сообщали арабские авторы. Космограф Демешки подчёркивал, что «земля Тулия населена славянами» В «Житии Константина Философа» описывается его путешествие по землям Хазарского каганата. На пути из Хазарии в Византию просветитель славян Кирилл (в миру Константин) встретился с «тульским народом», сказал: «Познайте, братья, Бога, сотворившего вас. Вот — Евангелие Нового Завета Божьего, в котором были вы крещены».

Призвал срубить и сжечь дуб, под который тулийцы приносили жертвы богам.

Послушались. «В ту же ночь пошёл дождь от Бога. Бог сильно возрадовался этому».

«Туле (откуда и «тулийский народ»), — пришёл к выводу Дёмин, — это... название Гипербореи древнейшей северной территории в акватории Ледовитого океана и праматери мировой цивилизации, которая погибла».

Погибла от резкого похолодания не позднее XII тысячелетия до н.э.

Гиперборейцы-тульцы двинулись на юг, где и положили начало многим современным культурам и народам.

Погибший материк Туле-Гиперборея вынырнул в одной из беломорских былин, записанных в конце XIX века.

В былине — Илья Муромец и другие богатыри, взятые в плен королём Тульской земли.

По одному из преданий, столицей страны Туле был Город Солнпа — Гелиопом. Это же имя получила одна из религиозных столиц древнего Египта.

Воспоминание о счастливом прошлом северной прародины сохранилось в «Авесте», священной книге древних иранцев. Как о реальном народе писал о гиперборейцах Плиний Старший, автор «Естественной истории».

«Дохристианская история Руси, — отмечал В.Н. Дёмин, — не века, а тысячелетия. Однако достоверных письменных источников той далёкой эпохи не сохранилось... Так называемая «Велесова книга», посвящённая событиям ранней русской истории официальной наукой не признаётся и считается подложной». Также оцениваются исторические сказания, написанные впервые в обработанном виде только в XVII веке.

Известно, что жизнь на севере Евразии началась не позднее 12-го тысячелетия до новой эры, после того, как ледник высотой до трёх километров отступил...

«Мы раньше были одним народом, который пришёл с Севера и после длительной жизни

на Русской низменности пошёл в Индию, Иран и дальше, — пишут Ю.В. Мизун и Ю.Г. Мизун в книге «Святая Русь от Исхода до Крещения» (М., 2002). — Поэтому и «Авеста» содержит те же Веды, только они существенно утратили конкретику.

Кто хочет изучить Веды, тот должен начать изучение с Русских Вед. Индийских Вед много, русских ещё больше. Специалисты утверждают, что сегодня можно опубликовать 1000 (тысячу) томов Русских Вед. Почему их не опубликовали? Бал в Москве правили иностранцы, в основном немцы. Им наше прошлое всегда было ненавистно, поскольку они старались представить наш народ скопищем холопов. В 1881 году в Болгарии были изданы «Беды славян». Но в России их не заметили».

Говоря о вере наших предков, авторы утверждают:

«Мало кто знает, что за тысячи лет до крещения Русь была православной. Русские ещё в те далёкие времена называли себя православными, ибо славяли Правь, следовали Стезей Прави. Православие ещё в то время называли праведной верой, так как славяне ведали Правду, знали Права — Беды, древнейшие священные предания об истоке Ведической веры. Она была первой верой, чуть ли не всех народов мира...

В Русских Ведах сказано, что в течение тысяч лет рождалась, гибла и вновь возрождалась Русь. Там же говорится, что прародина предков славян (первых Ариев) находилась на Севере. Отсюда наши предки, которых вёл Бог, двинулись вначале на Урал и степи Семиречья, затем в Индию и Иран. Здесь из индоарийских родов выделились собственно славяне...»

В книге В.И. Дёмина и С.Н. Зеленцова «Загадки российской цивилизации» (М., 2002) читаем: «Поразительно, но факт: сказанное Шлецером относится как раз к той самой эпохе правления византийского императора Юстиниана, когда славяне вторглись на Балканы. Держали в постоянном страхе и Восточную, и Западную Римскую империю». Подвергли критике наши авторы даже начало «Истории Государства Российского» Н.М. Карамзина: «Сия великая часть Европы и Азии, именуемая Россиею, в умеренных её климатах была искони обитаема, но дикими, во глубину невежества погружёнными народами, которые не ознаменовали бытия своего никакими собственными историческими памятниками».

До наших дней миф о запустении и дикости в давнем прошлом тяготеет над великой Россией, над славным её сыном Орлом, над краем богатых литературных традиций.

4.

Откуда мы родом?

Где мы были в пору процветания культур Египта, Греции, Рима и прочих древних государств?

В книге «Тайны древних русов» Ю.Д. Петухов так высмеивает устаревшие взгляды на русскую старину: «Где-то в конце VIII, а то и X века, непонятно откуда появляется фигура дикого и звероватого восточного славянина, будто с неба упавшего на свою землю. Вот и видим мы на картинке из учебника некое существо в долгополой рубахе, ковыряющее землю грубой деревянной палкой, и внешне-то не похожей на соху. Ещё это существо собирает грибы, развешивает кадушки-борти и заострённой хворостиной бьёт рыбу в реке».

И этому нас учат поныне.

Учат всему иноземному «с гораздо большим усердием и последовательностью, чем своему, отечественному»

Сняты десятки фильмов, написаны сотни книг о богах и героях Эллады и древнего Рима. А между тем, листая «малотиражные и труднодоступные научные издания», читатель с удивлением обнаруживает, что против всех этих зевсов, аполлонов, афродит, гермесов и прочих значилось чётко и однозначно: «происхождение догреческое или негреческое», «с

древнегреческого языка не переводится». Читатель делал вывод, что «боги и герои занесены в древнюю Грецию со стороны или остались от некоего таинственного догреческого населения Средиземноморья». Олимп был заселён ариями. Чернобородые греки поклонялись светловолосым и сероглазым богам.

«Я верю, — утверждает Ю.Д. Петухов, — что грядёт пора, когда школьные в вузовские учебники будут переписываться, когда русские люди, наконец, узнают, что их прямые предки, говорившие на русском языке и верившие в русских богов, не объявились вдруг, как вам пытаются внушить в дремучих лесах в середине первого тысячелетия от Рождества Христова (не мог взяться из ничего многомиллионный народ с многотысячелетней культурой), они жили испокон веков по берегам Срединного моря, которое по праву их можно именовать Русским морем, жили по всей Центральной Европе, в Малой Азии, на Переднем Востоке, по Северному побережью Африки. Почему я с уверенностью говорю об этом? Потому, что топонимика не может лгать, и если река называется Лабой, то по ней жили славяне, если город называется Венецией (Венецией), то его заложили венеты-славяне (о чём, кстати, однозначно говорят местные предания; да и сама Венеция стоит на сваях из русской лиственницы). Росы-пеласги положили начало расцвету Эллады. Росы-этруски создали всё, на чём позже утвердилась Римская империя. Вся Центральная Европа до недавних времён в хрониках называлась Венетией, или Русией. Хеттская империя, имевшая гербом своим русского двуглавого орла, была основана древнерусскими племенами. Они же населяли Палестину задолго до вторжения в те благодатные края семитов-кочевников...»

Размышляя об истоках Православия, историк-патриот подчёркивает: «Христианство вовсе не чуждая вера для нас, а исконно родная, своя. Святая земля, на которой ныне проживают возвернувшиеся евреи и палестинцы, была нашей давней прародиной. И мифы, собранные иудеями в Ветхий Завет, были легендами и сказаниями наших прямых предков. Про Новый Завет и говорить нечего...»

Далеко на Север уводит нас «Русь летописная» В.Н. Дёмина (М., 2002), к загадочной Туле, упомянутой во множестве древних источников. Это был остров в десять раз больше Ирландии. Жили там, по словам историка VI века Прокопия Кессарийского «тринадцать племён, очень многолюдных, и у каждого племени свой царь». Леса там были огромны, люди занимались охотой, одевались в звериные шкуры. Великие потрясения в мире природы заставили тлейцев двинуться на юг. Одни заняли земли в Америке, отчего столица одного из индейских государств получила имя прародины — Тула. Другие... Так и хочется назвать Тулу, соседку Орла, славный город оружейников.

Но автор был осторожен, хотя допускал, что наши прапредки «вполне могли знать о существовании легендарной страны, название которой означало нечто скрытое и заветное».

Могли знать и финны, жившие в нашем краю, куда привёл с берегов Вислы род свой легендарный Вятко, упомянутый Нестором Летописцем. Вятичи оказались народом живым и весёлым: и шумными игрищами между сёл запомнились, и характер свой непокорный выказывали киевским князьям. Есть сведения, что и на острове Туле довелось их предкам слушать гул дубрав и вздохи океана, ещё не ставшего Ледовитым.

Греки прозвали тулейцев гипербореями.

Гиперборея под пристальным вниманием историков и географов стала знаменитой. В «Фаусте» Гёте напевает Маргарита песенку-балладу о загадочной Фуле. Из множества переводчиков лишь Афанасий Фет, наш земляк, перевел: Тула...

Один из создателей славянской письменности Кирилл (в миру Константин), путешествуя по русским землям, захваченным хазарами, встретился с загадочным «тульским народом». Увидел «большой дуб, сросшийся с черешней, и под ним приносили жертвы, называя его Александр». Упрекнул людей, что они поклоняются не Богу, а «столь убогому созданию». Люди отвечали: «Не теперь мы стали так делать, но (обычай этот) от отцов приняли, и благодаря нему исполняются все просьбы наши, а больше всего идут частые дожди».

Кирилл убедил жителей срубить дуб и сжечь. Убедил поцеловать Евангелие. В ту же ночь хлынул дождь.

В своей проповеди, говоря тулякам о северном их происхождении, святой Кирилл сослался на библейскую книгу пророка Исаяи, где среди «дальних островов» упомянута Фула (Тула).

Упомянута земля Тульская в одной из былин об Илье Муромце.

Дёмин, рассказывая о гуннах, назвал множество авторов, которые Аттилу «пытались объявить русским князем, а гуннов сблизить со славянским племенем». Так А.С. Хомяков, выдающийся русский мыслитель-славянофил, писал: «Не Аттила создал гуннское царство. Он нашёл царство готовое от Урала до Эльбы и до лесов Тюрингии... Его великим подвигом утверждена возможность Руси, Польши и всех царств славянских...» В романе «Бич божий» писатель И.К. Кондратьев, автор известной песни «По диким степям Забайкалья», гуннов показал как одну из ветвей славянского племени венедов; сам Аттила предстаёт как древний киевский князь. Идею о славянстве гуннов развивали историки П. Шафрик и И.Е. Забелин. От гуннского языка уцелели лишь три слова — и все они русские. У Дёмина читаем: «Культура гуннов очень похожа на скифскую...».

Утверждая мысль о древности русского народа, Дёмин поместил приложением в своей книге «Сказание о Словене и руссе и городе Словенске» (из Хронографа 1679 года), где говорится, что «во второе лето по потопе» праведный Ной разделил «вселенную» между сыновьями Симом, Хамом и Афетом. Правнук последнего, Скиф, отлучась от братьев своих, множился и основал Скифию Великую. Из этого рода и вышли князья Словен и Рус, которые «мудростию и храбростью» всех превзошли в роде.

Словен город Словенск построил, на месте которого потом вырос Новгород Великий. Рус выстроил город на некотором расстоянии, назвал его Руса, что «доныне именуется Русса Старая».

Более тысячи лет просуществовало Боспорское царство. Справиться с ним даже Рим Трояна в Андриана не смог, хотя и имел гарнизоны в Херсонесе и низовьях Днепра. До середины IV века Боспор чеканил свои монеты.

Раскопки советских археологов на Днепре, Буге, Днестре, на Дону и Кубани и я особенности в бывшем Неаполе Скифском (Симферополь) доказывают, что скифы, жившие там, никуда не исчезали. Они оставили большой след в истории культуры.

Уместно вспомнить М.В. Ломоносова, писавшего, что среди «древних родоначальников нынешнего российского народа... скифы не последнюю часть составляют».

У великого народа — великая история...

В «Русской истории» В.О. Ключевского рассказывается, как большая русская рать с сильным князем Бравлиным, пленив страну от Корсуня до Керчи, после десятидневного боя взяла Сурож (Судак в Крыму). Вскоре они «не только людно рассыпались по большим городам греко-варяжского пути Восточной Европы, но и так уж основались с Чёрным морем и его берегами, что оно стало зваться Русским, и по свидетельству арабов, никто, кроме Руси, по нему не плавал в начале X в.».

Скандинавские саги, восходящие в глубокую древность, рассказывали о походах в страну Гардарик, в «царство городов». Так называли нашу Русь.

А что было с нашим краем?

Ответ находим у Ключевского, назвавшего города самые древние, в том числе Чернигов: «В состав Черниговской области вошла северная половина северян с частью радмичей и с целыми племенами вятичей. На пространстве от Ладоги до Киева историк насчитывал восемь славянских племён (IX в.). Среди них и племя вятичей обосновалось. Не обходила большая история Руси наши приокские места. Могли вятичи участвовать и в походе на Сурож в славном войске князя Бравлина. Почему в славном? Да потому, что тот поход вошёл в «Книгу Велеса» — древнейшее творение, ставшее легендарным.

Загадочные дощечки, обнаруженные полковником белой армии Изенбеком в одной из разграбленных барских усадеб в 1919 году, потом, в Брюсселе в сорок первом, после

смерти владельца, исчезли. Успел прочитать и снять копию писатель Ю.П. Миролубов, бывший деникинский офицер, писавший в большом своём труде «Русская мифология»: «Мы не касаемся ни определения, ни характера их языка, который сильно отличается от всех известных нам записей X в других веков, но мы можем сказать наверное, что текст содержит учение язычества, воспоминания минувших особенно ярких событий прошлого нашего народа, имена его вождей и призывает на защиту земли русской всех, кто считает себя потомками Русколани, государства, бывшего где-то на Севере, и где главным городом был Голунь...»

Местом обретения «Книги Велеса» называли усадьбу князей Куракиных в Орловской губернии. Александр Игоревич Асов, исследователь и переводчик знаменитых дощечек, ввёл в литературу другой адрес: усадьба под Харьковом. Изучая долгий и полный приключений путь дощечек по векам, он разыскал имя автора: Ягила Ган. Исследователи смотрели в его речи польские черты. Вспомнили, что известную королевскую династию в Польше основал Владислав Ягайло. Ягайло Ган, пишет Асов, называя более точно имя древнего автора, родился в 797 году, под Новгородом. Его предки жили в Старгороде, но после того, как этот город взял штурмом король Карл Великий, Ягайлам пришлось переселиться на берега озера Ильмень. Онемеченный Старгород стал Ольденбургом. Прошли годы. Судьба Ягайло Гана сложилась так, что он оказался участником походов князя Бравлина. Мудрый, с прекрасной памятью, наполненной стариной, волнующими событиями давних лет, он стал волхвом и воином, наставником и вдохновителем. О храбрости предков, о победах, одержанных в старину, говорил, как пел, верный спутник князя Бравлина. Говорил о том, что хранила память, что потом соберёт и передаст для передачи потомкам, изобразив в виде знаков на дощечках, вырезанных из бука: «Вот прилетела к нам Птица, и села на дерево, и стала петь, и всякое перо её — иное, и сияет цветами разными. И стало в ночи, как днём, и поёт она песни о битвах и междоусобицах. Вспомним о том, как сражались с врагами отцы наши, которые ныне с неба синего смотрят на нас и так хорошо улыбаются нам. И так мы не одни, а с отцами нашими... Услышь, потомок, песню Славы! Держи в сердце своём Русь, которая есть и пребудет землёй нашей!»

Или, говоря стихами:

Издалёка птица прилетела,
Перьями, как радугой, светясь,
Села на берёзку и запела,
Всё о том, чем мы живём, гордясь.
Были битвы, жаркие сраженья,
Вспомним же отцов великий ряд:
Все они на наше поколеньё
Ныне с неба синего глядят.
Не одни мы в поле, а с отцами,
В нас их удаль русская жива,
Как они, сражаемся с врагами,
Сеём хлеб, сажаем дерева...
Славим их на дедовском кургане,
Вспоминая прежние года.
Все мы, люди русские славяне,
Хлеб чужой не ели никогда...
На Руси поют и плещут воды,
Всюду память о былых боях,
Берегиня славные походы
Вспоминает с радостью в глазах.

Мать Сва поёт о южном крае,
Где пролёг в степи Троянов вал,
Поминает тех, кто на Дунае
За родную землю умирал.
Внуками Стрибога, не иначе,
К тризне путь овеяло прямой:
Летом пляшут,
Осенью поплачут,
Причитают вьюжною зимой.
То не говор слышен голубиный
Сыновей оплакивает мать...
Не дадим мы Русскую равнину
Грекам и варягам растоптать.
К нам Заря приходит и приводит
Солнце в оперенье золотом...
Скачет конь. Лениво стадо бродит.
Вестник ночи дремлет за холмом,
Он проснётся к вечеру, прискачет,
И повсюду, сумерки творя,
Спрячет стадо,
Воз с волами спрячет,
далеко в степи сгорит Заря...
Русские мы! В каждом человеке
Восхищенье небом и землёй,
На богов Руси клеветают греки,
От незнанья нрав у них такой.
Мы сильны не громкими речами —
Доблестью, проверенной в бою.
На железе вражеском мечами
Доказали славу мы свою.
Слух до нашей дали докатился
Из глуши нетронутых дубрав,
Будто бы медведь остановился,
О славянах речи услышав...
Русские просты, как в поле травы,
И в делах, и в помыслах чисты.
По степи разносят нашу славу
Высоко летящие орлы.

И шли они пыльной дорогой на юг, на лодках плыли, на конях неслись, обгоняя ветер. Заслушивались шелестом берёз и вздохами старых ракич там, где мы живём. Увидели то, что повторилось через триста лет в самом начале похода русского князя Игоря на коварных половцев, — Ягайло Ганн был свидетелем солнечного затмения. Запомнил слова князя Бравлина: «И вот Купала указал нам то знамение — знак победы над врагами».

Слушали князя словены, венеды, ильмеры и другие воины из разных славянских племён. Большой армией двинулись они из Новгорода на Сурож, на греко-римские колонии Черноморья. По пути присоединились жмудь (литовцы). В Киевской Руси поляне, древляне, северяне. Последние были тоже явно из наших мест.

Время для похода, читаем у А.И. Асова, было удачное. Шёл 811 год. У Византии, занятой войной с болгарами, были связаны руки. Пал император Никифор. Его противник Крум

приказал сделать из его черепа позолоченный кубок. Ягайло, возвышая голос перед воинами, рассказывал о том, как мы в старину громили греков и готов, как отвоёвывали Сурожскую Русь. Вспоминал Буса Белояра и Белояра Кривонога, время Бравлина Первого, деда нынешнего князя.

Подошли к железным воротам Суροжа. Стали биться. Десять дней бились. Наконец, ворота были сорваны. Хлынули толпой в распахнутый проём и увидели православный храм Софии. Ягайло был потрясён красотой. Он ещё не знал, что перед ним один из тех храмов, что были выстроены в этом краю по наставлениям Андрея Первозванного.

В эти дни великое горе свалилось на главного вдохновителя похода:

погиб при штурме Суροжа юный сын Ягайлы Гана. Векам поведаёт об этом «Книга Велеса»:

«В русских городах камни вопиют нам, и мы решились идти и сражаться до смерти за Землю Русскую...

Почтите сына моего, который умер за неё...»

Говоря стихами:

Вопиют с мольбой перед бедою
Камни городов, грядёт гроза.
Мы опять за Русь встаём стеною,
Смело смотрим гибели в глаза.
Золотое солнце нижеет нити.
Русь моя! Отечество моё!
Память сына павшего почтите:
Сын мой милый умер за неё...

После взятия Суροжа империя Бравлина росла и росла. Наконец под рукой русского князя оказалось пространство от Балтики до Лабы (Эльбы), от Дуная до Волги. Ягайло, находясь в Крыму, время проводил в храмах христианских. В 864 году Византия пошла походом на славянские земли. Захватили Суροж. Ягайло на 73-м году жизни вернулся с семьёй в Новгород. В 870-е годы вече решило звать Рюрика на престол. В 872-м восстал Вадим Храбрый.

«Отвадьте Рюрика от земель наших, гоните его назад — туда, откуда пришёл!» — гремел на вече голос Ягайлы Гана.

В 874 году восстание было подавлено. Ягайло бежал в Киев. Умер он после 876 года.

Последние слова: «И крещена Русь сегодня».

Эти слова читаем в самом конце «Книги Велеса», изданной в переводе и с примечаниями А.И. Асова в наши дни более десяти раз.

«Итак, IX век. Келья волхва, — читаем одну из его статей в журнале «Наука и религия» (№ 9, 2000 г., «Творец «Книги Велеса»), — чадят факелы или горит лампада. Седовласый волхв сидит за работой. Перед ним на стол ложатся навощённые дощечки. Только что отструганные, выравненные... И вот он наносит на них первые буквы, рисует символы, также быков, лисиц и грифов... Волхв медленно месяц за месяцем, год за годом, выводит острым шилом буквы...»

В южных краях, предполагает Асов, Ягайло получил в свои руки летописи Руси Суροжской и Руси Тьмутараканской, хранились там и манускрипты древней Русколани. Во время празднования Радогочи в вроповеда волхва стали включаться предания о временах Буса Белояра и более давних. В храмах Суροжа, Херсонеса, Феодосии, имевших историю до 8 веков, научился многому. В дощечках «появились выражения, созвучные христианской литургии».

Автор «Книги Велеса» звал к объединению славян в мощный союз.

Тексты древнейшего памятника русской словесности «знали все», их читали на

праздниках поминовения предков. В «Слове о полку Игореве» вспоминаются походы русичей в землю Трояна, битвы времён антов и другие события древности.

5.

Читаем: «Итак, русы, живучи в области, называвшейся Русколань, назывались антами...» Вспоминаем вычитанное у академика Б.А. Рыбакова, что от антов пошли и вятичи. Те самые, узнаём у другого учёного-патриота, которые имели битву с римлянами на земле нынешней Франции (Шампань): поначалу никак не могли одолеть, а потом разбили, и выехал храбрый Вятко в Рим поверженный с войском своим. Было это в IV веке. Через каких-нибудь 500 лет другой, тоже Вятко, пришёл с племенем своим к верховьям Оки и долго Землёй вятичей назывался наш Орловский край.

Через многие годы эта земля именами славными расцвела: Иван Тургенев, Фёдор Тютчев, Николай Лесков, Афанасий Фет, Иван Бунин, Михаил Пришвин... И все — певцы природы, той самой, которую боготворили наши предки в эпоху «Книги Велеса». Что ни дощечка — то сокровенная часть быта народного. Что ни обряд — то забота о чистоте духовной.

В языческое «верун» включены элементы морали: отречёмся от злых деяний. О трице-Триглаве сказано: «тайна эта велика есть». Не было у нас человеческих жертвоприношений богам. Приносили жертву полевую, от трудов наших: просо, молоко, жиры, ягнят в Коляду, в Русалий день, в Ярый день, на Красную горку.

Таким образом, Красная горка (пасхальная неделя) идёт из глубины веков.

Земледелие наши предки считали занятием, полученным от неба, почётным и угодным богам.

Млечный Путь в небе — это молоко, пролитое зарёй.

«У древних русов, — читаем у Сергея Лесного (Парамонова), историка русского зарубежья, автора книг «История «руссов» в неизвращенном виде» и «Откуда ты, Русь? Крах норманнской теории», — было разработано представление о Вселенной, жизни и принципах. Управляющих ими, их было три: Явь, Новь и Правь. Они уже возвысились до философского понимания вещей и, что замечательно, ушли вперёд по пути гуманности по сравнению с западными русами и славянами вообще».

«Европа, — читаем далее, — оказалась менее культурна, чем она казалась и считала самое себя. Именно из её недр вышли орлы изуверов гитлеровского толка, захватившие почти всю Европу и показавшие изумительные примеры варварства и жестокости... Забыть и замолчать позора гитлеризма нельзя. Всё, что есть порядочного в Европе, отмахнуться не может. Это давит тяжёлым кошмаром на их сознание. Позор остаётся позором неизгладимым. Ведь очевидно, что виноват не только гитлеризм, но и все, кто его воспитывал, а воспитывала вся Европа».

Далее: «Когда пришла смертельная опасность для всей культуры, именно «азиаты» — русские стали основой отпора. Именно они показали беспримерные образцы силы духа, физической мощи и самопожертвования. Не в Западной Европе, а в Крыму, в Севастополе, находились герои — матросы, обвязывающие себя связками гранат и бросавшиеся под немецкие танки, чтобы погибнуть, но и погубить врага».

Хребет германцам сломали только русские! Европа же «доказывала обратное: там сдавались даже без выстрела».

Бесспорно, добавим мы, велик вклад в победу 1945 года народов и других стран, союзников наших, вечна слава французского Сопротивления и героев Югославии, но, как писал великий Твардовский:

«И всё же, всё же, всё же». Один только город-герой Сталинград перевесил своим мужеством целые государства на весах истории. Один только город-герой Ленинград мужеством своим и страданиями своими возвысил душу народа до неба.

В победном салюте громозвучной музыкой слышатся нам все салюты Великой войны, в

том числе и самый первый, в честь освобождения Орла и Белгорода.
В честь Орла!
Что же было в нашем крае до рождения «Орёл-города»?
Как глубоки его корни в русской земле?

Русь на Оке

На зелёных холмах
Пораскинулась Русь:
В ней и силы размах,
В ней и сказки, и грусть.

А. Шиляев

1.

Исключительно велика роль христианской веры в становлении русского государства, в развитии нашего края...

...Галилея — северная часть Палестины, обнимающая плоскогорье между Иорданом и Средиземным морем, была краем, где в глубокой древности жили наши предки. («При завоевании Палестины, — читаем в «Новом энциклопедическом словаре» Брокгауза и Ефрона, — евреи заняли её северную часть не совсем так, как это делали в других местах. Здесь почти не были вытеснены туземцы... Рядом с иудеями здесь жили арабы, греки, сирийцы, финикияне... Это — та среда, к которой принадлежали ученики и слушатели Иисуса. Люди исключительной религиозности, галилеяне, однако в отличие от своих перусалимских собратьев, оказывались более способными к свободным переживаниям». «Проходя же близ моря Галилейского, — писал евангелист Матфей, — Он увидел двух братьев, Симона, называемого Петром, и Андрея, брата его, закидывающего сети в море; ибо они были рыболовы...»

«Идите за Мною, — сказал рыбакам Христос. — Я сделаю вас ловцами человеков». Эту же встречу описали Лука и Марк. Иоанн же в своём Евангелии поведал о событиях более ранних. Ещё не был взят под стражу Иоанн Креститель, ещё гремел его голос на берегу священной речки Иордан.

«Один из двух, слышавших от Иоанна об Иисусе и последовавших за Ним, — вспоминал евангелист Иоанн Богослов, — был Андрей, брат Симона Петра. Он первый находит брата своего Симона и говорит ему: «Мы нашли Мессию, что значит «Христос»». И привёл его к Иисусу...»

Целый день они провели вместе, слушая Учителя. Затем отправились в Галилею. Двенадцать учеников было у Христа. Когда же Иуда совершил своё предательство, его место занял Матфей, который впоследствии проповедовал в Колхиде, где и был погребён. От Святой земли до Святой Руси путь далёк. Апостол Андрей Первозванный двинулся в путь, простясь с родной Галилеей, где ловил с братом рыбу, с Иерусалимом, где пережил казнь и воскрешение из мёртвых своего Учителя. Сначала апостол долго шёл, купая посох в пыли, потом морем плыл. Море в непогоду темнело так, что становилось чёрным, при сильном ветре было бурным с косматыми волнами, готовыми опрокинуть корабль. Когда же делалось тихо и небо сияло в золоте лучей, водный простор становился лазоревым, подёрнутым лёгкой дымкой. В Корсуни услышал Андрей, что неподалёку есть устье реки. Двинулся вверх по реке — это был наш Днепр — и не переставал восхищаться красотой

земли неизвестной...

По преданию, у горы высокой, лесистой остановился апостол на ночлег. Утром увидел такую красоту, что сказал своим спутникам:

— Видите ли, горы? Запомните, на горах этих воссияет благодать Божия, град будет великий, и воздвигнет Бог много церквей.

Так предсказал он славный Киев-град.

Взошёл апостол на гору и с высоты благословил это место, крест поставил. Помолился Богу и двинуться далее велел.

«И пришёл, — рассказывал Нестор-летописец, — к славянам, где нынче Новгород, и увидел живущих там людей...». Из Новгорода попал в страну варягов, оттуда в Рим. В Риме рассказывал: «Удивительное видел я в Славянской земле на пути своём сюда. Видел бани деревянные, и разожгут их докрасна, и разденутся и будут наги, и обольются квасом, и поднимут на себя прутья молодые и бьют себя сами, и до того себя добьют, что едва вылезут, чуть живые, и обольются водою студёною и только так оживут». Римляне слушали и дивились. Далее путь лежал в Синоп.

Андрей Первозванный был человеком богатырского сложения. В Синопе ещё в IX столетии показывали его кафедру из чёрных камней. При Нероне, гонителе христиан, апостол был распят в Патрах на Пелопоннесе около 67-го года. По преданию, его пригвоздили к кресту, поперечные брусья которого были сбиты наискось. Мощи покоятся в Италии, в соборе Амальфи. Память святого празднуется 30 ноября, по новому стилю — 13 декабря. Андрея Первозванного почитают сербы, в Турции, где он проповедовал, есть церковь и два монастыря его имени. В Киеве великий князь Всеволод Ярославич заложил в честь апостола церковь (1086). Митрополит Макарий первый из двенадцати томов «Истории русской церкви», недавно переизданной, открыл главой «Проповедь святого апостола Андрея в странах наших». Привел древнейшие свидетельства.

В горах Абхазии могила Симона Кананита, спутника Андрея Первозванного. По словам святого Дорофея (307—332), «Андрей, брат апостола Петра, протёк всю Вифинию, всю Фракию и скифов», а также «достиг великого города Севаста» (Севастополь), реки Фазис (Рион).

Посетил апостол землю Иверскую, Сванетию, Осетию. В одной из оксфордских библиотек хранится рукопись с описанием путешествия Андрея в страну, которая, по мнению географов, находится во глубине России. Никифор Каллист (XIV в.) упомянул пустыни скифские, которые, как отмечал Макарий, «по описанию древних, находились приблизительно в нынешних Харьковской, Курской и Тамбовской губерниях». Добавим в соседстве с Курской нашу Орловскую.

Не пять, не десять лет странствовал Андрей, а целых двадцать, а то и «около сорока». На всём пути, делает вывод Макарий, «обитали тогда не другие какие-либо народы, а именно наши предки славяне».

С проповедью апостола Андрея связано начало Скифской епархии, рождение первых храмов. Прибывший в Херсонес святой Климент, продолжая дело Андрея, успел устроить до 75 церквей. Закипала христианская жизнь в Крыму, в Суроже, в Алании. Закавказье посетили из двенадцати апостолов — Андрей, Матфей, Варфоломей, Иуда, Фаддей. Андрей-апостол проповедовал скифам.

А сохранились ли следы этого древнего народа в нашем краю? Сохранились.

В этом убеждают нас неутомимые краеведы наши. Например, Светлана Краснощёкова, славная русская женщина, подвижница орловского краеведения.

Журналист Марина Мальцева в заметке «Скифы дошли до Ливен» («Орловский меридиан», 23 августа 2000 г.) открытие археологов в четырёх километрах от Ливен (Ключевка) назвала сенсационным. «До последнего времени городище, — читаем, — считалось цвухслойным: на его территории в разное время обитали представители двух совершенно разных культур. В конце третьего тысячелетия до н.э., или в эпоху ранней бронзы, более 500 лет на берегу речки Ливенки жили люди, разводившие коров, коз, овец,

сввней, лошадей, кур и гусей; занимавшиеся мотыжным земледелием... А в XII—XIII веках славяне-вятичи построили на этом месте укреплённую крепость, защищённую валом и широким рвом. Вятичи пахали землю, охотились, разводили скот, ловили в реке полуметровых щук и сомов и весьма преуспели в ремёслах, особенно в ювелирном. Краеведов и археологов удивлял тот факт, что в месте, защищённом двумя оврагами, никто не жил почти два тысячелетия...»

Мальцева обстоятельно рассказала, как летом 2000 года экспедиция из сорока человек, руководимая Светланой Краснощёковой, старшим научным сотрудником, взялась за раскопки в тринадцатый раз. Несчастливое число принесло удачу. Между двумя культурными слоями нашли ещё два — совсем тонких. Обнаружили «черепки из тёмной глины и осколки ярко-оранжевых глиняных сосудов».

«Археологи определили, — продолжает автор заметки, что посуда была изготовлена разными племенами. Тёмная, с изящно загнутыми краями-балтами, оранжевая — скифами в тот самый период, который считался «белым пятном» в истории городища — во второй половине I тысячелетия до н.э.»

С. Краснощёкова считает, что, скорее всего, окрестности современных Ливен были контактной зоной балтских и скифских племён. Скифы, спасаясь от засухи, двигались из степей на север...»

Городище напоминает слоёный пирог. Учёные предположили, что Ключевка — предшественник современных Ливен под названием Потоливны. Только новый город был построен не на старом месте, а немного в стороне.

Изучение древности продолжалось. Светлане Краснощёковой и её друзьям на юге Орловщины слышались гулы далёких городов. Каждая новая находка вводила в легендарные дали...

...Вятичи — наши предки.

«Были ведь два брата у ляхов, — писал Летописец, — Радим. а другой Вятко, и пришли, и сели: Радим на Соже, и от него прозвались радимичи, а Вятко сел с родом своим на Оке, от него получили своё название вятичи. И жили между собою в мире поляне, древляне, северяне, радимичи, вятичи, и хорваты».

Случилось это в восьмом веке.

Подчёркивая миролюбивый характер предков, автор этих строк попытался так обозначить давнее прошлое:

Писались летописи кратко.
Не угадать в скупой строке,
Каким он был,
Наш предок Вятко,
Когда селился на Оке.
Ходил, наверно, с бороною,
Клубились волосы до плеч.
В осенний вечер над водою
Любил костры большие жечь.
В его добро и силу верю.
Он вместе с птицами вставал.
Ходил войною лишь на зверя,
А человека в гости звал.

В книге «Орёл» (Орёл, 1939) Сергей Беляков поведал живо и ярко о том, как шёл Вятко, «прокладывая себе путь в дикой чащобе», по лосёвой тропе, как вышел «на зелёный берег широкой спокойной реки», как пап на колени и стал жадно пить; «над ним высоко под

солнцем парили орлы, и он слышал: голос у реки был ласковым, как у матери». «Много дней назад Вятко увёл свой род от Ляха. Подальше от нарваров, хлынувших из Азии в его и другие края, что лежали на западе, продолжал Беляков. — Род за родом покидали те края и селились по среднему Днепру, Сему и Десне. Вятко же решил осесть с родом своим на верхней Оке. И вот он здесь на берегу этой благодатной реки — вместе с сородичами своими воздаёт хвалу солнцу за окончанный путь...

Край был несказанно богат. В могучих лесах, что шли во все стороны от берегов Оки, водилось много зверя и птицы, реки и озёра были полны рыбой. На лесных лужайках паслись стада лосей, коз и кабанов, медведи и волки бродили в лесных чащах. Над озерами не смолкал лебединый и журавлиный крик и гусиный гогот».

Сергей Лукич Беляков, по нашим сведениям, заходил в Речной переулочек и брал для прочтения книги Г.М. Пясецкого и других орловских историков у Ф.Я. Студенникова, печатника типографии «Труд», подарил ему свой очерк, написав: «Спасибо за книги».

Был Беляков журналистом «Орловской правды», погиб смертью храбрых на войне.

В «Исторических очерках города Орла» Пясецкий рассказывал:

«Река Ока берёт своё начало в дачах села Тагино и села Очек в Орловском уезде, вытекая из болот, образовавшихся и поддерживаемых обильными здесь ключами... Верхний бассейн Оки с двух сторон — с востока и запада окаймлён возвышенностями, по которым в древности пролегли две большие дороги — Пахнутцова, что ныне большая Курская дорога, и Свиная, запаханная, местами служащая доселе границей между разными землевладельцами. Эти дороги шли кряжем, минуя низменные места и реки; из-под них-то и берут своё начало первые притоки Оки».

«Относительно названия Оки, — продолжает историк, — существует два мнения: одни считают его русским, другие — финским. Первые полагают, что Ока названа так потому, что вытекает из двух круглых болотцев, имеющих по ключу наподобие двух глаз, или ок». Другие думают, что название пошло от финнов.

Кто же были первоначальные жители нашего края? Пясецкий, отвечая на этот вопрос, решил не входить в исследование о скифах и сарматах, которые, «по мнению некоторых, оставили даже в пределах Орловского края следы своего существования...». Так, историк В.Н. Татищев находил название Болхова сарматским.

А в 1903 году в Орле вышла книга А.Н. Шульгина, генерала, председателя Орловской учёной архивной комиссии, «Минувшее Орловского края», в которой автор пришёл к выводу, что в шестом веке до Рождества Христова в наших местах жили меленхлены, носившие чёрные плащи. Их потомки охотно приняли новосёлов нашего края. Свободно расселялись вятичи по Оке и её притокам. И лишь в одном месте.

Владимир Неделин, ссылаясь на мнение руководителя орловского археологического отряда Л.И. Красницкого, рассказал в книге «Орёл изначальный» о том, что произошло у городища близ деревни Торкуновка Мценского района. Балты, жившие там, укрепились на высоком скалистом мысу при впадении в Оку ручья. Под горой били родники, обеспечивая защитников городища чистой водой. Со стороны поля находились два пояса валов из обожжённой глины с деревянными стенами. По скату крутого, почти отвесного берега Оки возвышались уступками четыре ряда частокола. Едва приблизились вятичи к ограде, как им в лицо полетели камни и стрелы. «При штурме этого городища славянами, — пишет Неделин, — произошло такое кровопролитие с двух сторон, что это место было проклято вятичами и, несмотря на все выгоды его местоположения, так и осталось незаселённым».

Городище имел каждый из родов. Роды объединялись в племена, а те — в союз племён. Центрами племён, как предполагают, были такие города, как Мценск и Козельск. При каждом из таких центров имелось святилище. Центром занятости вятичей был город Дедославль (ныне село Данилово в Тульской области). Другое мнение — Кураб, городище у деревни Лужки Кромского района. Об этом с большой уверенностью пишет Василий Агошков в книге топонимо-краеведческих очерков «Кромы» (Орёл, 1994).

«В процессе расселения вятичей в бассейне Верхней Оки, — читаем у Агошкова, — местное население, очевидно, иногда передвигалось на другие территории, однако чаще славяне смешивались с балтами и ассимилировали их. Этому способствовала этническая близость балтов и славян».

Не только этническая близость, но и характер славянский.

В «Русской истории» К.Н. Бестужева-Рюмина (СПБ, 1 872) читаем: «Мирный, земледельческий характер Славян придавал значительную долю мягкости их нравам... Ни летописи, ни предания не знают ни общего истребления финских племён на тех местах, где знал их первоначальный летописец, ни общего истребления финских племён на тех местах переселения их оттуда, а между тем современный этнограф не находит их на этих местах; стало быть, они не перешли, не истреблены, а переродились. Перерождение это началось, как мы заметили, в эпоху доисторическую уже, и совершалось медленно и постепенно; медленность эта много говорит в пользу сравнительно мирных нравов наших предков».

Финские племена, как писал Тацит, жили в гнусной бедности, занимались охотой, укрывались от непогоды в шалашах из ветвей. Другие отмечали, что славяне ходили к ним гадать. Так было на Севере. Наверное, так было и в нашем краю. Говоря о вятичах, Большая энциклопедия под редакцией С.Н. Южакова и П.Н. Милюкова утверждала, что звери и рыбная ловля были их главным занятием, что жили они в шалашах, одевались в звериные шкуры. Думается, речь идёт о финнах.

Славяне-вятичи принесли на берега Оки и других рек более высокий уровень производства. «Вятичи родня антам», — писал академик Н.С. Державин в книге «Происхождение русского народа» (М., 1944). «Вятичи, союз восточнославянских племён верхнего и среднего течения Оки», — говорит энциклопедический словарь «История Отечества» (М., 1999).

Союз племён гордился славой предков, вот почему и назвал столицу свою громким именем Делославль. О многом говорит нам, живущим во глубине России, это древнее слово.

«Русы под руководством князя Вятко, — читаем в «Истории русского народа до XII в. н.э.» (М., 1995) В.М. Кандыбы, — совершают дальний поход на Рим и терпят поражения от римских войск в районе Шампани. Затем второй поход на Рим и разрушение Рима». Это было в IV веке н.э. В данном и других случаях Вятко — не просто имя человека. «По обыкновению древних писателей, — читаем в («Истории русской жизни», том первый (М., 1876) Ивана Забелина, в личных именах очень часто обозначались имена целых племён или самой страны, откуда появилось племя». Таким образом, к нам, на берега Оки, явилось племя, бравшее великий Рим!

«Вятичи, славянское племя, заселявшее в древности область в верховьях р. Оки, — писала упомянутая Большая энциклопедия, — в пределах нынешних Смоленск Московск., Калужск., Тульск. и Орловск. губ.».

Странная последовательность в расстановке губерний. На наш Взгляд, начинать следовало с Орловской. И даже с Орловского уезда! Ведь именно здесь, в нынешнем Глазуновском районе, выбегает из Родников Ока. Верховья Оки можно вытянуть до Кром, близ которых скромно возвышается Кураб-городище, до Орла-города, знаменитого на весь мир литературными именами...

Итак, в VIII веке наши предки двинулись к верховьям Оки и прочим живописным местам, густо расселились, храня в памяти подвиги предков своих, в том числе и взятие гордого Рима, как мы, потомки, — штурм Берлина в XX веке. Вот и назвали один из построенных городов Дедославлем. Дедова слава умножалась в героическую эпоху Святослава, Владимира и других князей Новгородских и Киевских. Целое созвездие богатырей просияло именами своими над Русью.

Писал историк: «Русы под руководством князя Вятко совершают дальний поход на Рим».

Дополним стихами:

Зря забыли давние победы,
Добрую молву из год в год
Дедославль гремел о славе дедов,
Пел о ней,
Теперь уж не поёт.
Только имя славное осталось,
Всё снесли, сломали без следа.
Но душа с победой не рассталась,
Нам она сияет, как звезда.
Забывать нельзя былые схватки,
Наших предков яростную рань.
В давнем веке с римлянами Вятко
Бой имел в провинции Шампань.
Нам тогда везло сперва не очень,
Но был Вятко славный славянин.
Дрался лихо с ворогом,
Короче,
В Рим вошёл,
Как мы потом в Берлин.
На коне с мечом сражался предок.
Меч его в столетиях прославь!
Вот и вырос памятью о дедах
В р,сском крае город Дедославль.

2.

Великое торжество было в Киеве 2 мая 1115 года. Состоялось перенесение мощей святых мучеников Бориса и Глеба из деревянной церкви в великолепный храм. Храм заложил Святослав Ярославич, достроил сын Олег князь Северский, владетель земли вятичей, наших предков. На празднике были сам Олег, его брат Давид, князь черниговский, епископ Феоктист и многие бояре. С полным радушием принимал Киев дорогих гостей. На том торжестве, как писал в «Истории Орловской Епархии» Г.М. Пясецкий (Орёл, 1900), и созрела мысль о необходимости и благовременности просвещения вятичей. Осталось найти человека, который бы взял на себя трудный подвиг просвещения. Таким человеком оказался Кукша, инок Печерского монастыря. «Кто он? Откуда родом? — гадали потом. Языческое имя Кукши и само звание проповедника вятичей, — писал Филарет, влалыка Черниговский, — дают право предположить, что преподобный Кукша сам был уроженцем страны вятичей и любовь святая к современникам, страдающим от язычества, вызвала его на многострадальный апостольский подвиг среди вятичей». Пясецкий предполагал, что Кукша «происходил из известного и благородного рода, может быть, даже родственник тому знаменитому Ходоте, который являлся защитником политической независимости своего племени и был усмирён оружием Владимира Мономаха».

Вместе с Кукшей отправился в наши места Никон, его ученик. Краткое свидетельство о подвиге просветителей сохранилось в Послании святого Симона, епископа Владимирского и Суздальского, к Печерскому черноризду Поликарпу «Могу ли я, писал Симон, умолчать о священномученике, черноризце, тоже печерского монастыря, Кукше, о котором все ведают, како бесы прогна и вятичи крести, дождь сведе и озеро иссуши, и

много чудес сотвори, и по многим нукам усечён бысть с своим учеником Никоном». Пимен Постник, находясь в церкви, «прозрев... усечение блаженного Кукши, отстоящего далече» «велегласно возопи: брат наш Кукша в сей день противу света убиен есть». Сказал и умер «во един день с Кукшей святым и учеником его».

Случилось это, как предполагал историк Пясецкий, в 1141 году. Память Кукши и его ученика Никона церковь отмечает 27 августа, давая тем самым определить день их мученической кончины. В «Историческом словаре о святых, прославленных в Российской церкви», высказано предположение, что убийцами и были жрецы-вятичи: «озлобленные за сокрушение их кумиров они подвергли преподобного Кукшу разным истязаниям и потом отсекли ему голову».

Другое предположение: жрецы убили не сами, а вооружили против св. Кукши неверных, и они отсекли голову ему и ученику его. Судя по мощам, хранящимся в Киеве, «Убиение св. Кукши, равно, как и ученика его Никона, было внезапное, без предварительных мучений и истязаний. «Убийцы, читаем у Пясецкого, как бы испугались ночного своего преступления и скрылись пред дневным рассветом, не смея предать тело мученика какому-либо поруганию: друзья же св. Кукши немедленно, с подобающей честью, доставили нетленные его мощи в Печерский монастырь».

Священник Иаков Тихомиров 27 августа 1913 года произнёс большую речь на духовном вечере в Орле. Речь под названием «Просветитель Орловского края св. священномученик Кукша» была опубликована в «Орловских епархиальных ведомостях» (1913, № 35).

Тихомиров привёл предание о княжеском происхождении Кукши. сообщил, что при пострижении в монашество подвижник получил имя Иоанна, вот почему преподобный Симон называет святого «нарицаемый Кукша». Данное в монастыре имя не удержалось, и так и остался ваш просветитель Кукшей. Тихомиров предположил, что Кукша — сын Ходоты, князя вятичей. Владимир Мономах непокорного и грозного Ходоту убил, а его сына отправил в Киев. Там воинственный вятич стал смиренным инком. Инок Кукша затем превратился в просветителя своего народа. Благословил его на этот подвиг Феоктист, епископ Черниговский.

После святого крещения, — писал Тихомиров, — Кукша познал истинного Бога, и, конечно, мировоззрение его резко изменилось. Он понимал, что родной ему народ живёт не так, как следует, и потому он не может иметь надежды па спасение.

Кукша со своим спутником плыл из Чернигова вверх по Десне. Он миновал Новгород-Северский и Трубчевск, где люди уже приняли христианство. Наконец прибыли в Дебрянск (Брянск). Отсюда и начал читать свои проповеди. В Брянском уезде, по словам Тихомирова, сохранилось предание о «великом муже, когда-то бывшем в той местности и творившем великие дела».

Далее путь лежал к Карачеву. Углубляясь в страну вятичей, Кукша обращал людей в новую веру. Путь был труден: дебри, болота, озёра. По Оке Кукша доплыл до города Мъченеска (Мценск). Между Окой и Зушей толпа язычников, разжигаемая жрецами, напала на миссионерский стан, схватила спящих Кукшу и Никона: всю ночь мучили, на рассвете обезглавили.

«Глухое предание, живущее среди жителей северо-западной части Мценского уезда, — писал Тихомиров, указывает место мученической кончины св. Кукши вблизи д. Карандаковой (Мценского же уезда)

в лесу, в двенадцати с половиной верстах от г. Мценска. Когда-то давно (местные жители точно не могут определить) на том месте стояла деревянная часовня, неизвестно кем и когда сооружённая; от этой часовни зверь ничего не осталось, и место, на котором она стояла, к сожалению, забытого.

Тихомиров летом 1913 года навестил Карандаково. Услышал от жителей, что св. Кукша жил в этих местах. Старик-крестьянин сказал, что слышал «от своих дедов» про то, как святой Кукша пришёл во Мценск, а тут «кровь пролил». Указал болото в лесу, связанное с гибелью Кукши. Тихомиров и два его спутника видели не только болото, но и два колодца

в оврагах. заросших деревьями: первый назывался Богомольным, там издавна в День Святого Духа совершаются молебствия с освящением воды. Однажды не пошли молиться случилась засуха, горели нивы, падал скот. Устрашенные бедствием крестьяне пошли с иконами к колодцу. Вскоре засуха прекратилась, перестал падать скот. Второй колодец «явленный», недавно возник. Пола в колодце светлая, чистая, приятная на вкус.

Часовня, по преданию, стояла болота. Когда спросили крестьян, что их заставляет идти с иконами так далеко от села, то услышали:

«Наши деды и отцы так молились, и мы молимся, а как не помолимся, а как случится какая-либо беда».

Размышляя о далёком прошлом. Тихомиров пришёл к предположению, что первый колодец «вырыт самим Кукшей». А второй явился в позднейшее время «предвозвещением того, что данное место обогрено святой кровью».

В память о святом просветителе нашего края страиваются **духовные** торжества в Орле, Мценске и в том лесу, где пролилась его кровь...

Православная вера крепила Русь: содействовала созданию большого сильного государства и Орловского края в нём...

Родная природа

1.

Вот она, Родина,
Как на ладони,
С горки зелёной видна,
Тихо заржали
За речкою кони,
Грустно ответила им
Тишина.
Лёгкое облако
Встало над полем,
Тень побежала окрест.
Вот они, вечные
Счастье и воля
Милых родительских мест.

В. Дронников

В том краю, где мы живём, было море. Бушевали штормы, а при хорошей погоде синела ровная гладь. Но ни единый парус не белел в пустынном просторе. Прохлада и сумрак даже в жаркие июльские дни царили на илистом дне. Солнце выходило из воды и уходило в воду, волны шли и шли, возвышаясь над бездной. Казалось, ничто не остановит их, не изменит, хотел бы сказать, привычно взгляду, да некому было увидеть это...

Однажды синее море стало буйно-зелёным лесом, цветущим степным пространством, лентами вьющихся рек, холмистыми возвышениям с каменистыми склонами оврагов. Время превращения одной картины в другую тянулось очень, очень долго.

И вот в лесах появились звери — будущие герои русских сказок. Вершины деревьев наполнились звоном птиц, В небе стали кружиться орлы, не подозревая, что им суждено дать имя речке, городу и даже целому краю, такому знаменитому, такому любимому нами. Шумными вёснами бежали воды с возвышений в низины, размывая землю до глины и камня, творили овраг с рыжими склонами. В летнюю пору зацветали травы, холмился густо боярышник, пряча хрупкие гнёзда в шелестящей листве, поднимались белокорые берёзки красавицы, наливались алым жаром кисти рябин.

Небо то сияло, то хмурилось, и тучи, сталкивались друг с другом, гремели грозно, метал молнии и обрушивались на землю долгим и шумным ливнем. Когда же гром затихал, расцветала радуга, опоясывая видимый мир...

Потом приходила осень с журавлиными кликами в небе, с холодными туманами зорь на реке, с почти невесомо шелестящим червоннозолотым листопадом, с обложными, затяжными дождями. За осенью говорливые сороки на белых хвостах приносили зиму, и она пухлое одеяло набрасывала на весь неоглядный простор, веля молчать рекам и заставляя морозными ночами от стужи, цепкой и колкой, зябко ежиться даже луну и звёзды.

Но вот крикнул сыч за рекой, дохнуло тёплым ветром с далёкого Русского моря, потом названного Чёрным, и сугроб, наваянный метелью, обернулся живым потоком: пошла кипеть-клокотать разгульная сила половодья, тронулись в плаванье громоздкие льдины на виду шумных селений и городов, на виду печальных могил и суровых городищ, свидетелей давней кипучей жизни и жарких схваток за Землю русскую. Уляжется река в свои берега, вскинет голову подснежник и от радости так зацветёт проворно, что им залюбуется ива, выбрасывая на вольную волю серёжки ранее листвы. В тёмных и топких местах, где сохнет ил, принесённый вешними водами, вдруг среди камешков, запутавших в тине-бороде, мелькнёт что-то странное: то ли раковина, то ли зуб акулы, что резвилась на просторе моря-океана равнинного нашего края...

Что ни весна — то пробуждение природы. Весной, как утверждал наш земляк архиепископ Иннокентий в одном из духовных очерков, повторяется нашему взору картина сотворения мира: «Земля омовенная, увлажнённая выходит из-под снежного покрова новыми силами, как бы вновь сотворённая для человека... Каждую весну, по сошествии вод весенних, как бы неким чудом поднимается из недр земных целое несметное царство растений. Подлинное царство! Какая жизнь, какая роскошь, какое изящество в самом последнем злаке! Во время весны являются каждый раз некоторым образом самые останки райского древа жизни, рассеянные по несметному числу целебных трав и цветов, кои в это время источают для человека струи здоровья телесного...

Приходит весна, и человек изменяется. Он уже не в самодельной темнице, заключённый в четырёх стенах, а на свободе, под ясным небом, на чистом воздухе. В поле, в лесу, на водах везде человек, как будто вновь сотворённый...»

И это — природа нашего края!

Мудро сказал о ней святой Иоанн Кронштадтский, бывавший не раз в Орле: «Дерево, утверждённое корнями в земле, растёт и приносит плоды. Душа человеческая, утверждённая верою и любовью в Боге, как корнями духовными, также живёт, возрастает духовно и приносит плоды добродетелей богоугодных, коими душа живёт и будет жить в будущем веке. Дерево, вырванное из земли с корнем, прекращает жизнь, которую получало от земли через корни. Так и душа человеческая, потерявшая веру и любовь в Боге, в котором вся жизнь её, умирает духовно. Что для растений — земля, то для души Бог».

И ещё писал великий светильник Русской православной церкви: «Род человеческий есть единое, великое древо Божие, разросшееся по всей земле и ветвями своими покрывающее всю землю. К прежнему гнилому корню — падшему Адаму Божию премудростию и благостию привит новый, живой корень — Господь Иисус Христос, от которого и ведут своё начало христиане, как отрасль от целого дерева. В деревьях — жизнь земная, органическая; в роде христианском — жизнь Христова, небесная, духовная...»

И, наконец, — о венце природы: «Человек — чудное, прекрасное, величественное творение Божие, особенно человек святой; это — звезда Божия; это — цвет роскошный, прекрасный, чистый, неблаженный, это — кедр благовонный, это — бисер многоцветный; это — камень драгоценный, которому нет цены; это прекрасное плодovitое дерево рая Божия!

Примерно 14 тысяч лет назад появились первые люди в нашем краю.

2.

Край, где мы живем, находится в центре Русской равнины, на Среднерусской возвышенности. Самая высокая точка над уровнем моря (282 м) находится близ села Хомутово, самая низкая (118 м) — в долине Сосны-реки, у самой границы области. Холмистая равнина, изрезанная реками, балками и оврагами, площадью в 24 700 кв. км — такова Орловщина наших дней.

«Геологическая история края, — читаем в статье В.В. Задвина «Природа края» («Века над Окой», Орел, 1998), - подразделяется на шесть периодов». К древнейшим породам отнесены граниты, кристаллические сланцы, железистые кварциты, обнаруженные на юго-западе области, — это продолжение Курской магнитной аномалии. В последующие периоды — опускание суши и затопление ее морем; потом суша поднималась, море уходило. В первый раз волны шумели около 380 млн. лет назад, во второй — 80 млн. Затем трижды являлись ледники, но пройти не смогли — помешало возвышенное положение края.

Великий путь прошла ваша природа.

«В IV—III тысячелетиях до нашей эры, — читаем в книге М. Грабилиной «Природа в веках истории», — природа Орловского края представляла собой лесостепь, западную часть до реки Оки, сплошь покрытую лесами, и восточную, которая была покрыта хвойными лесами, дубравами, опоясывающими берега реки Сосны и ее притоков, перемежавшимися степными пространствами. Степные широкие ленты извивались между Труды, Любовши, Чернавы. От реки Сосны степная лента разветвлялась на несколько участков между реками Тимом, Кшенью и Олымом и терялась в широких южных степях» В степных раздольях виднелись заросли вишен и терновника, волновались на ветру седые ковыли. Блестели на солнце реки, дремали в зарослях ивы и тростника болота.

Разгуливали на просторе сайгаки и дикие лошади. Во множестве были сенокосы и байбак. Были волки, лисицы и даже степные медведи. До 50-60-х годов XIX века в Ливенском и Елецком уездах гнездилась дрофа. В 1902 году в селе Богородицкое Малоархангельского уезда был убит последний стрепет.

Лес пугал медведем и волком, разбойников укрывал. Поэтому был жесток к нему человек.

«Одном Богу известно, — писал Павел Аленский, сопровождавший Антиохийского патриарха в 1656 году, до чего трудны и узки здешние дороги. Густота деревьев такова, что земля не видит солнца. Поперек узкой дороги падали деревья, которые были столь велики, что никто был не в силах разрубить их или отнять прочь. Ежедневно въезжали в леса новой породы: в один день ехали среди деревьев дуба, в другой среди высоких сосновых деревьев, из которых делают корабельные мачты...»

Прошли голы. Много было уничтожено лесов, много исчезло видов птиц и зверей...

Более 250 рек несут свои воды по Орловщине. 177 из них имеют длину не более 10 км. Все они принадлежат к бассейнам трех крупнейших рек: Волги (Ока с притоками), Дона (Сосна с притоками) и Днепра (Навля, Вытебеть и другие). В разных водоемах водится до 40 видов рыб: судак, лещ, щука, карп, сом... В Сосне обитает даже редкий бычок-подкаменщик. С образованием под Кромами Шаховского рыбзавода (1975) у нас поселились амурский осётр, стерлядь и толстолобик.

Живут в наших водах бобры, норки, тритоны. Кружат 45 видов стрекоз - древнейшие на планете.

Где болота, там торфяники.

Мир птиц у нас представлен разными породами уток и куликов: утка-кряква, чирок, свистунок, трясунок, широконожка, красноголовый нырок, шилохвость, серый гусь. Немало у нас лугов, возникших в результате вырубки лесов. Пойменные луга дают до трёх тонн сена с гектара. На востоке Орловщины были богатые чернозёмом лесостепи. Их распахали к концу 40-х годов XX века. Волнуется ковыль в балке Непреца и в логу Верхнем — бесценная память о давнем прошлом края. Уникальными признаны такие

степные участки в Ливенском районе, как урочище Кузилинка и Аннушкина гора. Орловские леса площадью в 216,5 га шумят в основном в Дмитровском, Знаменском, Хотынецком и Урицком районах и принадлежат к известным брянским лесам. Мценские дубравы на юг по Оке — продолжение знаменитых Мещёрских лесов. В Знаменский и Хотынецкий районы зашла южная тайга, зашумев кронами сосен и берез. Над лесной речкой Вытебеть порхают рябчики и глухари, гнездится филин, встречаются осоед и змеяд. В ветвях прыгают синицы и клесты, стучат клювами по коре неутомимые дятлы. Из Брянской и Калужской областей к нам заходит на кормежку бурый медведь. Кабаны и лоси умножились, благородный олень восстановлен в правах. Более 90 видов птиц заливаются в летнюю пору на все голоса. Более 300 видов растений составили общество по имени трава. Куропатки проносятся стайками. Зайцы забегают в сады... В ряду памятников природы особое место занимает национальный парк «Орловское Полесье». Расположился он в живописных местах Знаменского и Хотынецкого районов на границе с областями Калужской и Брянской, на берегах речки Вытебеть: 78 тысяч гектаров площади, из них 5,6 тысяч — леса, где можно увидеть 400 видов растений (из них 130 — редкие), 62 вида животных (12 — только здесь). К.Г. Паустовский говорил: «Я не променяю Среднюю Россию на самые прославленные и потрясающие красоты земного шара».

3.

В «Исторических очерках города Орла» Г.М. Пясецкого (Орел, 1874) наш край предстает широкошумным и буйнозеленым.

«В древности, — писал историк, — здесь залегал дремучий, непроходимый лес; и предание говорит, что этот лес тянулся вплоть до Карачева и Брянска. Даже восточная степная сторона нынешней Орловской губернии изобиловала лесами; из них в XVI и XVII веках вспоминают Мокрецкий лес, долгий лес, Радушкин лес, Богатый лес, Красный — сосновый и еловый лес, от которого получила своё название р. Сосна со своим притоком Ельцому. далее автор переходил к пространствам современного ему Орловского уезда, с грустью писал об исчезновении былой красоты: остались одни перелески из дуба, осины и берёзы, уменьшилось русло Оки, притоки обмелели, иные из них пропали, многие болота повысохли.

Место, дорогое нашему сердцу, так описывал Пясецкий: «С незапамятных времён на месте нынешнего города Орла залегал дремучий черный лес, облежавший оба берега Оки и по её притокам простирившийся к востоку за Мценск и к западу за Карачев до заповедных, богатых лесов Брянска».

Названия давних лесов украшают книги: «Орловский уезд» издание списка с Писцовых книг, составленных в 1594-1595 годах Дементием Яковлевым и Леонтием Сафоновым. В ту пору леса, по словам Павла Смирнова («Орловский уезд в конце XVI века», Киев, 1910), занимали две трети уезда. Одним из крупнейших был Тайчуков лес, отделявший Орловский уезд от Мценского. Не ступал ему и соседний Мокрый лес. Миновыи и Большой были отрогами Брянского леса. За ними, за знаменитыми Брянскими, стоял Карачев. У речки Моховицы поднимал верхушки Юрьев лес. У Сорочинского ручья, впадавшего в Оку, возвышался Убойчий. Там, где речка Каменка встречалась с Окой, густо зеленел Ондреев лес. Между Цном и Орлицей то весело одевался в зелень, то грустно шелестел листопадом Корчаков лес. Река Орёл (Орлик) почти выбегала из леса под названием Кревий. Поблизости был Липовский лес, на Цне красовался Красов. На всём пространстве от Рыбницы до Оки находился лес Лавров живая память об Иване Лаврове, служивом человеке. Нынешние зелёные массивы за Гатью, в том числе друг моего детства драгунский лес, — лишь остатки былой красоты. Малая Фоминка, видимо, возникла в

густом окружении деревьев. Друзья мои Парахины были по двору Лесными. Широкое поле близ Большой Фоминки, по семейным преданиям, еще сто лет назад стояло в деревьях. Мой дедушка в той дубраве мальчишкой грачиные гнёзда разорял. Гора над Окой, ныне превращённая в сосновый бор, в старину была заселена дубами и берёзами. Дремучие леса давно уступили место лугам и пашням.

Интересно происхождение названий. В Медведевском лесу когда-то, видимо, водились медведи. Так считают многие. Но вот находим в Писцовой книге помещика Василия Медведева деревню Медведево — и рождается иная версия. А может, все-таки у самого начала был косолапый мишка, вроде такого, что встречается нас у входа в Орловский краеведческий музей? Сабуровский лес своё название получил, конечно же, от села старинного, известного крепостью XVIII века, сооружённой волей генерал-фельдмаршала графа М.Ф. Каменского, отца двух генералов. А село? Тут мы должны помянуть добрым словом Михаила Богдановича Сабурова, жившего до Смуты в другом Сабурове (Телегине). Служил он в Орле воеводой, погиб вдали от родных мест, сохраняя верность Москве. Думчинские леса породили предание: мценские купцы ехали и с тревогой думали — проедут благополучно разбойные места или нет? Исчезнувшая в Орле Селихова роща — память о коренных орловцах Селиховых, людях служивых, защитниках Москвы от набегов татарских из Крыма. На Оптухе близ деревни Сеножать Красный лес хранит предание о камне, упавшем с неба. Стихами говоря:

Лес горел.

Бежали люди в страхе:

Била в сердце заревом беда.

Головой, отсеченной на плахе,

Покатилась в сумерки звезда.

Веселый ветер мая колышет нежную листву орловских дубрав. Под деревьями изумрудными коврами стелется трава. Ярко вспыхивают первые цветы. Приходит лето. Пылкое воображение грибника рисует заманчивые картины встреч с удивительными дарами русского леса. Но лес — не только памятник красоты, наш целитель и друг, но и часть истории края, храбрый воин Отечества. Шумели грозно Брянские леса непобедимые в пору Великой войны, били врага партизаны Дмитровского и Знаменского лесов. Памятниками природы стали наши русские леса.

Старые дубы, старые липы, орхидеи, занесённые в Красную книгу, жук-олень и голубая бабочка всё это можно увидеть близ села Молодое Шаблыкинского района. О редкостном лесе писал известный учёный В.Н. Хитрово (1925). Никольское урочище за Змиевкой — это пять лесных массивов, в том числе Красная роща и Западный лес. Гордость края — дубы красавцы. Сохранился серый орех. Хорош амурский бархат. Голунский лес под Новосилем (урочище Дубовщина, 350 га) и урочище Холм на берегу Зуши (50 га) богаты дубами, березами, соснами. Холм имеет дубраву из 160-180-летних деревьев.

Шереметьевская дача во Мценском районе имеет растения и животных, как в Мещерских лесах. Сюда запустили благородного оленя (1975). Урочище Крутой Верх в Глазуновском районе радуется дубовыми насаждениями.

Урочища Каменная Пустошь в дубрава в Малоархангельском районе и Ямское — в Ливенском также объявлены памятниками природы.

Занесены в этот почетный ряд не только леса. Балка Непреп под Орлом считается местом уникальным. Сохранилось более 170 видов степных растений, включая 4 вида ковыля.

Здесь живут тушканчики и слепыши.

Склон по Зуше в 2 км от деревни Жилино (Мценский район) — часть северной луговой

степи. Подмаслова гора в том же районе богата редкими растениями. Волнуется ковыль в балке села Моховое (Новодеревеньковский район), на крутых берегах Зуши под Новосилем, на речке Неручь в Свердловском и Залегощенском районах. В Ливенском сохранился участок степи на высоком берегу реки Кшень (с. Сергиевское), в урочище Белом на берегу Сосны (с. Успенское), а также в урочищах Аннушкина гора и Кузилинка на реке Олым.

Три озера карстового происхождения — памятники природы: Лавровское в Орловском районе (площадь 9.55 га, глубина — до 10 м), Званое — в Шаблыкинском (площадь — 2,5 га, глубина — до 18 м) и Индовище — в том же районе.

Ботаническими памятникам и считаются Думчинская дубрава под Мценском, лиственный лес в Колпнянском лесничестве, дикое поле у д. Рахманово в Краснозоренском районе, где разбросаны валуны и обломки пород, принесённые ледником. В том же ряду — памятники зоологические, например, окрестности д. Сукоголовище (Верховский район) — место гнездования белой и серой цапель.

Геологическим памятником объявлены выходы известкового туфа по берегу Сосны у станции Коротыш за Ливнами.

Рукотворными памятниками названы такие парки, как «Ботаника», открытая на берегу Оки 28 апреля 1845 года, Орловский городской сад, заложенный губернатором Н.И. Шредером 1 мая 1823 года, парк-питомник бывшей плодоягодной станции (1845), в 1992 году преобразованной во Всероссийский научно-исследовательский институт селекции плодовых культур (первый директор — Е.С. Строев), Кантемировский парк в Дмитровске, заложенный в 1711 году Дмитрием Кантемиром, сподвижником Петра Первого, Хотьковский парк (1828) в Шаблыкинском районе, Мансуровский — в Новодеревеньковском, Шестаковский — во Мценском, Шатиловский лес — тоже в Новодеревеньковском, где у помещика-лесовода И.Н. Шатилова работал Ф.Х. Майер — известный лесовод, насаждения Новосильской зональной опытной станции им. А.С. Козменко (1923) и, конечно, Национальный парк «Полесье». В том же ряду ландшафтных памятников — Лыково-Вязский природный комплекс во Мценском районе, широко известный речкой Зушей, самой чистой и рыбной, заливными лугами, дубравами, степными балками. В Олешне и Зуше водятся ондатры, выдры, норки, в лесах — лоси, косули, кабаны, тетерева. Окский ландшафт имеет в центре своём исток великой реки, крупнейшего притока Волги. Глазуновский район, юг Орловщины — лесостепь. В этих местах работали в начале XX века В.Н. Хитрово, С.Н. Горбачев, А.Я. Ефремов, С.Н. Огнев и другие исследователи природы нашего края. Здесь — географическая точка соприкосновения водоразделов Волги, Дона и Днепра. Долбенкинский ландшафт за Дмитровском хорош дубравами, сосняками, ельником, суходольными лугами, болотами, речками Речица и Ресник, богатым животным и растительным миром.

В историю русской и мировой культуры вошли такие памятники природы, как Спасское-Лутовиново и Шаблыкинский парк.

4.

Однажды летом я приехал на автобусе в Шаблыкино и отправился в парк. Бродил под высокими деревьями, слушал ликование птиц, стоял над прудом, затем у дома, возведённого на месте исчезнувшего, знаменитого на всю Россию, как и сам парк (чудо из чудес, сотворенное руками крестьян и волею помещика Николая Васильевича Киреевского (1797—1870), автора редкой книги «Сорок лет постоянной охоты. Из воспоминаний старого охотника. Рассказы, посвящения собрату К.М. Фролову»). Литературовед В.А. Громов, собравший немало сведений по истории парка, в статье «Н.В. Киреевский — знакомый Тургенева и Л.Н. Толстого» (Тургеневский сборник, № 1, М. —

Л., 1964), Н.М. Чернов в книге «Орловские литературные места» (Тула, 1970) дали мне довольно полное представление о месте живописного уголка природы в истории русской литературы.

Во время охотничьих странствий по Карачевскому ездю И.С. Тургенев охотно заглядывал в Юшково имение брата Николая. В 1841 году мать написала сыну Ивану: «Пожалуйста, будь у Киреевского и постарайся найти в нём расположение. Тебе немудрено это. Он охотник. Напрасно ты посылаю узнать, примет ли. Может быть, его нету. Тогда присылка не сочтётся визитом. А приехал бы, тогда бы он знал, что ты был».

Через два года Варвара Петровна сама по дороге из Холодова и Юшкова заехала. «Само собой разумеется, - писала сыну, — что из Юшкова поеду я к Киреевскому, хотя бы его и не было дома. Но! — видеть его сад, его заведенья, я себе не откажу».

Николай Васильевич Киреевский был сослуживцем Сергея Николаевича Тургенева. В том же Кавалергардском полку служил и отец Л.Н. Толстого. Сам Н.В. Киреевский женат не был и, выйдя в 1821 году в отставку, отдался полностью охотничьей страсти и заботам о парке.

«Сад был громадный, дремучий, разбитый на сорока десятинах, — читаем в книге «Былые чудачки в Орловской губернии» (Орел. 1909),

были аллеи, где не видно было голубого неба — все зелень и тень».

Побывал у Киреевского Михаил Иванович Пыляев автор «Старого Петербурга», «Старой Москвы» и других интересных книг, хороший знакомый Н.С. Лескова, одно время проживший с год в Малоархангельском уезде, в селе Успенском у Мацневых. В книге Пыляева «Замечательные чудачки и оригиналы» (переиздание, М., 1990) рассказывается:

«Усадьба его издали представляла какой-то восточный заколдованный город, огромное его состояние позволяло ему вести широкую жизнь. Многие окрестные помещики составляли обычную свиту этого барина, сопровождая его на псовую охоту. Об обедах и подарках его говорили на целую губернию. Тургенев в своем «Гамлете Щигровского уезда» коснулся такого обеда... Один из домов в усадьбе его был отделан как лучшая гостиница: здесь могли останавливаться более сотни приезжих, жить по неделям и даже не являться на глаза хозяину. Все желания, все прихоти гостей исполнялись в точности его дворецким. Барский дом был громадный. Главный корпус соединялся с каждой стороны длинными галереями с флигелями, отчего строение принимало огромные размеры. Большие залы в доме были в два света... Начиная с решётки до флюгера на крыше дома, всё изображало одни принадлежности охоты. Из окон выглядывали медвежьи головы, в углу притаился пушной зверь, вместо ковров владелец набросал медвежьи шкуры. На стенах висели картины, изображающие псовую охоту. Вся мебель была из оленьих и лосиных рогов лошадиных ног и т.д.

Странные причуды были у этого помещика, собирателя охотничьих предметов. Одна из беседок в его саду, богато отделанная в виде надгробного мавзолея, была украшена более чем странно: здесь были собраны все враги пернатых. Над самой дверью парила с распростёртыми крыльями и разинутым клювом огромная сова. По стенам, окрашенным чёрным цветом, прибиты крылья и головы филинов, орлов, коршунов, копчиков, ворон, обведённые каймой из мышей, крыс, хорьков, ласточек все эти хищники прибиты к стенам узорами и составляли звёзды, треугольники, розетки, словом, все украшения, которые только умудрилось больное воображение нарисовать крыльями, головами, ногами и туловищами птиц и животных».

Многие из бедных дворян, как писал Пыляев, «по несколько месяцев, не смея из скромности представиться хозяину», жили в его доме и пользовались всеми благами широкой барской жизни.

«Более десятка линейек, шарабанов, троек всегда были готовы для выезда гостей. На пруду ждали желающих шлюпки, лыжи, гондолы с гребцами. Сад был прохладный, дремучий, разбитый на сорока десятинах... По главной аллее стояли памятники. В гуще деревьев

виднелись храмики с названиями, значение которых было особенно приятно и понятно только одному владельцу. Они были построены во имя дружбы, истины, любви и терпения и т. д. Но особенно были великолепны беседки. Помещик имел к ним особенную слабость и не жалел десятки тысяч. Одна из таких была построена над прахом его любимого кобеля Любезного и стояла владельцу около пятидесяти тысяч...».

На охоту выезжал обоз из сорока телег. Охотничьих ружей барин имел более сотни. Сам стрелял из ружья необыкновенной легкости весом немного более четырех фунтов. Десять лет над ним трудился француз Гастон Ренет. Более пятидесяти лет Киреевский прожил дома, выезжая лишь на охоту. Доступ женщинам в усадьбу был запрещен.

Очерк Тургенева о Киреевском сначала назывался «Обед». Николай Васильевич в нем представлен Александром Михайловичем. «Его село, — читаем в «Записках охотника», — находилось верстах в пяти от небольшой деревеньки, где я в ту пору поселился».

Примерно в таком же отдалении от Шаблыкино находится Юшково, где было поместье дяди писателя. В 1855 год, после выхода в свет «Записок охотника», в «Современнике» был опубликован рассказ Н.А. Основского «Неистовый Орланд. Из воспоминаний охотника». Киреевский узнал себя за инициалами Н.В., явно гордился, что о нём писали в одном из лучших журналов.

Летом 1865 года Шаблыкино посетил Л.Н. Толстой. Звал Фета, но тот отказался. «А жалко, что вы не были у Киреевского, — писал Афанасию Афанасьевичу Лен Николаевич. — Изустно расскажу вам, что это за прелесть — он сам и весь этот мир, который уже перешёл в предания, а там действительность».

Жене писал, что приехал 28 июля рано утром: «Он уже встал. Меня отвели, не спрашивая, кто я и зачем? — в комнату спросили, чего я хочу — чаю, кофе».

Киреевского охарактеризовал Толстой как человека любезного, учтивого, честного и доброго. Узнав, что гость из Ясной Поляны прибыл на три дня, сразу же стал готовиться к охоте. К дому подъехал огромный фургон. Стали укладывать «вина и провизии», собирать «ружья, собак и человек 6 охотников». Наутро, 29 июля, двинулись в путь. Поехали, как писал Толстой, «на скверных упряжках в лошадях, но все с отличными собаками и ружьями». Фету писал: «Я убил в три поля 28 штук, но удовольствие было всё-таки не в охоте».

Поездки в Шаблыкино, по словам В.А. Громова, послужила одним из толчков к возобновлению работы над романом «Отъезжее поле». «Выезжая в Шаблыкино в июле 1865 года, — читаем у Н.М. Чернова, — Л.Н. Толстой думал не только, а может и не столько об охоте, сколько о тех впечатлениях, которые были ему нужны для работы над «Войной и миром»».

По пути к Киреевскому писатель заехал в Первый Воин под Мценском, наслушался там у помещика П.П. Новосильцева рассказов о войне 1812 года. А.И. Толстая-Попона, внучка Льва Николаевича, вспоминала, что он много охотился в то лето, когда писал вторую книгу романа. Тогда-то выезжал и к Н.В. Киреевскому, которого мы можем найти в «Войне и мире», — это дядюшка «Чистое дело марш».

Наташа Ростова, вернее, её прототип Т.А. Кузьминская, охотилась в другом месте. Мы же видим её на аллеях Шаблыкинского парка, хотя знаем, что хозяин женщин не любил, и среди гостей их не могло быть. Сила романа и красота парка таковы, что веришь: именно здесь играл на гитаре дядюшка, кружилась в пляске Наташа и лилась любимая охотницкая:

Как со вечера пороша
Выпадала хороша...

Именно там, на виду уплывающей за горизонт красоты, вырвалось признание девушки: — А ты знаешь, я знаю, что никогда уже не буду так счастлива, спокойна, как теперь.

Посетил Шаблыкино литератор Е. Прокудин-Горский, выпустивший в 1867 году книгу «Поездка в Карачевские болота». Ранее, в 1856 году, гостил у Киреевского художник Руцольф Казимирович Жуковский (1814—1886). Он увез отсюда большой альбом рисунков.

Они-то и рассказывают нам теперь о сказочной красоте былого мира. Хорош парк во все времена. Только где они, дивные беседки, стаи, причудливые творения, вызванные любовью к родной природе? Сохранилась лишь одна деталь от фонтана — металлическая лягушка...

Приехал я в Шаблыкино осенью поздней. Старые деревья грустно чернели. Золотые ковры стелились у ног. На пруду белели гуси. Вздыхал ветер, обрывая последние листья. Далеко разносился стук по высохшему дереву: работал дятел на углу парка, на одном из трёх тополей. Тополиные тройки доживали последние годы. На поляне горел костёр. Слышались веселые детские голоса.

Время от времени парк появляется на экране телевизора. В одной из передач довелось мне участвовать. Снова побывал там, где гостили И.С. Тургенев. Л.Н. Толстой — добрые спутники души моей с юных лет.

Чернели деревья. Густо стелился снег. Было тихо-тихо, лишь со стороны пруда слышались задорные голоса детей. Они катались, лихо проносясь по льду на коньках. И вновь захотелось увидеть зелёную красоту в соловьиную пору, когда парк особенно хорош.

И ещё раз летом я увидел парк. Приехали вместе с моим другом А.И. Овчинниковым, журналистом-фотографом. Он снимал пруд и деревья для книги «Земля Орловская». Было приятно видеть узкий мостик и другие следы культурного вмешательства в жизнь запущенного парка. В школе нам показали музейный уголок, посвящённый ему...

Предания о старине шаблыкинской, помнится, записывал сотрудник местной газеты Вячеслав Горбачев, впоследствии известный писатель, работник журнала «Молодая гвардия». В «Орловской правде» и в районной газете публиковал свои находки из старины В.А. Громов. В книге «По следам легенд и утрат» (Орел. 1993) С.И. Федоров посвятил главу интересному усадебному ансамблю. Архитекторы В.В. Плотников и О.В. Левитский выполнили проект воссоздания византийской беседки. Б.А. Воротников — фонтана «Лягушка». Выпускница Орловского пединститута Н.О. Левитская написала дипломную работу о знаменитой усадьбе...

5.

Спасское-Лутовиново. Знаменитое на весь мир. Много раз я видел сосны, помнящие время Павла Первого, дуб, посаженный руками писателя. Бродил по аллеям, стоял у пруда Савиной, видел флигель изгнанника, где автор «Записок охотника» жил в ссылке, почти как Пушкин в Михайловском. На моих глазах был восстановлен усадебный дом, вернее, главная его часть. Тургеневским музеем в Орле и в Спасском в ту пору руководила Н.М. Кирилловская.

У белых ворот вспоминаются Тургеневские праздники, приезды известных писателей, дорогой нашему сердцу Леонид Николаевич Афонин — бывший директор музея. Сюда тянулся всем сердцем до последних дней В.А. Громов, положивший многие годы на изучение Тургенева. Здесь много раз встречал нас бородатый, улыбочивый, вдумчивый Б.В. Богданов, без которого невозможно представить Спасское, как Ясную Поляну — без остроумного Н.П. Пузина, внучатого племянника А.А. Фета, частого гостя орловских мест.

Зима 1852 года была ранней. На календаре ещё значился октябрь, а по России уже разгуливали метели. Тургенев писал Полине Виардо из Спасского о снежных смерчах.

Открыл дверь балкона. В комнату ворвалась «волна мрачного холода, ледяного ветра и снега... Дианка вскочила и отшатнулась в ужасе». Некоторое время спустя метель обернулась грозным ураганом. «Весь дом трясется и трещит, — писал Иван Сергеевич в далекий Куртавнель, — а за окнами кружится белая мгла». В этот день — 34 года. Обнаружил записную книжку матери, обратил внимание на слова о себе, о своём рождении в Орле 28 октября 1818 года. Размышлял о быстро улетающей жизни. Когда же зазвенел сад соловьями, стал писать о зеленой красоте: «Сад мой сейчас великолепен, зелень ослепительно ярка, — такая молодость, такая свежесть, такая мощь, что трудно себе представить. Перед моими окнами тянется аллея больших берез... Весь мой сад наполнен соловьями, иволгами, дроздами — прямо благодать».

Парк провожал его на охоту звоном птиц и шумом деревьев, встречал после долгих странствий и завораживал красотой.

«Спасское — родовое имение Лутовиновых, — читаем в «Орловских литературных местах» Н.М. Чернова. — Оно принадлежало этой семье ещё в XVII веке. Есть сведения, что «жребий сельца Спасского» был пожалован Алексею Лговину в царствование Василия Шуйского «За московское осадное сидение».

И сейчас можно увидеть в углу одной из комнат икону, подаренную, по преданию, Иваном Грозным предку великого писателя. Шли годы. Имение дробилось. Но вот взялся собирать дедовские вотчины «под свою руку» суровый Иван Лутовинов — и стал к концу 1790-х годов владельцем обширных поместий. В 1804 году продала ему свою часть Спасского племянница Варвара Петровна. Парк помнит появление здесь молодого офицера-красавца с медалью за Бородино. Сергея Тургенева. В «Пунине и Бабурине» — страницы детства писателя: «Эти деревья, эти зеленые листья, эти высокие травы заслоняют, укрывают нас от всего остального мира; никто не знает, где мы. Что мы, а с нами поэзия, мы проникаемся, мы упиваемся ею. У нас происходит важное, великое, тайное дело».

Дело — чтение «Россияды» М.М. Хераскова, поэмы о погрязшей власти татар, о движении «древних сил», освобождении Отечества.

За столом, накрытым зеленым сукном, написаны почти все романы. Герои книг были спутниками писателя в краю, где, по его словам, «воздух полон мыслей». Под кронами старых лип, у пруда, в доме, сгоревшем в самом начале XX века, слышались голоса Л.Н. Толстого, А.А. Фета, Н.А. Некрасова, П.В. Киреевского, Д.В. Григоровича, М.С. Щепкина, М.Г. Савиной, В.М. Гаршина. Хрестоматийными стали слова: «Когда вы будете в Спасском, поклонитесь от меня дому, саду, моему молодому дубу — родине поклонитесь...».

В Спасском, окружённом полями и перелесками, в парке с тёмными аллеями вспоминается пушкинское: «Здесь русский дух, здесь Русью пахнет». Словно Кощей в сказке, дрожал тут над золотом своим старый барин. После смерти, как говорили мальчишки в рассказе «Бежин луг», он бродил по ночам, всё искал разрыв-траву... Если сравнить всё, написанное Тургеневым, с музыкальными произведениями, то спасская мелодия в ней самая задушевная, самая милая сердцу. Она звенит-переливается в письмах: «Только что я сделал большую прогулку по саду, он показался мне огромным... Меня охватили воспоминания детства; так бывает всегда. Я увидел себя совсем еще маленьким...» (Полине Виардо, 1868).

«Сад красив и обширен, с великолепными липовыми аллеями — если Вы вспомните мою повесть «Фауст», там всё изображено с натуры». (Теодору Штурму, 1868).

Она, эта мелодия, обнаруживается то в одном романе, то в другом, слышится в стихах о белых берёзах, о ландыше под кустом, даже знаменитое «Утро туманное, утро седое», думается, вышло отсюда, из глубины русской природы. Вослед за ним, вечным жителем Спасского, повторяем:

Люблю я вечер золотой,
Лесов задумчивый покой
И легкий рой румяных туч,
Луны стыдливый, первый луч,
И первый ропот соловья.
И тишину полей.

Спасское вспоминали.

«Когда я отправлялся в Спасское один, — писал Фет, — то я ездил туда верхом вброд через Зушу, значительно сокращая дорогу, и приезд мой в Спасское сделался самым обычным явлением».

Полонский рассказывал, как однажды, после отъезда Л.Н. Толстого, приехала М.Г.

Савина: «Иван Сергеевич, ради своей милой гостыи, к вечеру велел позвать деревенских баб и девок и задал им точно такой же праздник, с вином и подарками, какой был дан им по случаю его приезда. Баб и девок собралось около 70 душ, и опять начались песни и пляски».

Композитор В.С. Калинин. уроженец села Первый Воин, вспоминал: «Тургеневское Спасское от нас в нескольких верстах, и я там маленьким неоднократно бывал с покойным отцом, который иногда посещал Тургенева».

В книге «Дорогие места» (М., 1918) А. Михайловский свой очерк посвятил Спасскому. Писал: «Со странным чувством входил я в старый, заросший, темный парк». Раньше за ним ухаживали. Теперь же «парк обратился в сплошной лес, заросший кустами орешника, крапивой и бурьяном, дом сгорел: на его месте поднимаются из-за бурьяна почерневшие остатки стен и груды кирпича. От былых хозяйственных построек в большинстве и следа не осталось. Аллеи заросли травой, на большом протяжении парк превратился в густо заросшую чащу: кусты беспорядочно разрослись и перемешались с крапивой и репейником. Получилась полная картина запустения».

Два часа бродил автор очерка. Встретил мужика. Разговорились о Тургеневе. «Хороший барин был, — сказал мужик. — Бывало, приезжал, сейчас отовсюду народ к нему приходил... Хороший был барин, добрый. Царство ему небесное!»

Новая жизнь парка началась после открытия музея в Орле. Возрождение произошло не сразу. И в 1923 году продолжали писать о запустении: «Губят, ломают, разрушают...» (М.В. Португалов «По тургеневским местам»).

Ныне Спасское — один из культурных центров России. В Орле выходит «Спасский вестник».

В одном из путеводителей (1977) Б.В. Богданов предположил, что Лутовиновы «сидели» на Мценской земле «ещё в период господства Литвы или перешли к Ивану Грозному из Литовского государства». При Екатерине Второй одновременно с А.Н. Радищевым пажом служил устроитель усадьбы Иван Лутовинов. В Спасской церкви его отпевали.

Тургеневским Лукоморьем называл парк Спасского-Лутовинова С.И. Федоров в книге «По следам легенд и утрат».

Л.Н. Афонин в одной из книг подчёркивал: «Рядом с ним рождается чувство, подобное тому, что вызвала песня тургеневского певца, которая хватала «за сердце, прямо за его русские струны». По словам В.А. Громова, в парке «так и кажется, что вот выйдет сейчас навстречу Иван Сергеевич — огромного роста, широкоплечий, с румяным лицом чисто русского склада, обрамлённым снежно-белыми волосами, точно сказочный герой...».

Когда было образовано Орловское общество исследователей природы, то ему было дано имя И.С. Тургенева — имя великого певца наших садов и лугов, рек и дубрав, дивной красоты, дарованной людям с незапамятных лет.

6.

Земля рождает поэтов, чтобы люди видели, как она хороша.
Читаем в стихах Тургенева:

Гуляют тучи золотые
Над отдыхающей землёй;
Поля просторные, немые
Блестят, облитые росой;
Ручей журчит во мгле долины.
Вдали гремит весенний гром,
Ленивый ветер в листьях осины
Трепешет пойманным крылом...
Звезда дрожит в лучах заката.
Любви прекрасная звезда.
А на душе легко и свято,
Легко, как в детские года.

В прозе, в лирическом очерке «Лес и степь», завершающем «Записки охотника»: «Знаете ли вы, например, какое наслаждение выехать весной до зари? Вы выходите на крыльцо. На тёмно-сером небе кое-где мигают звёзды: влажный ветерок изредка набегает лёгкой волной; слышится сдержанный, неясный шёпот ночи; деревья слабо шумят, облитые тенью... Вот вы сели: лошади разом тронулись, громко застучала телега... Вы едете мимо церкви, с горы направо, через плотину... Пруд едва начинает дымиться... Край неба алеет; в березах просыпаются, неловко перелётывают галки; воробьи чирикают возле тёмных скирд. Светлеет воздух, видней дорога, яснее небо, бледнеют тучки, зеленеют поля... Вы взобрались на гору... Какой вид! Река вьётся вёрст на десять, тускло синяя сквозь туман; за ней водянисто-зелёные луга; за лугами пологие холмы; вдали чибисы вьются над болотом; сквозь влажный блеск, разлитый в воздухе, ясно выступает даль...».

А это летом: «Зелёной чертой ложится след ваших ног по росистой, побелевшей траве. Вы раздвинете мокрый куст — вас так обдаст накопившимся тёплым запахом ночи; воздух весь напоён свежей горечью полыни, мёдом гречихи и каши»; вдали стеной стоит дубовый лес и блестит и алеет на солнце; ещё свежо, но уже чувствуется близость жары. Голова томно кружится от избытка благоуханий.

Хорош орловский лес и в пору поздней осени, когда прилетают вальдшнепы. ветра нет, а в мягком воздухе разлит осенний запах. подобный запаху вина; тонкий туман стоит вдали над жёлтыми полями. когда идёшь вдоль опушки, глядишь за собакой. а между тем любимые образы, любимые лица, мёртвые и живые, приходят на память, давным-давно заснувшие впечатления неожиданно просыпаются...

И в зимний день хорошо «ходить по высоким сугробам за зайцами, дышать морозным, острым воздухом, невольно щуриться от ослепительного мелкого сверканья мягкого снега, любоваться зелёным цветом неба над красноватым лесом».

Таков Тургенев.

А это Фёдор Тютчев, родом из Овстуга Орловской губернии:

Есть в светлости осенних вечеров
Умильная, таинственная прелесть:
Зловещий блеск и пестрота дерев,
Багряных листьев томный, лёгкий шелест.

Или:

Есть в осени первоначальной
Короткая, но дивная пора —
Весь день стоит, как бы хрустальный,
И лучезарны вечера.

Афанасий Фет, родом из Новосёлков на Зуше. под Мценском:

Или:

Он же:

Летний вечер тих и ясен;
Посмотри, как дремлют ивы;
Запад неба бледно-красен,
И реки блестят извивы.
От вершин скользя к вершинам,
Ветр ползёт небесной высью.
Слышишь ржанье по долинам?
То табун несётся рысью.

Или:

Облаком волнистым
Пыль встаёт вдали;
Конный или пеший —
Не видать в пыли!
Вижу: кто-то скачет
На лихом коне.
Друг мой, друг далёкий,
Вспомни обо мне!

Он же:

Шёпот, робкое дыханье,
Трели соловья.
Серебро и колыханье
Сонного ручья...

Иван Бунин жил в Орле и в Елецком уезде.

Лес точно терем расписной,
Лиловый, золотой, багряный,
Весёлой пёстрою стеной
Стоит над светлою поляной.
Берёзы жёлтою резьбой

Блестят в лазури голубой.
Как вышки, ёлочки темнеют,
А между клёнами синеют,
То там, то здесь, в листве сквозной,
Просветы в небо, что оконца.
Лес пахнет дубом и сосной,
За лето высох он от солнца,
И Осень тихую вдовой
Вступает в пёстрый терем свой.

Елена Благинина, родом из села Яковлево Мценского уезда:

Прилетел журавушка
На старые места...
Травушка-муравушка
Густым-густа.
Ивушка над заводью
Грустным-грустна,
А водица в заводи
Чистым-чиста.

Дмитрий Блынский, родом из деревни Васютино Покровского рай она:

Тропинками извилистыми, узкими
Пойдём туда, где земляки мои,
Где по соседству с соловьями курскими
Поют не хуже
Наши соловьи...
Дни перволетия — дни невыразимые.
Их нужно видеть, слышать.
Что слова?
Пух тополей плывёт, цветут озимые,
Кричат стрижи и дремлет сон-трава...

Анатолий Шиляев, родом из Орла, с улицы Зелёный Ров:

Приветствую утро природы,
Её молодую красу,
И шумные вешние воды.
И песню в прозрачном лесу.

Любил, выступая, читать:

Заблуди меня, лес, заблуди.
В царство сонное заведи...

Виктор Дронников, родом из деревни Жилино, которая слилась с Орлом и стала Болховским шоссе:

Стало гибким качание веток,
Выше даль над краями земли.
И на запах земли разогретой
Влажной ночью летят журавли.

Ты под этой молитвой летящей,
Как в поющем соборе, постой.
Ветер с юга уже шелестящей
На заре обернётся листвою.

Иван Александров, родом из Гудиловки Мценского района, корнями из Черемисино Орловского района.

Этот лес
Подарен мне в наследство,
Этот луг
Завещан предком мне.
Я блуждаю по тропинкам детства
В дедовской былинной стороне,
По земле, где вольно и просторно,
Прохожу легко и не спеша:
Сердце замирает от восторга,
Музыкою полнится душа.

Василий Зеленченков, родом из села Волконское Дмитровского района:

Стоит пора.
Когда по тучам
Вприпрыжку скачет гулкий гром,
Кусты смородины пахучей
С утра оваяны теплом,
Подсолнух, вымытый на грядке
дождём недавно проливным,
Кивает людям:
— Всё в порядке! —
Своим оружием золотым.
Цветут бобы. Малина зреет
На ниве, солнцем залитой,
Пшеницы колос тяжелеет
С блестящей каплей дождевой...

ОРЛОВСКИЙ УЕЗД

Орёл-город

1.

Я живу в Орле,
Мой май сиренев.
Мой октябрь багров и золотист.
Входит в парк задумчивый Тургенев —
Слышит каждый падающий лист.
Я брожу по орлицким откосам —
Синий Орлик сумерками сжат,
Звёзды, словно огненные осы,
Надо мною светятся-дрожат.
Эти звёзды виделись Лескову,
Шёл под ними Бунин молодой,
И звенело пушкинское слово
В ранний час над вешнею водой.
Просияв задумчиво и кротко,
Входит в город полная луна.
Анны Керн летучая походка
На вечерней улице слышна.
Гляну-гляну с рыжего кургана
И увижу в сполохе костра
Гневный профиль Грозного Ивана,
Треуголку Первого Петра.
Здесь о том, как труден путь к победе,
Как осколки падали, звеня,
Говорят и Гуртьев, и Медведев,
И цветы у Вечного огня...
Ночь уйдёт испуганной волчицей,
За Окою где-то пропадёт.
Утро в дом Калитиных стучится,
По дворцам «Ботаники» идёт.
Что ни дом старинный,
То преданье,
Имена, шагнувшие в века.
И большой истории дыханье —
Вечный зон душе издалека.
Там полярник будущий Русанов.
Там Фатьянов — песенный поэт.
Фет и Тютчев с древнего кургана
Смотрят вдаль,
Как ширится рассвет.

2.

Было небо ясное, лазурное,
В грозových кипело облаках.
Было море тихое и бурное,
Колыхало чаек на волнах.
Штормовыми бешеными гулами
Приводило в трепет берега.
Ширь была с проворными акулами
Там, где нынче стелются луга.
Отгремев раскатистыми грозами
Небосвод, как море, голубел.
Но вдали на зорьке ярко-розовой
Ни единый парус не белел...
Миллионы лет по нашей местности
Шли-прошли и скрылись, как во мгле.
И пропало море в неизвестности,
Побежали реки по земле.
Стали дали
Русскою равниною
В родниках, в озёрах-зеркалаx.
Пролетали стаи журавлиные,
И орлы сидели на дубах.
Ни войны не знали, ни разора мы.
Нам природа радовала взгляд.
Златотканно-дивными узорами
Вышивали степи свой наряд.
Щебетанья птичьего и гама там
Описать лишь Гоголя пером,
Где толпой бежали мы на мамонта,
Где мотыгой рвали чернозём.

3.

Вятчи мы, жили под Ходотою,
И других имели мы князей.
Занимались пашней и охотою,
Брали мёд под кронами ветвей,
Били зверя с радостными криками,
Проводили в играх вечера.
Шли хазары с копьями и пиками,
Брали дань — по белке со двора.
Устояв под сильными ударами,
Киев-град поднялся, величав.
Князь Олег управился с хазарами.
Разметал их смелый Святослав.
Печенегов, половцев рубили мы.
Стародавних недругов Руси,
Встали волей славного Владимира
Ливны. Кромы, Мценск и Новосиль.
Утверждалась Церковь Православная,

Рассыпались идола во прах.
Как семья народов,
Русь державная
И росла, и крепла на холмах.
Отошло язычество дурманное,
Храм пришёл в славянские места,
Вспомнили Андрея Первозванного,
Первого апостола Христа.
Правое принёс вероучение.
Путь надёжный предкам указал.
Предсказал он Киева рождение.
Возрожденье края предсказал.
Шла работа долгая, упорная,
Чистой веры бил у нас родник,
Но сгубили Кукшу силы чёрные.
Был убит и Никон-ученик.
Случай тот жестокий и бессмысленный
Близко к сердцу Церковь приняла...
К лику всех святых его причислила,
Стали выше храмов купола.

4.

Чёрный ворон вился над державою,
Даль в дыму тонула и в пыли.
Стала Русь великою державою,
К нам чужие люди не прошли.
Накормив коня пшеницей яровой.
Ехал в Киев Муромец Илья
Из того ль села из Карачарова.
Через наши древние края.
В девяти дубах живёт предание:
Соловья-злодея одолел.
Бил стрелой с большого расстояния,
Выбить око правое сумел...
Чёрный ворон вьётся над державою.
По равнине стелется пожар.
Гибнут наши русичи со славою
В поединке
С полчищем татар.
Исчезают в пламени нашествия
Города на много-много лет.
Ливны где?
Постигло то же бедствие,
Русский край в пожарище одет...
Возгремела битва Куликовская,
У Мамаю сила велика,
Но возшла звезда,
Звезда Московская,
Князь Димитрий в славе на века.

Испытанье вынесли тяжёлое
И пошли дорогой на рассвет.
Там сложил недаром буйву голову
Наших мест боярин Пересвет.
Вечным сном герои под курганами
Спят, но Русь любимая жива.
Под царями умными Иванами
Хорошела стольная Москва.
Царь Иван Четвёртый,
Сердцем пламенный,
Нравом грозный,
Болхов основал,
Чтоб в пути к столице белокаменной
Лютый враг победы не знавал.

5.

Крымский хан Гирей лицо сердитое
Повернул, досадою горя.
Зря гремела конница копытами
И Муравский шлях топтала зря.
Повернул коней Гирей, не мешкая,
Поскакал домой, в Бахчисарай.
Болхов-град вослед глядел с усмешкою
Под весёлый гам грачиных стай.
Злое дело крымцы не забросили,
Отдохнут — и заново в разбой...
Царь Иван велел
Поближе к осени
Новый город строить над Окой.
Собирались сошны, служивые,
Кзаки с уезда,
Весь народ.
И глядели вдаль, как одержимые,
Ждали воеводу все — и вот
Прибыл он, высокий и торжественный.
Прочитал о городе указ.
Было, как положено, молебствие
Для народа русского, для нас.
Стали дуб рубить ребята бравые —
Задрожал он, глухо загудел.
И взлетел орёл над всей державою,
Над Окой и Орликом взлетел.
Грянул голос весело и молодо:
«Вот и сам хозяин!» — об орле.
С той поры и стала птица городом,
Развернула крылья на земле.
Обрастала башнями высокими,
Крепостной зубчатою стеной...
И враги коварные, жестокие

Обходить старались стороной.
Был Орёл под тяжкими ударами,
Пустырём лежал в большой тоске.
Но вставал, не сломленный пожарами,
Словно птица Феникс, на Оке.
Ливенская рать и рать московская
Тут панам устроили разгром.
Одолел Пожарский-князь
Лисовского
У Царёва Брода под Орлом.
В битве был один из предков Пушкина,
А потом, спустя немало лет.
Дню тому греметь бы надо пушками:
Побывал в Орле и сам поэт.
Прочитали в книгах через годы мы
О родстве поэта дорогом:
Предок был во Мценске воеводою,
Предок пап в сражении у Кром.
И в соборе болховском с курантами
Двое Ржевских рядом, как в строю.
Славились великими талантами:
Верность, честь и мужество в бою!

6.

Крылья город шире разворачивал,
Убирая надолбы и рвы...
От ворот — дорога до Карачева,
От других — дорога до Москвы.
Стала крепость пристанью торговой,
Плыли струги с хлебом по Оке.
Обрастая улицами новыми.
Край держал наш город в кулаке.
Времена глухие, суеверные
Отошли. Поднялся исполин.
И пошёл командовать губернией
Николай Васильевич Репнин.
Сохранила память благодарная,
Как живали деды и отцы:
Пушкарни составили Пушкарную,
Слободу Стрелецкую — стрельцы.
Где сады,
Там улица Садовая.
По Кромской катили мы до Кром.
Болховская, праздничная, новая,
Возвышалась гордо над холмом.
Улицы Лескова и Тургенева —
Земляков великих имена...
Ныне даль за городом сиренева,
Но была и тёмною она.
Нам война Священная, Великая

Страшный след оставила в стране.
Шли враги не с копьями и пиками,
А в гремучей танковой броне.
Сквер Танкистов,
Музыки звучание.
Липы дремлют, ветки наклоня.
Постоим задумчиво в молчании,
Постоим у Вечного огня.
Сторона, героями богатая,
Как один большой музейный зал.
Катукова помним и Горбатова,
И того, кто знамя водружал.
Имена спокойно и уверенно
Золотыми звёздами горят.
Гуртьева мы помним и Тюленина,
Сечкина и Нину Алексееву,
И орлов бывалых,
И орлят.
В памяти дивизии Орловские,
До Берлина огненный маршрут.
Им не зря орудия московские
Подарили Первый свой салют.

7.

Хоть судьба нас не любила баловать —
Были войны, были пустыри.
Рады были издавна пожаловать
К нам в Орёл поэты и цари.
Пушкин здесь приветствовал Ермолова,
Генерала славного, в Орле.
Пролетел он далями и долами.
Как весенний ветер,
По земле.
Гоголь был.
Встречали и Жуковского.
На пароме видели Петра.
Болховская наша и Московская
Обнимали Бунина вчера.
Небосвод, созвездьями униженный,
Заглянул в дворянское гнездо.
Сын Орла, Тургенев. перед Лизою
Забывал Полину Виардо.
Шла Вовчок девчонкой-хохотушкой.
Шёл Есенин — волосы, как рожь.
Лен Толстой в беседе со старушкой
На святого старца был похож.
Знал Орёл и юного Твардовского.
Привечал Шевченко-кобзаря.
Помнят Болховская и Московская

Александра Первого, царя.
Любовались мы Екатериною.
Восхищались дочерью Петра.
Дни ушли, как стаи лебединые.
Отсияли чудо-вечера.
Старину высвечивая заново.
В наши дни идёт издалека
Младший брат последнего Романова,
Командир гусарского полка.
Пел Шаляпин грозно и торжественно.
Будто он гремел в колокола.
Молодая Вяльцева божественно
Пела «Тройку» жителям Орла.
А потом — Русланова и Зыкина,
И Петрова — Вяльцевой сестра...
Русь-Россия гордая, великая
В жемчуга рядила вечера.

8.

Город рос.
Кто выстроил больницу,
Кто кадетский корпус основал,
Ну, а кто кошмарную темницу
Под названьем «каторжный централ».
Славен переулок Воскресенский
С давних лет гимназией своей.
Выпускные акты граф Каменский
Посещал как друг учителей.
Орденами грудь его сияла.
Средь наград была «За Базарджик».
Академик будущий Устрялов
Перед ним дрожал, как ученик.
Имена сияют из тумана.
Поднялись над гребнями веков.
Среди них — Столыпин и Русанов.
Среди них — Якушкин и Лесков.
Перемена — радость гимназиста.
Вон друзьям о чём-то говорит
Юноша, похожий на артиста.
Это же Андреев Леонид!
Фёдор Крюков ничего не слышит —
С головой в рассказы погружен.
Про него фантазию напишут,
Будто сочинил он «Тихий Дон»...
Здравствуй, семинария былая!
Расскажи и ты о старине.
До тебя доходит звон трамвая,
Самого старинного в стране.
Техникум, как старого знакомца.
Я всегда приветствовать готов:
Взяли в руки бодрые питомцы

Сеть дорог и гулы поездов...
Тот же коридор и те ж ступени,
Та же в час урока тишина,
Но душа усматривает тени
Давних дней
У каждого окна.
Он ещё не Феофан Затворник,
У высоких кованных дверей
На него покрикивает дворник:
«Проходите, юноша, скорей!»
Семинарских лип он слышит шумы,
Птичьи звоны, сидя на траве.
Зреют удивительные думы
В осененной Небом голове...
Тень вторая — Гавриил Пясецкий —
Педагог, историк, говорун.
Он для впечатлительного детства
И гроза, и пламенный трибун.
Жил-горел в работе непрерывной
И оставил славные следы:
Об Орле, о Болхове, о Ливнах
Написал учёные труды.
Не одну он душу для России
Воспитал, влюбив в родимый край.
Среди них — Калинин Василий,
Там же Поликарпов Николай.
На уроках было интересно
Жить высокой жаждою вершин
И творцу симфонии небесной,
И творцу летающих машин.

9.

Не рекламой красен иностранной
Наш Орёл, а музыкой труда,
Улицей Тургеневской в каштанах.
«Липами дворянского гнезда», —
Как писал когда-то Павел Шубин,
Довоенный юноша-поэт.
С давних лет был город жизнелюбом
И тянулся исстари в рассвет.
Красный мост. Гуляния с улыбкой.
Нет его строителям числа,
Были турки, взятые под Шипкой,
Были немцы с южного «котла».
Сквер Танкистов,
Бывший Первомайский —
Здесь Ильинка шумная была.
Торг вели по лавкам по-хозяйски,
Прибыль у купечества росла.

Начинали дело спозаранку.
За мостом — Торговые ряды.
Лихачи подкатывали к банку.
Слышно было:
«Барин, за труды!»
Поделили грузчики по-братски
Все дела на пристани в Орле.
Во дворце, где гетман Скоропадский,
Хрустали сияли на столе.
Дом в лепных амурах и с балконом
Слушал клёнов шустрюю листву.
Сыновей купчина Аполлонов
Провожал в учение в Москву.
А напротив, в доме двухэтажном,
Офицеров праздник собирал:
Пел там хор красиво и протяжно.
Там гусар Горбатов запевал.

10.

Вспоминаю год пятидесятый.
На камнях войны темнела тень...
В доме, где бывал гусар Горбатов.
Я теперь бываю каждый день.
Приютила Курская Вторая,
А потом Русанова была...
Мчался ветер, клёны обнимая.
Осыпалась жёлтая листва.
Милые студенческие годы,
Для души вы жарче всех костров.
Даже в пору зимней непогоды
Нам сияли звёзды вечеров.
Слушали, внимая с интересом.
Нас учил знаток из знатоков
И тогда единственный профессор
Наш Сергей Иванович Котков.
У моста была библиотека,
Вечеров, наверное, не счесть.
Книги восемнадцатого века,
Даже и семнадцатого есть.
С первых встреч
Мне душу захватили,
Приковали к строгим стеллажам.
Сидоров Виталий, как Вергилий,
До сих пор ведёт по этажам.
Я уже печатаюсь в газете.
Я включён в «Орловский альманах».
Но судьба мне громкая не светит:
В двадцать два иной поэт на свете
Выдал миру «Облако в штанах».

Путь к мечте — движение движений,
Может, я не зря ещё живу.
Называю Зиборова Женей,
Горбова по отчеству зову.
Близок я с Минаевым, с Орловым,
Озеров беседует со мной.
Мне знакомы оба Иванова,
Не обходит Комов стороной.
Мы с Яновским в дружеской беседе —
Написал он с Горбовым «Салют».
Скоро-скоро Патенков приедет.
Леонид Афонин уже тут.
Есть куда приехать Мильчакову,
С кем дружить,
Рыбалкой дорожить.
Всех роднит тургеневское слово:
Где Орёл. там и орлам кружить.
Здесь рождаться в силе исполинской,
Утверждаться славе новых дней...
И пришёл с полей к нам
Дмитрий Блынский,
Русский богатырь и соловей.
Сколько было русского в поэте!
Высоко взошла его звезда...
К той поре работал я в газете,
Жил вблизи Дворянского гнезда...
Проходил по залам, не глаза,
А впиваясь в каждый экспонат.
То стоял в тургеневском музее,
То ходил, волнуясь, в Спасский сад.
Булнина. Андреева, Лескова
Отчий край. Тут чище серебра
Закипает песенное слово
И любви, и веры. и добра.
В мире книг, как в соловьином звоне,
Голоса знакомые слышны:
В памяти и Громов, и Афонин.
И другие други старины.
Больше им не кланяется колос,
Больше им дубрава не шумит.
Может быть, и мой негромкий голос
В этом мире будет не забыт.
Не напрасно жили и любили
В стороне прекрасной, как весна.
Пусть живут предания и были,
Обнимают душу имена.
Город наш — тургеневские липы,
Город наш — лесковские сады.
Никакой метели не засыпать
Наших встреч весенние следы.
Но когда пробьёт мой час заката,
Я хотел бы в эту землю лечь,

Где стоит застенчивая хата
Вся в снегу серебряном до плеч.
Русским полем издавна все живы.
Русским лесом,
Говором садов.
Шёл отсюда сошный и служивый
Наш народ к истокам городов.

17 июля 2001 г.

2. Русская застава

Отведу ль я восторженный взор
От полей, от морей твоих синих?
Голубыми глазами озёр
Ты глядишь на меня, Россия.

Мне дары дорогие несёшь:
Травы в пояс,
Берёзки до неба,
И волнуется буйная рожь
Океаном душистого хлеба.

Слышу речек задумчивый звон
И горжусь, что всей жизнью с тобою,
Что я в русской деревне рождён
Под счастливой июльской звездой.

В. Катанов

В 1910 году в Киеве вышла книга Павла Смирнова «Орловский уезд в конце XVI века по писцовой книге 1594—5 гг.». Автор внимательно изучил «Список с писцовых книг Орловского уезда, письма и меры Дементия Яковлева да подьячего Леонтия Софонова». Исправил ошибки и описки. Описал население и хозяйство уезда. Составил алфавитный список помещиков. Приложил таблицу селений и даже нарисовал карту. В центре карты Орловского уезда 1594 года — Орёл. Вьются реки, стелются леса, названы некоторые из селений. Откроем саму Писцовую книгу с описанием станов Неполоцкого, Каменского, Корчаковского, Тайчукова, с перечислением владельцев поместий и их владений: сёл, деревень, починков, займищ. Откроется глазам давняя старина родного края.

На реке Орле (нынешний Орлик) было село Сабурово, принадлежавшее бывшему воеводе Михаилу Сабурову. Село большое для того времени: 15 дворов крестьянских, 14 бобыльских, церковь Михаила Архангела. Нам хорошо известно Сабурово на реке Цон, где высится знаменитая крепость графа М.Ф. Каменского, где у церкви похоронен он сам, генерал-фельдмаршал, рядом с сыном Николаем Михайловичем, генералом от инфантерии, замечательным полководцем суворовской школы. К сожалению, этого села в Писцовой книге нет. А куда же делось Сабурово, упомянутое в книге? Ответ находим в «Плане окрестностей г. Орла», который более ста лет назад «увеличил и дополнил рекогносцировку с трёхвёрстной военно-топографической карты 141-го пехотного

Можайского полка штабс-капитан Кинерин». Здесь находим сельцо Сабурово (24 двора) с указанием второго названия — Телегино. С годами второе название взяло верх, а первое забылось.

Альшань на Оке — тоже село старинное. В 1594 году оно называлось Ольшанцем, было деревней, расположенной по обе стороны колодезя Ольшанца. Жили там три помещика и один крестьянин. В плане Кинерина красуется большое село Ольшаны с церковью на холме, с лесом над Окой. Имело 114 дворов, 7 колодцев. Из других источников нам известно, что при помещике Соковнине село было Соковнино. При графине Бобринской, в девичестве Соковниной, было Никольское, Альшан тож. При княгине Святополк-Мирской стало Альшанью. В народе называют Альшаном.

Интересна судьба Малой Фоминки. Мы, жители Большой Фоминки, называли всегда эту деревню Двориками. В плане Кинерина она именуется Лавровскими выселками (Фоминка). В Писцовой книге упомянута Фоминская «под Лавровым лесом, у озера». Половина Деревни принадлежала Ортёму Овдокимову сыну Яковлеву. Следом в Писцовой книге идёт займище Михаила Гольцова «под Лавровым лесом, верх Старинного колодезя». Само Лаврово, ныне большое село, в Писцовую книгу не вошло. Говорится лишь о землях донских казаков Бессонна Григорьева сына Лихотина и Бессонна Фадеева сына Талышманова: «Да за ними же, что было в поместье за Иваном Лавровым, а Ивана велено от службы отставить, поч.(инок) Иваново Займище, на назаровском отвершку, а в нём крестьян 1 дв. (ор)...»

Отставили человека от службы, отобрали поместье. а имя приросло к земле: зашумел на века лес Лавров или Лавровский лес, часть которого прозвали драгунским. а Иваново займище обернулось большим селом — центром волости, а потом сельсовета. В плане Кинелина — 310 дворов, 124 колодца.

Велик был Орловский уезд.

«Размерами он, — отмечал Павел Смирнов в книге «Орловский уезд в конце XVI века», — превосходил в своей северной, так сказать, головной части. Здесь он в большей или меньшей степени наступал на другие современные уезды: Мценский, Болховский, Карачевский и Кромской. С севера на юг Орловский уезд был почти так же длинен, как современная губерния... и кончался около середины рек Нугри и Березуя (притоки Оки), довольно близко подходя к Болхову».

Далее Смирнов писал, что «сплошная цепь селений шла по бассейну Цна, впадающего в Оку. Здесь лежал самый южный и самый большой стан Орловского уезда — Корчаковский. На востоке он упирался в Оку и охватывал пространство на запад по бассейнам её левых притоков: Цна с Лубной, Орла и Орлицей и более мелких». На юг берега Крома и Оки были пустынные, начиналось дикое поле, прикрытое только сторожами. С запада Корчаковский стан прикрывался громадными лесами (Миновыи и Большой), отрогами знаменитых Брянских лесов. В глубине лесов находился водораздел Десны и Оки, за лесом стоял Карачев.

Автор даёт сноску из «Исторических очерков города Орла» Г.М. Пясецкого (Орёл. 1864), что Карачев — «тёмный, чёрный, дремучий лес». С северо-востока к нему подходил стан Неполоцкий, название от реки Неполодь. Он лежал по бассейнам левых притоков Оки: Мезени с Малой Мезенкой и Неполоди с довольно значительным притоком Густоварью слева. С востока, как и Корчаковский. Неполоцкий стан граничил с рекой Окой, по которой тянулся вплоть до устья Цветыни. Неполоцкий стан был центральным в Уезде и со всех сторон соприкасался с остальными четырьмя: с юга и запада облегал Корчаковский, с северо-запада и с севера — Наугорский, с северо-запада был Каменский, а вдоль Оки, между впадением Орлика и устьем Цветыни соприкасался с Тайчуковым. Продолжая изучение уникального труда Павла Смирнова, с приклеенной в моём экземпляре групповой фотографией, где автор обозначен крестиком, мы узнаём, что впадающая в Оку Цветынь принадлежала стану Каменскому, а последний имел начало от левого берега реки Густоварь, что земли между владением Цветыни и Каменицы в Оку

«были густо заняты деревнями и починками помещиков, вперемежку с лесами», границами Каменскому стану служили: с юга стан Неполоцкий и изгиб Оки, за которым начинался стан Тайчуков. На севере этот стан рекой Березуем входил клином между уездами Мценским с Болховским.

По речке Королёвке (приток Березуя) раньше проходила Болховская засека...

Наугорский стан берегом реки Нугрь переходил в соседний бассейн Вытебети, граничил с внешней стороны с Карачевским и Болховским уездами, с внутренней — с Корчаковским, Неполоцким и Каменским станами.

Пятый стан, Тайчуков, лежал по правую сторону Оки и тянулся вдоль неё от Орла до Мценска. От Мценского уезда стан был отделён речкой Лисицей с двумя Воинами и Оптухой с Большим Мокрым лесом.

Орёл, основанный в 1566 году, стоял на треугольнике, образуемом впадением Орлика (тогда Орла) в Оку.

«Татарская гроза, — писал Смирнов, — была купелью местности, омывшей её и оставившей кое-где только топографические значки, как памятники минувшего».

Когда же и почему появился Орловский уезд?

История Орла началась вместе с Орловским уездом. Оборона государства от внешних врагов — главная причина появления крепости и заселения нашего края.

«Московское государство, — привёл Смирнов слова Ключевского, — зарождалось в XVI веке под гнётом внешнего ига, строилось в XV и XVI веках среди упорной борьбы за своё существование на западе, юге и юго-востоке».

Веками русский народ, как писал великий историк, истощал свои силы, сдерживая «напор азиатов: одних отбивал, удобряя широкие донские и волжские степи своими и ихними костями, других... мирно вводил в европейское общество.

«Орловский уезд, — продолжаем читать Смирнова, — был звеном пограничной цепи, военным округом».

Население бежало за Оку от татарских погромов. Но вот обстоятельства переменились — поднялась, окрепла Москва. В 1523 году её пограничная армия уже стояла в Туле, двинулись по Оке на Рязань. Муром. Нижний Новгород. Тульская линия-граница двинулась на Мценск. Карачев и далее.

«Известие об Орле, — читаем Смирнова, — встречается в разрядах первый раз лишь под 1567 годом: именно тогда, в апреле, в г. Орле были назначены воеводами князь Василий Ростовский и Володимир Безобразов, самый город едва ли мог возникнуть ранее 66 года».

В обширной сноске была подвергнута сомнению дата основания Орла в 1564 году, известная нам по трудам Г.М. Пясецкого и других уважаемых авторов.

Павел Смирнов был твёрд: «Со второй половины 60-х годов под прикрытием Орла началась история Орловского уезда...»

Граница от Орла шла на Мценск. Новосиль, Ливны, а там по Быстрой Сосне — на Елец, Воронеж.

А нашему Орловскому уезду всё ещё приходилось терпеть от набегов татарских.

Писцовая книга упоминает 13 случаев полона...

Пограничной крепостью был Орёл в 1594—1595 годы, когда д. Яковлев и Л. Софонов проводили перепись.

В ту пору ещё на речке Кроме никакого намёка не было на город Кромы, вернее, на его возрождение: кромские земли принадлежали Володимиру Жилину, помещику Корчакова стана. Первое известие о Кромах относят к 9 апреля 1595 года, когда князь Кольцов-Мосальский дал роспись высылаемых из города сторожей.

Перепись в Орловском уезде закончилась в январе 1595 года. Промежуток в 3 месяца (от января до апреля), — как писал Смирнов, — достаточное время для постройки южной крепостицы, и, по-видимому, был даже официальной нормой для такого рода предприятий.

Смирнов повторил свой вывод, что «история Орловского уезда начинается лишь с

построением Орла, т. е. около 66 года XVI столетия». «Весь юг России, начиная с Орловской губернии, — писал историк П.Н. Милюков, — представлял совершенную пустынь в XIV и XV столетиях». Разрушенные города, густые леса, переходящие в степь Муравский, Бакаев, Пахвутцев шляхи, натоптанные конями крымской конницы — такой была земля Орловского уезда, куда устремились люди, чтобы жить и трудиться: пахать, косить, ловить рыбу, охотиться на зверя и собирать мёд.

Откуда люди шли?

«Впереди всего, — отвечает Смирнов, — разумеется, в новый уезд двинулось население окружающих уездов». Пришёл к этой мысли, обнаружив имена мценских бортников в Каменском стане, «сидевших, быть, может, и до возникновения Орла», болховского сотника, а также в стане Тайчуковом — Оверкия Иванова сына Путивльского, в Неполодском — Гришу Обакумова-Стародубцева. Были люди из Ливенского уезда, который на много лет старше Орловского.

Из старинных приокских городов: Калуги. Рязани, Серпухова.

Из татарских аулов, из казачьих станиц.

Граница крепла, уезд народом множился, дикое поле сокращалось, пустоты исчезали. Люди жили-были, работали и стояли на страже Отечества. Имели поместья, а потому назывались помещиками.

«Помещиками, — читаем у Смирнова, — вперёд всего были дети боярские: полковые, станичные, самопальные и осадные, которые имели земли во всех пяти станах уезда. В четырёх станах (кроме Неполоцкого) был ещё разряд детей боярских сторожевых...»

«Осадные» дети боярские — гарнизон пограничной крепости, низший род службы.

«Главная сила — дети боярские полковые». Они ходят на полковые сборы.

«Большой полк» стоял в Туле. Им командовал князь Василий Черкасский. Передовым полком в Делилове — князь Александр Репнин. Сторожевой полк стоял в Крапивне. С ним находился всегда князь Андрей Дмитриевич Хилков.

Орёл был приписан в 1592 году к передовому полку. Наш воевода Михаил Богданович Сабуров должен был «ходить на рязанские места по большим вестям». А по «меньшим вестям не ходить». Под большие вести подходили такие, когда шла речь о приходе царя, царевича или просто «большие люди».

На особом счету были боярские дети или самопальные. Они спешили на полковые пищальные сборы и оклады имели выше осадных детей боярских.

Станичники разъезжали по степи, приглядывали за дорогой, одним словом, «береженья для». Служили в нашем краю десять атаманов казачьих, два из них, к примеру, находились в Лаврове под Орлом. В поход поднималось около трёх тысяч ратных людей. Таковы были военные силы Орловского уезда.

Павел Смирнов подсчитал, что каждый воин «помимо жалованья требовал 57 с лишним десятин земли без въезжего леса», а каждый помещик получал почти 70 десятин.

Читая первую книгу Орловского уезда, мы то и дело встречаем названия храмов. Отсюда можно сделать вывод, что люди не только жили-были и берегли Отечество, но и заботились о душе своей, о воспитании детей в православном духе, И этим был велик Орловский уезд, ставший в глазах потомков краем высоких традиций. Недаром Бог даровал Орловщине прекрасное право называться гордым именем. Литературным гнездом, откуда воспарили к русскому небу имена русских писателей громкие на весь мир.

Густо населена русскими людьми книга Павла Смирнова. Имена, отчества, фамилии обступают на всём путешествии по страницам труда 1594—1595 годов. Смирнов не просто переписал их. Он разместил в алфавитном порядке фамилии жителей Орловского уезда той далёкой поры.

Вот они, фамилии. Многие из них нам известны. Не правда ли?!

Алфимов, Алымов, Анненков, Анфилогов, Бабенков, Баздырева, Барсенев, Басов (самое время вспомнить Д.И. Басова — первоисторика орловского), Батавин, Бачюрин, Башкатов.

Безлепки́н, Бесе́дин, Веселин, Билдин, Бобраков, Бобынин, Богатищев, Богатырёв, Богданов, Богоявленцев, Боев (14 фамилий в книге), Бологов, Борзёнок, Борков, Борняков, Бредихин, Брежнев (пятеро в книге), Бузов, Буколов, Булгаков (19 человек), Бутримов, Бухарин, Костина, Быканов, Беленихин, Белой, Ванин (17 человек), Васильчиков, Вертячев, Вехов, Виденьев, Власов, Волков, Волобуев, Воробьёв (18 человек), Вороб, Воронцов, Воропаев, Венесивцев, Выродков, Гаврилов, Галкин, Ганшин, Глазов, Глатов, Глебов, Гнездилов, Годыгревский, Голенев, Головин, Голопятов, Голохвостов, Голохтионов, Голтяев, Голцов, Горбатый, Горбикова, Гордеев, Горшин, Горюшин, Горяинов, Гостева, Гранкин, Гревцев, Гренчуков, Григорьев, Гридин, Гридунов, Гридчин, Гулидов, Давыдов, Данилов-Лунёв, Деменин, Дериглазов, Дмитриев, Долгов, Долженков, Доренский, Доринский, Дорохов, Дохтуров, Дремов, Дудин-Михайлов, Дураков, Дурнев, Дугов, Елагин, Енин-Зиновьев, Енков, Енютин, Ермаков, Есипов, Ефанов, Ефимов. Жеглов, Жердев, Жизлов, Жилин, Жилиев, Жиронкин, Житкий, Жмакин, Жу́тин, Завалишин, Захаров, Захарьин, Эбитой, Звягинцев, Зиборов (писатель Евгений Зиборов возглавлял Орловскую писательскую организацию), Зиновьев, Золотарёв, Золотухин, Зубов, Зуев, Иванов, Игнатов, Извеков, Измайлов, Ильин, Исаков, Ишков, Кизиков, Казначеев, Калитин, Каменев, Каншин, Карпов, Касьянов, Катунин, Кизилов, Кирбатов, Кириллов, Кислинский, Кишкин, Клевцов, Клементьев, Ключников, Кобузов, Ковынев, Ковыршин, Кожевин, Кожин, Козюлькин, Кокурин, Колугин, Колунтаев, Комаров, Кондуров, Ковищев, Кононов, Коптев, Коранин, Корнилов, Карташов, Корыстов, Корякин, Косинов, Косков, Костин, Костев, Константинов-Грызлов, Косьянов, Котов, Кофанов, Кренин, Криволапов, Кузьмин, Кузякин, Кунаева, Куприянов, Кураков, Курапов, Курасов, Курлов, Кутафин, Кутепов, Кутузов, Кельин, Лаговчин, Лазарев, Ламанов, Ларин, Лариков, Ленин, Левков, Легонов, Легостаев, Лихотин, Лобазин, Лобынский, Логинов, Ломанов, Латынина, Лошадев, Лукин, Лукьянчиков-Пешков, Лунев, Лунин, Лысов, Лютой, Мазнев-Боев, Макаров, Максимов, Малечкин, Мальцев, Малыгин, Малыхин, Мансуров, Маркончин, Маркин, Мартынов, Маслов, Матвеев, Матюков, Мацнев, Медведев, Межаков, Мезенцев, Микитин, Микулин, Мильшин, Минаков, Миненков, Митнев, Михайлов, Минеев, Мозолевский, Мокеев, Молеев, Мосеев, Мосякин, Муратов, Мухин, Мухортый, Негодяев, Незнанов, Некрасов (шестеро — и все предки великого поэта Н.А. Некрасова), Нелюбов, Непочатый, Нестеров, Нетесов, Неубытков, Никитин, Новиков, Норманов, Немцов, Обакумов, Оболешев, Овдокимов, Овсянников, Огарков, Огофонов, Огломазов, Озеров, Окиншин, Окулов, Олексеев, Олехин, Олпеев, Олтунин, Онатин, Онаин, Ондреев, Опалков, Опальков, Орнаутов, Остапов, Осеев, Офремов, Очинов, Офонасьев, Павлицева, Павлов, Панков, Пантюхин-Власов, Пахомов, Пашин, Пашков, Пенков, Пеншин, Перевезев, Передельский, Перков, Петрищев, Петреева, Пелюгин, Пирогов, Плехова, Поветкин, Поганев, Позняков, Полянская, Поварына, Парахин, Посошков, Потапов, Поцелуев, Почернин, Приданцова, Прокопов, Прокофьев, Пронский, Проскурнин, Протасов, Путивльцов, Пыжов, Пытин, Рязанцев, Реутов, Римшин, Родивонов, Родцов, Розинков, Романов, Рослянов, Росолов, Рыжков, Рындин, Рыцкой, Реткинская, Сабуров, Сашенков (21 фамилия), Савин, Сагалаев, Самойлов, Самохвалов, Саньков, Свиридов, Сезенев, Селехов, Семенихин, Серпуховитинов, Теряев, Сергеев, Сидоров, Сидячий, Сизов, Семанов, Симонов, Слютин, Слепушкин, Сметцкой, Смотров, Смышников, Соколов, Соложеницын, Сопов, Сопронов, Сопелкин, Сорочнев, Сотников (32 фамилии), Софонова-Васильева, Спицын, Спесивцев, Стародубцев, Стаханов, Степанов, Стоянов, Строев, Стрелков-Озеров, Студенников, Сумароков, Сухорев, Сухочев, Тальтшманов, Татаринев, Телегин, Тенетилов, Теплов, Терехов, Теряев, Тиганов, Тилинии, Тимков, Тимофеев (25 фамилий), Тинков, Тишевский, Титков, Толмачев, Толокин, Родцов, Толстой, Тонков, Тарасьева, Татаренков, Тохтамышев, Трещевский, Трофимов, Трубицын, Трунов, Труфанов, Туленинов, Тулупов, Уваров, Умеренков, Умрихин, Фатнев, Фатеева, Федюкин-Лостев, Фелочаков, Фенин-Паншин, Филатов, Филимонов,

Фурсова, Ханин, Харенков-Панин, Харьяков, Хвостова, Хитрый, Хмелевской, Холяпин-Злонин, Хомутов, Хонин, Хорохордин, Хорошилов, Хрыков, Цуриков, Чаплыгин, Чевычелов, Чиркин, Чмунов, Чорный-Халин, Чортов, Чюрилов, Чирейн, Шалимов, Шалиханов, Шатилов, Шатохин, Шаховец, Шахов, Шевелев, Севердин, Шевлчяков, Шелимов, Шепелев, Широпятный, Шишкин, Шманов, Шпылен, Шумова, Щекотихин, Щелкунов, Щепихин, Щетинин, Щукин, Юдин, Юрлов, Юров, Юрьев, Ютилов, Юшин, Юшков (14 фамилий), Фудоров, Яковлев, Якунин, Якшин, Янков, Ярыгин, Яхонтов. Новейшее слово о нашем крае в книге Елены Ашихминой и Виктора Ливцова «Орёл и Орловское Полесье» (Орёл, 2007). Историю заселения земель Орловского района авторы относят к глубокой древности, к временам каменного века.

«В бронзовом веке (III — II тыс. до н.э.), — читаем, — как и повсеместно, на этой территории происходит становление животноводства и земледелия».

Не менее важно:

«Памятники верхнеокской культуры... представлены городищами и селищами. Обычным типом поселения по Верхней Оке с середины I тыс. до н.э. было городище укрепленный посёлок...

Славянские поселения, как Маслово (Белое городище), НадеждаЗвягинки, Редькино (Густоварское городище), Звенигородское городище на р. Неполодь — один из целого ряда археологических памятников вятичей на территории района, известных сегодня».

И самое главное — здесь проходила линия древнерусских княжеств:

в линию обороны входили городища на реках Цон, Орлик, Мезенка, Маховица, Густоварь. Существует версия, что и город Орёл был выстроен на старых земляных валах середины XII века.

Лицо дорогой нашему сердцу старины видим, листая две прекрасные книги искусствоведа Владимира Неделина и художника Вячеслава Ромашова «Архитектурные древности Орловщины» (Орёл, Вешние воды», 1998 и 2009 годы)

Сначала описан **Орёл**.

Перед нами — **церковь Богоявления Господня**, начатая в XVII веке, перестроенная в 1837—1838 годах. Храм этот стал продолжением Богоявленского мужского монастыря, построенного за городом на Ввозной горе в XVIII веке и сожжённого во дни Смуты. Церковь описана Н.С. Лесковым в «Грабеже». Её окружала каменная ограда с решёткой. Внутри неё был каменный дом для причта, три флигеля и крытая железом школа, открытая в 1897 году.

В 1928 году церковь была закрыта, впоследствии отдана под театр кукол, в 1994 году возвращена верующим, в апреле 1996 года епископ Орловский и Ливенский Паисий освятил храм.

Церковь Ахтырская Божией Матери (Никитская), построенная в 1773—1786 годы, перестроенная потом (1819—1823), возникла на месте сгоревшего в Смуту храма Параскевы Пятницы, бывшего прихольским Пятницкой казачьей слободы.

Дожившая до наших дней церковь была закрыта в 1938 году, в сорок первом открыта. В сорок третьем при освобождении Орла на колокольне был водружён один из первых красных флагов: вывесил ВП. Воронков, командир роты автоматчиков 129-й стрелковой дивизии. В апреле 1944 года церковь зарегистрировали в общине верующих. Долгое время она была Орловским кафедральным собором.

Торговые ряды (Гостиный двор) в XVI—XVII веках представлял собой ряд лавок, амбаров, полок и харчевен от Пятницких и Карачевских ворот Орловской крепости. При генерал-губернаторе В.В. Репнине Гостиный двор стал каменным. В 1847 году горел. Затехи восстановлен. Стал центром торговым с магазинами купцов Калашниковых, Русановых, Домогацких, Бухвостовых и других. В войну ряды были сожжены и частью разрушены. При возрождении в 1949 году их облик стал несколько иным.

Церковь Святой Живоначальной Троицы (1823, 1853—1854, 1865-1867 гг.) находится на Троицком кладбище, образованном в 1778 году. Рядом с храмом был

похоронен генерал А.П. Ермолов (1777—1861), Там же — его родители. Там же — сын полковника Клавдий Алексеевич (1820—1894) и невестка Варвара Николаевна (1823—1897). Долгое время памятником генералу А.П. Ермолову была чаша в виде чугунной гранаты с надписью «Служащие на Гунибе кавказские солдаты 1885 г.». В наши дни краеведом М.В. Каплинским и скульптором Б.Д. Бологовым установлена на церковной стене мраморная плита с портретом-барельефом славного героя.

В нескольких шагах — вечный покой орловского историка Г.М. Пясецкого, его жены, сына, В Орле живёт Захаров — его внучка, автор книги о роде своём.

Многие известные орловцы нашли вечный покой на Троицком кладбище. Среди них — архитектор А.А. Химец (1870—1929), архитектор и поэт И.Д. Иванов (1915—1999), писатели В.А. Мильчаков (1910—1979), И.М. Патенков (1909—1995), художник В.В. Анисимов (1942—1988), артист А.С. Захаров (ум. в 1945), учителя В.Т. Милин, А.П. Прыгунов и другие.

На братском кладбище — воины, павшие в боях за Орёл в 1919 и 1943 годах. Там же — могилы командира Коммунистического полка Г.М. Медведева (1887—1919), генерал-майора Л.Н. Гуртьева (1891—1943), генерал-лейтенанта танковых войск Г.С. Родина (1923—1977), Героев Советского Союза Н.Г. Сурнева (1923—1952), В.М. Иванова (1922—1982), Н.М. Хрыкова (1923—1987), Р.А. Клейна (1913—1990) и многих других замечательных людей.

Церковь Святого Предтечи и Крестителя Господня Иоанна (1774—1777, 1827, 1870 гг.) находится на Крестительском кладбище в западной части Орла. На Крестительском в 1812 году хоронили русских и французских воинов, умерших от ран.

В 1829 году при церкви была открыта школа грамоты. В 20-е годы XIX века священником В. Перевезенцевым построена двухэтажная каменная богадельня, потом обращённая в приют для девочек духовного звания. В 1883 году приют посетил цесаревич Николай (1843—1885), сын императора Александра Второго.

В 1938 году храм закрыли. В 1943—1944 годы он был открыт. Окончательно был открыт в начале 1990-х годов.

На Крестительском кладбище — могилы митрополита Орловского и Брянского **Палладия** (1899—1977), архиепископа Орловского и Брянского Варфоломея (1928—1988). Недалеко от входа в церковь покоится архиепископ Н.П. Поликарпов (1887—1938) — отец известного авиаконструктора Николая Николаевича Поликарпова. На Крестительском обрели вечный покой генерал-майор Д. П. Джунковский (1851—1923) — участник русско-турецкой войны 1877—1878 годов, краеведы Я.И. Горожанский (1858—1913) и П.В. Сизов (1937—1989), поэт И.В. Озеров, писатели-литературоведы Л.Н. Афонин и В.А. Громов.

Церковь Смоленской Божией матери (середина XVIII века — начало XX века).

Каменная Смоленская церковь, предшественница нынешней, была построена в 1767—1768 годы прихожанами Стрелецкой слободы, затем расширялась устройством в трапезной двух приделов. Главный храм был заложен в 1867 году. Не хватало средств. В 1889 году был образован комитет по достройке храма, председатель — священник Истомин. Колокольня, возведённая в 1904—1908 годы, и колокольня Покровской церкви были самыми известными сооружениями в Орле.

У наружной стены были похоронены строители храма — купцы Сухановы: Николай Михайлович (умер 5 ноября 1896 года) и Александр Михайлович (умер 5 июня 1878 года).

Могилы не сохранились. Церковь описал Н.С. Лесков в «Мелочах архиерейской жизни».

В 1899 (или 1900) году была открыта одноклассная церковно-приходская школа.

Храм закрыли в 1938 году, затем разорили (1951) и превратили в хлебозавод (1956).

В 1994 году здание вернули верующим. В 1995 году храм стал действующим. Решено его сделать памятником всем пострадавшим за Веру.

Церковь Воскресения Христова (1895 г.) находится на восточной окраине города на Афанасьевском кладбище, основанном при Введенском женском монастыре по указу

Правительствующего сената в 1887 году. По указу Орловской духовной консистории в 1890 году кладбище стало именоваться Афанасьевским — по названию погоста, на котором возник монастырь.

Деревянную кладбищенскую церковь освятили в 1895 году. Соорудили в Москве на деньги купца Каверина и супругов Духониных в память об императоре Александре III и привезли в Орёл.

В начале сороковых годов XX века храм оставался единственной действующей церковью в Орле. Его закрыли в самом начале войны. Официально храм был возвращён верующим в 1944 году. В октябре 1996 года церковь подожгли. С 1997 года по проекту архитектора М.Б. Скоробогатова начали строить, а затем завершили новую, но уже не деревянную, а кирпичную церковь.

Церковь Иверской Божией матери (1899—1902) поставлена близ вокзала, западным фасадом выходит к трамвайным путям. В три престола. Заложена была 13 октября 1899 года в память коронавания императора Николая Второго. Строилась на средства служащих Московско-Курской и Рижско-Орловской железных дорог. Возведена в три года. На погашение долгов 1000 рублей прислал император.

Главный престол освятили 13 октября 1902 года. На следующий год - правый предел. В 1907 году — левый.

В 1912 году произвели ремонт с внутренней окраской.

В 1923 году Иверская церковь, одна из красивейших в Орле, была закрыта. В сильно разрушенном состоянии вернулась к верующим в 1990 году. Реставрировали по проекту архитектора М.Б. Скоробогатова. В апреле 1992 года главный престол был освящён. Снова храм во всей красе встаёт перед нами.

Церковь Живоначальной Троицы (усыпальница Кочбеев) (1844—1845) расположена на территории Успенского монастыря (с 1820 — Архиерейский дом).

Построил эту небольшую тёплую церковь в 1844 году сенатор Аркадий Васильевич Кочубей (1790—1878). Служила она усыпальницей для жены и детей. Освящена 18 ноября 1845 года. В склепе под Троицкой церковью лежала чугунная плита, разделённая на две части крестом, над которым были изображены лица херувимов. На правой стороне — надпись: «Софья Николаевна Кочубей, урождённая Вяземская, родилась 15 июля 1798 г., а скончалась 30 мая 1834 года, с ней погребены дети: Виктор родился 11 июля 1829 г, а скончался 1831 г.». На левой стороне: «Елена Васильевна Кочубей, урождённая Туманская, родилась 23 мая 1758 года, а скончалась 23 декабря 1836 г.». Внизу: «Блаженны чисти сердцем, яко тин Бога узрят».

В храме с 1904 года стали хранить наиболее ценные экспонаты Церковно-археологического музея. В 1905 году их уже было около тысячи. Были там музейные редкости из раскопок Херсонеса, амулеты XII—XVII веков, Евангелие из Свенского монастыря 1682 года, латинские рукописи XVIII века, указы царей Алексея Михайловича и Петра Первого в Свенский монастырь.

В 1923 году архиерейский дом был закрыт. Потом здесь разместили фабрику-коммуну, тюрьму и колонию для несовершеннолетних. Появились художественные мастерские. В 1992 году здание вернули верующим, на следующий год церковь заново была освящена.

Церковь Святого Пророка Ильи (Никола-Песковская) — памятник архитектуры второй половины XVIII века. Ильинский приход является одним из самых старинных в нашем городе.

Вскоре после основания Орла в 1566 году возникла Стрелецкая слобода, а затем была построена деревянная церковь во имя Воскресения Господня с приделом Св. Пророка Ильи. В «литовское разорение» слободу и церковь сожгли, а место запустело.

В 1636 году воевода Б.С. Колотовский возобновил слобод, но только на другом месте, ближе к город к стенам крепостным. Тогда же была построена новая церковь, но уже не деревянная, а каменная. Прежнее место стали использовать под выгон: там раздавалось мычанье коров.

И вдруг — пожар 1858 года. Мигом сгорели трапезная и колокольня. А один из больших колоколов упал и пробил свод.

Стали восстанавливать «Николу на Песках». В 1874 году устроили новый раззолоченный иконостас. К 1898 году железная ограда появилась. Подновили живопись на стенах и куполе. Две часовни появились перед церковью.

В тридцатые годы XX века пришли суровые люди и закрыли храм. До 1995 года не открывали. А там опять празднично загревели колокола, собирая верующих на молитву. Башня ограды **Введенского женского монастыря** (1851—1857 гг.) достойна особого внимания.

В романе «Некуда» Н.С. Лескова читаем: «Монастырь стоял за городом на совершенно ровном, как скатерть, зелёном выгоне. Он был обнесён со всех сторон красной кирпичной стеной, на которой по углам были выстроены четыре такие же красные кирпичные башенки». Это был Введенский женский монастырь. Длина его ограды составляет более километра. Сооружена была в 1851—1857 годы. Архитектор Н. Ефимов составил проект. Две башни из четырёх сохранились до наших дней. В одной из башен открылась церковная лавка.

В церковь Живоначальной Троицы (Василия Великого, Троице-Васильевскую) приходили мастера в 1743—1751 и 1802 годы. Находится храм недалеко от Орлика в бывшей Пушкарной слободе при пересечении улиц Васильевской и 2-й Посадской. Построен «иждивением орловского купца Николая Васильевича Кузнецова с прихожанами» в два этажа: первый тёплый, а второй — холодный. В 1867 году на деньги купца Евфимия Семёновича Шелкова храм расширили. Иконостас изготовили на средства прихожанина Павла Ивановича Афанасьева.

На колокольне висело восемь колоколов. Один весил 318 пудов. При церкви была школа, одна из лучших в Орле. На Щепной площади находилась приписанная к ней часовня. Н.С. Лесков описал Троице-Васильевскую церковь в «Несмертельном Головане», упомянул в одном из писем В.А. Иванову (1891).

В 20-е годы храм принадлежал обновленцам и потом был закрыт.

Римско-католический костёл во имя Беспорочного Зачатия Пресвятой Богородицы девы Марии был построен в 1860-е годы на углу улиц М. Горького (бывшая дворянская-Садовая) и Октябрьской (бывшая Ввеенская). Находился в ведении Могилёвской римско-католической консистории. При Троицкой кладбищенской церкви были устроены католическое и лютеранское кладбища. В 1938 году костёл был закрыт.

Синагога была построена в 1909—1914 годы. Проект составил губернский инженер Фёдор Васильевич Гаврилов. Работами руководил Яков Евсеевич Дунаевский — известный в городе врач. Большую роль сыграл Яков Борисович Каценельсон, издатель и учёный, он был ведущей фигурой в деятельности еврейской общины. Храм был закрыт в 1923 году. Ныне здание занимает профессиональный колледж. Купол исчез, внутренняя отделка помещения утрачена.

Здание коммерческого банка построено 1897—1900 годы. Земля, где на целый квартал расположился банк, раньше принадлежала Н.П. Лепешеву. Стояли дома, бойко торговали лавки. И вот в 1872 году в доме купца В. Васильева открылся коммерческий банк.

Однако вскоре нашлось место получше. В 1874 году архитектор казённой палаты В.С. Попов приготовил проект полной перестройки дома Лепешева.

— Отлично! — сказал городской архитектор И. Тибо-Бриньоль и утвердил проект. Работы были к 1876 году закончены, и банк переехал в новое помещение. Когда же и в этом доме стало тесно, решили за новое здание взяться. Взались и построили то самое, на которое доньне народ не налюбуется.

Корпус банка, что выходит на улицу Гостиную, был возведён в 1899 году, а на следующий год окончили и второе крыло, обращённое фасадом к Орлику. Довели дело до конца, расселили служащих и поместили у входа мемориальную доску с надписью «Построено 1897—1899 гг. при председателе правления банка А.С. Полякове и директоре В.Э. Ромере

по проекту и под руководством архитектора С.К. Родионова». «Новое здание банка, — читаем в “Архитектурных древностях Орловщины”, — значительно обогатило городской центр. Его башни и шатры, перекликаясь со шпилем городской думы, главами и колокольням и приходских церквей, создавали исключительно живописный силуэт этой части города».

Несколько выше: «занимает целый квартал между площадью К. Маркса и берегом р. Орлика. Является одним из лучших образцов русского стиля на территории области». Здание **Городской думы** строилось в 1775—1799, 1859—1860, 1946—1949 годы. Странное место. Ныне в этом здании молодёжный театр «Свободное пространство», называемый раньше более удачно «Театр юного зрителя».

Ранее размещался в этом здании Орловский драматический имени Тургенева, могучий властитель дум в спектаклях из русской классики.

А ещё ранее в здании находилась Городская дума.

«В XVI—XVII веках, — читаем у Неделина, — органами управления в Орле служили приказная (съезжая) изба, помещавшаяся в Орловском кремле, а с начала XVIII века — ратуша. В 1799 г. вместо деревянной ратуши на новом месте, определённом регулярным планом 1779 г., было построено новое величественное здание городского магистрата и городской думы (с 1785 г.) в стиле классицизма. Оно представляет из себя восьмиколонную ротонду, увенчанную куполом... с изображением одноглавого орла, находившегося в гербе города».

Во время Великой Отечественной войны историческое здание выгорело. В 1946 году группа людей умных и хорошо подготовленных взялась за дело. Их было пятеро: архитекторы Б.Б. Антипов, Н.А. Целковников, В.В. Ончинников, инженеры В.В. Петропавловский и В.В. Бунин. Они разработали проект восстановления думского здания и приспособления его под театр.

Однако наше путешествие по городу закончилось. Пора за город.

Перед нами — село Старцево. Не слышали? А Старцево Селище? Тоже нет? А Никольское? Впрочем, Никольских немало на Руси. И вот ещё одно название — Лепёшкино.

В самый раз!

Дело в том, что все перечисленные наименования связаны с одним и тем же селением, что под Орлом.

Да ещё каким селением! В самой первой книге Орловского уезда упомянуто наше Лепёшкино. В той самой, которую написали подьячий Леонтий Софонов и писец Дементий Яковлев при царе Фёдоре Ивановиче.

Лепёшкино, оно же Старцево Селище, Никольское и даже Никольский погост, входило в состав Тайчукова стана Орловского уезда.

И не только входило, но и церковь имело, как и следовало настоящим русским людям. Орлу было всего лишь 22 года, а тут у ручья на ровном, низком месте уже стояла **церковь Николая Чудотворца и святых Бориса и Глеба**.

И доньше стоит.

В 1755 году при храме числилось 199 приходских дворов. Ныне существующий храм заложен в 1844 году вместо обветшалого деревянного и освящён 4 мая 1847 года. Имелись престолы во имя Святого Николая Чудотворца и Святых страстотерпцев Бориса и Глеба. Два великих праздника в году отмечают во всей округе. Гордятся жители ещё одним обстоятельством. Никогда, вы слышите, никогда не прерывалось служение Богу в Никольском храме!

Немало на Лепёшкинском погосте дорогих моему сердцу могил. В этом старинном храме мы прощались с Владимиром Костромичёвым, павшем смертью храбрых в горах Афганистана, с его отцом Иваном Николаевичем, с его бабушкой.

А там уважаемая Таисия Ивановна Елецкая, неутомимая учительница, обрела вечный покой. Там мой друг ветеран Александр Иванович Овчинников, автор книг о людях

великого мужества, проявленного в боях под Орлом в сорок первом году.
А там Алексей Захаров, рабочий человек, родом из Лаврова, сумевший в трудах по книгособирательству обрести всеобщее признание среди учёных библиофилов Москвы, Ленинграда, Киева, Воронежа... Лепёшкино не проехал мимо академик времён Екатерины Второй Василий Зуев. Он увидел Орёл, описал его, но так и не узнал, когда и кто его основал. А в это время уверенно и властно звал прихожан к молитве старинный Никольский храм. Быть может, ещё и Орла не было, а он уже был...
Лепёшкино - родина Александра Германо, основоположника цыганской литературы и цыганской письменности. Отец был чехом, мать цыганкой и все говорили, думали, пели на великолепном русском языке. Саша Германо вырос среди мальчишек вот на этом просторе. Написал первые стихи и первые рассказы по-русски. Но вот поехал в Москву, попал в Союз цыган и со всем жаром юного сердца размечтался, чтобы его братья и сёстры по крови прочли на цыганском любимого Пушкина:

Цыганы шумною толпой
По Бессарабии кочуют.
Они сегодня над рекой
В шатрах вздранных ночуют...

Взял русский алфавит и сделал его частью цыганской культуры. Перевёл «Цыган». Теперь его, Александра Германо, произведения переводили с цыганского на русский.

Но это случилось не сразу.

Сначала — три класса церковно-приходской школы, коммерческое училище, институт, окончить который не дала первая мировая война. Первые стихи, опубликованные в сборнике «Орловцы — жертвам войны» (1915), успех первого рассказа «Червь грызёт», а там и первый сборник «Былые зарницы» (1921), работа в «Орловской правде», громадный успех комедии «В некоем учреждении». Затем переезд в Москву, участие в становлении цыганского театра «Ромэн», который начинал свою историю с пьес Германо «Между двух зорь» и «Жизнь на колёсах».

Рвался в Орёл. Вырвался только после войны. Счастлив был увидеть старых друзей, милые сердцу места. Писал о приезде Пушкина в Орёл.

«Интересно и ново», — сказал как-то о его очерках А.М. Горький. Всю жизнь свою прожил интересно. Очень любил родную Орловщину. «Он и Льва Толстого не ценит, шутили друзья, — поскольку тот не родился в Орле».

Жизнь нашего земляка оборвалась в Москве в 1955 году. Осталась память добрая.

Бережно хранит его рукописи Музей И.С. Тургенева.

До последних дней он читал, писал и думал о родной стороне, где, как говорил, «прошли наилучшие годы моей жизни».

В Орле перед самой войной в сорок первом году вышли его «Цыганские стихи» в переводах разных авторов.

На почётном месте сиял ему величайший из поэтов Пушкин. Обращаясь к нему, писал Александр Германо:

Нет, ты не побеждён столетием суровым,
Над миром,
 как металл, звенят твои слова.
Сердца живых людей
 ты зажигаешь словом,

И сам ты жив, поэт,
пока
строка жива.
Стреляла в грудь певца
коварная эпоха,
Свинцом прошла
сквозь все горячие сердца,
И содрогнулся мир
от пушкинского вздоха,
От страшного его,
от раннего конца.

Бурнопламенный характер Германо был прекрасен, когда он встречался с друзьями в родном краю. Тот же характер помог ему в своё время такую яркую сделать инсценировку «Песни о Соколе»: спектакль шёл в Орле около трёхсот раз, а две пьесы Германо в театре «Ромэн» были показаны на сцене более тысячи раз.

Произведения Германо не сходили со страниц цыганских букварей, учебника родного языка, хрестоматий и альманахов. «Сердца памятный напев», так назвал свои воспоминания о нём один из современников.

Продолжим путешествие.

Село Платоново (Богословское, что в Блудове, Блудово).

Здесь **церковь Святого Иоанна Богослова** была построена в 1804 году.

Находясь в деревне Сеножать (Волоконка), я выхожу в сад и вижу за далью полей Платоновскую церковь. Видел не раз и совсем близко. Храм стоит на высоком левом берегу Оптухи.

Признаюсь, не сразу узнал, что и на этот раз не обойтись без Писцовой книги Орловского уезда времён царя Фёдора Ивановича. Читаю: «На погосте церковь Иван Богослов, на реке на Оптухе под Тайчуковским лесом...» далее о том, что в церкви «образы и свечи, и книги, и всякое церковное строение мирское».

Старинная церковь значится в ведомостях по церквям Орловского уезда 1734 и 1755 годов. В 1755 году при ней состояло 100 приходских дворов. В 1804 году на средства помещика В.А. Медведева вместо обветшалого деревянного храма был построен каменный с одним престолом, во имя Иоанна Богослова. Долгое время храм не подвергался капитальным перестройкам. В 1905 году был установлен новый иконостас. В ризнице хранились два Евангелия — 1716 и 1725 годов.

В деревне **Лунёво** открыли в 1897 году церковно-приходскую школу грамоты. В деревнях **Черемисино и Вязки** были земские одноклассные школы.

Храм закрывался дважды: 30-е годы и в 1963-м. Последнее закрытие оставило особенно тяжкий след в памяти народной.

Всё старался. Суетился наш председатель, — рассказывала одна старушка, — а закрыли церковь — слёг, заболел и не поднялся. Видно, Бог наказал.

Вновь открыли храм после ремонта 9 октября 1995 года. Отцу Игорю в ремонте храма оказал помощь Олег Михайлович Карнаев, в ту пору генеральный директор треста хлебопродуктов.

И ещё рассказывала Валентина Митрофановна Воскресенская в Орле:

— Мой дедушка был священником в Платоновской церкви. Начались гонения, взяли его. Так и не вернулся домой.

Перед нами Клеймёново (Покровское, Скородное, Скородина).

Церковь Покрова Пресвятой Богородицы (1890 г.) — знаменитое памятное место. Скородное тоже упомянуто в книге 1594—1595 годов Леонтия Софонова и Дементия Яковлева. Приход в селе известен с тех далёких времён — канун XVI века.

В 1749 году Пётр Афанасьевич Шеншин на сельском кладбище построил

однопрестольную каменную церковь во имя Покрова Пресвятой Богородицы. Она не сохранилась.

На том кладбище были похоронены предки великого русского поэта Афанасия Фета: двоюродный дед Василий Петрович Шеншин, а также его отец Афанасий Неофитович Шеншин и мать Елизавета Петровна Шеншина (урождённая Шарлотта Фёт).

Согласно ведомости 1896 года, церковь к этой поре совсем обветшала. Новый храм заложили в центре села. Строили на средства прихожан и пожертвователей. Осветили 30 сентября 1890 года. Колокол висел на временной деревянной колокольне. Каменную не успели построить.

В 1882 году в усыпальнице был похоронен А.А. Фет, в 1894 — его жена Мария Петровна Фет, урождённая Боткина. С 1897 года при церкви была одноклассная церковно-приходская школа, попечительницей которой стала Ольга Васильевна Галахова — племянница поэта и родственница И.С. Тургенева.

Церковь закрывали в 30-е и 60-е годы.

Вновь освятили 2 июня 1991 года. Реставрировали по проекту М.Б. Скоробогатова.

Раз в год, при активном участии орловских писателей, проводится Фетовский праздник, обычно приуроченный ко дню рождения поэта. Выступают гости из Орла, Москвы и других городов.

Первые праздники устраивались в Новосёлках, где Фет родился, потом выбрали Клеймёново. Вновь и вновь звучит поэзия неувядаемой свежести во славу Родины, любви и красоты.

А вот и славное **Лаврово**.

Церковь Преображения Господня — Святого Георгия Победоносца (1874 Е). Прежний деревянный храм стоял на старом кладбище. Сгорел от удара молнии в сороковые годы ХУШ века. Поставили новую церковь, тоже деревянную, без колокольни, привезённую из Рябинок Карачевского уезда. В 1887 году епископ Симеон распорядился разобрать здание «по совершенной ветхости».

Новый храм в центре села возвели на общественном выгоне. Дело было в 1874 году. Строили Яков Нефёдов Гольцов, после похороненный около храма, и Семён Фёдоров Гольцов.

Новый храм был холодный, имел два престола: главный — Преображения Господня, левый — Святого Великомученика и Победоносца Георгия. Хотели приладить над сводами каменный купол, да перевились. А ну как не выдержит грунт? Поставили глухой деревянный. Храм от этого внутри тёмн стал и не имел того величественного вида, как снаружи.

В 1888 году из старого колокола отлили новый весом в 103 пуда в 25 фунтов. Всю работу сделали на деньги церковного старосты Н.Д. Гольцова. В 1892 году начали каменную ограду и сторожку внутри. В 1895 году закончили. В 1892—1893 годы провели ремонт, поновили иконостас и всю живопись. Священник А.П. Лавров вёл церковную летопись. Подробно освещал историю села и нашего храма с давних времён. Даже составлял генеалогические таблицы старейших семейств. Уцелели отрывки.

Эту церковь в 30-е годы закрыли. В 1988 году началось восстановление. Много стараний приложил. Будучи директором совхоза, Иван Петрович Правдюк.

Освящён был храм 19 августа 1993 года.

В 30-е годы, когда церковь закрывали, местный житель Фёдор Гольцов подобрал главную церковную книгу времён Александра Третьего в сберёг. Во время войны пришёл к нам на Фоминку и стал нашим соседом умирая, отказал мне целый ящик книг, в том числе и церковную. Немцы, покидая наши места, деревню зажгли. Книги мои сгорели в горнице. Церковная хранилась в амбаре и уцелела. Долго Настя Лизякина отпевала покойников по этой книге. Услышал я, что Лавровская церковь восстановилась, передал, вернее, вернул книгу на церковнославянском языке на прежнее место.

В 1942 году бабушка водила меня в Лаврово на исповедь. Помню стены, увешанные

иконами, поющий хор и старого священника со строгим лицом.

Село Альшань (Ольшань, Альшанец, Никольское, Соковниво).

Церковь Пресвятой Богородицы (Никольская).

Село упоминается в Писцовой книге Орловского уезда 1594— 1595 годов. Входило в состав Корчаковского стана. Название, по преданию, получила от ольхи. Я вычитал это в «Орловских епархиальных ведомостях».

В 1723 году была построена однопрестольная деревянная церковь во имя Святого Николая Чудотворца. В 1755 году при ней числилось 89 приходских дворов.

В 1844 году графиней Софьей Прокофьевной Бобринской (1812— 1869), урождённой Соковниной, женой декабриста, члена Южного общества В.А. Бобринского, построена новая каменная церковь, освящённая во имя Благовещения Пресвятой Богородицы. На месте прежней деревянной церкви была выстроена каменная часовня.

Новый храм был трёхпрестольным: главный в холодной его части — во имя Благовещения Пресвятой Богородицы, в правом приделе — во имя Святого Николая, в левом — во имя Святого Великомученика Прокопия. В 1894 году на пожертвования князя Петра Дмитриевича Святополк-Мирского и крестьянина Ивана Логнинова Щукина была построена вокруг церкви каменная ограда с железной решёткой и тремя воротами. Закрыли храм в 1928 году. Потом открывали на малое время. А там и вовсе закрыли, пока однажды купол не сорвало ночной бурей... В 1938 году ограда ещё была. Помню её, правда, уже тронутую разрушением. Помню веялку за оградой: в храме хранили зерно. При немцах церковь была концлагерем для наших военнопленных: все до одного переселились в могилу за школой. Потом, помню, немцы пленные тут делали колбасу. Потом церковь была тюрьмой.

Слышал предание, что боярыня Морозова, умирая, отказала деньги для первого храма в Альшани. Она же была из рода Соковниных, альшанских помещиков, живших в усадьбе за ручьём, державших хутор Софии на Фоминке.

Наш первый погост был на краю деревни со стороны Кнубря. А потом для похорон определили так называемый Киреев клин в альшанских огородах. Там хоронят со всей округи: Альшань, Кнубрь, Покановка, Альшанские выселки, Большая Фоминка, Фоминский посёлок.

Альшань

Даль полей,
В ручей глядят ракиты,
Добрый свет из каждого окна...
То зима бушует деловито,
То звенит капелями весна.
То ликует лето в каждой ветке,
Красота кругом,
Куда ни глянь.
Были пляски шумные нередки —
Знаменита песнями Альшань.
Храм был красен звоном колокольным
И святыми ликами икон.
Жил народ простой и богомольный,
Соблюдая прадедов закон.
Волостное строгое правленье
Он имел,
А после — сельсовет,

Божий храм закрыли, к сожаленью,
Под лихим напором наших лет.
Занималась школа человеком,
Чтобы он не в дикости возрос.
Были мы не в споре с бурным веком,
Но в душе у многих
Жил Христос.
Праздновали Троицу, Николу,
Хоть не так, как в прежние года...
Старики иную знали школу,
Ей верны остались навсегда.
Человек с короткими усами
Был мне дедом,
Матери отцом.
Рад был нам рассказывать часами
О своём далёком, дорогом.

Село Паслово (Послов Колодезь, Ганшино) украсила своим появлением **церковь Спаса Нерукотворного Образа (Казанская)** в 1820 году. Первое упоминание о селениях и тут восходит к незабвенной Писцовой книге 1594—1595 годов. Прошли-прошагали годы великие, прошумели воды немалые. И тут приехал сюда бравый молодец, расправил усы и ну хозяйке читать стихи собственного сочинения:

Я рождён для службы царской,
С нею век мой золотой!

Денис Давыдов? Он самый. А при чём тут Паслово? А при том, что именно здесь проживала Прасковья Николаевна Давыдова, урождённая Лопухина, тётушка славного поэта-гусара.

Почтенная помещица пасловская была замужем за полковником Владимиром Денисовичем Давыдовым, героем Отечественной войны 1812 года, родным дядей поэта-гусара.

Это на её средства в 1820 году был построен пасловский храм на три престола: главный — во имя Спаса Нерукотворного Образа, в трапезной — во имя Казанской Божией Матери и Святого Мученика Иоанна Воина. Церкви принадлежала каменная часовня-сыпальница (1820) на кладбище и деревянная часовня над Владимирским колодцем (1898). Обе, увы, не сохранились.

Важный исторический факт: в церкви 23 января 1826 года отпевали тело императора Александра Первого на пути из Таганрога в Санкт-Петербург.

При храме была одноклассная церковно-приходская школа. Паслово упомято Н.С. Лесковым в «Юдоли», в очерке «О происшествии с кронштадтским священником» и других произведениях.

Церковь в 30-е годы закрыли. Немцы открыли, а колокол в 70 пудов бережно сняли и в свою Германию отвезли. Перед уходом из наших мест в славном сорок третьем посадили снайпера на колокольню и велели стрелять. Мы ответили пушками. Снайпера как не бывало. Повреждения храма, слава Бог оказались незначительными.

После войны храм закрыли. Спустя годы встал вопрос о реставрации...

В народе помнят об усадьбе давыдовых, в центре которой стоял большой деревянный дом

из 27 комнат, две каменные башни. Были ещё конный завод, оранжерея, разные служебные и хозяйственные постройки...

Гонючее, Тайное. Вязки, Цветынь, Саньково, Хрыки, Паслово.

Всюду однажды побывали краеведы с заходом на Оптуху и Неполодь. Вели археологические, этнографические и ботанические наблюдения. Осматривали городища. Записывали легенды, предания и частушки. Всего прошли за неделю 50-60 километров. Первым осмотрели городище у западного конца деревни Гонючее. Городище находилось на левом нагорном берегу Оки, сохранилось великолепно. «Откуда название деревни?» — спросили.

Услышали две версии. Одна увела в Смутные времена. Пришли поляки и шайки самозванцев, церковь сожгли, жители разбежались кто куда...

Вот и появились починки Гонючее и Тайное.

Вторая версия: тут была царская застава Московского государства. С этой заставы гонцы спешили, гнали коней в Орёл к воеводе, чтобы предупредить об опасности.

Осмотрели городище у села Цветынь. Измерили. Название от роскошных цветущих лугов, от высоких трав степных.

На самом городище жил крестьянин Правоторов. Передал наконецник железного копья XVI века, найденный во время рытья колодца. Рассказал, что тут находили кости и рога домашних животных, каменный ручной жернов и монеты с надписью «гривенник».

В Тайном однодворец Андрей Фёдорович Плахов 74-х лет рассказал, что на городищах в Цветыни и Гонючем, «в незапамятные времена жили богатыри и, когда им понадобится, они кричали и друг дружке перекидывали чугунные топоры».

Осмотрели курган у деревни Кокорина, который «стоит среди чёрного поля, как большая зелёная горка». Назвали его Зелёным.

Второй курган Запаханым назвали: на нём гречиха росла. Нашли крем ни и черепки из грубой глины.

Третий курган записали Разрытым. Говорят, тут клады искали, поэтому и разрыли.

Навестили городище Надежда (в 1 км от д. Звягинки, правый берег р. Орлик). Памятник однослойный и весь его инвентарь — предметы украшений из бронзы, предметы быта, керамика — довольно чётко датируются IV—II вв. до н.э. Разрез первого вала городища (со стороны поля мыс ограничен двумя валами и рвом между ними) позволил установить, что поселение было укреплено с момента его возникновения (вал сооружён прямо на материковом грунте, однако насыпь его имеет следы вторичной подсыпки).

Поселение было покинуто в последних веках I тысячелетия до н.э., и жизнь на нём, по-видимому, больше не возобновлялась, во всяком случае, до начала II тысячелетия н.э. (найден немного черепков гончарных сосудов с волнистым и линейным орнаментом).

Дальнейшее продвижение вверх по Орлику в поисках памятников I тысячелетия до н.э. —

I тысячелетия н.э. не дало положительных результатов: обнаруженное при впадении в него р. Орлицы городище (у д. Титова-Мотыка) относится уже к эпохе Древней Руси. Тот же вывод был сделан при обследовании другого крупного притока Оки — р. Цон.

Значительно раньше началось заиление берегов правого притока Оки — р. Зуши, где известен ряд древних городищ. Речку Зушу обследовала Т.Н. Никольская от Новосила до впадения в Оку.

Однажды, открыв «Бюллетень Орловского Губернского Бюро краеведения 1927 года», я с большим интересом прочитал, как тем же летом группа краеведов в составе заведующего Музеем учебных пособий В.Ф. Лебедева, преподавателей и любителей старины Ф.Ф. Руднева, В.А. Ильинских, Е.В. Миленушкина и Г.И. Шабанова совершили экскурсию на гребной лодке вниз по Оке. Маршрут был таков: Щекотихино, Лунина. Плещеево, Пашково, Платоново.

Село Спасское (Спасское, что в Житном; Спасское, что в Жидком, Жидкое). Здесь **церковь Спаса Нерукотворного Образа** была построена в 1846 году.

Встала она в центре села, на невысоком мысу при слиянии рек Неполодь и Моховица.

Первое упоминание поселения находим в той же первой книге Орловского уезда. Назван починок Ондреев, принадлежавший Андрею Григорьевичу Житкову, имя которого стало одним из названий села.

Во второй половине XVIII века здесь были владения секунд-майора князя Ивана Алексеевича Белосельского (ум. в 1785 г.). Его младшая дочь была замужем за Гавриилом Петровичем Бахметевым, помещиком Тверской губернии, который при Екатерине Второй вышел в генерал-майоры.

Спасская церковь упомянута впервые в ведомостях Орловского уезда за 1734 и 1755 годы. Числилось до 50 приходских дворов.

Церковь была деревянной и с годами совсем обветшала. Татьяне Ивановне Бахметевой в 1846 году пришлось строить кирпичную на свои деньги. В 1905 году западный рукав трапезной был удлинен на одно окно. В 1892 году бурей сорвало деревянный крест на главном куполе — заменили хрустальным.

На церковной земле жили в деревянных домах священник и дьякон. В приходской деревне Поветкиной было построено деревянное здание церковно-приходской школы — не сохранилась.

Церковь в 1930 году закрыли. Колокольню в 50-е годы разобрали. Внутри храма уцелели остатки живописи.

Село Большая Куликовка. Церковь Покрова Пресвятой Богородицы было украшено в 1818 году.

Церковь донныне стоит на окраине села, на широком лугу, по которому протекает ручей Куликов. Некоторые из деревень здешнего прихода попали в Писцовую книгу Орловского уезда 1647 года. До 1818 года состояли в приходе церкви села Знаменское (Домнино). Существующий ныне в Большой Куликовке храм освящен во имя Покрова Пресвятой Богородицы в 1908 году.

В 1901 году храм был расширен, пристроили два новых алтаря. В 1849 году устроили и окрасили в розовый цвет, украсили позолоченной резьбой новый иконостас. Окружили храм оградой из дикого камня с деревянным балясником.

Открыли в селе земскую школу, а в **Малой Куликовке** церковноприходскую школу грамоты (1897). В 1930-е годы храм был закрыт. После войны вновь зазвонил колокол, созывая прихожан на молитву.

Село Дьячье (Косчодемьяновское, что в Дьячье, Козмодемьянское). Церковь Святого Козьмы и Дамиана (1914 г.) встала на высоком берегу речки Мезенки, недалеко от широкого леса. Козмодемьянский погост очень старинный, в Писцовой книге 1594—1595 годов упомянут. Названа церковь на погосте, а в ней образа, иконы. Тут же «всякое церковное строение приходных людей, да на церковной земле дворов: во дворе поп, во дворе пономарь». В последующих ведомостях церквам Орловского уезда 1734 и 1755 годов упоминается храм, при нём насчитывается 102 приходских двора.

Новую двухпрестольную церковь построили взамен старой в 1781 году. Храм был двухэтажный: в нижнем каменном этаже находился малый престол во имя Святой Живоначальной Троицы, на втором, деревянном, главный — во имя Святых Бессеребренников и Чудотворцев Козьмы и Дамиана. Колокольня была деревянной. трехъярусной. В приходе имелись две школы: одна в селе Косчодемьянском, другая в деревне Большой Спицыной.

В 1914 году в десяти сажнях от этой церкви возвели новый храм с колокольней около 25 метров. Эту церковь закрыли в 30-е годы. Колокольня исчезла. Снесли и стоявшую рядом старую церковь.

Село Бакланово (Бакавово). Здесь в 1898—1909 годах была построена **церковь Святого Николая Чудотворца.**

Стоит храм на берегу реки Неполодь. Виден издалека. Первое упоминание о нём находим в Писцовой книге Орловского уезда 1678 года в переписи Ефима Марковича Норова и подьячего Савина Регтьева. Земля находилась во владении князя Ивана Степановича

Хотетовского, имевшего там свой вотчинный двор. Был князь любимцем Петра Первого. Сумел уцелеть и его сын, будучи стольником царским.

Деревянная Никольская церковь упомянута с 1734 года во многих документах. В 1861 году Бакланово становится волостным центром и одним из самых многолюдных сёл в Орловском уезде.

Решили прихожане построить новую церковь, более обширную, каменную. Образовали в 1897 году строительный комитет во главе со священником Митрофаном Пановым. Сошлись 12 сентября 1899 года и торжественно заложили первый камень на новом, более высоком месте, на противоположном берегу речки Неполодь. Взались горячо за дело кирпичный мастер Мариничев, плотники Горлин, Мишин, Шинарёв, Иван Старцев; иконостасный мастер Гончаренко и другие. Строительные работы вели подрядчик Леваков, десятники Ширков и Искрыгин с артелями. Был при закладке фундамента епархиальный архитектор Пухальский. Какое знакомое имя! Это же отец известного в Орле собирателя редких книг Иосифа Пухальского и уважаемой Тамары Михайловны, жившей на улице Маяковского, к которой мы любили заходить, чтобы налюбоваться редкими изданиями, послушаться рассказов о старине...

В данном случае Михаил Пухальский, выходец из Польши, осуществлял общий надзор, а присмотр за всеми дальнейшими работами взял на себя епархиальный архитектор Вильфорг. Участвовали в работах местные крестьяне. Средства были от пожертвователей. 4 января 1909 года храм с престолом во имя Святого Николая Чудотворца был освящён. Думали трёхъярусную колокольню сделать, но прервали дело на половине. Обошлись стоявшей рядом деревянной звонницей на столбах.

Служба в старой церкви была прекращена в 1909 году. В 1921 году разобрали иконостас. Часть икон перевезли в село Серенск Болховского уезда, часть передали в новый храм. Приехал тогда же П.С. Ткачевский, заведующий губернским музеем. Сделал несколько зарисовок. Разобрали старцы церковь на строительство школы.

Село Солнцево (Никитское, Бекетово).

Церковь Успения Божией Матери (Никитская) была построена в 1798 году. У излучины Орлика, рядом с асфальтированной дорогой в Нарышкино и на Карачев. Село Никитское, «на реке Орле на Крутой горе» упомянули Л. Софонов и д. Яковлев в своей книге про Орловский уезд: «Погост на царя и великого князя Фёдора Ивановича всея Руси (земле), а на погосте церковь великого мученика Христова Никиты... а в церкви образы и свечи, и книги, и всякое церковное строение приходских людей, а на церковной земле дворов: на дворе поп, во дворе пономарь».

В XVIII веке церковь перенесли в деревню Бекетово, ближе к Карачевской дороге.

Бекетово стали называть селом Никитским. Старое место забросили, деревянную церковь упразднили.

Нынешний Успенский храм построил помещик Д.М. Сонцов-Засекин. В нём было два престола: главный — во имя Успения Божией Матери, по сторонам Св. Великомученика Никиты и Св. Великомученицы Параскевы. Освящена в 1843 году.

В 1870 году с разрешения епископа Ювеналия по проекту архитектора В.С. Попона стали строить тёплый придел, соединили с колокольней.

Освятили новый престол 9 ноября 1884 года во имя Св. Михаила Архангела. При церкви была школа грамоты.

Особо чтити икону Св. Великомученика Никиты, перенесённую в Успенскую церковь из прежнего деревянного храма. Говорили, что икона объявилась на колодце. Колодец цел и поныне, считается святым. Верят, что помогает от глазных болезней. Другая святыня - древний серебряный крест с частицей святых мощей.

Храм закрыли в 1930 году. Вновь освятили 24 ноября 1990 года.

Жил в той деревне помещик Тимофей сын Маслов с братом Парфёном. Рядом — Матвей и Ивашка Русиновы, дети Меинянкиню: после Смуты их деревня превратилась в починок.

Древность села Солнцево дошла до революции в своих старинных обычаях. Праздновали тут славянское Новогодье с переодеванием в животных и пением песен, похожим на колядки, перед Рождеством славили Христа, на Святках гадали. Широко отмечали Масленицу.

Сонцовы-Засекины тут владели землями вплоть до Октября. Один из князей упомянут Н.С. Лесковым в «Грабеже» с такой язвительной характеристикой: «Род был знаменитого, а таланту неважного».

Ныне Солнцево — одно из подразделений СПК «Звягинки».

Стоит село **Образцово** совсем близко от Орла, на четвёртом километре трассы на Нарышкино, в двух шагах от Орлика: раздевайся жарким летом и купайся на здоровье. Долгое время думал, что название придумали совсем недавно. Ан, нет! До всего докопались краеведы-историки. Оказывается, в XVI веке тут жил гражданин Образцов, человек служилый. Стоял его двор под названием «Образцов починок» — вот вам и селение всё. Имел человек корову с молоком для еды, саблю с ружьём от беды, да коня вороного для работ полевых, для подвигов ратных во спасение Отечества.

Когда разрослось селение, то перешло в руки Нарышкиных, из того рода старинного, из которого (подумать только!) вышла мать Петра Великого.

Починок ушёл в прошлое, а Образцово выросло до размеров большого села. До того прославилось, что воистину стало образцовым.

Не верите?

Извольте! Именно сюда 2 июля 1909 года пожаловал по дороге из Крыма в Петербург премьер-министр Российской империи Пётр Аркадьевич Столыпин. Разумеется, в Орёл был его сердцу мил: здесь он жил в юности ранней. Орловскую гимназию окончил в 1881 году. Но дело есть дело. В голове сидела аграрная реформа. Вот и решил Пётр Аркадьевич проверить, как идёт реформа в Орловской губернии, в таких сёлах, как Солнцево, Образцово, Маслово, Звягинки, Сухая Орлица по всей волости Стрелецкой. Сопровождал П.А. Столыпина управляющий землеустройством и земледелием России А.В. Кривошеин. Отметил высокий гость заметные улучшения в ведении хозяйства:

появление многополья, расширение посевов кормовых трав.

До самой революции 1917 года образцовским помещиком был гласный (депутат)

Орловского уездного земства гвардии ротмистр Михаил Александрович Нарышкин.

Первая русская революция не обошла своим жарким вниманием многие селения нашего края.

Образцово бунтовало в августе 1906 года. Нарышкино громили. Из Орла прискакал отряд полиции. Свои против своих. В вооружённом столкновении были раненые с двух сторон. При Советской власти сошлись крестьяне, осмотрели барские зона: Нарышкина - 15 на 30 аршин, Зарубина — 18 на 7. Прибрали хозяйство к своим рукам. Хозяевами оказались отменными, воистину образцовыми. В этом убедилась губерния. Даже Москва убедилась. А всему начало — Человек по имени Иван Петрович Савин (1902— 1967). Уроженец знаменитого на весь мир мценского села Клеймёново, где ныне близ вечного покоя великого россиянина А.А. Фета устраиваются Фетовские праздники поэзии, в юности уехал на Донбасс и там, в самых опасных глубинах земных, стал забойщиком шахты Ново-Гайкинской. Там не только был образцом трудолюбия, но и показал хозяйскую жилку. Забойщика взяли в рудоуправление шахты Чулковская.

Началась коллективизация.

В числе 25 тысяч рабочих Иван Петрович Савин получил направление на самое в ту пору важное государственное дело. Прибыл в Образцово, как Давыдов в «Поднятой целине» Шолохова на берег Дона. С той разницей, что сын клеймёновского крестьянина знал деревенские дела с детства. Может, поэтому сумел быстро найти дорогу к людям. Колхоз «Пробуждение» стал флагманом коллективизации с первых лет в нашем крае. Мы, помню, всегда завидовали. То и дело вспыхивал разговор:

— Слыхали? Савин своим на трудодень выдаёт три рубля деньгами, три килограмма

хлеба, пятнадцать килограммов овощей.

Так было в 1935 году, и потом, до самой войны.

Образцовое Образцово посадило сад, заложило парниковое хозяйство, завело пасеку на 200 пчелосемей, построило скотные дворы и зернохранилища. В 1937 году 20 семей рабочих шпагатной фабрики подали заявление в колхоз: пожелали работать у Савина. В 1940 году «Пробуждение» было достойно представлено на Всероссийской сельскохозяйственной выставке в Москве.

Гордостью стали сады. Садовод Кулешов на выставке в Москве был награждён тремя большими золотыми и двумя малыми серебряными медалями.

В войну сады вырубил немцы. Кулешов не перенёс этой утраты и скончался.

Пришёл сорок третий год. Орловский край был освобождён.

Это было на наших глазах:

Отец соломой хату крыл,
Снопы привязывая туго.
А день такой погожий был,
Тянуло тёплым ветром с луга.
Я сноп подбрасывал литой.
С большими вилами справлялся,
К закату купол золотой
Под синим небом красовался.
Отец — весёлая душа,
Был рад работе, как подарку.
Шутил: «А крыша хороша!
Гореть, наверно, будет жарко».
Она и впрямь костром горела,
Да и каким ещё костром.
Когда войне пора приспела
Скрестить оружие под Орлом.
Мне крепко в памяти запало:
Чернела печь над пустырём.
И что-то бабушка искала,
Копая пепел костылём.
Вздыхала, холмик вороша,
Седой качая головою...
Отец - весёлая душа
На запад шёл от боя к бою.

От боя к бою шёл и И.П. Савин, председатель соседнего колхоза, думал и дальше идти. Но в августе сорок третьего был отозван с фронта к прежнему месту работы.

«Пробуждение», как и все другие колхозы Орловщины, вступило в полосу возрождения. Жили в землянках. Пахали на коровах. Копали вручную целыми гектарами. Валились с ног от усталости небывалой. И взрослые, и дети.

Так было всюду.

Вошло в нашу речь такое понятие, как «фронт работ». Где фронт, там — утраты.

Подрывались на минах и снарядах.

Слёзы б лить от этой штуки,
Но к утру зовёт земля,
Даже дети — косы в руки —
Отправляются в поля.

В огороды шли с лопатой,
Раз нажим!
Нажим другой!
От зари и до заката
Всё кипел наш мирный бой.
Так в газете и писали:
«В битве мы за урожай».
Люди Родину спасали,
Доблесть била через край.
Куковали нам кукушки,
Обещали много лет,
Мы с реки несли ракушки,
Щавель — главный наш обед...
Всё, что было, вечно рядом.
Хоть прошло давным-давно.
В жёлтых гильзах от снарядов
Выбивали мы пшено.
Много стука,
Мало каши.
В речке ухал динамит...
Но жива деревня наша,
Даже трубами дымит.
Смотрит в пасмурное поле
Огоньками в час ночной,
Где зерно тогда мололи
Мы на мельнице ручной.

В трудах «со страшным напряжением сил» возрождались Образцово и другие сёла нашего края. Заново в «Пробуждении» посадили на 30 гектаров фруктовый сад. Ферму построили в 1946 году. Скотный двор на 100 голов. Свинарник на 300 свиней. Птичник на три тысячи птиц.

В 1967 году «Пробуждение» стало колхозом-миллионером. Много раз отмечалось и наградами высокими. Сам председатель получил ордена Ленина и Трудового Красного Знамени. Восемнадцать лет был депутатом областного Совета.

И вдруг, как гром, ударила весть — умер великий сын Орловского края. Рассказывали, как легенду о нём:

— Собрал у себя последнее заседание. Держали совет, кому передать в руки управление хозяйством. Иван Петрович назвал имя Котиковой. Согласились. И собрание потом поддержало.

Ныне Образцово, как говорят теперь, «село с развитой инфраструктурой». На основе колхоза «Пробуждение» работают три хозяйства: СПК «Пробуждение», ЗАО «Образцово» с кормовым животноводством и ЗЛО «Пробуждение» с растениеводством.

Перед зданием администрации могила лётчика Давида Самуиловича Лейкина, павшего за Родину в воздушном бою 5 января 1943 года, незадолго до своего двадцатилетия. Останки героя были обнаружены в 60-е годы минувшего века. Инициалы установлены по именному пистолету. Воздушный бой был примерно на месте современного орловского аэропорта.

Дорога из Орла на Образцово обсажена клёнами. На левом берегу Орлика — селище начала нашей эры. Другое селище (конец 1 тысячелетия до н.э.) обнаружила С.Д.

Краснощёкова в 1987 году с археологическим отрядом Орловского краеведческого музея. Селище — у посёлка Булгаковы Горки, между деревнями Образцово и Надежда, на левом берегу Орлика.

В том же году С.Д. Краснощёковой были открыты три селища XIV—XVII веков. Опираясь на Писцовую книгу 1594—1595 годов, можно предположить, что перед нами исчезнувшие деревни Межакова, Васенева и Харькова. Помещики Харькова жили на Орле против Медковского городища, современных Звягинок.

На восьмом километре вправо от дороги, ведущей на Нарышкино, находятся **Звягинки** — старинное русское село. Начало жизни здесь, на левом берегу Орлика, уходит в бронзовый век, в третье и четвёртое тысячелетия до Рождества Христова. Люди пахали, сеяли, разводили скот. Из камня оттачивали топоры и молотки, из бронзы делали ножи, браслеты, наконечники стрел, бусы, подвески, из глины — сосуды.

В осыпях оврагов в конце 80-х годов XX века археолог Я.В. Грекова обнаружила обломки сосудов из того далёкого века.

Деревня Маслово, стоящая по соседству на берегу Орлика, имеет тоже древнее происхождение, поскольку упоминания о нескольких семьях помещиков Масловых сохранились в документах XVI века.

Писцовая книга 1594—1595 годов упоминает недалеко от Орловской крепости Медково городище, Никитский погост с церковью во имя Святого Никиты, деревню Звягинцеву, деревню Бекетово. Предполагают, что Медково городище и стало Звягинками. В этом городище помимо Богдана Звягинцева проживал с семьёй сын боярский Ондрей Онисимов сын Переверзев, родственники которого имели земли в деревне Кишкина на Орлице.

На реке Орле было поместье Ивана Григорьевича Звягинцева и Орины, вдовы Дениса Звягинцева. Шли годы. Звягинцевы сидели прочно в Орловском уезде. Но вот в 1830 году Богдан Зиновьевич Звягинцев взял да и продал Звягинки в руки другому помещику. Был он лыс и сутуловат, имел аляповатый нос и отвислые губы.

Что и говорить? Невзрачно выглядел новый хозяин Звягинок. Но славу имел на всю Россию. Это был граф Сергей Михайлович Каменский, генерал от инфантерии и сын фельдмаршала М.Ф. Каменского, брат знаменитого полководца суворовской школы Н.М. Каменского.

Ни отца, ни брата уже не было на свете. Оба покоились под сводами храма в Сабуровской крепости. Сам же Сергей Михайлович, участник войн с поляками, шведами, турками и французами, ушёл на отдых, но покоя не знал. В 1815 году открыл в Орле театр. Театр — дело хлопотное. Привёл хозяина не только к славе всероссийской, но и к полному разорению. Одна за другой уплывали из рук деревни. Даже Сабурово вместе с крепостью пришлось продать.

Остались Звягинки. Здесь, как утверждают историки Е.Н. Ашихмина и В.А. Ливцов, «действовала своеобразная театральная школа, первые частные заведения такого рода в Орловской губернии». Действовала, правда, недолго. В 1835 году граф расстался с любимыми Звягинками и уехал в Москву. Там отпустил на волю верных музыкантов и вскоре умер.

Театральное дело нашло отражение под язвительным пером Н.С. Лескова («Тупейный художник») и А.И. Герцена («Сорока-воровка»), но и привело в наши дни к появлению в славном театре им. Тургенева музея быта в память о Каменском.

Шли годы. Октябрь застал в Звягинках богатые усадьбы: Н.П. Зиновьев имел сад в 30 десятин, 3600 плодовых деревьев, да ещё 22,5 десятин распаханной земли. Были усадьбы А.А. Сапрыкиной и В.Н. Телегина.

Первая школа появилась в 1901 году. Для занятия предоставил свой дом крестьянин Михаил Кузьмич Косолапов. Стали учить детей Максим Дугин и Пётр Косачёв, грамотные местные жители. Земство вскоре прислало четырёх настоящих учителей. В каждом классе было 20 учеников. Из окон открывался чудесный вид на заречье.

Когда Косолапов решил дом продать, земство помогло выстроить новую школу, и она открылась в 1913 году. Здание из дорогого красного кирпича и сейчас «поражает своими масштабами и архитектурной культурой».

В 1928 году директор Филипп Семёнович Матов на собранные деньги приобрёл киноустановку. Это было событием в Звягинках. В 1932—1933 годах школа стала семилетней.

При немцах тут был госпиталь. Тогда же Агнессу Юрьевну, учительницу, муж которой находился на фронте, расстреляли вместе с шестилетним сыном.

При отступлении немцы разрушили школу. Народ восстановил её полностью. В 1955 году Звягинская школа стала десятилетней.

Долгие годы здесь возглавлял колхоз депутат Верховного Совета СССР, Герой Социалистического Труда Михаил Васильевич Спиридонов. Он привёл Звягинки к славе. Спиридонов прошёл большую школу жизни. В Хотынецком районе начинал трудовую деятельность в колхозе «Память Ленина» Макара Яковлевича Савичева, при котором хозяйство было награждено орденом Трудового Красного Знамени. Потом трудился Спиридонов в пригородном совхозе «Сабуровский». Два года жил в Африке, занимался в Гвинее проблемами тропической ветеринарии.

Вернувшись на Орловщину, стал председателем колхоза имени XXII партсъезда. Вскоре за опытом в Звягинки двинулись люди со всей страны. В области был создан Совет колхозов. Председателем избрали Спиридонова. Он одним из первых на Орловщине передал земли в аренду: урожай поднялись в шесть раз.

В ноябре 1988 года Звягинки посетил Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР М.С. Горбачёв.

Приехал не один. Звягинки увидели большую группу лиц, прибывших в Орёл на Всесоюзное совещание по актуальным вопросам перестройки...

Заботясь о крае, М.В. Спиридонов долго хлопотал и добился открытия церкви в соседнем селе Солнцево, которое в составе семи деревень входило в состав колхоза. Были выделены деньги на реставрацию храма Успенья Пресвятой Богородицы, на покупку колоколов.

На том кладбище, недалеко от церкви, обрёл свой вечный покой неутомимый труженик, великий русский патриот Михаил Васильевич Спиридонов.

Стали Звягинки центром Образцовского сельского Совета, объединяющего 23 населённых пункта с населением в шесть тысяч человек.

Данные 2006 года: 2 средних школы, 3 детских сада, 33 дома культуры, 3 библиотеки, 2 почтовых отделения, сберкасса, Звягинская врачебная амбулатория, 3 фельдшерско-акушерских пункта. К услугам жителей 6 магазинов райпо «Единство» и 4 частных магазина. Зарегистрировано 2 промышленных предприятия, ТОО «Звягинский крахмальный завод», ООО «Агросоюз», ОАО «Звягинки», СИК «Пробуждение» — сельскохозяйственные предприятия областного значения.

Газификацией, строительством жилья, устройством прудов и дренажными работами занимается ДОО «Зареченская ПМК». Главное направление социального развития села — в осуществлении программы «Славянские корни».

Строятся новые дома, в том числе многоэтажные.

В дни торжеств жители Звягинок несут цветы к братской могиле, где покоятся 65 воинов, павших смертью храбрых при освобождении края от фашистских оккупантов.

Уместно добавить: в Звягинках одно время жил у родственников жены известный писатель-орловец Евгений Александрович Зиборов. Не раз стоял у этой могилы и вспоминал свои фронтовые дороги.

Пережитое становилось на наших глазах стихами, военной прозой, в том числе повестью «Высота Безымянная», романом «Завтра придёт Иван».

Память о войне всегда была с писателем-фронтовиком. Не покидала и здесь, в старинном русском селе.

Ещё одно имя — Владимир Андреевич Мильчаков, тоже писатель и тоже фронтовик.

Для него край, где жил и работал Спиридонов, был, как родной. Убеждён, что многие страницы его последнего романа «Птенцы орлов» были продуманы в Звягинках. Именно здесь часто любил бывать Владимир Андреевич.

Любил рыбалку.

Любил природу.

Любил размышлять в мире природы о прекрасном.

А для него, как и для Е.А. Зиборова, самое прекрасное — это подвиг во имя Родины.

Недаром автор великой книги «Брестская крепость» Сергей Смирнов дружил с В.А.

Мильчаковым, гостил у него в Орле. Так и вижу их вдвоём на природе, в наших Звягинках.

Однажды летом, будучи журналистом, я впервые увидел Звягинки. Председатель находился в поле, и мне предложили подождать. Когда он приехал, мы наговорились вволю, и я с наполненным блокнотом вернулся в редакцию. Но сейчас не об этом.

А о том, как сидел на скамейке и ждал, находясь во власти впечатлений. Дело в том, что о Звягинках слышал с детства. Правда, очень смешное.

— Ней чай, — говорил с улыбкой отец. — Вот в Звягинках одна старушка по двенадцать чашек выпивала в один присест.

— Да, богатырская бабушка! — смеялся мой дедушка.

И все смеялись.

Теперь же слава гремит повсюду о звягинских людях-тружениках. Журналисты то и дело тут. Вот и меня послал редактор.

Слышался издали гул трактора. Звенели где-то рядом голоса женские, детские, долетали обрывки разговоров. Совсем близко щебетали воробьи. Одним словом, жизнь кипела.

Мысли возвращались к самому главному — к задуманной книге для детей:

Рощами и сёлами

Хожу не нахожусь.

На цветы весёлые

Гляжу не нагляжусь.

А в Большой Фоминке,

Где мой дом родной,

Каждая травинка

Говорит со мной.

И приносит ветер

Мне привет с полей.

Лучше нет на свете

Родины моей.

Это уже было написано.

И вот это:

В старом ящике, в соломе

Два щенка у нас живут,

Знают все ребята в доме,

Как едят они и пьют.

Тот мохнат

И тот мохнат —

Их любой потрогать рад.

А начнут ворочаться —

Уходить не хочется.

Молоком их поим, чаем —

Нам не жалко и конфет.

Даже лаять обучаем,
Если мамы лома нет.

И это:

Это что за коромысло
Над рекой Окой повисло?
Это солнце небосводу
Достаёт из речки вод
Чтобы дождик шумный шёл,
Чтобы ярче луг зацвёл.
Чтоб смеялись дети
На всём белом свете.

Не было стихотворения о труде. И вот там, на скамейке перед колхозным правлением, под шелест деревьев и лёгкий говор птиц сошлись мои думы в стихотворный размер:

В сад бежит тропинка змейкой,
Там стоит моя скамейка,
Хорошо на ней сидеть
И на яблоки глядеть.
Я прислушиваюсь там
К звонким птичьим голосам.
Я люблю мою скамейку.
Я скамейку сделал сам.

Когда я встречаюсь с ребятами, то читаю им стихи и говорю в названии:
- Всё делайте сами. Любите, дети, труд. Украшайте землю родную делами добрыми во славу Отечества.

Посёлок Живописцев.

Справа от дороги на Карачев есть поворот на посёлок Живописцев. Семён Константинович Живописцев (1859—1920) здесь в начале века купил 47 десятин земли, построил дом и открыл оспенную лабораторию. Вакцина орловского учёного стала известна по всей России, направлялась за границу, а во время Первой мировой войны стала бесплатным лекарством для 5 миллионов воинов. Сотрудники лаборатории были награждены медалью «За усердие». Все сорок человек, включая дворничиху Марью, получили награду в 1915 году от Главного санитарного управления. Сам же С.К. Живописцев вручил каждому работнику золотое кольцо с выгравированной надписью «В память работы для русской армии. г. Орёл. 1915 г.». Кроме того, на кольце были инициалы награждённого и дарителя. Ещё и фотографию получил каждый сотрудник с надписью «В память общей работы для русской армии». Остались без награды только телята, которые мирно паслись на лугу. Это из их крови производилась противооспенная сыворотка. С большим уважением относились к своему руководителю подчинённые. И сам он был очень внимателен к людям. Выпускник Петербургской военной академии, он начал ветеринарную практику во Мценске, потом переехал в Орёл. Был членом Орловского общества любителей изящных искусств со дня его основания в 1894 году. В том же году по его инициативе была открыта тургеневская библиотека. При школе церкви Василия Великого организовал воскресные чтения. Хранил редкие фотографии И.С. Тургенева, письма Полины Виарло, роман «Дым»

с автографом всё было в 1918 году передано в музей-библиотеку И.С. Тургенева. Был Живописцев действительным членом Орловского медицинского общества, председателем городской комиссии по народному образованию, членом Орловского отделения Российского общества покровительства животных, депутатом городской думы и городским головой, хорошо известным всем жителям Орла.

После Октября его лаборатория по адресу: Орёл, Кромская, 41 была национализирована, сотрудников перевели в Москву, где на базе Орловской лаборатории был основан Центральный оспенный институт. В отчёте о его деятельности, обнаруженном в архивах старшим научным сотрудником Орловского краеведческого музея А.В. Гольцовой, говорится: «Основу оборудования института составил инвентарь национализированного телятника Живописцева в Орле».

Директор института М.А. Морозова, Герой Социалистического Труда и лауреат Сталинской премии, писала Гольцовой: «Всю замечательную аппаратуру С.К. Живописцева я унаследовала в качестве директора Государственного оспенного института». В своё время лаборатория Семёна Константиновича была, вероятно, не только одной из самых старых в России, но и самой передовой...

В 1925 году у Живописцевых на Кромской гостил известный белорусский поэт Янка Купала. Он посвятил Татьяне, дочери хозяина, стихотворение «Орлиные крылья». Имя учёного, на долгие годы преданное забвению, упорно хранил посёлок под Орлом и донныне хранит.

Бакланово. Никто не скажет, когда - но, видимо, очень давно - родилась песня:

Как у нас было
Во городе Орле,
Как у нас
Во Бакланове селе
Уродился один **молодец**
Свет Иван-то Сергеевич.

Бакланово - село большое и красивое.

Впервые упомянуто в Писцовой книге Орловского уезда 1678 года Ефима Маркова Норова и Савина Репьева. Жил в ту пору в этих местах Иван Степанович Хотетовский, потомок могущественных князей. Сын его стольником был при молодом Петре Первом, сам же пользовался добрым вниманием правительницы Софьи.

В конце XVIII - начале XIX века Егор Лаврентьевич Цуриков, предводитель дворянства Орловской губернии, тут хозяином был. В 1802 году дочь его Елизавета Егоровна замуж вышла за графа Е.Ф. Комаровского. Фамилия эта славная прочно вросла в баклановскую землю. До 1917 года держалась. Памятью о той старине остался Барский верх.

В 1861 году село Баклавово - центр волости и одно из самых многолюдных орловских сёл. Отмеченная в документах 1734 года церковь во имя Святого Николая Чудотворца всех вместить не могла. На берегу Неполоди заложили 12 сентября 1899 года новый храм. Деньги всем миром собирали. Новый храм того же имени был освящён 4 января 1909 года. Колокольню довели до середины второго яруса в 1910 году, хотя планировали сделать трехъярусной. Поставили рядом звонницу на столбах.

В 1918 году баклановцы организовали сельхозартель «Лебедь» - одними из первых в уезде. Старую церковь разобрали для строительства школы. Новую, каменную в сороковом закрыли, снесли колокольню, кроме одной главы. Служба в храме возобновилась в 1991 году, Ныне Бакланово радуется взор трёхэтажными домами, новым зданием школы. Стало село под влиянием программы «Славянские корни» одним из самых благоустроенных в Орловском районе.

Маслово.

Далёкой стариной вест от большого холма на берегу речки Неполодь. Это остатки древнего вала времён домонгольской Руси. Перед нами Белое городище, у которого за плечами семь или восемь веков бурной и опасной жизни.

Был глубокий ров, наполненный водой.

Были схватки ожесточённые на холме.

Гремели мечи и стрелы свистели. Вятячи, предки наши, упорно продолжали тут жить. Площадка городища была округлой, диаметром в 50 метров. Высота над уровнем реки — в 18—20. Вал был из глины высотой до двух метров, глубиной до метра. Тут же нашли учёные люди гончарную керамику с линейным орнаментом той далёкой поры. Раскопки вела Татьяна Николаевна Никольская, археолог советской норы, большой знаток приокских городищ. Коллекцию ценных находок она передала в Орловский краеведческий музей.

В 1594 году называлось всё ещё Белым городищем наше Маслово. Но жили-были уже на этой земле Масловы Гриша Савин и Ларя Фёдоров боярские дети. Принимали радушно дорогих гостей, первоисториков Орловского уезда Дементия Яковлева и Леонтия Сафонова. Это от них мы узнали имена далёких предков наших, которые за верную службу Отечеству на окрестных рубежах святой Руси получили землю: Григорий Савич — двадцать десятин, Ларион Фёдорович — тридцать.

Узнали, что жили они, дети боярские, по обе стороны речки Неполодь, где мы в жаркие летние дня купаемся и ловим рыбу, любуемся природой. Здесь, в дорогих нашему сердцу местах труда и отдыха, жил косарь, пахарь и воин-пограничник одновременно Микитин с семейством своим: «За Пятым за Михайловым сыном Микитина в той же деревне в белом городище на другой стороне речки Неполоди двор помещиков, во дворе бобыль, пашни паханые добрые, земли 2 чети да дикого поля 58 четей в поле..., сена 300 копен, лес дубравой». «Новое поселение XVI века, — читаем у Е.Н. Ашихминой и В.А. Ливцова, — разместилось в самом центре крепости-подковы, которая упиралась обоими концами в берег реки. На возвышении поставили деревянную церковь, вокруг неё появилось кладбище. Освящённая во имя Покрова Пресвятой Богородицы, церковь была известна XVII века и, по воспоминаниям старожилов, «была несказуемой красоты». Её присутствие в селе Маслово отмечает запись в ведомостях 1734 года в Неполоцком стане «село Маслово. Церковь Покрова Пресвятой Богородицы».

Бесценные строки!

На уровне редкого документа...

Далее о том, как века меняли облик церкви, как храм расширялся и украшался и, наконец, как начали строить новое здание из кирпича. Октябрь 1917 года прервал работы. Были национализированы усадьбы Марии Николаевны Бек, названной в документах «женой гвардии капитана», и Александры Степановны Десницкой, вдовы ротмистра. В начале двадцатых годов прибыл заведующий Орловским губернским музеем Пётр Сергеевич Ткачевский, известный краевед.

Он осмотрел церковь, произвёл обмер здания, сделал рисунки и пришёл к заключению: масловская церковь — ценный памятник деревянных сооружений конца XVII - начала XVIII веков.

Послал материалы в Москву.

Оттуда пришло письмо за подписью Натальи Ивановны Седовой (Троцкой) с категорическим запрещением ломать церковь. Орловский уездный исполком не поддержал заботы о храме. Он приветствовал желание жителей выстроить в селе школу. Наконец, из Москвы перестали возражать против разборки ветхого здания старой церкви. В 1926 году масловцы открыли в селе кирпичный завод. Спустя годы, в парке появился на постаменте в чёрного мрамора памятник с надписью: «Славному земляк матросу-

революционеру Силякову Тарасу Трофимовичу (1887 — 1912), расстрелянному царским самодержавием за активное участие в подготовке восстания на корабле «Иоанн Златоуст». В 1912 году В.И. Ленин в статье «Восстание в армии и флоте» дал высокую оценку сообщению о бите на Черноморском флоте, назвал имена Зеленина, Ковыршина и Силякова. Все трое были приговорены к смертной казни и расстреляны. После казни в камере была обнаружена записка: моряки пошли на смерть для поддержания духа борьбы у живых.

Напротив школы — памятник с надписью «Вечная слава героям». Герои — освободители села в 1943 году.

В ограде кладбища похоронен лётчик Алексей Александрович Долгоруков: он погиб в воздушном бою над селом в июле сорок третьего.

В середине 60-х годов до села Маслово можно было добраться от орловского аэропорта на самолёте.

Маслово не раз посещали государственные деятели страны. Побывал 2 июля 1909 года премьер-министр Российской империи Н.А. Столыпин. В ночь на 18 ноября 1919 года прибыл в Орёл Председатель Всероссийского центрального исполнительного Комитета (ВЦИК) М.И. Калинин. Из Орла приехал в Маслово. Выступил с речью перед народом. В апреле 2000 года Маслово встречало президента России В.В. Путина. Выбор визита в агрофирму «Маслово» был вызван экономическими показателями хозяйства. Маслово хорошо известно на Орловщине. В самом центре главного базара в Орле можно увидеть молоко, сливки, творог, кефир, мясные в мучные изделия — всё отсюда.

Щучье.

Сделав поворот налево от села Маслово, через три километра вы попадёте в село Щучье, где сможете увидеть замечательную церковь, — получив такое приглашение, продолжим путешествие по Орловскому району, и всё более — по славной русской старине.

Щучье, оно же Онохино и Анахино, стоит-красуется на реке с ласковым именем Щучка. Известное XVI века. Жили-были тут дети боярские, люди служилые из гарнизона Орловской крепости. Службу несли по защите рубежей от крымских татар.

Вспомним Пушкина:

Гирей сидел, потупя взор.
Янтарь в устах его дымился,
И молча раболепный двор
Вкруг хана грозного теснился.

Не так уж часто крымский хан прохлаждался во дворце под шум и грохот Чёрного моря, когда-то называемого Русским. Чаше срывался места Гирей и скакал, сломя голову, на Москву.

Но тут подняла свои грозные башни Орловская крепость, оцетинилась заставами богатырская земля Русская. Даже ласковое Щучье сделалось грозным.

Низкий поклон авторам Писцовой книги 1594—1595 годов! Благодаря им через века к нам пожаловали имена помещиков Онахиных: Ларка Мелехов сын, Васюк Прокофьев сын, дение данилов сын. Вспомним ещё Михалка Васильева сына Олексеева, Булгака Фёдорова сына Рыжкова, Томилку Иванова сына Корыстова, Трепку Оверкиева сына Кутепова и Герасима Офонасьевича сына Алфёрова.

Тут же были и семьи названных помещиков. Были крестьяне, не названные и в небольшом количестве. Помещик Ермола Фёдоров сын Косинов держал двор «на Щучье усть сухого донца». Полагают, это место станет «Пятницким, что на Щучье».

Ныне Щучье-село почти исчезло...

Но какая церковь посреди заброшенного кладбища! Удивительная! Одна из лучших в

стиле барокко на Орловщине. Трёхпрестолный **храм во имя Святой Живоначальной Троицы** построен помещиком Николаем Иосифовичем Телегиным в 1779 году. Рядом на двух столбах висели колокола.

В апреле 1867 года в селе Троицком «посреди церкви» — как раз этой — был похоронен орловский губернатор Валериан Иванович Сафонович, один из самых деятельных на этом посту.

Министр внутренних дел Д.Г. Бибиков отправил его в Орёл, отзывался лестно о нём, назван только один недостаток — мягкость и доброту. В «Материалах для описания Орловской губернии» (1903) дана такая характеристика: «Человек тихий, очень умный и образованный. Образованность и ум высоко ценили и почитали в его семействе».

Дочь Ольга вспоминала: «Любовь к музыке, литературе и всему изящному брала в нём перевес над неизбежной сухостью должной деятельности, требовательный к подчинённым, он был вполне доступен».

В 1857 году он женился на Марии Валентиновне Гаспарини, которой принадлежало имение в Троицком (на Щучье).

В 1860 году занимался подготовкой реформы по освобождению крестьян. Усилиями недоброжелателей был отправлен в отставку. Поселился в Троицком. Писал воспоминания: вышли в «Русском архиве».

В стороне от села, среди заросшего кладбища, которое смыкается с остатками усадебного парка, стоит храм времён Екатерины Второй.

Принято считать: одна из лучших построек в нашем крае в стиле барокко.

Село, названное по одноимённой речке, упомянуто в книге Леонтия Сафонова и Дементия Яковлева. Имело в ту пору 9 дворов служивых людей из гарнизона Орловской крепости. С именем Анохино, с церковью Святого Великомученика Дмитрия Салунского село вошло в ведомости по церквям Орловского уезда 1734 и 1755 годов. При храме был уже 31 приходский двор.

Дошедшая до наших дней кирпичная церковь Святой Живоначальной Троицы построена в 1779 году помещиком Николаем Иосифовичем Телегиным, имела три престола: главный во имя Св. Троицы, северный, возобновлённый 27 сентября 1890 года, во имя Св. Мучеников Флора и Лавра, и южный — во имя Св. Мученицы Параскевы. Колокола висели рядом с церковью на двух столбах. Ограды не было. Школы тоже не было. Всё по причине бедности.

Церковь в 1938 году закрыли.

Перед революцией 1917 года земли как в селе Маслово, так и при Щучье имела Мария Николаевна Бек, владела в Анохино частью земель помещика Фёдорова. Ветхий деревянный дом помещицы Бек, построенный в 1817 году, в начале XX века был ещё цел. Ныне около села Троицкое (Щучье) обитает ястребиная славка, редкостная птица нашего края. Ныне летят сюда по весне аисты. Звенят, не умолкая, жаворонки. Растут-расцветают одуванчики, ветреницы, медуница, первоцвет. В полях колосья зреют-шумят. В лугах гуляют коровы. Утки плещутся в прудах. В посадках белеют и крепнут берёзы. В траве мелькают грибы на радость людям во все времена.

И стоят, хорошея, как бусы, нанизанные на нитку дороги, **Бакланово, Болотовские двory, посёлок Зелёный, Истомино, Мочёные двory, посёлок Стрелецкий...**

Писканица.

В полутора километрах справа от дороги Знаменское — Орёл стоит на возвышенном берегу речки Писканица село с таким же именем, в котором слышен писк. Оно же — и Песканицы, Писканицы, Струково, Облязово.

Первых жителей упомянули в своей книге Л. Сафонов и Д. Яковлев. На речке запруженной Писканице, иначе называемой Посконицей, три починка стояли: Степанов — владение Степанка Ларина сына Ковынёва, Никонов — Никона Нефёлова сына Головина и Зотов Зота Фёдоровича сына Кутепова.

Назывались они детьми боярскими, несли службу, а потому на 7 лет от налогов

освобождались. Выйдет срок — должны платить вместе с крестьянами. Крестьян в ту пору сошанами звали. Платили налог «по сошному письму». И всё это, разумеется, от сохи пошло.

В 1734 году упомянут в Писканице **храм во имя Смоленской иконы Пресвятой Богородицы**. Нынешний построен Иваном Васильевичем Кривцовым, отцом декабриста Сергея Кривцова, в 1812 году (по другим данным — в 1808).

В конце XVIII — начале XIX века село было имением надворного советника Алексея Михайловича Павлова, отца второй супруги Тимофея Ефимовича Грановского, деда знаменитого историка.

В 1812 году поумирали одна за другой Прасковья Семёновна, жена Павлова и дочь Анна, в замужестве Грановская. Несчастный Павлов тогда же продал Писканицу со всеми усадьбами и огородами за 1600 рублей коллежскому асессору Ивану Васильевичу Кривцову.

После восстания декабристов и суда над ними сын его Сергей был сослан в Сибирь. Сестра Анна стала собираться к брату. Отец еле отговорил. Когда же из ссылки вернулся Сергей Иванович, то вскоре женился на Анне Валерьяновне Сафонович, дочери орловского губернатора.

С той поры много лет миновало.

В 1896 году в Писканице раздался школьный звонок. Заведующим школой и законоучителем стал Пётр Иванович Крылов в звании учителя начальной школы.

Попечителем был полоцкий мещанин Николай Петрович Кридецкий.

Земли Писканицы, одно время ходившей под названием Струково, принадлежали камергеру двора Его Императорского Величества Александру Николаевичу Деревицкому, его видимо сестре Анне Николаевне Деревицкой и другим наследникам. Частью земли владел почётный гражданин Орла Иван Семёнович Соколов, частью — «надворного советника Володимилова жена Наталья». Часть принадлежала Киреевским.

Село Дубовик (Левшино тож, Монастырское). Церковь Св. Георгия Победоносца и царицы Александры.

Храм 1821 года на краю лога, по которому бежит ручей Дубовик. Кирпичная, одноглавая церковь построена «иждивением» гвардии корнета Александра Яковлевича Охотникова. В 1885-1856 годы был капитальный ремонт, храм окружили оградой из дикого камня, покрыли железом, в восточную сторону встроили каменную часовню.

В Дубовике жил краевед Иван Филиппович Рында, автор книги «Черты из жизни Иван Сергеевича Тургенева». Владел он имением в конце XIX и начале XX веков.

Недалеко от церкви сохранилось здание второклассной учительской и церковно-приходской школ. Строили по инициативе священника Иакова Померанцева, при участии дворянина Н.И. Смыкова в 1895—1896 годы. В школе было четверо учителей и 130 учеников. Многие из выпускников работали потом учителями в земских и церковно-приходских школах Орловского и соседних уездов. В 1913 году на месте сгоревшей школы была построена новая; здание сохранилось до наших дней.

Георгиевскую церковь закрыли в 1930 году.

В войну она сильно пострадала. Уцелела только колокольня.

Путимец.

Христорождественская церковь — в центре села, на мысу ручья Путимец.

Упоминается в ведомостях церквам Орловского уезда 1734 и 1755 годов. Имела 92 приходских двора. Построена в 1803 году «тщанием добротных деятелей» вместо обветшалой деревянной. Была железная ограда. В деревянной сторожке, построенной в 1898 году, помещалась школа грамоты с 1903 года.

В тридцатые годы церковь закрыли, стали хранить зерно. Вновь открыли в 1944 году. Священник Евгений Алексеевич Звягинцев в 1942—1943 годах пожертвовал в приход Казанской церкви села Яковлево «в пользу бедных и сирот» 1200 рублей, на танковую колонну имени Дмитрия Донского — 400 рублей, «на пленных бойцов Красной Армии,

находящихся по тюрьмам на советской территории, оккупированной немцами» — 35 метров холста, 13 пар суконных чулок и перчаток, 4 фуфайки.

В 1960 году церковь сделали складом.

В 1989—1991 годах храм был восстановлен и возвращён народу.

Дьячье.

Известно с XVI века, с упоминания в книге Л. Сафонова и Д. Яковлева времён царя Фёдора Иоанновича, при правителе Борисе Годунове.

Была на погосте **деревянная церковь во имя Козьмы и Дамиана**, стояли два двора попа и пономаря. Деревянная Церковь упоминается в ведомостях Орловского уезда 1734 и 1735 годов время Анны Иоанновны.

В середине XVIII века в Дьячьем было 102 приходских двора, населения не менее 300 человек.

Новую церковь освятили в 1781 году. Была двухэтажной: низ - каменный, верх - деревянный. На первом этаже престол во имя Святой Живоначальной Троицы, на втором Святых Бессребренников и Чудотворцев Козьмы и Дамиана.

13 приходе были земские школы — одна в Дьячьем, другая в деревне Ступино.

В 1914 году выстроили третий храм, кирпичный, тёплый, с 25-метровой колокольной.

Видна и доныне на высоком берегу Мезенки. В 30-е годы храм закрыт.

Земли принадлежали в старое время П.Н. Рекшинскому. Входили в Баклановскую волость. При советской власти появилась трудовая артель, затем совхоз «Светоч труда».

Салтыки (Спасские Салтыки, Спасское). Церковь Преображения Господня (1871—1886, 1910).

Село старинное. Недалеко от Салтыков, где ручей Добрый Колодезь впадает в Оку, находится Быстрый Брод, упомянутый в Книге к Большому Чертежу 1627 года. Через этот брод проходил с войском своим хан Девлет-Гирей, когда шёл на Москву.

Село Спасское с Преображенской церковью упоминается в документах 1734 года. При церкви насчитывался 141 приходской двор. В XVIII веке село входило в Кромскую округу и называлось «Спасское, что на Добром колодце». Некоторое время им владел П.Б.

Шереметьев, затем граф Салтыков, отчего получило село второе имя.

Первоначальный деревянный храм Преображения Господня сгорел в 1787 году. В селе Никольском Орловского уезда у помещицы Анны Александровны Хитровой был приобретён деревянный храм, построенный в 1791 году. Этот храм перевезли, поставили и разобрали в 1895 году, когда в Салтыках стояла уже каменная церковь с главным престолом во имя Преображения Господня. Правый придел в честь Чудотворца Николая, левый - во имя Покрова Пресвятой Богородицы. Всё было освящено в 1891—1892 годы. В 30-е годы церковь была закрыта.

Знаменка Орловская - рабочий посёлок, пригород Орла. Многоэтажные здания. Одна из улиц почти вся из жителей Фоминки, в другой давным-давно осели с Альшани.

До войны гремела Кукуевка, а жители именовались кукаями. Один из них, Коля Большой, часто приезжал к нам в деревню, садился на сундук и заводил долгие разговоры с дедушкой, незаменимым шорником колхоза «Идея Ленина», привозил хомуты, шлеи и прочую сбрую в ремонт. Уже тогда я знал, что в старину в Кукуевке были помещики Булгаковы Сергей и Николай Митрофановичи, что угловая груша нашего сада из усадьбы тех братьев: тонкую, как прутик, её привёз отец мой. Фамилия помещиков осталась в названии Булгаковской рощи, где однажды ночью суровый Сашка Хабит убил лесника, перепутав с кем-то...

На Кукуевке в лучшем ломе находилось правление Сабуровского сельсовета. Дом до раскулачивания принадлежал Юрову, который при немцах вернулся и стал старшиной. Потом опять исчез, на этот раз навсегда.

Однажды я услышал предание, что первых жителей барин Каменский переселил сюда, где потом пролегла дорога на Кромы, названная Новой, в наши дни одетая асфальтом и ставшая трассой в непрерывном нашествии машин. Старая, ведущая на Кромы через Гать,

Малую Фоминку в Кнубрь, взяла в тесное соседство железный путь с поездами до Железногорска и обратно.

Старая дорога должна помнить свирепого Девлет-Гирея и прочих разбойных властителей Крыма, а также двух самозванцев Смутной норы...

Перед нами — **Сабурово (Андрианово, Каменское). Церковь Свяюго Михаила Архангела (1755).**

Село стоит на высоком берегу реки Цон. Через дорогу от знаменитой усадьбы графов Каменских, так называемой Сабуровской крепости, был построен в 1755 году храм. Строители — Федот Михайлович Каменский и его сестра Мария Федотовна Брылкина. Церковь была холодная, имела два престола: главный — Святого Михаила Архангела, освящён 11 ноября 1755 года, и в придельной части — во имя Святого Пророка Иоанна Предтечи, освящён 10 ноября того же года.

В 1789 году церковь пострадала от пожара. Ремонтировалась в 1823, 1873, 1888 и 1892 годах. Было шесть колоколов, один был отлит из турецкой пушки, взятой М.Ф.

Каменским под Шумлой. Церковь окружала ограда с железной решёткой.

В 1809 году в храме был похоронен генерал-фельдмаршал М.Ф. Каменский, убитый крепостным мужиком на Медвежьей горе. В 1811 году — генерал от инфантерии Николай Михайлович, герой суворовского перехода через Альпы, русско-шведской и русско-турецкой войн, по одной из версий отравленный агентами Наполеона.

В 1900 году была одноклассная церковная школа.

В 1930 году храм был закрыт. Было вскрытие захоронения М.Ф. Каменского. Ценности разграблены. Трапезную и колокольни разобрали на кирпичи ля строительства в Орле.

В 1995 году церковь была возвращена верующим.

Восстановлено захоронение М.Ф. Каменского. Приехали потомки из Москвы: ветеран Великой Отечественной войны, кандидат наук Николай Николаевич Каменский, его сыновья Андрей, Алексей, Сергей.

И глазам в назначенный час предстала простая крестьянская телега с запряжённой лошастью. В телеге был гроб с останками великого предка. Состоялись похороны соратника Суворова по-суворовски просто.

Был салют из современного оружия.

Были поминки, как в старину.

В Орле вскоре появилась площадь Каменского. В Орловском драматическом театре имени И.С. Тургенева — ещё один театр, малых размеров, вроде музея. Это уже в память о том Каменском, который не только был умным и храбрым генералом, но и основал театр в Орле в далёком 1815 году. Это о нём, графе Сергее Михайловиче, старшем сыне Михаила Федотовича сказал местный поэт:

Каменский то здесь произвёл,
Чем будет славиться Орёл.

Начались поиски останков Николая Михайловича, названного в своё время «гениальным полководцем суворовской школы». И вот однажды мы получили письмо от Алексея Николаевича, одного из потомков фельдмаршала. Из письма стало ясно, что нашли... Самое время перейти к стихам:

Сабурово славою стало
На уровне звёздных высот.
Фельдмаршал
И два генерала
Стоят у старинных ворот.

Ищите высокое слово
В просторах родной стороны.
О каждом легенда готова
В глубинах седой старины.
Каменский-отец и два сына
Спешат в огнекрылую даль,
Стеною встают за Россию,
И каждому жизни не жаль.

Село Редькино, или Редкино притягивает учёных, как магнит. С 19 августа по 6 сентября 1952 года здесь работала археологическая экспедиция под руководством научного сотрудника Государственного исторического музея М.В. Фехнер. Обследовала бассейн верхнего течения Оки, занималась выявлением славянских селищ и городищ. Редькинское городище в XI—XIII веках входило в дополнительную линию обороны от степных набегов с юга. От тех времён в руки археологов дошли куски гончарной керамики. В центре городища увидели куски фундамента церкви. Хорошо сохранились высокие валы. На рубеже 80-годов XX века здесь побывала Т.Н. Никольская. На том же берегу речки Густоварь располагалось селище. Нашли гончарную керамику. Пришли к выводу, что в XVI веке селище переросло в поселение детей боярских, защитников южных рубежей от крымских татар. Городище, как утверждает документ того времени, называлось густоварским. Жили здесь помещики Воробы, Алексей Семёнов, Истома Третьяков в Матюшко Максимов, а кроме них Иван Мелентьев сын Клевцов, Яков Пронин сын Студенников, Мелешко да Гаврило — дети Степана Трофимова: Мелешко служил, а его брату было 10 лет. Поместье и отцу принадлежало. Кроме них «в той же деревне Густоварь против Густоварского городища на речке Густоварь», только на другом берегу, было поместье Афония Игнатъева сына Ретинского: земли ранее принадлежали Грише Козлову да Ваське Митусову.

Густоварью, предполагают, называли тогла Редькино. Ныне село с таким же названием находится «достаточно далеко от Городища, у истоков реки». Название пошло, видимо, от Кирея Ретькинського и его сыновей Павла, Фёдора и Степана.

Ведомость 1734 года и последующие документы епархии называют в селе Редькино Неполоцкого стана церковь во имя Архистратига Михаила. В 1755 году числилось 37 приходских дворов.

В XIX веке «сельцо Редькино» принадлежало знаменитому историку Тимофею Николаевичу Грановскому (1813—1855), который вынужден был за долги отца продать имение с публичны торгов надворному советнику П.Б. Булгакову. Доверенным лицом при сделке выступала Екатерина Мордовина, жившая в Орле на Кромской, родная тётка известной русско-украинской писательницы Марко Вончок (Марии Александровны Вилинской).

За 23 816 рублей серебром были проданы 245 душ мужского пола с и семействами, имуществом, землёю и всякими угодыями.

В 1909 году значились помещиками в старинном селе Фёдор Иванович Афонин и Пелагея Ивановна Распоповы. Находились они в списках должников Государственного земельного дворянского банка. И усадьбы обещано было продать. Перед революцией тут владели землями Потоцкий, Демидов, Языкова, Вырупаевы (Воропаева), Сетунов, П.В. Мерцалова, жена почётного гражданина Орла.

Был в селе источник с чудесной водой. Приходили из окрестных сёл, например, из Дмитровского и Истомино.

Никуличи (Тимино тож) — селение старинное.

В Писцовой книге 1594—1595 годов можно встретить Сухие Никуличи и Мокрые Никуличи. Историки допускают «вариант перенесения населённого пункта с таким

названием в место, где оно сейчас находится». Никуличи до революции 1917 года входили в Плещеевскую волость. Здесь находились имения помещиков Похвиснева и Николая Владимировича Березовского.

Плещеево.

Плещеево под Орлом называлось Мезенкой в старину. А старина-то — прежде всего, годы крымского хана Девлет-Гирея, который почти всю вторую половину XVI века не давал покоя Москве. Два Царёва брода у него были на пути: один вошёл нынче в черту города Орла, второй — на Мезенке.

Так и записано в «Писцовой книге 1594—1595 годов о деревне Мезенке, которая находилась на реке «Мезин ниж Царёва Броду».

Место важное. Тут и храму стоять бы в самый раз. Так оно и было. Ниже Царёва Брода в названной книге значится «погост на государеве цареви и великого князя Фёдора Ивановича всея Руси земле на речке Мезине, ниже Царёва броду, а на погосте церковь Воскресения Христова».

Там же обозначены дворы священника и пономаря, а также «пашни церковные добр(ой) земли 3 чети да дикого поля 17 четьи в поле»... Жили-были и службу несли Оксен Ушатый сын Комарев, Фёдор Иванов сын Сухарев. Мирными делами была занята вдова Фетинья Юрьева, жена Сухорева. В службу поспел её сын Ишутка, проживающий в той же деревне, в поместье отца...

Деревня считалась большой: было в ней сравнительно много крестьян — 7 дворов.

Было ещё село Мезин, иначе «Нижний Мезин». По мнению историков, «это современное Пашково, поскольку там жили Пашины, дети боярские.

В Верней Мезенке были поместья Якуниных, Савиных, Тимофеевых.

В Смутное время все три деревни на Мезенке были разорены и разрушены: слишком близко находился Царёв брод. Остатком поселений оказался «починок на реке Мезине, что прежде сего было село Мезино».

Мнение историков Е.Н. Ашихминой и В.А. Ливцова: «Этим починком, вероятнее всего, было современное Плещеево».

По местному преданию, новое название, «возникло в связи с пожалованием Лжедмитрием I сельца Мезина своему стороннику Науму Михайловичу Плещееву».

Плещеев в 1605 году не один отправился в подмосковное Красное Село с заданием возмутить жителей. С ним отправился Гаврила Григорьевич Пушкин, один из предков великого поэта. В «Борисе Годунове» стали ключевыми его слова, при встрече в Кромах с воеводой Басмановым:

Но знаешь ли, чем сильны мы, Басманов?

Не войском, нет, не польскою помощью,

А мнением; да! Мнением народным

Димитрия ты помнишь торжество

И мирные его завоеванья.

Когда везде без выстрела ему

Послушные сдавались города,

А воевод упрямых чернь вязала?

Самозванец щедро наградил Плещеева. Дом его, по словам жителей, «долгое время стоял на горе».

Принадлежало это село одно время семейству историка Т.Н. Грановского. Было, как и Редькино, продано и попало к Никитиным. Были в селе Плещеево Плещеевской волости имения помещиков Карпова и Мартынова, огромные сады которого остались надолго в памяти народной.

Кишкинка.

Предполагают, что это село основал упомянутый в Писцовой книге 1594-1595 годов сын

боярский Некрас Курбатов сын Кишкин.

В XIX веке эти земли принадлежали старинному дворянскому семейству Цуриковых. Было селение с двойным названием Кишкинка (Хрипово тож). Принадлежало помещику Потоцци. Но вот «при сельце Кишкинка в 7 верстах от г. Орла» стал владельцем имения на 84 десятинах и 138 сажнях земли Анатолий Викторович Зобвинский, гласный Орловского уездного земского собрания.

Имение было богатое: с парком, рощей, с постройками из двухэтажного дома и трёх деревянных флигелей, амбаров, молотильного сарая, дворов для скота, подсобных помещений.

Имением этим новый помещик владел совсем не долго: уже 14 февраля 1894 года продал его земству за 38 тысяч рублей.

С той поры и началась новая эпоха в жизни старинного селения. В Кишкинке решено было открыть психиатрическую больницу. За это большое дело взялся Павел Иванович Якобий (Якоби), отличный доктор-новатор и человек удивительной биографии.

На всю жизнь запомнил он день, когда принял должность заведующего психиатрическим отделением Орловской больницы. Случилось это 20 июля 1893 года. Доктор пришёл в ужас, увидев во дворе больных, затянутых сыромятными ремнями кожаных рукавов и привязанных к деревьям.

Не день, не два, а много дней несчастные находились в таком состоянии. В больнице не было ни ванн, ни умывальников, даже воды. Обед больничный Якобий принёс на заседание губернского земства. Земцы во главе со своим председателем В.М. Козловым согласились, что надо принимать решительные меры.

— Необходимо найти за городом имение для больницы, сказал доктор Якобий. Выразил пожелание, чтобы оно представляло несколько разнообразную местность, а не скучную и однообразную равнину.

Выбор пал на Кишкинку.

Лечебные корпуса строили по планам архитектора И.И. Виноградова. Первые больные, доставленные из Орловской больницы, помогали в строительных работах. 3 августа 1894 года состоялось освящение новой лечебницы, которая вскоре стала называться Орловской земской психиатрической больницей Святого Духа. Кишкинка превратилась в городок, где жизнь была подчинена лечению, работе и отдыху.

Среди занятий — полевые, огородные и другие работы. Больные занимались столярно-плотницким, швейным, сапожным и другими делами. Больница выписывала газету «Орловский вестник», журналы «Нива», «Живописное обозрение», «Вокруг света». Устраивались общие чтения, концерты, ставились спектакли.

Кишкинка стала передовым лечебным заведением России. Здесь работали первоклассные врачи. Среди них доктор медицины Я.Ф. Шестко, выпускница Лионского университета, врачи Я.А. Слонин, И.С. Герман, С.И. Чеботарёв.

Сам П.И. Якобий (1841—1913) родился в Казани, окончил в 1860 году Михайловское артиллерийское училище, учился за границей, в 1863 году участвовал в восстании за независимость Польши, был тяжело ранен — чудом остался жив. Продолжая учиться, дважды получил степень доктора медицины: в 1868 году в Берне, в 1887 — в Париже. В 1870 году в качестве врача участвовал в франко-прусской войне, был в составе Вогезской армии, которой командовал Гарибальди.

Жена его В.А. Зайцева-Якобий выпустила книгу «Между гарибальдийцами. Из воспоминаний русской». Н.С. Лесков использовал книгу в очерке «Загадочный человек», создавая образ революционера Артура Бенини.

В 1889 году Якобий вернулся в Россию, став автором 18 научных трудов, доктором медицины Бернского и Парижского университетов, членом-корреспондентом Мадридской и Шведской Королевских и Антропологических обществ ряда государств.

В Орле П.И. Якобий издал исторический труд «Вятичи Орловской губернии». Создал первый словарь географических названий Орловщины. В 1903 году, отправляясь к новому

месту работы, оставил в должности директора больницы доктора Исидора Семёновича Германа.

1905 год. Русско-японская война. В Кишкинке был открыт госпиталь «для душевнобольных воинов».

В 1919 году здесь лечился от нервного переутомления писатель Иосиф Каллиников. Явились белые, объявили о мобилизации в армию Деникина. Писатель бежал из Орла. Оказался за границей...

Пришли красные. На базе больницы организовали совхоз. Медперсонал стал получать красноармейский паёк.

И.С. Герман в 1932 году был удостоен звания Героя Труда...

Долгое время в больнице работал С.С. Блохин (1872—1929), друг Леонида Андреева писатель вывел его в пьесе «Дни нашей жизни» под его подлинной фамилией.

В 1932 году в больнице оказался не по своей воле Христа ради юродивый Афанасий Андреевич Сайко. Трудная, почти на уровне мученика жизнь.

«Очень многие орловские жители в годы войны и в трудные послевоенные годы, читаем в книге Е.Н. Ашихминой и В.А. Ливцова, — испытали молитвенную поддержку старца и силу его предсказания. Часто он учил людей, как им выжить, давал добрые советы, и, если мог, утешал, как никто другой».

В 1948 году старец вновь оказался в Кишкинке. Был спокоен и доброжелателен. Выходил, как все, на работу. Участвовал в концертах, играя на скрипке и гитаре. И всегда был под строгим присмотром. В 1951 году Сайко отправили в Томск. С большим трудом Д.А. Дмитриевская, духовная дочь старца, добилась его возвращения из Сибири. Умер А.А. Сайко в Брянской области. Был похоронен в Орле на Крестительском кладбище...

После освобождения от немцев в сорок третьем году у деревни Некрасовка на дне оврага были обнаружены 72 трупа подростков и женщин. Были они в полотняных рубахах, отмеченных штампом Орловской психиатрической больницы. Были больными, стали великомучениками фашизма.

Рассказывают: увозили их за ворота в машинах-душегубках. Трупы сбрасывали в овраг. Кишкинка обернулась лагерем смерти для несчастных людей.

В народе есть предание, что больницу основал сам Кишкин в очень давние времена. Заболела дочь любимая болезнью психической. Возил отец по всем городам, везде врачам показывал: просил вылечить. Никто не помог. Что делать? Вот и решил своё имение сделать больницей.

Кишкинка наших дней продолжает доброе дело, которое начал П.П. Якобий и другие замечательные люди, такие, как Д.А. Беляев, Е.Л. Рябцева, С.Л. Жаворонкова, Р.М. Цукрова, М.Ф. Никишина, А.Э. Дубович-Кабива, А.Э. Кофман, М.К. Кокин, Э.И. Минскер, К.С. Мирошниченко, М.А. Панкова, В.И. Шатохин, Т.В. Кист, В.В. и О.Э. Кочавовы, А.П. Жуков и другие.

Пушкин у Ермолова

Алексей Петрович Ермолов жил в Орле-городе и более всего в селе по имени Лукьянчиково. Было это давно, очень давно...

Речка Оптуха там и сейчас, серебрясь в лучах полуденного солнца, покачивает тростники и кувшинки. Катит к Оке, то прячась в тени раки-великанов, то рассыпаясь мелководьем по бисеру камней, то замирая редкими омутами, где, казалось, не вода, постоянно пополняемая из чистейших родников, а само время замирает в ожидании грозном.

Выситесь на зелёном холме в одеянии белом Платоновская церковь - творение XVIII века, веет легендами от Черемисинской горы-городища, говорят, будто в там был храм, да в землю ушёл, оставив людям вечно живой родник на самом верху и осевшие изрядно валы

крепостные. Вели в старину раскопки Полибин и Максимовский, мелкопоместные помещики, жившие по соседству, находили останки богатырей былинной поры... Выше по Оптухе встает перед нами тремя хатами всего лишь село Лукьянчиково. Однажды в «Орловскую правду», где я работал, пришёл бывший житель тех мест и рассказал про церковь, которая на холме стояла и видна была со станции Домнино из окна вагона. В храме, уверял старик, висел большой портрет местного помещика, славного генерала А.П. Ермолова при всех орденах.

С живейшим любопытством я смотрел на человека, предки которого хорошо знали полководца — героя Отечественной войны 1812 года, генерала от инфантерии, кавалера многих орденов.

Из первых уст получали мужики сведения о том, как юный офицер Алексей Ермолов получил первую награду — Георгиевский крест — из рук А.В. Суворова, как генералом в Бородинской битве повёл он солдат на штурм высоты, как потом, на Кавказе, воевал, командуя корпусом.

Его любили солдаты.

Декабристы собирались ввести в правительство новой России.

Пушкин сделал двести вёрст лишних по дороге на Кавказ, чтобы увидеть Ермолова. Вновь и вновь перечитываю начало «Путешествия в Арзрум»: «Из Москвы поехал я на Калугу, и сделал, таким образом, 200 вёрст лишних; зато увидел Ермолова. Он живёт в Орле, близ коего находится его деревня. Я приехал к нему в восемь часов утра и не застал его дома. Извозчик мой сказал, что Ермолов ни у кого не бывает, кроме как у отца своего, простого и набожного старика, что он не принимает городских чиновников, а что всякому другому доступ свободен. Через час я снова к нему приехал. Ермолов принял меня с обыкновенной любезностью».

В портрете полководца поэт отметил круглое лицо, огненные серые глаза, волосы дыбом.

Для понимания настроения Алексея Петровича приведём его слова из книги А.Г.

Кавтарадзе «Генерал А.П. Ермолов» (Тула, 1977): «При благопритествовавшем мне постоянно счастья, в мои лета, и при моих силах, мог ли я ожидать, что буду жить в праздности, в глуши деревни престарелого отца моего».

Горькие слова перекликаются с донесением М.Н. Жемчужникова, подполковника местной полиции (1828): «Генерал Ермолов живёт уединённо, иногда посещает театр, всегда в чёрном фраке и без орденов; так он был на балу у губернатора 31 декабря, что дало повод различным толкам; иные его осуждают, а многие и это приписывают величию духа его. Мрачный его вид, избобличающий душевное беспокойство, явно противоречит хладнокровному тону, с коим он рассказывает приятности своей настоящей жизни, будто давно желаемой...».

Из другого донесения, также приведённого писателем Г.П. Штормом в «Известиях Академии наук СССР» (М., 1860), узнаем, что однажды дивизионный генерал приготовил было почести отрешённому от дел полководцу, но тот отказался. Не принял и самого Жемчужникова. Принял лишь купцов да коротких знакомых отца. Ермолов строил флигель в Орле, чтобы разместить в нём свою богатую библиотеку.

Подполковник корпуса жандармов М.Н. Жемчужников был человек государственный, службу нёс исправно, в Орёл прибыл из Елецкой деревни Павловки, где занимался хозяйством после жарких баталий 1812 года. Известность в русской литературе досталась его сыновьям Алексею, Александру и Владимиру, сотворившим вместе с двоюродным братом А.К. Толстым бессмертного Козьму Пруткову.

Говоря о посещении театра Ермоловым, подполковник оставил нам возможность добавить: речь идёт о театре графа С.М. Каменского, полного генерала и кавалера многих орденов, в том числе и Георгия 2-го класса. При встрече им было что вспомнить, хотя бы битву при Аустерлице, где Сергей Михайлович командовал дивизией, а Ермолов отличился с пушками. В молодости оба отличились под Варшавой и отмечены были великим Суворовым.

Библиотека Ермолова поначалу находилась в деревне. Там же с помощью умельца-крестьянина генерал переплетал книги и даже высокого мастерства достиг в этом деле, в Париж посылал на выставку и получал призы. Умелец оказался учителем строгим, иной раз покрикивал на генерала в окружении книг и банок с клеем...

Переплётчики дружно работали, а за окном заливались птицы, радуясь лету. Доносилось мычание коров с луга, лай собак со дворов, петушиные крики. Веяло ветром с полей. И таким далёким становится горный Кавказ с белыми шапками вершин.

В Москве, в мире книжных сокровищ Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова хранится библиотека А.П. Ермолова — более восьми тысяч томов.

Под стеклом белеют брошюры — прижизненный Пушкин. Думается, чаще других в руках генерала бывал «Кавказский пленник, изданный в 1822 году повторенный в 1828-м. В эпилоге автор выражал надежду, что его муза, которая «к пределам Азии летала и для венка себе срывала Кавказа дикие цветы», быть может, ещё повторит «преданья Грозного Кавказа, расскажет повесть дальних стран, Мстислава древний поединок».

Поэту дорог Мстислав, ставший Героем «Слова о полку Игореве». Поэт обещал воспеть «тот славный час, когда, почуя бой кровавый, на негодующий Кавказ подъялся наш орёл двуглавый; когда на Тереке седом впервые грянул битвы гром в грот русских барабанов». Названы пылкий Цицианов в Котляревский - бич Кавказа. За каждым именем громким - дыхание истории русской.

Перечитывая поэму, генерал вспоминал пережитое, вспоминал с горечью как стал неугоден царю и вынужден был в рогожной кибитке катить в Орёл, в Лкьянчиково на покой. Случилось это в мае 1827 года. Памятью о грозной поре остались пушкинские слова:

Смирись, Кавказ: идёт Ермолов!

Но не войну, а мир славил поэт. Мечтал о том, что:

Подобно племени Батыя,
Изменит прадедам Кавказ,
Забудет алчной брани Глас,
Оставит стрелы боевые...

Ермолов знал поэзию Пушкина, ценил благозвучную лёгкость его строки. Насколько полководец был строг в своих Оценках, говорит тот факт, что даже в поэзии Грибоедова находил строки, от которых «скулы болят».

При встрече в Орле он именно так и сказал.

Пушкин писал: «Ему было досадно, что не помнил моего полного имени. Он извинялся комплиментами»

Тут же: «разговор несколько раз касался литературы»

Нет сомнения, что «комплименты» касались поэзии гостя. Не знал Ермолов отчества поэта, поскольку и тогда в название выносили лишь имя и фамилию, к чему привык генерал, читая авторов, в том числе Пушкина.

Встреча в Орле двух великих сыновей России притягивает исследователей, как магнит.

Писатель Г.П. Штурм поделился своими находками и размышлениями на страницах «Известий Академии Наук СССР» (М., 1960). Он предположил, что поэт был у генерала три раза, что первые слова, которые он произнёс, войдя в дом полководца, то: «Мне стыдно бы было, если б я по дороге в Кавказскую армию не повидался с Ермоловым».

Когда речь зашла о Карамзине, то Пушкин, по свидетельству Ермолова, заявил: «Меня удивляет его добродушие и простосердечие: говоря о зверствах Иоанна Грозного, он так ужасается, так удивляется, как будто такие дела и поныне не составляют самого обыкновенного занятия наших царей».

Ещё привёл Шторм слова Ермолова из письма Д.В. Давыдова, своего двоюродного брата, к П.В. Вяземскому: «Был у меня Пушкин. Я в первый раз видел его и, как можешь себе вообразить, смотрел на него с живейшим любопытством. В первый раз не знакомятся коротко, но какая власть высокого таланта! Я нашёл в себе чувство, кроме невольного уважения».

Пушкин читал Ермолову свои стихи. И к этому выводу пришёл Г.П. Шторм, исследуя архивные документы, вчитываясь в воспоминания. Не это ли обстоятельство вызвало новую вспышку разговора о литературе? Не тогда ли Алексей Петрович заговорил о стихах Грибоедова, язвительно заметив, что «от их чтения скулы болят»?

Ещё один вывод: поэт был в Орле два дня. Где жил? Предположение орловских краеведов: гостиница, где останавливался Пушкин, находилась в одном квартале с губернаторским домом. Совпадение: именно в этом доме в 1800 год родилась А.П. Керн. Однажды в Москве к старому генералу пришёл П.И. Бартенев, будущий издатель «Русского архива», заметил ему, что беседа в Орле с Пушкиным, конечно, была занимательна.

— Очень, очень и очень! — ответил «с одушевлением» А.П. Ермолов. И ещё добавил, что принимал поэта «со всем должным ему уважением». Тогда же полководец, по словам Бартенева, сказал крылатую фразу, что «поэты суть гордость нации».

Встреча в Орле была сильным впечатлением А.С. Пушкина. Из Тифлиса он писал Ф.И. Толстому, что Ермолов «был до крайности мил». Сохранился черновик пушкинского письма 1833 года: поэт писал полководцу, что его слава принадлежит России, просил чести быть издателем его записок или историком.

В 1989 году в серии «Русские дневники» вышла книга А.С. Пушкина «Дневники. Автобиографическая проза». В предисловии С. Фомичёва говорится, что «Путешествию в Арзрум» автор придавал «принципиальное значение»: «Построенное как неприязнительный путевой дневник, якобы сохранившийся со времени поездки на Кавказ, произведение это на самом деле было написано в 1835 году и лишь отчасти основано на заметках шестилетней давности... В десятилетнюю годовщину суда над декабристами поэт возбуждал в общественном мнении мысль о необходимости не только прощения осуждённых, но и возвращения их к активной деятельности, нужной отечеству. Поэт готовил книгу, включая в неё "как официальные документы, так и записки иных лиц, опубликованные уже в 1830-е годы". Даже стихи, написанные во следам путешествия, поэт перелагал в смиренную прозу».

Первая публикация (отрывок «Военная Грузинская дорога» без упоминания встречи в Орле) вызвала в «Северной пчеле» нападки. Явным доносом вест от болгаринских строк: «Итак, надежды наши исчезли. Мы думали, что автор «Руслана и Людмилы» устремился на Кавказ, чтоб напитаться высокими чувствами поэзии, обогатиться новыми впечатлениями и в сладких песнях передать потомкам подвиги русских современных героев. Мы думали, что великие события на Востоке, удивившие мир и стяжавшие России уважение всех просвещённых народов, возбудят наших поэтов, — и мы ошиблись».

Публикация полная состоялась в первом томе пушкинского «Современника» (1836). Но и там ни слова об Орле и Ермолове. Сам по себе, тот факт говорит о многом.

Герцену, да и то за границей, удалось явить беду свету орловский эпизод через многие годы, когда же не было на земле ни Пушкина, ни Лермонтова, успевшего в одном месте назвать славного своего знаком да генералом седым, в другом помянуть по имени-отчеству, обойдя молчанием взрывчатую фамилию.

Размышления о полководце опальном в местах, где он жил, невольно складываются в сюжет и глазам предстаёт картина, более всего желаемая сердцу. Мне кажется, что так оно и было однажды летом 1827 года. Серебрилась на солнце речка Оптуха, покачивались тростники и кувшинки, а там, где Лукьянчиково, мужчина лет пятидесяти стоял у воды с удочкой и пристально следил за поплавком. Богатырского роста, с пышной гривой седеющих волос, он возвышался на берегу, как статуя из эпохи древнего Рима. Недвижны

мощные руки, открытые до засученных рукавов серой солдатской рубахи. Недвижно лицо, красное от загара и напряжённого ожидания. Миг! И задвигались руки, ожило лицо, ярким блеском заиграли глаза.

— С удачей, Алексей Петрович!

Ермолов снял с крючка щуку, швырнул в ведро, а потом уж оглянулся. Босой, стриженный под горшок мужик смотрел на него во все глаза. Лицо светилось.

— Ты что? Щук не видал? — усмехнулся генерал. — Сияешь как новый пятиалтынный. И наклонился над ведром, которое вздрагивало и шевелилось, как живое.

— Погодь, Петрович, — хитровато прищурился мужик. — Щука твоя хороша, да моя пожирнее будет.

Ермолов замер.

— Письмо вашему высокопревосходительству! — выпалил мужик.

Удочка отлетела в сторону.

— Где?!

— А вот тут оно и обретается, — расцвёл крестьянин от удовольствия сделать барину удовольствие.

Запустил корявую ладонь к себе под рубаху, и конверт, как белая птица, затрепетал на солнце. Пленница в ведре напомнила о себе сильным всплеском. Но Ермолов уже ничего не видел и не слышал. Он читал то, что написал ему Пётр Андреевич Кикин, друг старинный, называемый не иначе, как «любезным и редким братом». С грустью узнал, что друг из-за болезни жены вынужден был путешествовать в Ревель.

«Что делать с сестрою, которой подобных мало, — воскликнул в ответном письме. — Порадуй, если поправилось её здоровье». Потом мысли вернулись к собственному состоянию. Как быстро летит время! Год с небольшим назад писал он тому же Кикину с Кавказской линии: «Я возвратился из Чечни, где более рубил дрова, нежели дрался. Я прочищал леса и пролагал пути, а неприятель прятался повсюду и показывался редко». Писал о дорогах: «Тацит не более ужасными описывал леса Германии... Всё одолевал я с небольшим числом людей, но трудами и терпением добрых наших солдат».

Спрашивал о Марии Ардалионовне, жене Петра Андреевича: «Скажи, за что больна единственная и милая сестра моя...» Совет давал:

«Я тоже несколько лекарь и думаю, что не мешало бы оставить на некоторое время прекрасный климат ваш и, вырвавшись из болота, подышать чистым воздухом в деревне». Совет подавал тогда, в мае 1826 года, не думая, что ровно через год самому и придётся им воспользоваться. Размышляя теперь о переменах своих, опальный полководец отводил душу в переписке с другом, заверяя в конце каждого письма: «Верный по смерть Ермолов».

В распахнутом окне грустно переговаривались деревья, чуя недалёкую осень. Слышалось трубное мычание коров, идущих на водопой. Гомонили где-то рядом гуси и утки. Звенели детские голоса. К осени 1828 года в деревне будет построен новый дом. Зазвонят в нём голоса Виктора, Клавдия, Севера в Николая — сыновей генерала от разных матерей, временно пребывавших жёнами грозного проконсула Кавказа, именем которого горцы пугали детей, взглянуть на коляску которого выбегал к дороге юный Шамиль...

А пока пишет и пишет письма друзьям.

И не только письма.

В августе 1827 года в деревню прикатил Д.В. Давыдов, знаменитый поэт-партизан, двоюродный брат Ермолова.

«Я был у брата Алексея, - писал Денис Васильевич своему давнему приятелю А.А. Закревскому, - он не грустен, не сердит в как будто выбитый с винта, на коем он вертелся тридцать восемь лет славной службы. Кажется, однако, что начинает кой-как привыкать к безмятежной жизни, начал заниматься приведением в порядок записок своих... Там же строит он маленькую хижину для себя и своей библиотеки. Как часто о тебе говорили и. конечно, нигде о тебе дружественнее не вспоминали, как в Тифлисе и в Лукьянчикове».

Давыдовы имели Денисовку в Ливенском уезде (ныне Давыдово Краснозороенского района). Лев Васильевич - брат Дениса Васильевича владел имением в Орловском уезде. Тогда же мог навестить и своих близких славный поэт-гусар, которого своим отцом и командиром назвал Пушкин.

Словами «как будто выбитый с винта» Денис Давыдов образно и точно передал состояние двоюродного брата...

В комнате, уставленной книжными шкапами, хмурыми предосенними вечерами генералу начинало казаться, что он, как в молодые годы, опять в камере Петропавловской крепости. Ждёт не дожждётся, когда государь передумает и вернёт ему волю. Теперь на престоле не порывистый Павел, не улыбочивый красавец Александр, а Николай Первый, молодой, решительный. Не побоялся двинуть пушки против своих. Русской кровью русский снег окропил. В самом центре столицы, перед всей Европой. Перед Петром Великим в облике всадника медного на медном коне.

Усмехнулся генерал, вспоминая. Как просил у покойного Александра великой милости: «Произведите меня в немцы, государь!» Ох, уж тот язык! От матушки из славного рода Давыдовых, от неё, что грозой орловских чиновников стала. Новому императору не съязвишь. Шутки плохи. Пятерых повесил, а троих дважды, в том числе поэта, сказавшего: «Ермолов гений северных дружин». Греть бы кандидатами в Сибири милейшему Грибоедову, когда бы не в огонь попали опасные бумаги тогда, а в руки государевы...

«Ты не удивишься, — продолжил Ермолов открывать душу верному Кикину. Ибо нет ничего нового под луною! Может быть, найдёшь не совсем справедливым поведение могущественных людей против меня, но сие весьма обыкновенно, как раз и то поправших меня увидим падение в первую очередь. Разница в том, что меня давно перестало баловать счастье и перемена положения моего не достигла меня внезапно, что с другими может случиться иначе!»

Отвёл душу надеждой увидеть падение врагов, поправших его. Продолжал рассказывать: «Я здоров, живу со стариком моим в деревне, нашёл его уже слабым: но, сколько могу, служу ему утешением. Привыкаю к новому состоянию моему и, благодаря Богу, нахожу средства быть им довольным. Давно расстался со многими мечтами и ближайшее рассуждение о них обуздывает прежних лет молодые страсти. Первого злодея честолюбие, гоню из обиталища моего, редко уже беседует со мной льстивая подруга надежда...»

Пообещал зимой побывать в Москве. Подчеркнул: «В Петербурге мне быть незачем!» Сообщил, что «от кавказских вод» скоро вернётся Алексей Александрович Вельяминов, бывший его начальник штаба, теперь сосед...

И снова — печаль признаний: «Здесь я иностранец, вышедший на берега африканские. Как всё пусто! Как дико! Люди с состоянием живут в столицах; с умеренным — прячутся по деревням, удерживаемые падшими доходами, и наш Орёл кажется взятым штурмом ябедниками и подьячими».

«Невзирая на сие, — продолжал, — я строю каменный двухэтажный дом в городе. Не пугайся, он в фасаде имеет до 6-ти сажений и будет вмещать в себе три небольшие для меня комнаты и три, в коих расположится не весьма многочисленная моя библиотека. У меня есть изрядные книги, которые вместе с тобою приобретали мы в заграничных наших прогулках».

Просил друга прислать ему «несколько рисунков для шкафов в библиотеку». Язвил: «Найду какое-нибудь упражнение, но жалею, что писать ничего не в состоянии и соглашаюсь с теми из доброжелательствующих мне, которые, ко многим другим ко мне заключениям, присоединили и то, что я очень поглупел».

В те минуты, когда писались эти строки, быть может, вспоминалось Алексею Петровичу, как однажды вместе с отцом ездил он в Сабурово на день рождения к строгому хозяину усадьбы-крепости М.Ф. Каменскому — известному полководцу, генерал-фельдмаршалу. Именинник сидел за столом и занимался гимнастикой ума решал задачи. И о нём, тогда, в

1809 году, был пущен слух, будто старый граф сошёл с ума!

Получив в октябре 1827 года письмо от Марии Ардалионовны, ответил, что не может принять должность, требующую «умственных способностей», ибо «поглупел очень, как вы верно уже слышали». «Если же хоть мало усомнитесь вы в этом, продолжал язвить опальный генерал, — то я представлю убедительное свидетельство графа Дибича и многих других, благоволящих ко мне особ». На совет заниматься сельским хозяйством Ермолов заверял, что «сохранил... ещё несколько сил» и обещал быть пахарем усердным. И тут же продолжал: «Вы настращали меня вашим пророчеством. Вы предсказали мне удаление, или справедливее назвать, изгнание из службы, но теперь, обращая меня к земледелию, вы не вселяете в меня страха. Не правда ли, что может называться счастливым тот, которому нечего бояться? И глупость моя немало способствовать будет счастью. Ей благодаря, не станут называть меня либералом, карбонари и видеть во мне человека, стремящегося нарушить порядок».

Язвительность горькую увенчал вопросом: «Но что будет и со многими другими, когда с тою же прозорливостью будут рассматривать их способности? Неужели один я должен был поглупеть, и так поздно сие заметили».

Приглашал Марию Ардалионовну на живописные берега Оптухи, веря: «По мнению нашему, жителей деревенских, мог бы чистый воздух, движение, поправить здоровье ваше». В приписке упомянул доктора Вольского: «Он смеет любить меня и даже желает одолжить меня, предлагая мне пристанище в своём доме. Это не менее, как героизм в отношении к человеку в моих обстоятельствах».

«Не смекнул ли он, — продолжал Ермолов оставаться в любимом образе, — как человек учёный, что если излечивал он меня от болезней, может возратить мне и прежние умственные способности».

С умственными способностями, разумеется, всё было в порядке.

В этом ещё раз убеждаемся, читая письмо П.А. Кикину из Орла от 12 октября 1827 года. Генерал умно порассуждал о делах Паскевича, о дорогах на Кавказе и не преминул тут же съязвить: «Ещё бы занёс перо, да вспомнил, что не моё дело рассуждать о сём, когда я признан за неспособного человека».

Из письма М.А. Кикиной от 26 декабря того же года: «Чудесная счастливая мысль прислать сукна на сюртук, ибо не только буду я иметь вид щегольской, но и избавлюсь от насмешек, которые, конечно, вызвал бы я собственным вкусом. Я готов уже был выбрать какой-то аптекарский цвет и появиться в свет в этой микстуре. Уже в тяжких спорах были мы с Анною Петровною (сестрой), а как теперь мне, отставному, повелевать некем, то я находил удовольствие, по крайней мере, её слушать. Но в то же время, как исполнен я благодарности за сукно, напуган рисунком, по которому я должен быть одет. Огромная фигура моя (умолчу, что не весьма ловкая) не может иметь стройной талии, которая требуется... В рисунке означена шляпа дикого цвета. Говаривали прежде, что это цвет людей подозрительных правил, и я содрогнулся».

Писал, что «одет по последней моде, но сего Недостаточно». Надо, чтобы Мария Кикина всё увидела своими глазами, а для этого следует ехать в деревню весной, куда Ермолов обещал тотчас явиться. Уверял, что выздоровлению будут способствовать чистый воздух, а также жизнь свободная, беззаботная и более правильная.

Новый 1828 год А.П. Ермолов встречал в губернаторском доме. В ту пору в Орле губернатором был Пётр Алексеевич Сонцов. Об их отношениях у нас нет сведений. С епископом Гавриилом, занимавшим Орловскую кафедру в 1821—1828 годах, опальный полководец любил встречаться. Как раз в эту пору Орловская духовная семинария была переведена из Севска в Орёл. дом архиерея соседствовал с домом отца А.П. Ермолова. В феврале 1828 года генерал побывал в Москве. Писал П.А. Кикину, что время провёл «довольно скучно», встречался с книготорговцами и переплётчиками, был три раза в театре и два «в собрании». Публика «смотрела на меня с некоторым вниманием или как на изгнанника, или как на человека замечательного щедрым пенсионом, который дан без

больших заслуг». В Москве искал учителя для сыновей, И не только учителя. Из письма Кикину 25 февраля: «Вчера был в концерте, любовался на красавиц...». 15 апреля: «Получил письмо твоё и благодарю за уведомление о моей женитьбе, ибо мог бы я и совсем о том не поведать... Женщина, точно весьма достойная нас и привлекательная для каждого желающего жениться. Я видел её один раз, два месяца тому назад, встретившись на званом обеде», далее: «Я боготворил бы жену, любящую пламенно, но не в мои лета человек удобен возжечь подобное чувство! Благоразумие должно указать жену лет соразмерных. В таковой ли может быть священный огонь любви?.. долго увлекаемый любовью к военному сословию, я страстен был к даме Славе».

Спустя годы, когда Ермолов жил уже не в Орле, а в белокаменной, на Пречистенке, пригласили его как почётного гостя на вечер с роскошным ужином, с большой рыбой на столе. «Полная живого интереса речь Ермолова электризовала общество», — вспоминал в «Русской старине» С.И. Храповицкий. Вспомнил полководец и штурм Праги, и поле Бородина, и берега Сены, в горы Кавказа. Было это 23 января 1847 года. Впереди была ещё долгая жизнь.

Поэт Фёдор Глинка приветствовал героя вечера стихами:

Под буркою, над русским станом,
С морщиной умной на челе,
Не раз стоял он великаном
Монументально на скале!

Алексей Петрович «под влиянием общего настроения говорил увлекательно». Вспомнил былое и. наверное, когда читались стихи, прошли перед ним дорогие тени: Жуковский, Рылеев, давидов, Лермонтов и, конечно, Пушкин — солнце русской поэзии.

И как же оно светило ему тогда, 5 мая 1829 года в Орле!

Такое незабываемо...

...Когда Пушкин узнал о казни пятерых декабристов, он нарисовал виселицу с телами повешенных и приписал: «И я бы мог...» Тогда же написал три стихотворения: два не сохранились, одно потом него находилось в кармане, когда поэта стремительно везли в Москву, на встречу с Николаем Первым. Смело на главный вопрос царя, где бы Пушкин был тогда, 14 декабря 1825 года, оказался на Сенатской площади. Да, именно среди бунтовщиков, желавших смерти императора и его семьи, видел своё место первый поэт России. И не просто первый. Перед царём стоял человек с отвагой, волей и мудростью пророка, слышавшего голос Бога:

«Восстань, пророк, и виждь, в немли,
Исполнишь волею моей,
И обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей».

В том же 1826 году были рождены строки, посвящённые другу И.И. Пущину, в самом начале 1827-го — знаменитое послание «В Сибирь»: оба стихотворения с нашей землячкой, своей родственницей А.Г. Муравьёвой Пушкин отправил в «каторжные норы», призывая хранить «гордое терпенье» и верить.

Оковы тяжкие падут,
Темницы рухнут, и свобода

Вас примет радостно у входа,
И братья меч вам отдадут.

Царю же ставил в пример Петра Великого, вечного на тропе работника, и упорно советовал:

Семейным сходством будь же горд:
Во всём будь пращуру подобен:
Как он неутомим и твёрд,
И памятью, как он, незлобен.

В День лица 19 октября 1827 года пожелал кратко:

Бог помочь вам, друзья мои,
И в бурях, и в житейском горе,
В краю чужом, в пустынном море
И в мрачных пропастях земли.

Тогда же о себе рассказал в «Арионе»:

Пловцам я пел... Вдруг лоно волн
Измял с налёту вихорь шумный...
Погиб и кормщик и пловец! —
Лишь я, таинственный певец,
На берег выброшен грозою,
Я гимны прежние пою
И ризу влажную мою
Сушу на солнце под скалою.

Точнее не сказать о верности друзьям и своим идеалам мятежной юности. Мало! Поэт в одном отрывке («Какая ночь! Мороз трескучий...») описывает время казней Ивана Грозного, площадь со свежими следами лютых расправ:

Где труп, разрубленный с размаха,
Где столп, где вилы; там котлы,
Остывшей полные смолы,
Здесь опрокинутая плаха;
Торчат железные зубцы,
С костями груды пепла тлеют,
На кольях скорчась мертвецы
Оцепенелые чернеют...

Даже борзый конь одинокого всадника, ещё вчера яростно топтавший «лихих изменников царя», в страхе фыркает и рвётся назад. Ездок суровый еле убедил его продолжать путь: «И конь усталый в столбы под трупом проскакал». Картина давней поры, как жуткое видение, преследует поэта, переключаясь с эпохой нового царя. Сложен мир поэтической души. Даже в одном послании милой Е.Н.

Ушаковой ни к селу, ни к городу обыгрывается изречение, прогонявшее сатану: «Аминь, аминь, рассыпья!» В другом содержится странная просьба:

Изнывая в тишине,
Не хочу я быть утешен.
Вы ж вздохнёте ль обо мне,
Если буду я повешен.

Будто не ей, обаятельной Елизавете Николаевне, адресована последняя строка, а тому, кто дважды вешал Рылеева, и теперь стал цензором его творений...

С душой, накалённой болью и гневом, сидел поэт в коляску и катил к Ермолову, не глядя на лишние вёрсты. Дорога до Калуги на Белёв а далее была скорее пыльной, чем грязной. Нередко песок похрустывал под колёсами, сосновые леса зеленели, напоминая родное Михайловское и обращённое к доброй няне Арине Родионовне «Одна в глуши лесов сосновых...».

Болхов не упомянут, но он был на пути. Поэт видел то, что живо описал в своей книге «России сердце не забудет» Александр Венедиктов (Тула, 1990), дорогой моей памяти литератор-патриот (1935—1995).

«Я стоял на Красной горе, а чуть ниже холма, будто морской прибой, пенился туман, поглотивший заречную часть города. Из-за горизонта выкатывалось яркое, ослепительное солнце. Оно купалось в туманном море, которое дышало и клубилось у моих ног. Я смотрел на это чудо и никак не мог поверить тому, что происходило в эти торжественные минуты рождения нового дня... В лёгкой дымке заискрились окна Заречной и Ржевской улиц.

Неподалёку от меня, словно корабль, расправивший паруса, устремился навстречу солнцу Спасо-Преображенский собор. Утреннюю тишину разбудили удары колокола соборных часов. Над куполами взметнулись стаи всполошившихся галок.

Город просыпался...».

Много сил положил пылкий Александр Егорович Венедиктов, работая в местной газете и в обществе охраны памятников старины, для сбережения храмов родного города, особенно собора с курантами. Мемориальные доски у алтаря рассказывают, что здесь покоятся отец и сын Ржевские — Иван Иванович, храбрый воевода, убиенный гранатною стрельбой 3 августа 1678 года при защите города Чигирина «от безбожного турецкого султана, от визиря и от пашей», и Тимофей Иванович, воевода полковой и осадный стольник, тоже убиенный, но не турками, а восставшими стрельцами. Он «скончал жизнь свою за волю монарха своего».

Ржевские — предки поэта. О них, по словам болховского историка, поэту в детстве рассказывала бабушка, Мария Алексеевна.

«Для нас, читаем у Венедиктова, — остаётся загадочным отрезок пути Пушкина из Белёва в Орёл. Он не обозначен в путешествии, ему некуда было свернуть — дорога вела только через Болхов».

А вот умолчать об этом Пушкин был вправе. За ним следили сотни жандармских глаз, притом в Болховском крае жили его давние друзья: в Тимофеевском — Николай Иванович Кривцов, а в селе Чернь - Александр Алексеевич Плещеев, оба семейства были затронуты декабрьскими событиями.

Поэтому Пушкин и не упомянул в своём путешествии Болхов, а в первоначальном издании даже опустил свой разговор с Ермоловым. Этим самым он старался не навлечь беды на друзей, с которыми встретился на Орловшине.

Сохранилось предание о том, что Пушкин заезжал к Плещеевым в Чернь. А почему бы ему не заглянуть и в Тимофеевское?! В это время здесь, у своей матери находился

Николай Иванович Кривцов, о чём сообщала Сергею сестра Анна. Кстати, старая дорога, связывающая Болхов с Орлом, проходила через многолюдные сёла Борилово и Элынь, а от них рукой подать до Черни и Тимофеевского, и здесь же рядом и Моховица, и другие деревни, когда-то принадлежавшие Ржевским.

Теперь на Орёл — новая дорога, а о старой давным-давно забыли. Добавим: предание о заезде поэта в Большую Чернь к Плещеевым было опубликовано в газете «Орловский край» 16 декабря 1916 года. С Петром Александровичем, хозяином имения, Пушкин мог быть знаком по Петербургу, поскольку тот учился в Благородном пансионе вместе с братом поэта Львом. Хорошо знал Пушкин по «Арзамасу» также отца хозяина, композитора и драматурга Александра Алексеевича Плещеева, давнего друга Жуковского.

К числу орловских преданий относят и то, что было записано от старожила Малоархангельска в 1882 году, а в 1890-м опубликовано в «Русской старине».

Пушкин приехал в этот уездный город, учреждённый указом Екатерины Второй из села Архангельское, поздно вечером и, сильно утомлённый дороною, заночевал на постоялом дворе. Власти, узнав о его приезде, «провели ночь тревожно, в ожидании, быть может, ревизии». Рано утром чиновники во главе с городничим, в парадных мундирах, при орденах, «сочли своей обязанностью», по долгу службы и присяги, явиться на постоянный двор и представиться А.С. Пушкину, как начальству: не будет ли каких-либо приказаний. Они вошли в переднюю и представились сначала слуге. Тот сказал, что «барин его почивает, а когда проснётся неизвестно, должно быть, нескоро, потому, что сильно утомлён дороною». Чиновники, сидя в передней, терпеливо ждали.

«Услышав за стеною, в некотором роде, “шёпот, робкое дыханье”, поэт обратился за объяснением к своему человеку, а тот доложил ему всё подробно.

— Гони их в шею, дураков! — закричал неизвестно с чего рассердившийся Пушкин своему человеку, к неопишуемому удивлению и ещё большему ужасу малоархангельских властей, явно расслышавших грозный окрик и, так сказать, во исполнение его, мгновенно исчезнувших с постоялого двора.

Но когда первый страх прошёл и когда Пушкин, напившись чаю, уехал из города без всяких последствий, малоархангельские власти не знали, куда деваться от радости и поздравляли друг друга, если не с вполне благосклонным приёмом их Пушкиным, то с вполне благополучными проводами и столь знаменитой и начальственной особы».

Писатель-орловец А.В. Германов, рассказав об этом в статье «Пушкин на Орловщине» («Орловский альманах», Орёл, 1949), писал:

«Если действительно подобное происшествие было в Малоархангельске с Пушкиным, то возникает вопрос — не явился ли этот случай темой, подсказанной Н.В. Гоголю для будущей комедии “Ревизор”?»

Автор «Русской старины» В.В. Птицын назвал свою статью «Пушкин в Малоархангельске в 1830-м году». Однако местный учитель, талантливый скульптор П.А. Семеновский передал автору этих строк мнение директора Пушкинского заповедника С.С. Гейченко: это случилось при возвращении поэта с юга...

Орловский библиофил А.С. Захаров, рассматривая редкую книгу Иоганна Андре «Опыт о прекрасном или изящном» (Орёл, 1823), хранящуюся в Киеве, в Центральной научной библиотеке Украины, обнаружил в конце, среди подписчиков имена чиновников Малоархангельска: исправника И.Г. Юрьева, судьи, отставного подполковника И.Г. Черникова, казначея С.В. Кондратьева, заседателей Т.Е. Кононова, отставного капитана Д.Ф. Языкова, который был городничим. Боязнь ревизии имела основание. В 1816 году Орловщина пережила грозную ревизию Мясоедова, описанную первоисториком нашего края Д.И. Басовым. Губернатор Яковлев вынужден был уйти в отставку. Вскоре смерть унесла его в мир, где не бывает ревизий...

В наши дни, точнее 15 июня 1986 года, в Малоархангельске состоялся Пушкинский праздник поэзии. Сам поэт встречал нас, приподнимая шляпу над курчавой головой и как бы говоря: «Здравствуй, племя младое, незнакомое!» Таким его изобразил учитель-

скульптор Иван Алексеевич Семеновский, дивный старожил, участник Великой Отечественной, радушный хозяин. Выступали со стихами Вадим Ерёмин, Игорь Крохин, Юрий Балакин. В числе первых — писатель Леонард Золотарёв, немало страниц посвятивший родному городу. Открывала праздник А.С. Некрасова — секретарь райкома КПСС. Когда она, знакомясь, подала руку высокому, седому человеку и назвала свою фамилию, он — свою:

— Пушкин.

И тут же воскликнул:

— Какие имена!

Выяснилось, что её муж вырос между Орлом и Мценском, где жили когда-то предки Некрасова. Седой гость — это был Г.Г. Пушкин, правнук поэта, разумеется, оказался в центре всеобщего внимания.

— Ваше любимое произведение Пушкина? — спросили Григория Григорьевича.

— Люблю всё, — услышали в ответ, но уж если вы настаиваете на выборе, то «Евгений Онегин» и «Дубровский».

Помню этот праздник!

Помню и другие приезды Г.Г. Пушкина из Москвы, где он жил на улице Тухачевского с женой Марией Ивановной и сыном Александром. В первый приезд (1977 г.) мы посетили белокаменный двухэтажный дом № 8 на улице Салтыкова-Щедрина (бывшей Борисоглебской): тогда он ещё красовался на берегу Орлика, отличным снимком представленный в книге «Здесь жил Пушкин» (Л., 1992).

Дружески сфотографировались перед домом и представили себе коляску у ворот, поэта, проворно идущего через двор, и седого генерала-богатыря с орлиным взором, встающего на пороге.

Дом отца и ныне можно увидеть на берегу Оки, за городским парком.

Дом самого АП. Ермолова был снесён в 1981 году. На этом месте вырос другой, четырёхэтажный с мемориальной доской: курчавый поэт и богатырь-полководец пожимают друг другу руки.

Май — соловьиное время.

Звонкие трели лились-разливались над Орликом из каждого куста, сыпались с каждого дерева. Особенно старались певуны в густой листве душистых лип и раскудрявых берёз. Издалека, из-за реки доносился одинокий голос кукушки, надрывно трещали коростели, насвистывали своё малиновки. Русская природа вступала в царственную пору своего торжества.

Стукнула дверь жилого дома, возведённого из брёвен Карачевского Полесья. Наружу вышел человек богатырского роста и звучным голосом окликнул отдохавших в соседней людской:

— Вставайте, почтенные мои советники! Подъём, дорогие товарищи!

Это был Алексей Петрович Ермолов. Именно так он обращался к своим людям. Первым отозвался подвижный человек, явно бывший солдат:

— Мы уже давно на ногах, ваше высокопревосходительство. Какие будут приказания?

Ермолов поморщился:

— Первое приказание, почтенный Ксенофонт, не называй меня высокопревосходительством. Я уже говорил тебе не раз: служба моя кончилась. И моя, и твоя. Теперь мы — люди вольные, гражданские. Понятно?

— Понятно, Ваше... Виноват, Алексей Петрович.

— Так-то, милейший Ксенофонт. Слушай теперь второе приказание. Изволь мне приготовить тройку.

— Мне с Вами ехать?

— Пошли Ивана. Сам же останься здесь командовать.

— Слушаюсь, ваше высокопревосходительство!

— Опять!

— Виноват, Алексей Петрович!

— То-то.

Жители Орла легко узнавали кибитку с рогожным верхом. И на этот раз, встречая её, с почтением кланялись, долго смотрели вослед и вспоминали всё, что знали о нём, знаменитом на всю Россию человеке.

Это он в битве при Бородино проявил личную храбрость на одном из самых трудных участков сражения.

Впоследствии вспоминал: «Приближаясь ко второй армии, увидел я правое крыло её на возвышении, которое выходило в корпус генерала Раевского. Оно было покрыто дымом... Подойдя к небольшой, углубленной долине, отделяющей занятое неприятелем возвышение, нашёл я егерские полки 11-й, 19-й и 40-й, служившие резервом. Несмотря на крутизну восхода, приказал я егерским войскам и 3-му батальону Уфимского полка атаковать штыками, любимым оружием русского солдата. Бой яростный и ужасный не продолжался более получаса.

Израненный штыками, можно сказать снятый со штыков Неустрасимый бригадный генерал Бонами получил пощаду, пленных не было ни одного, из всей бригады спаслись бегством немногие».

К строкам о Бонами сделал примечание: «Я отправил его в Орёл и просил отца моего иметь непрерывно особенное о нём попечение».

Рассказывали, как сказку: генерал повёл солдат, имея в сумке ордена.

Бросил их, как семена в поле и крикнул зычно: «Кто пойдёт, тот найдёт!» Сам же был кавалером орденов Святого Георгия 4, 3, 2-го классов, Святого Владимира 4, 3, 2 и 1-й степени, Святого Александра Невского, Белого Орла, имел золотую шпагу за храбрость и таковую алмазами украшенную, медали за взятие Парижа 1812 и 1814 годов, иностранные ордена от императрицы австрийской, короля прусского, великого герцога баценского, а потом — от шаха персидского.

Предлагали графский титул — отказался.

— Чем тебя ещё наградить? — спросил Александр Первый.

— Произведите меня в немцы, государь, — смело заявил Ермолов, имея ввиду иностранное засилье при русском дворе.

Царь отвернулся в гневе.

В 1816 году полководец находился в Орле, когда получил назначение на Кавказ.

Командовал корпусом. Два ордена получил за победу над мятежными горнами. Основал Грозный. В 1827 году был уволен в отставку. Новый царь Николай Первый боялся Ермолова, которого восставшие декабристы хотели ввести в правительство новой России. Где бы ни появлялся теперь генерал, слава всегда за ним следом летела.

С берега Орлика спешил он на берег Оки, к одноэтажному дому с мезонином. Вышел из коляски, и сразу дом ожил. С радостью встретил дорогого гостя отец. Опережая, выбежали Виктор, Север, Клавдий, Николай.

— Ну, как поживаете, мои шалуны? — весело заговорил генерал, обнимая сыновей.

— В самый раз подъехал, — подошла сестра, — самовар уже на столе. — И тут же вздохнула: — К одному не могу привыкнуть. Привёз целую команду детей, а сам всё в холостяках гуляешь. Разве так можно?

На Кавказе всё можно. Я объяснял тебе, что у горцев такой обычай: брак по договору. Первая жена умерла, а последнюю я пытался уговорить перейти на русский обычай, звал изо всех сил в Орёл — отказалась.

— Что же делать? — спросила сестра и долгим взглядом посмотрела на брата-богатыря.

А тот развёл руками:

— Ничего не поделаешь. Жди! Радуйся, что у меня дочка растёт на Кавказе. Вырастет большая, приедет в Орёл! Обязательно приедет.

— Не доживу, — махнула рукой сестра. И пригласила в дом.

За столом, любуясь племянниками, повеселела, переключилась на новости городские:

— Что-то у нашего губернатора Одинцова жизнь в Орле не клеится. Вроде старается человек, а всё не то.

— А помнишь шестнадцатый год? Я как раз на Кавказ собирался — а тут переполох. Ревизия Мясоедова, — усмехнулся Пётр Алексеевич, — страху понаделала на три губернии. А у нас губернатор Яковлев даже в храме клятву давал, что будет всю правду говорить.

— Три попытки принял, — уточнила хозяйка и тяжело вздохнула. Ревизия вогнала несчастного в могилу.

Вспомнили покойную мать.

Мария Денисовна могла бы весь мир чиновников в Орле переворочить. Горожане уверяли, что знаменитый их земляк больше в матушку из рода Давыдовых пошёл, чем в отца, простого набожного человека.

Навестив семью, А.П. Ермолов отправился на берег Орлика, в свой дом, где его кабинет занимал весь первый этаж, уставленный книжными шкафами. На русском, французском, английском, итальянском языках.

Там-то и навестил его Пушкин.

Поездка поэта через Орёл содержит столько тайн, что хватит на поиск краеведам многих поколений.

Утром встали и поехали в Лукьянчиково. Отправился и Петр Алексеевич Ермолов, отец полковника. Сидя рядом с сыном, он вёл разговор о делах деревенских.

Пушкин провожал глазами Орёл, пробегающий, ускользающий из глаз со всеми храмами, домами, деревьями. Две тройки, одна за другой, прогремели вниз по Введенской улице.

Миновали женский монастырь, где бывали в своё время Елизавета Петровна и Екатерина Вторая, повернули на Болховскую, на мост через Орлик. Слева осталась церковь Богоявления с хороводом домиков, с Торговыми рядами, справа — Михаил Архангел и Василий Великий в отдалении, дорога на Карачев.

Покатили по Большой Киевской, по мосту через Оку и затем — по Новосильской, нынешней Пушкинской. За городом пересекли лес Андриабуж и далее на простор.

Дорога, ныне ведущая в Залегощь, привела к Ермоловским местам: Ступишино внизу у речки Оптухи, Лукьянчиково с погостом и Покровской церковью на возвышении, за рекой. Проехали, а навстречу — староста с поклоном, крестьянки-девушки с хлебом-солью:

— Добро пожаловать, гости дорогие!

Тут генерал — хозяин поместья, а точнее — незаменимый помощник в деревенских делах своему родителю. Приедешь в Орёл — изволь дать отчёт полный по всем вопросам. Как поля засеяны, как бурёнки чувствуют себя, как жеребцы карабахские крепят здоровье богатырское вдали от родного Кавказа, как у мужиков состояние духа.

Алексея Петровича уважают, готовы его портрет повесить близ церковных дверей.

Уважают за простоту, гордятся воинской славой.

Пушкин при виде сельских раздолий вспомнились собственные строки:

Приветствую тебя, пустынный уголок,
Приют спокойствия, трудов и вдохновенья,
Где льётся дней моих неведомый поток
На лоне счастья и забвенья...
Я твой — люблю сей тёмный сад
С его прохладой и цветами,
Сей мир, уставленный душистыми скирдами,
Где светлые ручьи в кустарниках шумят.

И, наверное:

Увижу ль я, друзья, народ неугнетённый
И рабство, падшее по магии царя,
И над отечеством свободы просвещённой
Взойдёт ли наконец прекрасная заря.

О чём размышлял поэт, глядя на избы, крытые соломой, на босоногих ребятишек на лугу?
О чём думал, покидая эти места, представляя себе настроение опального полководца в деревне, завьюженной, заваленной снегом в морозные ночи?

Не мог не видеть мучительной тоски на лице Алексея Петровича. В ломе, на столе, заваленном старыми книгами, Пушкин обратил внимание на чашечки с клеем. Что это?
— В переплёт одеваю моих друзей, — пояснил Ермолов. И добавил с улыбкой: — Беру уроки мастерства. Учитель строг. Покрикивает на меня.

— Кто ж такой?

— Мужик из соседней деревни.

— И каковы успехи?

— Получил приз на выставке в Париже.

— Поздравляю, ваше высокопревосходительство.

— Спасибо.

Священник Покровской церкви поклонился гостям и пригласил в храм. Приглашение горячо поддержал Пётр Алексеевич, отец полководца. Был он стар и здоровьем слаб, но мгновенно загорался, когда речь заходила о вере.

— Добро пожаловать! Добро! — приговаривал.

Обращаясь к Пушкину, Пётр Алексеевич внимательно посмотрел в глаза поэта, будто хотел о чём-то спросить, да не решился. Поэт вошёл и, кланяясь святым ликам, начал молиться, неспешно осеняя себя широким крестом. Когда вышел наружу, не выдержал старик:

— Мне приятно видеть, что сердце нашего дорого гостя, нашего знаменитого поэта неравнодушно к вере православно, не подвержено гнилым поветриям с Запада.

Пушкин задумался и ответил:

— Однажды пришёл ко мне Глинка Михаил Иванович, наш композитор славный, застал Вашего покорного слугу с Евангелием в руках. Удивился... Видимо, и до него дошёл слух, будто Пушкин неверующий. «Вот книга, единственная в мире, — сказал я Глинке, — в ней всё есть». Что касается слухов, то их распускают люди, считающие меня совершенным кретином. Я не просто люблю Евангелие, а имею понимание духовного пути человечества наподобие оптиных старцев.

Ермолов-отец просиял:

— Преклоняюсь перед Вашими познаниями и сердцем Вашим, дорогой Пушкин, — сказал он. И крепко обнял поэта за плечи.

Пушкин спешил. Передохнул час-другой — и в дорогу...

Почти через месяц после отъезда А.С. Пушкина из Орла, 4 июня 29 года, пристав 3-й части (т.е. нынешнего Советского района), где жил А.П. Ермолов, доносил в Петербург: «Чиновника Александра Пушкина... по тщательному моему и квартальных надзирателей розыскам в подведомственной мне части не оказалось». Оказывается, поэта искали, чтобы объявить решение сената «обязать подпискою дабы впредь никаких своих творений без рассмотрения и пропуска цензуры не осмеливался выпускать в публику под опасением строгого по законам взыскания». Решение было принято после долгого разбирательства по поводу стихотворения «Андрей Шенъе», которое кандидат Московского Университета переписал с пометкой «по поводу 14 дек.» (Опубликовано в Литературном альманахе», Орёл, 1939, в статье Б. Ермака. Б. Александрова).

Искали и не нашли. Это дало основание некоторым думать, что поэт приехал прямо в Лукьянчиково. В книге А. Воробьёва, С. Куревинной и В. Шапочки «Отсюда видно всю

Россию» (Орёл, 1999) читаем: «Приставы и квартальные потом и потеряли след Пушкина, что находился он вместе с Ермоловым в Лукьянчикове».

Оставаясь при своём мнении, отдадим должное описанию старинного села: «Мы стояли на самом высоком и необыкновенно красивом месте, где когда-то была Покровская церковь села Лукьянчиково. Угадывается (даже сейчас!) окружность ограды, рядом с которой вечным сном спят под древними камнями те, кто пахал и сеял, кто создавал красоту Русской земли. Шёл мелкий дождь, напоминающий слёзы, и мы стояли, слушали рассказ Анны Григорьевны Мосиной о том невозвратно ушедшем времени.

— Красивое ваше село-то было, пожалуй, таких не найдёшь. Вот видите, за оврагом сейчас-то молодые деревца, а раньше какие аллеи были! И сколько их было! Во время войны мосты немцы наводили, так они и поизвели липы-то. Все поизвели. Приехал внук владельца вашего. А немцы ему: “Пришли мы сюда навсегда, а русским здесь больше не быть!” А он им - и как не боялся! — говорит: “Врёте! Вас не будет, а русские будут!”». Были тут помещиками в начале XX века Шаталовы, оставившие свою фамилию в названии соседней деревни. На полуразбитом памятнике надпись «Отставной штабс-капитан Николай Владимирович Шаталов. Родился 1 декабря 1855 года. Скончался 9 декабря 1912 года».

«Покровская церковь была деревянной, с тремя приделами: во имя Покрова Пресвятой Богородицы, Святой Великомученицы Варвары и Иоанна Воина, до 1922 года были целы четыре Евангелия в серебряных окладах. Звон колокола слышался далеко, на много вёрст вокруг». Самый большой свыше 30 пудов. Да ещё четыре малых. Ценную утварь в двадцать втором увезли в Москву, саму церковь закрыли в тридцатом...

В книгу вошли тёмным снимком камни старинной кладки. Увы, теперь их нет. Остались в книге волновать воображение заманчивым предположением авторов: «Эти древние камни могли быть свидетелями встречи А.С. Пушкина с А.П. Ермоловым».

Из Орла поэт поехал на Елец, до которого «дороги ужасны». Несколько раз коляска «вязла в грязи, достойной грязи одесской». В сутки проезжал не более пятидесяти вёрст. «Мне предстоял путь через Курск и Харьков, пишет Пушкин, — но я своротил на прямую тифлисскую дорогу, жертвуя хорошим обедом в курском трактире (что не безделица в наших путешествиях) и не любопытствуя посетить Харьковский университет, который стоит на курской ресторации».

Краевед В.Е. Емельянов, исследователь старых дорог нашего края, утверждал, что поэт на Елец мог поехать через Залегощь и Верховье. «Однако в то время, — читаем в книге “Малоархангельские истоки” (Орёл, 1999) В.И. Агошкова, работавшего в этих местах редактором районной газеты, — напомним, данные поселения входили в состав Тульской губернии, и дороги из Орла строго на восток не было...» Агошков высказал предположение, что Пушкин мог проехать дорогой своего учителя В.А. Жуковского (1814) через Сорочьи Кусты — Малоархангельск — Губкино, что поэт спешил, «как степной орёл, подгоняемый злым ветром». Ехал и через Разбегаевку близ сегодняшней Змиёвки. Назовём предположительно Становой Колодезь, Хотетово, Еропкино, Богородицкое, Столбцецкое, Покровское, Дросково, Ливны, Кунач... В селе Троицком на Орловщине жил декабрист Н.А. Чижов. В 1848 году исправник доносил губернатору П.И. Трубенкому, что Чижов «по нахождению... в селе Троицком, Пушкино тож, 12 числа сего апреля месяца умер...». Помещица Горчакова, у которой служил Чижов, по преданию, принимала поэта по дороге на Кавказ и из-за горячей любви к нему переименовала Троицкое в Пушкино. Троицкое под таким названием в справочнике «Орловская область» (Орёл, 1965) находим три села (в Новосильском, Ливенском и Верховском районах), две деревни (в Покровском и Свердловском).

Была попытка в Лебёдке близ поселка Нарышкино художественно изобразить пребывание поэта у Пуциных...

На всю жизнь запомнил поэт, как, вернувшись с Кавказа, получил от Бенкендорфа грозное письмо — царь требовал объяснить: «По чьему позволению предприняли Вы это

путешествие?»

Пришлось отвечать: «С глубочайшим прискорбием я только что узнал, что Его Величество недоволен моим путешествием в Арзрум. По прибытии на Кавказ, я не мог устоять против желания увидаться с братом...»

Царь, прочитав письмо Пушкина, ответил: «Надобно было проситься у меня. Разве не знаете, что армия моя? — Бенкендорфу верно сказал: — Дойдёт до того, что после первого же случая ему будет определено место жительства», — новой ссылкой пригрозил! Видимо, не от весёлой жизни написал поэт в самом конце 1829 года:

Брожу ли я вдоль улиц шумных,
Вхожу ли в многолюдный храм,
Сижу ль среди юношей безумных,
Я предаюсь моим мечтам...
Младенца ль милого ласкаю,
Уже я думаю: прости!
Тебе я место уступаю:
Мне время тлеть, тебе цвести...
И пусть у гробового входа
Младая будет жизнь играть,
В равнодушная природа
Красою вечною сиять.

Незаметно прошёл день 30-летия, 26 мая 1829 года. И всё же праздник состоялся в Тифлисе, на берегу Куры. Местные литераторы чествовали Пушкина.

«Все веселились от души, — вспоминал один из современников, — разговаривали, шутили, смеялись. Тут была и зурна, и томаша, и лезгинка, и заунылая персидская песня, и Ахало, и Алаверды, и Якши-ол, и Байрон был на сцене, и всё европейское, западное смешивалось с восточно-азиатским разнообразием... На русского Торквата надели венок из цветов, посадили в кресло и начали его поднимать на плечах своих при непрерывном: Ура»...

Россия не чествовала поэта.

Жить ему оставалось чуть более 7 лет.

«Гуда, в заоблачную келью, в соседство к Богу надо мне», — писал Пушкин тогда, в 1829 году...

Иван Киреевский

Киреевка — одно из священных мест нашего Отечества. Она слышала детские голоса братьев Киреевских — Ивана и Петра. Оба, как на доске почёта, в Пушкинской энциклопедии (М., 1999).

Мать, Евдокия Петровна, урождённая Юшкова, племянница Жуковского, принимала не раз в своём доме великого поэта.

«Пушкин, — читаем в энциклопедии, — был частым посетителем её московского литературного салона, который, по свидетельству современника “был средоточием и соборным местом всей русской интеллигенции, всего, что было... самого просвещённого, литературно и научно образованного”».

В октябре 1831 года И.В. Киреевский писал Пушкину: «Милостливый государь Александр Сергеевич. Вчера получил я разрешение издавать с будущего 1 832 года журнал, и спешу

рекомендовать Вам его, как рекрута, который горит нетерпением служить и воевать под Вашим предводительством; как девушку, ещё невинную, которая хочет принадлежать Вам душой и телом; как духовную особу, которая просит Вас утвердить её в чине пастыря над стадом словесных животных, и, наконец, рекомендую вам журнал мой, как Европейца, потому, что его так зовут».

Журнал Киреевский предполагал наполнить статьями о Европе, видимо, критического направления. Потому напомнил поэту о псевдониме, которым тот пользовался в журнальных схватках.

Пушкин о журнале знал от В.А. Жуковского, которому будущий издатель «Европейца» писал ещё в октябре 1831 года, что «с наслаждением мог бы говорить об Вас, о Пушкине, о Баратынском, об Вяземском, об Крылове, о Карамзине на страницах, не запачканных именем Булгарина».

В феврале 1832 года И.Б. Киреевский получил ответ: «Милостливый государь Иван Васильевич! Простите меня великодушно за то, что до сих пор не поблагодарил я Вас за “Европейца” и не прислал вам смиренной дани моей. Виною тому проклятая рассеянность петербургской жизни и альманах, которые совсем истощили мою казну, так что не осталось у меня и двустихия на чёрный день, кроме повести, которую сберёг и коей отрывок препровождаю в Ваш журнал. Дай Бог многие лета Вашему журналу. Если гадать по двум первым №, то “Европеец” будет долголетен. До сих пор наши журналы были сухи и ничтожны или дельны да сухи; кажется “Европеец” первый соединит дельность с заманчивостию... Ваша статья о “Годунове” и о “Наложнице” порадовала все сердца; насилу-то дождались мы истинной критики».

Пушкин прислал для печати отрывок из «домика в Коломне», переписанный рукой жены поэта и подписанный им самим.

Второй раз Пушкину написал И.В. Киреевский весной 1832 года: «Милостливый государь Александр Сергеевич. Я до сих пор не отвечал Вам на письмо Ваше и не благодарил Вас за присылку стихов потому, что через несколько дней по получении их я узнал о запрещении моего журнала и, следовательно, выжидал случая писать к Вам не по почте. Не зная, в каких Вы отношениях с Булгариным, я боялся, чтобы он, оклеветав меня, не выдумал и Вас представить сообщником моего карбонарского журнала, и, следовательно, должен стараться, чтобы между нами было как можно менее отношений публичных или почтовых. Благодарю Вас за Ваши советы о журнале: они совершенно справедливы, и я бы непременно ими воспользовался, если бы журнал мой не прекратился».

В июле 1832 года Пушкин ответил: «Милостливый государь, Иван Васильевич! Я прекратил переписку мою с Вами, опасаясь навлечь на Вас лишнее неудовольствие или напрасное подозрение... Сегодня пишу Вам по оказии и буду говорить Вам откровенно. Запрещение Вашего журнала сделало здесь большое впечатление; все были на Вашей стороне, то есть на стороне совершенной безвинности; донос, сколько я мог узнать ударил не из болгаринской навозной кучи, но из тучи».

Под тучей подразумевал поэт правительство и в первую очередь Третье отделение. Жуковский написал Николаю Первому в Бенкендорфу, утверждая, что Киреевский стал жертвой клеветы в подозрительности. В беседе с царём пытался поручиться за редактора. — А за тебя кто поручится? — возвысил голос в сильном раздражении император.

Василий Андреевич заявил, что если ему не верят, то он вынужден приостановить свои занятия с наследниками престола.

«Между тем, — продолжал Пушкин в своём письме Киреевскому, — обращаюсь к Вам, к брату Вашему и к Языкову с сердечной просьбою. Мне разрешили на днях политическую в литературную газету. Не оставьте меня, братия! Если вы возьмёте на себя труд, прочитан какую-нибудь книгу, написать об ней несколько слов в мою суму, то Господь вас не оставит... Напишите мне несколько слов (не опасаясь тем повредить моей политической репутации) касательно предполагаемой газеты. Прош у Вас советов и помощи... Переписка с Вами была бы мне столь же приятна».

В августе 1833 года Пушкин был у братьев Киреевских в Москве, о чём писал жене. Сохранился карандашный набросок с изображением сидящих у В.Ф. Одоевского за новогодним столом 31 декабря 1833 года А.С. Пушкина, И.В. Киреевского и других лиц. Был Пушкин знаком (с 29 апреля 1834 г.) с женой Киреевского Натальей Петровной, рожденной Арбеновой (1809—1900).

Передо мной Полное собрание сочинений И.В. Киреевского (М., 1911) в двух томах. «Род Киреевских, — читаем в “Материалах для биографии”, — принадлежит к числу самых старинных родов Белёвских и Козельских дворян. В старину Киреевские служили по Белёву, владели в Белёвском уезде многими вотчинами и поместьями».

В семи верстах от Белёва было Долбино. Сюда на ярмарку в день Успенья стекались тысячи «изо всех окружных городов и уездов». Видимо, были и жители Орловского уезда, где находилась Киреевская Слободка.

Иван Киреевский, как и брат его Петр, находился под сильным влиянием В.А. Жуковского, особенно после неожиданной смерти отца в 1812 году. Известно, что Василий Иванович в ту пору все силы отдавал уходу за ранеными в Орле. Были среди них и пленные французы.

Генерал Бонами, взятый в плен А.П. Ермоловым при Бородино, был потрясён ранним развитием Вани Киреевского, его отличной игрой в шахматы.

Генерал, как писал биограф, «не решался играть с ним, боясь проиграть семилетнему мальчику». Часами с большим любопытством наблюдал, как маленький Ваня легко обыгрывал французских офицеров одного за другим. Мальчик много читал.

В десять лет он «был коротко знаком со всеми лучшими произведениями русской словесности и так называемой классической французской литературы. В двенадцать лет «хорошо знал немецкий язык».

Любил Жуковского, незадолго до кончины знаменитого поэта писал матери: «Удивительный человек этот Жуковский. Хотя, кажется, знаешь необыкновенную красоту и возвышенность его души, однако при каждом новом случае узнаёшь, что сердце его выше и прекраснее, чем предполагал. Он почти кончил свою Одиссею, работая над ней постоянно... и оторвался от этой работы, потому, что пришла страстная неделя, и он стал говеть. В это время получил он моё письмо с просьбою. Для говенья он оставил Одиссею; но для доброго дела в ту же минуту... написал длинное и прекрасное письмо к принцу Ольденбургскому, другое к Б. и третье ко мне. Эту жертву, конечно, Бог примет, как живую молитву сердца».

В 1817 году А.П. Киреевская вышла замуж за своего троюродного брата А.А. Елагина. От него Иван пристрастился к философии. Елагин привёз из заграничных походов «Критику чистого разума» Канта.

В 1822 году состоялся переезд в Москву.

Там Иван Киреевский слушал лекции в университете. В 1824 году стал служить в Московском архиве иностранной коллегии.

В 1827 году на одном из литературных вечеров у княгини З.А. Волконской к Ивану Васильевичу обратился князь Вяземский. Он взял слово с Киреевского «написать что-нибудь для прочтения».

Просьба была уважена. На свет появилась «Царицынская ночь», первый опыт молодого автора.

И.В. Киреевский читал свои стихи на проводах Мицкевича.

«В том же году, — читаем далее, — он написал “Нечто о характере Пушкина”. Статья была напечатана без подписи. Тогда же и Пётр Киреевский напечатал в “Вестнике” отрывок из Кальдерона, переведённый им с испанского и издал особою книжкой перевод байроновской повести “Вампир”. Таким образом, в 1828 году оба брата вместе выступили на литературное поприще».

«Если бы ты знал, — читаем из письма П.В. Киреевского, как весело быть писателем. Я написал одну статью, говоря по совести, довольно плохо, и если бы мог, уничтожил бы её»

теперь. Но, несмотря на то, эта одна плохая статья доставила мне минуты неоценённые: кроме многого другого, скажу только одно: есть в Москве одна девушка, прекрасная, умная, любезная, которую я не знаю, и которая меня от роду не видывала. Тут ещё нет ничего особенно приятного, но дело в том, что ей нравится, и, вообрази, после стихов Пушкина, Жуковского и пр. списано больше половины моей статьи. Что она нашла в ней такого трогательного, я не знаю; но, несмотря на то, это одно и может заставить писать, если бы даже в самой работе и не заключалось лучшей награды».

Статья о поэзии Пушкина поставила Ивана Киреевского в ряд лучших критиков своего времени.

«Отчего же до сих пор, — спрашивал критик, — так мало говорят о Пушкине? Отчего лучшие его произведения остаются неразобранными, а вместо разборов и суждений слышим мы одни пустые восклицания: Пушкин поэт! Пушкин истинный поэт! “Онегин” — поэма превосходная! “Цыганы” мастерское произведение! И т. д.? Отчего никто до сих пор не предпринял определить характер его поэзии вообще, оценить ее красоты и недостаток, показать место, которое поэт наш успел занять между первоклассными поэтами своего времени?»

Вопросы поставлены. Теперь надо на них ответить. И Киреевский отвечает продуманно, страстно, с большой поэтической силой.

«Эта лёгкая шутка, — пишет, — дитя весёлости и остроумия, которая в “Руслане и Людмиле” одевает все предметы в краски блестящие и светлые, уже не встречается больше в других произведениях нашего поэта её место в “Онегине” заступила уничтожающая насмешка...»

В «Кавказском пленнике» «видим душу, огорченную изменами и утратами, но ещё не изменившую самой себе... душу, растерзанную судьбой, но не побеждённую; исход борьбы ещё зависит от будущего».

Недостатки Онегина, приходит к выводу критик, — последняя дань Пушкина поэту Байрону. В то же время, все «неисчислимы красоты поэмы: Ленский. Татьяна, Ольга, Петербург, деревня, сон, зима, письмо и пр. и пр. суть неотъемлемая собственность нашего поэта. Здесь-то обнаружил он ясно природное направление своего гения; и эти следы самобытного созидания в «Цыганах» и «Онегине», соединённые с известной сценою из «Бориса Годунова», составляют, не истощая третий период развития его поэзии, который можно назвать периодом поэзии русско-пушкинской. Отличительные черты его суть живописность, какая-то беспечность, какая-то особенная задумчивость, и, наконец, что-то невообразимое, понятное лишь Русскому сердцу; ибо как назвать то чувство, которым дышат мелодии Русских песен, к которому чаще всего возвращается Русский народ, и которое можно назвать центром его сердечной жизни?

В поэзии Пушкина «особенно заметна способность забываться в окружающих предметах и текущей минуте». Эта способность — основание русского характера. «Из неё происходит смелость, беспечность, неукротимость минутных желаний, великодушие, запальчивость, понятливость, добродушие».

Характер Татьяны — одно из лучших творений.

В сцене с Пименом из «Бориса Годунова» особенно обнаруживается зрелость автора. Одно из важных качеств его поэзии — «соответственность с своим временем».

И, наконец: «Мало быть поэтом, чтобы быть народным; надобно ещё быть воспитанным, так сказать, в средоточии жизни своего народа, разделять надежды своего Отечества, его стремление, его утраты, словом, жить его жизнью и выражать его невольно, выражая себя!» Так понимал Иван Киреевский цель и характер нашей литературы в 22 года.

Не устарело донныне: «Отражать в себе жизнь своего народа».

Именно так творил Пушкин.

Именно так создавались в народе русские песни, русские сказки, русские былины, начиная с тех, где встречается нас Илья Муромец, богатырь святорусский, любимейший герой брата Ивана Киреевского, Петра.

В 1830 году Иван Киреевский представил читателям «Обозрение Русской словесности» за 1829 год.

В обозрении литературы своего времени разделил её на три эпохи: одна определяет влияние Карамзина, другая — Жуковского, третья — Пушкина.

Говоря о Карамзине, счёл нужным заметить, что тот обязан своей образованностью Новикову и его друзьям-единомышленникам.

С развитием жизни возросли потребности нового. «Старая Россия отдыхала, для молодой нужен был Жуковский».

Что такое новая муза? Это — идеальность, чистота и глубокость чувств, святость прошедшего, вера в прекрасное, в неизменяемость дружбы, в вечность любви, в достоинство человека и благодати Проведения, стремление к неземному, равнодушие ко всему обыкновенному ко всему, что не душа, что не любовь.

Одним словом, «вся поэзия жизни, всё сердце души явилось к нам в одном существе, и облеклось в пленительный образ Музы Жуковского. В её задумчивых чертах прочли мы ответ на неясные стремления к лучшему и сказали: «Вот чего не доставало нам!»

Муза Жуковского «была, однако же, воспитана на песнях Германии».

Теперь же она замолчала.

Но развитие духа народного не могло остановиться. «Как мысль зовёт звук, так народ ищет поэта».

Пушкин выразил начало новой поэзии «сначала под светом краской доверчивой надежды, потом под мрачным покровом Байроновского негодования к существующему».

Ни то, ни другое не могло продолжаться долго.

В наше время становится история центром всех познаний, наукой наук.

«Век не мог не иметь влияния и на Пушкина — делает вывод Киреевский, — мы видим это, говоря о Полтаве».

И переходит к «Истории Государства Российского» Карамзина, вернее к XII тому. Это, по словам критика, «последний плод трудов великих, последний подвиг жизни полезной, священной для каждого Русского». Автор в этом томе «превзошёл прежние силою красноречия, обширностью объёма, верностью изображения, ясностью, стройностью картины, и этим ровным блеском, этой чистотой, твёрдостью бриллиантового Карамзинского слова. Вообще достоинство его Истории растёт вместе с жизнью протекших времён, чем ближе к настоящему, тем полнее раскрывается перед ним судьба нашего Отечества».

Размышляя о будущем, Киреевский писал: «Англия и Германия находятся теперь на вершине Европейского просвещения; но влияние их не может быть живительное, ибо их внутренняя жизнь уже окончила своё развитие, состарилась и получила ту односторонность зрелости, которая делает их образованность исключительно им одним приличной».

Вот отчего Европа представляет теперь вид какого-то оцепенения; политические и нравственные усовершенствования равно остановились в ней; запоздалые мнения, обветшалые формы, как запруженная река, плодоносную страну превратила в болото, где цветут одни незабудки, да изредка блестит холодный, блуждающий огонёк.

Из всего просвещённого человечества два народа не участвуют во всеобщем усыплении; два народа, молодые, свежие, цветут надеждой: это Соединённые Штаты и наше Отечество.

Но отдалённость местности и политическая, а более всего односторонность Английской образованности Соединённых Штатов, — всю надежду Европы переносят на Россию...

Судьба каждого из государств Европейских зависит от совокупности всех других — судьба России зависит от одной России».

С большой статьёй об И.В. Киреевском выступил в наши дни протоиерей В. Зеньковский в одном из томов «Святой Руси» О.А. Платонова (М., 2003).

Автор статьи дал высокую оценку условиям, в которых получил духовное развитие «один

из основоположников и виднейших представителей славянофильства». Отец его был страстным противником Вольтера, он даже сжёг у себя в имении все его сочинения. Умер рано. Воспитанием детей занялась мать — «женщина замечательная по религиозности и силе характера». Когда переехали в Москву, Иван Киреевский стал брать уроки на дому, прекрасно изучил древние и новые языки. В Германии слушал Гегеля и Шеллинга. В 1834 году женился. Жена «была человеком не только глубоко религиозным, но и очень начитанным в духовной литературе». Была духовной дочерью преподобного Серафима Саровского. У Ивана Васильевича развивается глубокий интерес к святым отцам. Он участвовал в издании их творений Оптиной пустыни. С глубокой горечью отмечал, что «духовная философия восточных отцов Церкви» осталась «почти неизвестной». Был он ближе к Церкви, чем его единомышленник Хомяков. Понятие духовной жизни для И.Н. Киреевского было нейтральным. Он говорил «об особом значении моральной стороны в человеке». Упрекал западную культуру в том, что там просвещение, будучи основано на развитии распавшихся сил разума, не имеет существенного отношения к нравственному настроению человека, «добрые силы в одиночестве не растут, — говорил Киреевский, — рожь заглухнет меж сорных трав». Главный порок западной философии в её идеализме, в утере живой связи с действительностью.

Западный человек «раздробляет свою жизнь на отдельные стремления: в одном углу его сердца живёт религиозное чувство... в другом — отдельные Силы разума, в третьем — стремления к чувственным утехам... Разум обращается лихо в умную хитрость, сердечные чувства — в слепую страсть, красота — в мечту... ».

В юности у И.В. Киреевского духовная жизнь не была на первом месте. Но вот стали вместе с женой читать Шеллинга, а она говорит:

— Мне эти мысли давно известны.

— Откуда? — удивился муж.

— Из святых отцов, — ответила жена.

Иван Васильевич задумался. Стал больше читать из святых отцов, чаще бывать в Оптиной пустыни.

Однажды испытал сильные чувства в часовне перед чудотворной иконой. С его слов было записано: «Икона эта целые века поглощала потоки страстных возношений, молитв людей скорбящих, несчастных; она должна была наполняться силой, она сделалась живым органом, местом встречи между Творцом и людьми... я пал на колени и стал искренне молиться...».

Жил он не только религиозной мыслью, но и религиозным чувством; вся его личность, весь его духовный мир были пронизаны лучами религиозного сознания.

«Противопоставление подлинного православно-христианского просвещения и западного рационализма, — читаем в “Святой Руси”, является действительно осью, вокруг которой вращается мыслительная работа у Киреевского». Но это не есть противопоставление «веры» и «разума» — а именно двух систем просвещения.

Киреевский видел «путь к обретению утраченной цельности, к обновлению души»...

Пётр Киреевский

Перед нами «Собрание народных песен П.В. Киреевского», изданное в Туле в 1986 году, всего лишь 600 песен из великого множества бесценных сокровищ.

«Среди памятников русской народной поэзии, вошедших в золотой фонд мировой культуры, — читаем в предисловии, — выдающееся место принадлежит Собранию народных песен П.В. Киреевского». Собрание это в учёном мире поставлено в ряд вершинных творений человечества.

Поэт Николай Языков, верный соратник нашего Петра Васильевича, стоявший у истоков Собрания, писал в ту пору: «Тот, кто соберёт сколько можно больше народных наших песен, сличит их между собой, приведёт в порядок и прочее, тот совершит подвиг

великий... положит в казну русской литературы сокровище неоценимое и представит просвещённому миру чистое, верное, золотое зеркало всего русского».

Сама идея Собрания принадлежит А.С. Пушкину. Он, по свидетельству великого собирателя, в самом начале «предприятия доставил ему замечательную тетрадь песен, собранных в Псковской губернии».

Вслед за Пушкиным и во многом благодаря ему, собирали песни для нашего земляка братья Языковы, Н.В. Гоголь, С.А. Соболевский, А. Востоков, В.И. Даль, А.В. Кольцов, П.И. Якушкин, М.П. Погодин, К.Д. Кавелин, С.П. Шевырёв. А.Ф. Вельтман, М.А. Стахович, Н.А. Костров, А.Ф. Писемский, Ю.В. Жадовская, А.В. Маркович. Столицей русской народной песни была Киреевская Слободка, нынешняя Киреевка.

Петру Васильевичу писали адмирал П.Ф. Кузьмищев с далёкого Севера, учитель Н.П. Борисов с Урала, В.И. Даль из Оренбургского края, с Украины М.А. Максимович, из Москвы студенты Н.А. Костров и П.М. Перелесский. По мысли и по программе друга своего десять губерний обошёл неутомимый Павел Иванович Якушкин, родом из-под Малоархангельска.

Деятельность Киреевского была тесно связана с губерниями Московской, Тульской, Калужской, Рязанской и, разумеется, Орловской, начиная с милой его сердцу Киреевки. Нельзя не представить Петра Васильевича среди живописной родной природы, в кругу дорогих земляков.

Пропой, пропой, певунья-горлица,
Про синий свет российских рек.
Как жил да был
Над речкой Орлицей
Души хрустальной человек.
Жил, очарованный деревнями,
Цветами, травами, зверьём
И Русь былинную,
Русь древнюю
В просторе видел полевым.
Как загорался. песни слушая, —
Не мог на месте усидеть,
Когда в саду его под грушею
Сходились люди песни петь!
С лова струились родниковые,
Рассветной свежести слова,
Дубрава делалась дубровою,
Ковром муравчатым трава.
Слова звенели, душу радуя.
Храня пленительную статью.
Они к Киреевскому падали
Жемчужной россыпью в тетрадь.

Киреевская Слободка — под Орлом. Однажды в самом начале весны 1853 года приехал сюда неожиданно Иван Сергеевич Тургенев, живший в ту пору в Спасском.

Пётр Васильевич Киреевский принял дорогого гостя с радостью. Разговорились. О чём? Никому не ведомо. Можно лишь догадываться...

Тургенев только что закончил «Записки охотника», оставался ещё всеми мыслями во власти любимого творения, о котором вскоре родилась легенда, что прочитал его Александр Второй, прослезился слезами горючими и повелел немедленно даровать

крестьянам свободу...

Не менее, чем Тургенев, близок был к народу и Пётр Киреевский, неутомимый собиратель песен народных...

Крепко запала в душу Ивана Сергеевича встреча с Петром Васильевичем в Киреевской Слободке. Хороша была и вторая встреча, на этот раз уже в Спасском, где вскоре побывал П.В. Киреевский с ответным визитом.

Даже с Аксаковым Тургенев поспешил чувствами поделиться. О хрустальной прозрачности земляка написал, о том, что его, Киреевского, просто «нельзя не полюбить». Тому же Аксакову написал Тургенев из Спасского 6 октября 1853 года: «На днях мы много говорили обо всех вас с П.В. Киреевским, который приезжал ко мне из своей орловской деревни. Что за милый и чистый человек!»

Наверное, в каждой из двух встреч много было сказано о судьбе народных песен.

Наверное, к той поре уже многим довелось прочитать в «Записках охотника», в рассказе «Певцы», то, как пел народную песню Яков Турок в деревне Колотовке, в избе на краю оврага, превращённой в кабак, прозванный «Притынным»: «Не одна в поле дороженька пролежала, — пел он, и всем нам сладко становилось и жутко».

В голосе певца «была и неподдельная глубокая страсть, и молодость, и сила, и сладость, и какая-то увлекательно-беспечная. грустная скорбь. Русская, правдивая, горячая душа звучала и дышала в нём и так хватала прямо за его русские струны. Песнь росла, разливалась...

Певцом, видимо, овладело упоение: он же не робел, он отдавался весь своему счастью, голос его не трепетал более — он дрожал, но той едва заметной внутренней дрожью страсти, которая стрелой вонзается в душу...».

Писатель слышал и вспоминал белую чайку, увиденную однажды вечером «на плоском песчаном берегу моря, грозно и тяжело шумевшего вдали». Чайка «сидела неподвижно, подставив шёлковую грудь алому сиянию зари, о только изредка медленно расширяла свои длинные крылья навстречу знакомому морю, навстречу низкому багровому солнцу...».

«Он пел, — продолжал своих “Певцов” Тургенев, — и от каждого звука его голоса веяло чем-то родным и необозримо широко, словно знакомая степь раскрывалась перед вами, уходя в бесконечную даль».

Несколько ранее, в июне 1852 года Иван Сергеевич писал Аксаковым: «Песни удивительны — достойны стать наравне с песнями в собрании Кирши Данилова».

О чём речь? да о том сборнике П.В. Киреевского, что вышел в 1848 году.

Из того же письма: «Я эту зиму чрезвычайно много занимался русской историей и русскими древностями... Ваську Буслаева считаю я эпосом русским».

Далее: «Я в Москве много говорил с Забелиным который мне очень понравился: светлый русский ум и живая ясность взгляда. Он водил меня по кремлёвским достопримечательностям»

Беседуя с П.В. Киреевским в его родной Киреевке, а затем — под липами Спасско-Лутовиновского парка, они не могли обойти тему героического русского характера, богатырскую силу нашей старины. В Собрании песен, изданных в 1860 году, весь первый том был отдан Илье Муромцу, славному богатырю-крестьянину Земли Русской.

Три часа в Киреевке и часы в Спасском — золотая тема для размышлений. Эпиграфом двух встреч могло стать пушкинское:

Здесь русский дух.

Здесь Русью пахнет...

Перелистаем музейную редкость — книгу В. Ляковского «Братья Киреевские» (СПб,

1899). «В 1812 году, 1 ноября, в Орле, — рассказывает автор, — заразившись от больных тифом в Орле умер Василий Иванович Киреевский, помещик из села Долбино, что близ Белёва, женатый в 1805 году на Авдотье Петровне Юшковой, секунд-майор гвардии, владделец состояния в тысячу душ, знавший пять языков, переводчик повестей и романов, сам немного сочинявший. Похоронен в Долбино».

Авдотья Петровна — дочь Варвары Афанасьевны Юшковой, старшей сестры и крёстной матери В.А. Жуковского, осталась в 22 года вдовой с тремя детьми на руках: Иван родился 22 марта 1806 года в Москве, Пётр — 11 февраля 1808 года в Долбине, Мария — 8 августа 1811 года.

Вдова управляла имениями в Орловской, Калужской, Тульской, Тверской и Владимирской губерниях. Надёжным её советником был В.А. Жуковский. В конце лета 1814 года он переехал в Долбино Калужской губернии и жил там более года. В 1815 году покинул Долбино. Через два года вышла замуж за троюродного брата Алексея Андреевича Елагина. В 1822 году семья переехала в Москву.

Поэт Николай Языков писал Петру Киреевскому:

Но где же ты, мой Пётр, скажи? Ужели снова
Оставил тишину родительского крова,
И снова на чужих, далёких берегах
Один у мыслящей Германии в гостях...
Своей народности подвижник просвещённый,
С учёным фонарём истории, смиренно
Ты древнерусские обходишь города,
Деятелен и мил и одинок всегда.

Критик Виктор Калугин писал: «Как невозможно представить себе Пушкина без Михайловского и Болдино, Тургенева без Спасского-Лутовиново, Толстого без Ясной Поляны, Блока без Шахматово, а Есенина без Константиново, так невозможно представить себе братьев Киреевских без Долбино».

Добавим: без Киреевки тоже.

Пётр Киреевский в июле 1829 года уехал в Германию, учился там, в Мюнхенском университете. Затем служил в Архиве, вышел в отставку весной 1835 года, ездил с Авдотьей Петровной за границу с её младшими детьми.

При разделе имения Иван Васильевич получил Долбино, Петру Васильевичу досталась Киреевская Слободка.

22 января 1837 года он впервые приехал в Киреевку в качестве хозяина.

Брату писал: «Здесь у меня очень порядочная и просторная комната, в которой я завёл диван, вольтеровские кресла, стол, шесть стульев и гитару; и вообще было бы очень комфортно, если бы не тараканы, которых я, однако, вымариваю. В хозяйство надеюсь вникнуть, хоть на первый случай очень трудно сообразить при совершенном недостатке прежних бумаг и счетов».

Пробыв в Слободке три недели, Пётр Васильевич вернулся в Петрищево, где жила Авдотья Петровна. Осенью снова приехал в Слободку. Новый дом был отстроен. Здесь-то и прожил с недолгими отлучками 19 лет, до самой смерти.

Село Киреевка - священное место. Сюда к Петру Васильевичу Киреевскому приезжали И.С. Тургенев, Н.В. Гоголь, А.В. Кольцов, П.М. Языков, В.И. Даль, А.И. Тургенев, А.Х. Востоков, С.П. Шевырёв, К.Д. Кавелин, А.Ф. Писемский, П.И. Мельников-Печерский. Ю.В. Жадовская и, разумеется, верный друг и земляк П.И. Якушкин, уроженец села Сабурово (ныне Покровского района).

В наши дни выходило «Собрание народных песен П.В. Киреевского». Однотомник

выпустило Приокское книжное издательство. Стали большой редкостью десять выпусков позапрошлого века, изданные после смерти собирателя...

Василий Иванович Киреевский, отец собирателя, был человеком образованным: знал пять языков, увлекался химией и медициной, сам лечил крестьян, которых у него было свыше тысячи. В тридцать два года женился на Авдотье Петровне Юшковой, которой было шестнадцать лет.

Супружеское счастье было недолгим. Нашествие Наполеона вынудило Киреевских покинуть калужское Долбино и переехать в орловскую Киреевскую Слободку (так тогда называлась Киреевка).

В Орле энергичный Василий Иванович в городской больнице устроил госпиталь для раненых, стал их лечить. Но вскоре заразился тифом и умер. Молодая вдова осталась с тремя детьми на руках. Пожила немного у тётки Е.А. Протасовой в Муратове (ныне Урицкого района), а затем вернулась в Долбино. Тогда же, в 1814 год, переехал вместе с нею в Долбино В.А. Жуковский, которого на правах родственницы Авдотья Петровна называла кузеном.

Имя Жуковского, автора «Певца во стане русских воинов», уже знала вся читающая Россия. Он же решил помочь своей родственнице, убитой горем, в управлении имением и воспитании детей.

Маленький Петя Киреевский слушал на барском дворе хоровые песни девушек и старательно выполнял уроки своего наставника. Василий Андреевич был добр к ученикам, но и требователен. В дневнике Маши Киреевской, сестры собирателя, сохранилось задание на три месяца, полученное от Жуковского: перевести из Сократа, прочесть трагедию Вольтера, один том из истории Нидерландов, пять томов Карамзина, четыре тома Сисменди, выучить 100 строк стихов наизусть.

Василий Андреевич отмечал, что Карамзина надо прочесть «хорошенько» и ещё называл несколько произведений разных авторов, которые следовало изучить и перевести.

Неудивительно, что у такого учителя братья Киреевские стали очень образованными людьми. Василий Андреевич с горячим интересом относился к народному творчеству. Он уговаривал собирать и русские сказки, и русские предания Авдотью Петровну, её сестру Анну, ставшую впоследствии известной детской писательницей А.П. Зонтаг.

«Это национальная поэзия, которая у нас пропадает», — писал Жуковский, настоятельно советуя завести две белые книги и записывать. Под его влиянием пробудилось желание собирать народную поэзию и в душе юного Петра.

В 1817 году Авдотья Петровна вышла замуж за А.А. Елагина, участника Отечественной войны, очень образованного человека: он изучал философию Канта и Шеллинга и старался ею увлечь братьев Киреевских.

Когда Елагины переехали жить в Москву, их дом у Красных ворот стал одним из культурных центров. Здесь бывал А.С. Пушкин.

П.В. Киреевский стал записывать песни. Многие из них были обнаружены в селе Ильинском под Москвой. Записан 150 песен, он собирался передать их А.С. Пушкину, но великий поэт и сам свои записи передал нашему земляку.

Став во главе задуманного Пушкиным собрания, Киреевский горячо взялся за работу. Он готовил записи к изданию, но тяжёлое заболевание печени заставило надолго отложить перо. Когда стало лучше, Пётр Васильевич вернулся к любимому делу. В 1834 году он был избран в члены Общества любителей российской словесности. На следующий год, оставив службу в Московском архиве министерства иностранных дел, Киреевский отправился с матерью за границу.

Перед отъездом посетил А.С. Пушкина на его даче. По свидетельству П.И. Бартенева «Пушкин с великой радостью смотрел на труды Киреевского, перебирал с ним его собрание, много читал из собранных им песен и обнаруживал близкое знакомство с этим предметом».

Вернувшись из-за границы, Пётр Васильевич ушёл с головой в домашние дела: начался

раздел имения. Собирателю народных песен достались под Орлом сёла Рубча и Киреевская Слободка. В Киреевской Слободке П.В. Киреевский напряжённо работал над собранием песен, готовил их к изданию. Надежд на издание было мало, в стране царилла реакция, но Пётр Васильевич упорно продолжал работать.

И.С. Тургенев, посетив хозяина Киреевской Слободки, назвал его «хрустальным человеком». Крестьяне глубоко уважали Петра Васильевича: в голодный 1840 год он открыл свои амбары и раздал хлеб мужикам.

В 1836 году внезапно умер его брат Иван Киреевский, известный писатель. Тяжёлая весть уложила Петра Васильевича в постель. Через несколько месяцев его не стало...

Прошли годы. Однажды в Киреевскую Слободку заехал В.Н. Лясковский. В доме Петра Васильевича жила вдова его брата Наталья Петровна. Разговорились. Валерий Николаевич вскоре купил и усадьбу, и библиотеку. Он оставил светлый след в родном краю: выпустил книгу «Братья Киреевские», труды по разведению лесов, записывал легенды, был членом Орловской учёной архивной комиссии...

В наши дни и труды В.Н. Ляскового (1858—1938), и библиотека П.В. Киреевского стали достоянием Тургеневского музея.

Валерий Лясковский

Посёлок Стрелецкий назвали по имени Стрелецкой волости, где было село Дмитров (Дмитровское) или Дмитровское-Истомино. В 1882 году имение приобрёл сразу по окончании Московского Императорского университета Валерий Николаевич Лясковский (1856—1938). Купил на деньги отца, полученные от него по случаю женитьбы.

Лясковские прибыли в Россию в 1821 году. Николай Эрастович, сын богатого польского помещика, в 1841 году окончил медицинский факультет Московского Императорского университета, в 1848 году женился на Марии Ивововне Варгиной, а на следующий год стал доктором медицины, защитив диссертацию. С 1854 года заведовал кафедрой чистой химии в том же университете. Студенты любили его. «Вся жизнь, — писал об отце Валерий Николаевич, — была неутомимым и бескорыстным служением России и Русскому просвещению, он был человеком совершенно русским по убеждению даже с некоторым славянофильском оттенком».

Сын в университете был учеником знаменитого историка В.О. Ключевского. Свободно владел немецким, английским, итальянским, французским языками, знал латынь и греческий.

На Орловщине В.Н. Лясковский скоро проявил любовь к истории и природе родного края. Сажал деревья, когда жил в Дмитровском-Истомино в семи верстах от Орла. Продолжал с увлечением заниматься этим делом, когда приобрёл Киреевку... Опыт лесоводства изложил в брошюре «Посадка деревьев в средней волосте России». Почти рядом было Муратово, где в это время жил В.Н. Хитрово, страстный ботаник, увлеченный исследователь орловской природы.

Затем выпустил В.Н. Лясковский книгу «Алексей Степанович Хомяков, его жизнь».

Валерий Николаевич был неутомим в своих заботах о парке, о цветнике, о кедровой роще. От прежней усадьбы до Киреевки высаживал сосны. Низкие места заполнял ольхой.

Очень любил заниматься лесоразведением. Даже книгу об том написал.

«Отец интересовался славянофилами, — отмечала его дочь И.В. Арбузова, — написал биографию братьев Киреевских и славянофила А.С. Хомякова. Его, конечно, очень интересовала библиотека Киреевских в оставленные после них письма, где были, между прочим, письма Жуковского в Пушкина».

Далее: «Мой отец работал в земстве, был мировым судьёй. В 1827 году работал в Орле директором народных училищ. Очень любил лесоводство».

Последние голы, но словам дочери, В.Н. Лясковский жил в Орле частными уроками. В 1937 году был выслан в неизвестном направлении. Случилось то незадолго до его восьмидесятилетия...

Я написал в Москву И.В. Арбузовой, попросил поделиться воспоминаниями об отце на страницах «Орловской правды». Ирина Валериановна ответила:

«Уважаемый Василий Михайлович!

Извините, что задержала ответ на Ваше письмо. Я была больна и сейчас ещё не вполне поправилась. Вы, конечно, читали статью о моём отце в книге «Писатели Орловского края». Там всё сказано. Что я могу добавить? Последние годы отец жил в Орле, давая частные уроки, т. к. других средств к существованию не имел. Он очень любил молодёжь, и молодёжь его уважала и любила. В последний раз видела отца в 1936 году.

Позже я уже по семейным обстоятельствам поехать в Орёл не могла. Хочу ещё добавить, что одна моя знакомая была в Орле год или два тому назад и слышала от жителей села Киреевка, что мой отец в неурожайные голы брал у самых бедных крестьян скотину к себе в Дмитровское на бесплатный прокорм. Если это легенда, то это его характеризует.

Писать в газету я не буду. Мне 83 года и мне тяжело всё то вспоминать. Благодарю за память об отце. Всего Вам доброго желаю!

И. Арбузова».

Пришло время, когда мы обернулись лицом к памяти невинно осужденных. Открылись архивы: «Справка на арест Лясковского Валерия Николаевича, 1858 г. р., уроженца г. Москвы, без определённых занятий, проживающего в Орле в доме 64 по ул. Сакко и Ванцетти... Лясковский — бывший помещик, имел под Орлом, в деревне Киреевке, имение. Был приближён к Николаю, который при выездах в Орловскую губернию всегда останавливался у Лясковского. Контрреволюционно настроен. Подлежит аресту». При обыске были изъяты паспорт, личная переписка, портрет Александра Третьего, именной билет на коронацию императора.

Лясковский был вежлив, Захарова, производившего арест, называл «сударем». А тот морщился и «скрипел пером». Записал состав семьи: «Жена Анна, 73 лет, дочь Вера, 53 лет, проживает в Орле, дочь Надежда, 52 лет - в Югославии; дочь Ирина, 33 лет — в Москве, сын Александр, 41 год — пос. Войковец под Москвой, сын Владимир, 1887 гр., умер в 1918-1919 гг.».

После обыска Лясковского отправили в тюрьму.

Допросили. Не хватало улик. Нашли.

Одна соседка донесла, что до 1936 года арестованный был лишён избирательных прав, что «враждебно относился к советской власти». После выпуска новой Конституции...

говорил: «Составлена Конституция очень хорошо. Но в действительности народ живёт в нужде и правами пользуется только верхушка народа».

Вызвали на допрос. На вопрос о близости к царскому двору Валерий Николаевич ответил: «Нет, близким человеком при царском дворе я никогда не был. Николай II никогда в моём имении также не был. Я делал всего два раза визит во дворец. Первый раз в 1899 году и второй - 1900 г. По вопросу о выпуске моих научных трудов».

Спросили, с какой целью хранил портрет Александра Третьего. Ответил, что хранил «как память о прошлом, т.к. питал к Александру III лучшие чувства, нежели к его отцу и сыну»...

О великом князе Михаиле спросили, правда ли, что он жил в доме Лясковского.

Валерий Николаевич не отрицал, что в 1906-1907 гг. Михаил в его доме «проживал по найму... во время командования Черниговским гусарским полком».

Был вопрос о колхозах.

«Я считаю, что колхозы, — отвечал Лясковский, — это возвращение к старой общине, и вполне потому одобряю колхозное строительство, но полагаю, что оно стоит ещё на

полдороге, и мешает улучшению колхозной жизни недобросовестное отношение к работе самих колхозников, в том числе и лень, и привычки старого, где можно стянуть себе из колхозного имущества».

Спросили о дочери за границей.

Услышали: «Выезд дочери из СССР был на основании существующего закона, и я до настоящего времени поддерживаю с ней регулярную переписку».

Сказали: «следствием установлено, что Вы, являясь враждебно настроенным к Советской власти, среди населения проводили антисоветскую агитацию».

«Отношение моё к советской власти, — ответил арестованный писатель-краевед, — лояльное, и антисоветской агитацией я никогда не занимался».

Не убедил.

Через шесть дней после ареста, 28 декабря особая тройка вынесла приговор.

Расстреляли в Орле 14 января 1938 года. Реабилитировали посмертно спустя 52 года.

Могила осталась неизвестной.

В детском оздоровительном лагере «Орловчанка» в наши дни неподалёку от посёлка Стрелецкий открыт музей Ляковского.

Однажды свела меня судьба с человеком, который взялся собирать факты из жизни В.Н. Ляковского. Это был Пётр Никодимович Смоктий, старый учитель, родом с Украины.

Преподавал историю в 32-й, 27-й и других школах.

В Киреевке народ расспрашивал.

Все мне говорили, спешил он со мной поделиться услышанным, — об исключительной доброте Валерия Николаевича. Одно время служил он в Петербурге, но Киреевку не забывал. Приезжает, бывало, а его встречают крестьяне. Узнали через управляющего, что едет, спешат приурочить к этому дню свадьбу. Приглашают вместе с супругой.

— Изволь-ка, друг, выбрать из моего стада лучшую тёлку, — велит управляющему.

И вот идёт на свадьбу и ведёт за верёвку свадебный подарок. Анна Сергеевна хворостиной тёлку подгоняет. На свадьбе Ляковский вёл себя просто, весело, пел и плясал со всеми.

Был и такой случай. Ехал мужик из Крыма домой и вдруг телега села осью на землю колесо сломалось.

Иди к Ляковскому, присоветовали. Пошёл — и тут же получил новую телегу, бесплатно.

Добрый человек был строг к тому, кто деревья рубил без разрешения. После революции отобрали всё у В.Н. Ляковского. Бродил по деревне, как неприкаянный. Однажды позвали его на «Текмаш». Получали там новые станки из-за границы, а описание к ним на чужом языке. Он перевёл, и пояснил, что к чему.

— Большое спасибо! говорили ему.

В старое время у него был извозчик-лихач. Выпить любил. Привёз Ляковского к Думе, где он был членом, а сам ждал-ждал, да и зашёл в трактир. Потом вышел, а вожжи украдены. Решил не признаваться. Повёз без вожжей. Лошади были послушные. Довезли, как надо. Извозчик похвалился: «Вот я какой. Мне и вожжей не надо». Рассердился Ляковский, вынул кошелёк и тут же рассчитал извозчика.

Управляющий во хмелю хвастал: вот, мол, какой я богатый, могу хозяина купить с потрохами. Дошло.

— Нехорошо! — сказал Ляковский. Живи богато, но хозяина не покупай. Сам же управляющему и дом, и корову купил.

Пришло время, когда начались восстания против помещиков. Усадьбы жгли.

— Ничего не жгите, — говорил Ляковский. — Это же всё будет ваше. Узнал Ляковский, что его сын-офицер бьёт солдат. Возмутился.

Стал убеждать. Не послушался сын. Тогда отец лишил его наследства.

Впрочем, другие говорят, что всё было не так: сын Ляковского — добрый человек.

В Кибичке (это часть Киреевки), все знают: есть родник и вода в нём очень хороша.

Вспоминают, что при Ляковском было шесть родников. Воду в Москву возили

продавать. Рассказывали: «Напьётся зимой потный человек, а не простудится». Вода-то

целебная!

Однажды зимой, дело было в 1869 году, сел Валерий Николаевич к столу и стал сочинять. Два месяца работал. Весь январь, весь февраль. Получилась «Цнинская быль». До наших дней дошло стихотворение, находящееся в фондах Тургеневского музея:

Недалече было Курска-городка
Малой Очкой зачиналася Ока...
Убирала все рассыпчаты пески,
Принимала ровно тридцать три реки.
Ой, ты матушка, кормилица Ока,
Коренная святорусская река!..
Нашим дедам помогала бить Орду,
Отводила от святой Руси беду.
Много крови по лугам твоим текло,
Без числа голов в честном бою легло.
Миновались те грозные года:
Уж с полудня не поднимется Орда.
Не нагрянет от заката буйный лях,
И удалых не слышать в твоих лесах.
За волною тихо катишь ты волну,
Вспоминая про седую старину,
И журчат твои студёные струи
Про лихие богатырские бои...
Над лесами непроглядными, дремучими
Высоко летал орёл дорогой облачной;
Пролетая, себе место облюбовывал,
Где бы свить ему гнездо своё орлиное.
Увидал орёл высокий коренастый дуб —
Опускался он стрелой из поднебесья.
А растёт тот дуб на кручей над Окой-рекой —
Тут гнездо вить, тут и жить орлу с орлихою.
Повелись от них орлята, птицы вольные —
А один орлёнок вышел изо всех удал...

Не этот ли орлёнок, став орлом, услышал первый звук топора в октябре 1566 года, гул счастливых людей услышал и подарил Орлу-городу гордое имя своё?!

Что ни песня, то душа

Киреевская Слободка, принадлежавшая Киреевским, в наши дни стала Киреевкой. До 1918 года принадлежало имение Надежде Валериановне Шермонзановой, дочери В. Н. Ляскового. Впоследствии здесь был создан Ветеринарно-бактериологический институт, а с 1930 года разместились бактериологическая станция. Производились лекарства для лечения животных. В 1941 году пришли немцы и всё разрушили. После войны Орловская биофабрика впервые в стране стала выпускать глобулин — лекарство против сибирской язвы. В 1988 году началось производство вакцины с более широким спектром. После распада СССР выпуск препаратов резко снизился, в отдельных случаях сошёл к полному прекращению выпуска.

Однако в 1993 году дела пошли веселее. Стали выпускать вакцину более активного воздействия на здоровье лошадей и коров. Ныне выпускаются препараты девяти наименований. Поставляются во все края России, а также на Украину, в Белоруссию, Молдову, Азербайджан, Казахстан и Грузию.

Производство имеет всё для роста, а главное — людей, знающих своё дело.

Напротив Киреевской школы — памятник с надписью «Скорбь безмерна. Гордость вечна. 1941—1945». Здесь покоятся герои Великой Отечественной: семнадцать воинов с именами, двадцать четыре — безымянных.

В школе имени П.В. Киреевского — музей в память братьев Киреевских и В.Н. Лясковского.

С 1994 года здесь преподаёт русский язык и литературу Маргарита Николаевна Диева. Живёт она в посёлке Биофабрика более сорока лет, имеет педагогический стаж более полувека. Самое интересное с той поры началось, когда загорелось желание создать школьный музей. Братья Киреевские, особенно Петр Васильевич, собиратель песен, заворожил учительницу с горячим, чутким сердцем.

— Я узнала, — рассказывала она Анжеле Сазоновой, корреспонденту Орловской правды», — что здесь жил очень интересный человек — Пётр Васильевич Киреевский. Это истинный подвижник... Я обратилась с просьбой в Орловский дом-музей Грановского и начала работу по созданию музея в школе.

Музей открыли в 1997 году. Все классы перебивали тут на экскурсиях. Маргарита Николаевна говорила и говорила о П.В. Киреевском, о его удивительной семье. Ребята с интересом слушали рассказ и рассматривали портреты.

Порадовало их то, что сам великий А.С. Пушкин дал напутствие Петру Васильевичу для собирания песен народных. Некоторые тексты теперь изучаются на уроках.

На вопрос, интересна ли современным подросткам давно ушедшая старина, учительница ответила:

— Я вижу, что их трогают эти баллады о богатырях, эти лирические песни о любви... Они проникают им в душу, и это прекрасно. Мы часто ездим с ребятами по литературным музеям. Были в Москве, Ясной Поляне. И все экскурсоводы умиляются: «Какие глаза у ваших ребят горячие! Какие одухотворённые лица!» У нас в школе хорошие дети. Анна Моисеева, Светлана Панкратова, Александр Минашкин, Алина Воробьёва, Екатерина Абрашина и другие школьники с искренним чувством говорили о русской классической литературе.

Даже факты из жизни наших талантливых земляков имеют воспитательное значение. На этих примерах, по словам Маргариты Николаевны, можно и нужно воспитывать детей. На самом видном месте в школе слова П.В. Киреевского: «Нет ни высокого дела, ни стройного слова без живого чувства своего достоинства, чувства собственного достоинства нет без национальной гордости, а национальной гордости нет без национальной памяти».

Жизнь продолжается.

«Народный хор русской песни дома культуры «Олимп» посёлка Знаменка Орловская (руководитель Василий Давыдов), — читаю в «Орловской правде» 2008 года, — недавно побывал в соседнем Брянске, где во второй раз получил высокую оценку жюри и звание лауреата Всероссийского фестиваля хоров и ансамблей».

Со знанием дела написал о знаменском хоре Виктор Садовский, сам талантливый певец, поэт и журналист, страстный любитель родных казачьих песен.

Говоря о богатом репертуаре знаменского хора, Садовский выделил спех народной песни «Величальная Тургеневу», хоровода «Золотые кружева». Назвал песню Анатолия Харасахала на слова Александра Ноздрин «Город воинской славы» и визитную карточку хора — песню Александра Крепких и Дмитрия Блынского «Орловский край».

Великое дело Петра Киреевского продолжается.

В библиотеке Орловского краеведческого музея рядом с книгой П.И. Якушкина я увидел

аккуратно отпечатанную на машинке рукопись «Старинные и современные русские народные песни». Записал их от сельских певцов с голоса и отредактировал для исполнения в хоровых коллективах Пётр Антонович Макиенко. Жил он в Орле, руководил народным хором. Неутомимый, одержимый, шёл он с распахнутым сердцем навстречу народной песне. Летом любил путешествовать по Орловщине, записывал. Как жаль, что такого энтузиаста нам не удалось надолго задержать в нашем краю! Уехал. А рукопись стала одним из ценнейших сокровищ музея. Перед нами 133 песни. Целая книга! Исторические, военно-походные, лирические, бытовые, свадебные, шуточные, плясовые. Включены песни, собранные в станицах на Волге, в сёлах Воронежской области. Но более всего наших, орловских.

Побывал собиратель жемчужин народного творчества в Спасском-Лутовинове, в Бакланове, Болотове, Тюкове, Крутиловке, Никольском, Красавке, Нижнем Тагине, Минове. И всюду встречал интересных людей, чья память бережно хранила слово и мелодию неповторимых творений народных.

Помним, как хор под управлением П.А. Макиенко широко и разлиvisto пел:

А кто у нас хорош?
А кто у нас пригож?

Пел величальную И.С.Тургеневу с пленительным припевом: «Иой — я ли лели!» Грусть девушки, уходящей от отца, матери «к ясну соколу да Иванушке навеки» слышали в свадебной песне «Воскликнула кукушечка», записанной в селе Красавке под Кромами.

Теплом охватила душу песня, услышанная в селе Тюково:

Ветер вест, повеваает,
Сад зелёный шумит,
Сад зелёный шумит,
Сама девушка не знает.
Которого полюбить...

Оттуда заплыли в тетрадь собирателя тюковские лебёдушки удивительно красивые, яркие, как самоцветы.

В Спасском-Лутовинове сёстры Ольга и Зина Новиковы свели современную лирическую «В серых сумерках» — с лёгкой грустью, будто вечерний туман над Окой в середине лета. Тургеневские Топки. Дорога в зелёных знакомая по роману «Дворянское гнездо»: по ней ехал Лаврецкий.

Из того края, как птицы, выпорхнули слова:

Калинушки да малинушки,
Лазоревый цвет.
Весёлая та беседа,
Где батюшка поет.

Село Минево:

Во лужках девки гуляли,
Во лужках девки гуляли,
Цветы аленькие рвали...

В Крутиловке:

Гуляла я в садочку,
Гуляла в зеленом,
Гуляла в зеленом...
Искала те следочки,
Где мил гулял со мной.

Там же — плясовая, задорная, с улыбкой:

Через речку, чрез песок
Строил Ванюшка мосток,
Калиновый мост,
Калин мост обломился,
А Ванюша остутился,
На воду упал.
Выручила Ванюшу красавица, и сказал он ей:

Будь моею навсегда...

Некоторое время спустя после того, как тетрадь с записями народных песен поступила на хранение в краеведческий музей, в «Орловской правде» появилась статья «Жить орловской народной песне». Автор — композитор-фольклорист П. Макиенко. Он рассказал о выступлении ансамбля песни и танца орловской милиции на слёте молодых сотрудников органов внутренних дел Нечерноземья. Гордостью самодеятельности назвал Макиенко женский вокальный ансамбль «Зорянка». «Сразу же покоряет слушателя многоголосие в распеве народных песен... Неожиданно, будто ворвавшись извне, зазвучала старинная русская народная песня, так называемая “гукальная”, дошедшая до наших дней из самых древних пластов фольклора “Ой, не рано” в исполнении Галины Студенниковой и Надежды Полохиной. В их же исполнении с подругами из фольклорного ансамбля “Сказ” вошла также неожиданно “долина-долинушка”. Своеобразная крестьянская манера пения ансамбля “Сказ” по-настоящему взволновала зрителей и вызвала “полный восторг”... Первая творческая удача, — читаем далее, — это богатый урожай фольклорной экспедиции на Орловщине. В результате — десятки записей старинных народных песен».

Большим событием явился приход в Управление внутренних дел Надежды Полохиной. Полохина проходила курс обучения у московских педагогов Н.М. Тарасенко и бывшей солистки хора имени Пятницкого Валентины Сергеевны Клодониной, которая была первой запевалой песен В. Захарова «Вдоль деревни», «И кто его знает»... «Сказ» в своих песнях решил заняться фольклорными поисками. Намечены маршруты поездок с магнитофонами. Далее мы узнаём: «В начале своего существования такую работу проводил профсоюзный хор. Его фольклорные материалы, пришедшие на помощь ансамблю “Сказ”, хранятся в краеведческом музее». Речь идёт о хоре, которым руководил П. Макиенко, о тех материалах, что стали ценнейшим достоянием музея.

Автор статьи «Жить орловской песне!» перечислил Бакланово, Тюково, Нижнее Тагино и другие сёла, где были записаны песни. Среди песен и «Не одна во поле дороженька». Та самая, которую ввёл И.С. Тургеев в «Записки охотника», в рассказ «Певцы». Многие годы прошли. Давно нет в Орле Петра Макиенко. Ушёл из жизни его замечательный продолжатель Александр Крепких.

Жива, здорова и неутомимо трудится в орловской культуре Надежда Ивановна Полохина. Это под её руководством летом 2008 года проходил праздник «Играй, гармонь!» в Орловском районе, в старинном селе Лаврово. И народная песня из русской старины звучала вновь, брала за душу и ввела к вершинам красоты.

Пела и пела гармонь, напоминая сказанное поэтом Александром Жаровым, получившим

из Орла от комсомольцев звание Почётного гармониста Орловской губернии за поэму «Гармонь»:

Гармонь, гармонь!
Гуляют песни звонко
За каждый покачнувшийся плетень
Гармонь, гармонь!
Родимая сторонка!
Поэзия российских деревень!

На Смоленщине возлюбил всем сердцем народную песню Михаил Васильевич Исаковский. Внимательно слушал, внимая чистым и ясным словам, каждому звуку мелодии. Внимательно читал песни из Собрания П.В. Киреевского, П.И. Якушкина и других авторов.

Умножил и своими прекрасными песнями золотой фонд русской литературы. Однажды, рассказывал Юрий Пашков, тоже смоленский поэт, приехал Исаковский из Москвы. Приняли его радушно, стол в обкоме накрыли. А там стало всем весело и захотелось петь.

Гость окинул взглядом весёлое застолье, запел неожиданно:

Шумел камыш, деревья гнулись,
А ночка тёмная была.
Одна возлюбленная пара
Всю ночь гуляла до утра.

Хозяева удивлённо переглянулись, но делать нечего, даже самые чиновные подхватили, нащупывая позабытые в деловых заседаниях слова...

«Народный характер», — назвал свою статью — предисловие к «Стихотворениям» М. Исаковского - поэт-фронтовик Николай Старшинов, друг орловских поэтов, много раз бывавший в нашем краю. Вспомнил при этом и «Шумел камыш» — песню «удивительно трогательную, чистую, грустную».

Залегли в глубины русского сердца «Вдоль деревни», «Дайте в руки мне гармонь», «С берёз неслышен, невесом», «Враги сожгли родную хату», «Снова замерло всё до рассвета», «Каким ты был, таким остался», «Катюша»!

Весь мир облетела «Катюша». В войну она была даже гимном итальянских партизан. Пригласил их папа римский, а они встали и запели:

Расцветали яблони и груши,
Поплыли туманы над рекой.

Далее произошло то, что просто нельзя пересказать прозой:

Мы, помню, пели: «Широка страна...»
Не только были пропасти ГУЛАГа.
Была война,
Священная война,

И русский флаг над куполом Рейхстага.
Сам папа римский принял партизан.
В своей Италии, как в стороне Орловской,
«Катюшу» стоя слушал Ватикан,
Что написал великий Исаковский.
В той песне-гимне девушка жила,
Как Ярославна,
На берег ходила,
Ждала степного сизого орла:
Его со всею нежностью любила.
Была та песня чистой и свободной,
Лилась, как речка в лунном серебре.
О на суровым мстителям народным
Несла любовь и думы о добре...
Мы мир спасли и вывели из тьмы
Кровавых бурь, шагнув к счастливой доле.
Как много ран залечивали мы,
Клонясь за колосками в колком поле!
Мы поле то очистили от мин,
Спешили мир спасти от злобы лютой,
Стал фестивальным городом Берлин,
Принявший гром последнего салюта.
О дружбе юность думала светло.
Все от грозы и пороха устали
В гнездо славян,
В былинное Берло,
Наверно, песни наши долетали.

Пели однажды летом в Спасском-Лутовинове П. Уваркина, М. Пасынков, Аркадий и Тамара Поляковы:

Как роса в саду стелется,
Чёрный любит, белый сердится.
Третий стоит и в глаза мои глядит,
Понапрасну моё сердце болит.
Оно болит, болит, побаливает,
Родна маменька побранивает.
Не ругай, моя мамашечка-душа,
Не тревожь ты мово сердца-живота,
Навязался муж постылый на меня:
«Уходи прочь, постылая жена,
У нас с тобой всё ни лето, ни зима».
Скоро, скоро к нам пришла весна-красна,
Затопила все болота и луга.
Оставался один маленький лужок,
Где гуляли с тобой, миленький дружок..

Тем же летом в Кромах супруги Поляковы, хорошо мне знакомые по студенческим вечерам в Орловском пединституте, пели:

,
Ивушка, ивушка,
Ракитовый кусток,
Что ж ты, ивушка,
Не весела стоишь?
Что же ты, ивушка,
Невесела стоишь?
Аль тебя, ивушка,
Солнышко печёт?
Аль тебя, ивушка,
Солнышко печёт?
Солнышко печёт,
Дождиком сечёт?
Как же моей ивушке
Весёленькой быть?
Батюшка с матушкой
Неправдою живут,—
Младшую сестрёнку
Раньше замуж отдают.

В селе Губкино на Орловщине звучало:

Перепёлочка рябая
Соколика забывала,
Соколика забывала
Да ясного сманула.
Чечёточка зробная,
Ласточка проворная.
Но я его забывала,

Но я его сманула.
Но я его сманула,
Он сам ко мне хаживал.
На лавочке сиживал,
В глаза мои взглядывал,
В глаза мои взглядывал,
На мои косы русые,
На мои руки белые,
На девушку бравую,
На Зою Ивановну...

В селе Бакланово:

За туманом всё ясного солнца,
Солнышка не видно.
Только видна одна верховина
Зелёного дуба,
Зелёного дуба...
Под которым там красная девка
С молодцом сидела,
С молодцом сидела...
Она ему все тайные речи
На ушко шептала,
На ушко шептала...
На ушко она ему шептала,
Слёзы проливала,
Слёзы проливала...
Не женись, мой дружок,

Хоть один годочек,

Хоть один годочек...

Подрасту я, я простая девка,

На один вершочек.

Из Орловской губернии были песни эпические — про Алёшу Поповича, Александра Невского, про татарский полон да Казань-город, а лирические — всё больше про любовь, про свадьбы и другие дела семейные.

Пели на вечеринке в селе:

В саду яблонь кудрявая,

Кора золотая.

Я мимо шла, я мимо шла,

Кору колупала.

Я той корой, я той корой

Ковёр вышивала.

Я тем ковром, я тем ковром

Я свёкра дарила:

— Прими, прими вот, свёкрушка,

Не гребуй ты мною.

А ты мною, я тобою.

Буйной головою.

Я мимо шла, я мимо шла.

Кору колупала.

Я той корой, я той корой

Платок вышивала.

Я тем платком, я тем платком

Свекровь дарила.

Прими, прими, свекровушка,

Не гребуй ты мною.

А ты мною, я тобою.

Буйной головою.

И эта песня орловская:

Улица, моя улица,

Улица широкая!

Ой, ляли. ой, ляли, улица широкая!

Мурава моя, мурава моя.

Мурава зелёная!

Озеро моё, озеро,

Озеро глубокое!

По тому ли по озеру

Плавал лебедь с лебедушкой.

Лебедёк — Сергей сударь.

Сергей Андреянович,
Лебёдка — Татьянушка.
Татьяна Григорьевна,
Просилась Татьянушка
Поиграть на улицу:
Ты, Сергей Андреянович.
Пусти грать на улицу!
— Я тогда тебя грать пущу,
Когда девять сынов родишь.
Девять сынов родишь,
Десятую себе дочь,
Десятую себе дочь,
За дочью сама пойдёшь.

А теперь совсем иная песня:

Мужик пашеньку пахал,
Сам на солнышко глядел:
Ещё напашу,
Ещё погляжу!
Как чужие-то жёны
Мужьям завтрак несут.
А моя шельма жена
И обедать не несёт.
Уж я выпрягу лошадку.
Я поеду во луга
Пущу коня на рос.
А сам вырежу лозу...

Были грустные-грустные:

Ты взойди-тка, солнце красное.
Над горой над высокою,
Над поляной над широкою,
Над дубравой над зелёною,
Подогрей ты нас, добрых молодцов.
Людей бедных — солдат беглых.

Дальше - целая история из русской старины.

А вот из Рязанской губернии совсем другая песня залетела в Собрание П.В. Киреевского.

Кто пел, тот улыбался, а кто слушал, тот смеялся:

Таракан дрова рубил,
Себе голову срубил,
Комарь воду носил,
В тине ноги увязил.

Му́ха банюшку топи́ла,
Бло́ха щело́к вари́ла.
Во́шка пари́лася,
С полки вди́рилася.
Гни́да поды́мала,
Жи́вот надорва́ла.
А ты, Жу́ра-жура́вец,
Разуда́лый мо́лодец!
На ме́льницу ездил,
Ди́ковинку ви́дел:
Козе́л муку ме́лет,
Коза́ подсы́пает.
Ма́ленькие козля́тки
И те не гу́ляют.
Му́ку вы́греба́ют,
В скри́почку игра́ют.
А сави́ща из угли́ща
Гла́зами-то хлоп-хлоп!
Нога́ми-то топ- топ!
Совсе́м воро́бей
Совсе́м мо́лодой.
Как пой́мали воро́бья
Под по́гребицей
С краси́вой деви́цей.
Пове́ди воро́бья
На боя́рский дво́р...

Наши предки вятичи, по свидетельству летописца, любили игрища у костров. Разумеется, с песнями. Песенный состав русской души велик, глубок и прекрасен. Крестьянка Ефросинья, мать моего отца, жившего под Орлом, выйдя замуж из дома Кузякиных в лом Катановых, услышала от строгой свекрови:
— Слушай и запоминай!
Учила молитвам, которые знала.
Потом песням, которые пела.
Проверяла, крепко ли сказанное осело в памяти.
От Ефросиньи сказанное перешло к её дочерям Федоре, Матрёне, Марии, к сыну Михаилу, моему отцу.
Пели все вечерами долгими зимними.
Пели в летнюю пору на покосе, на жатве, на всех других работах деревенских. А отец ещё и на войне.
Много раз я слышал песни. Наконец, решил записать. Одни включил в книгу-воспоминание «Родные дали» (Орёл, 1993), другие в записях передо мной.
Все знают, — говорил отец, — «Последний нынешний денёчек гуляю с вами я, друзья». Вот ещё одна песня, провожальная, старинная:

Эх, да лес-дубравушка шумит,
Эх, да по той дубравушке.
Эх, да путь-дороженька лежит
По этой дороженьке
Красна девушка шла.
За этой за девушкой

Молодой солдат вослед
«Пойдём, пойдём, девушка.
Во царский дом служить:
Во царской во службице
Служить очень легко, хорошо.
Там быстрая речушка,
Она сосною расцвела,
А крутые бережки,
Они сладким мёдом облиты».
«Не обманывай, молодец.
Я сама службицу служу.
В царской во службице
Служить очень трудно-тяжело.
Там быстрая реченька,
Она со слёз та речка протекла,
А крутые бережки
Рудой-кровью облиты».

Печальная песня! Пели её мои отец и мать, твои дедушка Матвей и бабушка Ефросинья.
Не уморился? Тогда запиши и эту песню:

Соловей да с кукушкой разговаривают:
Полетим, кукушечка, во мой зелен сад.
Во моём во садике молодец гулял.
Гулял-гулял молодец,
Не добре-то он весел».
А как же мне, мололи, весёлому быть?
Родимый мой батюшка во солдаты отдал.
А мне хотелось, молодцу, в Москве побывать,
Солдатушки, батюшки, в строю стоят,
В строю стоят — слёзы котются,
Слёзы котятся, домой просятся,
К молодой жене, к малым деткам.

Г.А. Юдин в колхозе им. Орджоникидзе Мценского района перед самой войной Великой пел:

Мать-Россия, мать-Россия,
Мать-Советская земля.
Как о матушке России
Сла ва далеко прошла.

Припев:

Верно, товарищи!
Верно, друзья!
Слава далеко прошла.

Слава далеко прошла
Про колхозные дела.
Чудеса творил народ,
Пролагая путь вперёд.
Одинаково на поле
Все упорно трудятся:
И механик, и колхозник
Бойко соревнуются.
Загляните к нам на фермы,
Посмотрите на поля,
Мы идём дорогой верной,
Как единая семья!

Дружно работали.
А потом и воевали тоже дружно. С того и родилась между Мценском и Орлом гвардия Катукова в октябре 1941 года. С того и вышли наши герои-освободители в сорок третьем к победе, увенчанной Первым салютом Москвы...

Где жили предки Некрасова?

Однажды в 1903 году в Орловском губернском музее появился Иван Иванович Мацнев. Открыл чемодан и выложил на стол бронзовый молоток-кирку.
— Принимайте мои дары.
— Не успели работники музея придти в себя от одного подарка, как глазам предстал другой — серебряный гладкий браслет.
— Где вы всё нашли? — спросили.
— В Некрасовке моей, в Некрасовке! — весело отвечал Иван Иванович. — Точнее у самого села, на берегу Орлика. Принял Мацнев от музея самую искреннюю благодарность и укатил в карете домой.
Находка вызвала у краеведов, членов Орловской учёной комиссии, да и у самого И.И. Мацнева размышление о далёком прошлом старинного села, названного кем-то Некрасовкой.
Знал Мацнев, что во второй половине XIX века Некрасовка и несколько окрестных селений принадлежали господину Шаталову. Слышал про Шаталова на Оптухе, где по соседству Лукьянчиково, раньше принадлежавшее славному генералу А.П. Ермолову. Хотелось многое узнать о минувшем, но забот было немало домашних у владельца огромного парка, великолепного сада, где фруктовые деревья красовались в шахматном порядке, радуя сортами антоновки, титовки, апорта, скрижанели, аниса красного, репки красной, штрейфлинга и очень популярного чёрного дерева.

В 1910 году в имении была открыта школа садоводов. Её назвали «Школой И.И. Мацнева». В Орловском училище садоводства и огородничества имени И.И. Мацнева решением уездного земского собрания была восстановлена стипендия, ранее отменённая в связи с войной.

Жизнь самого Ивана Ивановича, между тем, подошла к концу. Похоронили его в старинном склепе, подвесили гроб на цепях в печальное соседство с другими. Имение унаследовал родственник И.М. Мацнев. Затем в ряд владельцев вошла В.Я. Оловенникова с детьми.

В начале 1918 года накануне декрета о национализации владельцами Некрасовки были

названы в документах И.М. Мацнев и У.И. Оловенников. Прибыл тогда же в деревню Михаил Иванович Костаков, садовник Орловского уездного земельного управления. Школа П.В. Мацнева была преобразована в садово-огороднический техникум. Последний его выпуск состоялся в 1933 году.

Одним из выпускников был Тихон Александрович Горбачёв, работавший с известным учёным садоводом Иваном Владимировичем Мичуриным. 23 ноября 1933 года был открыт детский городок «Некрасовка». Первым его директором стал Владимир Павлович Егоров талантливый педагог с горячим и добрым сердцем. Всю душу отдавал детям-сиротам. Директором школы была Прасковья Пименовна Сидорова. Она с учителями сумела создать целый детский мир, в котором воспитанники учились, работали, отдыхали. В прекрасных мацневских садах зрели фрукты. Росли овощи на огородных грядках. В мастерских дети учились швейному и столярному мастерству. Бывший барский дом был родным домом для ребят.

В школе, построенной задолго до Октября на мирские деньги, стояли парты — там дети учились. На широком берегу сухой Орлицы играли в футбол. Ручей и заболоченная балка были превращены в пруд.

Первый выпуск состоялся в 1938 году...

Сфотографировались. Рядом со своими воспитанниками учителя. В центре — Владимир Павлович Егоров... При немцах его арестовали как коммуниста. Чудом уцелел...

В войну дети-сироты были эвакуированы сначала в Болхов, затем в Пензенскую область. В период оккупации детский городок использовался как штаб и застенок. Сад был вырублен. От старых насаждений остались два огромных дуба.

В тяжёлых боях сорок третьего года был сбит над Некрасовкой наш самолёт. В болоте погиб танковый экипаж. У школы появилась могила павших героев. Сразу же после освобождения края открылся детский дом, рассчитанный на 300 детей.

В 1945 году в Некрасовке обитало 450 сирот, родители которых погибли на фронтах или в партизанских отрядах.

Некрасовка спасла от голода Машу Стебу, привезённую из Орла. Вася Исаев и Ваня Макаркин остались вдвоём живыми в своей деревне. Их перед расстрелом вместе со взрослыми заставили копать себе могилы. При первых выстрелах Ваню закрыла своим телом мать. Вася был ранен в руку Баян в ногу. Похоронили их заживо. С огромным трудом, дрожа и задыхаясь от ужаса и от земли, забившей рот, выбрались они из могилы. Бежали прочь от страшного места. За спиной земля шевелилась...

Галя и Коля Агафоновы оказались в вагоне, которым немцы прикрывали себя от партизан. Узнали об этом партизаны, стали сами охранять поезд на всём пути. Ох, и натерпелись на том пути несчастные дети! Многие умерли от голода. Потом, в Некрасовке, Коля дал клятву стать хлеборобом. Слово сдержал. Стал агрономом, закончив Московскую сельскохозяйственную академию имени Тимирязева.

В 1945 году в Москве рассматривался вопрос о преобразовании Некрасовского детского дома в специальный детский дом для мальчиков, чтобы направлять их потом в офицерские училища.

Передо мной «Избранные стихи» Виссариона Саянова 1948 года с библиотечным знаком: «Некрасовский спец. д/дом».

Открываю на одиннадцатой странице большое стихотворение «Некрасов»:

Некрасов... В вот начинается детство:

Ненастная осень, костры за рекой,
В тех песнях, что часто слышал по соседству,
Твой голос был сызмальства голос родной,
Забыть ли про то, как старик ярославец
(Саженные плечи и брови вразлёт),

Струны балалайки заветной касаясь,
О двух коробейниках песню поёт.
На синем рассвете и в сумрак вечерний,
В холодных раздольях родной стороны.
Лесные просторы сибирских губерний
Некрасовской вольною песней полны.

Представляю себе, как это читали в Некрасовке. Обязательно думалось кому-то о странной связи Некрасовки с Некрасовым.

Не сразу я узнал о корнях великого поэта. О наших орловских корнях! Однажды приехал из Москвы Николай Константинович Некрасов, внучатый племянник великого поэта, зашёл в «Орловскую правду», где я работал, и заговорил именно об этих корнях. Я присоветовал гостю зайти в Орловский государственный архив. Сказал, что слышал, что предки Некрасова жили между Орлом и Мценском.

Гость не с пустыми руками вышел из нашего архива. Так и есть!

Впрочем, в Писцовой книге 1554—1595 годов потом было нетрудно обнаружить Некрасовых. Это — Игнатко, Овдотья, Ортюшка и Офонко — дети Борисовы, двое — Корней и Микита — сыновья Михайловы.

«За вдовою за Овдотью за Борисовой женою Некрасова, да за её детьми за Ортюшкой да за Офонкой да за Игнатком. Ортюшка служит, а Офонка да Игнатко в службу поспели, отца в поместье в той же деревне Псарёвской, на рчк. на Большом Воине и на рчк. на Малом Воине под Мокрым лесом».

Далее о том, что они имели двор помещиков да крестьянских два двора, ещё пашни добрые, да поле в диком поле, да сена 50 копен.

На речке на Лисице жили Микита да Корней дети Михаила Некрасова. Имели два двора в деревне Корнеева. В снова — пашни, дикое поле, сено.

Жили-были в Орловском уезде, Отечеству верно служили, землю пахали, сено косили.

Кто-то из потомков основал Некрасовку, где ныне читают книги Н.А. Некрасова.

Это бесспорно!

В 1950 году за успешную работу натуралисты Некрасовского дома получили за свою любовь к природе и большую заботу о ней Красное знамя Центрального комитета ВЛКСМ.

В 1971 году здесь было создано лесничество под названием «Берёзка». У истоков насаждения и защиты лесов стоял твёрдо с учениками учитель труда Святослав Константинович Рогатень. Хорошо помогала детям учитель биологии Екатерина Евгеньевна Бологова. На распаханых склонах оврагов площадью в семь гектаров высадили лесоводы 25 тысяч сосен, лиственниц и берёз. Была заново посажена аллея от Некрасовки до Биофабрики. Аллею в Кишкинке назвали «Аллеей любви».

Некрасовка — часть творческой биографии известной писательницы-землячки Елены Благиной.

Апрельский номер журнала «дружные ребята» в 1944 году вышел, как всегда, с картинками. На одной ребята сажали деревья в саду, на другой распаханное поле, трактор и подпись внизу:

Паши в глубь пласта.
Будет рожь густа!

На третьей прыгал заяц и обращался к детям Михаил Пришвин, наш земляк, с рассказом о весне: «В полях тает, а в лесу ещё снег лежит нетронутый, плотными подушками на земле

и на ветках деревьев, и деревья стоят в плену. Топкие стволы пригнулись к земле, примёрзли и ждут с часа на час освобождения...»

А где-то на западе ещё гремела война, и ждали люди освобождения от врага.

Ждали мира...

На одиннадцатой странице журнала были заголовок «Гармошка» и рисунок — весёлый мальчуган-гармонист. далее был назван и автор текста — Елена Благинина. Первыми были слова: «Посвящаю маленькому партизану Мише Курбакову, ныне воспитаннику Некрасовского детского дома в Орле».

И стихи — на целых три страницы:

Ни гостинцев, ни одёжки,
Ничего я не просил.
Но зато уж по гармошке,
Сознаюсь, поголосил.

Представляю себе, как читали ребята поэму Елены Благининой в Некрасовке...

Помню приезд Елены Александровны в год её 70-летия в Орёл, в родное Яковлево, где она родилась, где первое стихотворение написала в восемь лет.

Помню, как, уезжая обратно в Москву, набрала землицы в сумочку и тихо сказала: «Ну, прощай, Яковлево! Больше тебя не увижу». Потом мы встречались в Москве. Всегда просила передать привет орловским школьникам.

Некрасовцев вспоминала...

И войну, на которой потеряла двух братьев своих. Однажды прислала мне поздравление с днём Победы и посоветовала прочитать стихотворение Анны Ахматовой, которую хорошо знала и очень уважала. Стихотворение было посвящено памяти павших за Родину...

Побывала в Некрасовке Наталия Сергеевна Сердюкова, автор веселых и умных стихов для детей. Побывала в Некрасовке и подарила детям «Клятву школьного лесничества»:

Я становлюсь на страже леса,
Его богатств, его чудес,
Чтобы зелёною завесой
Всегда шумел спокойно лес.
Чтобы ничто не угрожало
Всем обитателям лесным.
Чтобы коварного пожара
Нигде не взвился чёрный дым.
Я стану другом и защитой
Деревьям, травам и цветам.
Зверям и птицам легкокрылым,
И даже малым муравьям.

Однажды и я, выступая в Некрасовской школе, читал детям из своей новой книги.

К тебе, потомок, через годы
Дождём приду,
Приду травой.

Ты скажешь: «Русская природа!»
А это я — прапрадед твой.
Увидишь кашки да ромашки
В лесной ложбине за селом.
А это я в цветной рубашке
Пришёл обдать тебя теплом.
Потомок, друг мой деловитый,
Рубить деревья не спеши.
Ты скажешь: «Старые ракиты!»
А это часть моей души.
Увидишь месяц, ясный месяц
В вечерней чистой вышине,
И он, я верю, с крыши свесясь,
Тебе напомнит обо мне.
Дождём обрызганные клёны
Вдруг прошумят тебе листвою,
Как уходил я в мир зелёный,
Где вечно жив прапрадед мой.
Узнал о мире я немного,
Но верой поднят к небесам,
Что человек — творенье Бога
И вся природа — Божий храм.

Стоит гора высокая...

Узнать мне захотелось, как можно больше, о загадочной горе. Однажды услышал от В.М. Неделина, автора многих статей и замечательной книги «Орёл изначальный»:

— Отсюда — начало Звенигородского княжества.

— А где же, — говорю, — конец?

— На Гати под Орлом.

— Здорово! Это же мои родные места.

— Мои тоже.

А где был наш Орёл в ту пору, когда существовало княжество?

— Не было ещё нашего славного города. Впрочем...

— Что такое?

— А то, что раскопки убеждают нас, что Орёл возник не на голом месте. Было селение у слияния Оки с Орликом!

Разговор о Звенигородском княжестве случился потом.

А сначала меня, помню, крепко захватила тайна Горы-городища на Оптухе. Пошёл в наш Орловский краеведческий музей, а там сразу назвали главного специалиста по городищам нашего края, знаменитую Татьяну Николаевну Никольскую. Это она работала в Шаблыкинском районе, открыла город древнерусский. Книгу большую написала. Получив адрес, написал я автору. И получил ответ: «Глубокоуважаемый Василий Михайлович! Интересующее Вас городище на р. Оптухе, между д. Черемисино и д. Лунёво, к сожалению, я сама не обследовала, но кое-какие сведения о нём по литературе мне известны. Прежде всего, городище это упоминается в одной из статей орловских краеведов: В.А. Ильинский, В.Ф. Лебедев, К.И. Шабанов, Ф.Ф. Руднев «Краеведческая экскурсия на лодке из Орла вниз по Оке до Паслова и обратно». Бюллетень Орловского Губ. Бюро краеведения, 1927 г., № 2, стр. 17 (шифр Ленинской библиотеки ХХ 197/29). В статье сказано: «Городище у д. Черемисино находится в 7 км от впадения р. Оптухи в

Оку и в 5 км от с. Блудово, на высоком правом берегу р. Оптухи”.

По-видимому, д. Лунёво ранее называлась д. Блудово. А может быть, д. Блудово просто теперь не существует. В этом меня убеждает и ещё одно упоминание о городище в письменных источниках. В писцовых книгах Московского государства (XIV в.) также упоминается городище в д. Блудове: “За Киреем, за Родионовым сыном Парфёнова, в дер. в Блудове в Иваново городище на р. Оптухе, под Тайчуковым лесом...” и т.д. (Писцовые книги Московского государства, под ред. Н.В. Калачова. Отделение «П», Спб., 1877. стр. 1055).

Несомненно, что “Иваново городище” — это и есть то же самое городище между д. Блудово (а ныне Лунёво) и Черемисино, на р. Оптухе. Авторы вышеупомянутой мною статьи дают описание внешнего вида городища: оно имеет яйцевидную форму (по видимому оно расположено на треугольном мысу), наклонено узкой частью к юго-западу и имеет со стороны поля двойной вал. Окружность городища с одним валом 170 м, диаметры 60—45 м. Высота площади городища над уровнем р. Оптухи — 13 м. Сохранность его в то время была хорошая.

Авторы сообщают, что до революции городище раскапывалось помещиками Максимовским и Полибиным, однако о характере находок ничего не известно.

Что же собой представляло это городище? На этот вопрос с уверенностью можно будет ответить только после его раскопок. Сейчас же можно высказать предположение, что подобно целому ряду городищ, относящихся к XI—XIII вв. и упомянутых в Писцовых книгах — городище это также относится к эпохе Древней Руси и является остатками укрепленной садыбы феодала. Подобных памятников в Орловской области известно довольно много (скоро о них выйдет моя статья “К вопросу о феодальных «замках» в Земле вятичей”. Сб. “Культура Древней Руси”). Вот всё, что я пока могу Вам сообщить. Со своей стороны обращаюсь к Вам тоже с просьбой сообщать мне все поступившие к Вам сведения о тех или иных археологических памятниках.

Только прошу предостеречь Ваших читателей от самовольных раскопок. Все эти городища или курганы являются достоянием государства и копать их можно, имея особое разрешение “Открытый лист”, который выдаётся Институтом археологии АН СССР (где я работаю).

С уважением Т.Н. Никольская».

Говорили, что и тут могилы богатырей. Искали села Паслово. Когда землю рыли, то искали добро помещика Орлова-Давыдова, имевшего вотчину неподалёку.

На стене старой церкви увидели надпись: «Здесь почивало тело Алексанлра I».

Рассказывали: когда везли царский гроб из Таганрога, то во многих местах он не проходил в церковь. А тут прошёл и заночевал в Пасловском храме графа Орлова-Денисова.

Ходили слухи, что старые курганы села Жукова и при «Хохлацких» выселках на Оке.

Видимо, имели в виду деревню Украинская степь, которая и сейчас на своём месте находится.

Смотреть не стали. Времени мало, да и в планы не входило.

По реке Оптухе удалось пробраться в Черемисино. Пришлось остановиться у деревни Саньково. Одни остались, а другие пошли в Богослово или Блудово, а затем двинулись в Черемисино. Пришли и поднялись на высокий берег Оптухи. Осмотрелись. Глазам открылось городище яйцевидной формы, наклонённое узкой частью к юго-западу, и со стороны поля имеющее двойной вал. Длина первого рва — 110 метров, ширина — 3 метра. Длина второго рва — 100 метров, ширина — 2 метра.

Высота городища над Уровнем реки — 13 метров.

Грунт — глина да камень. Раскопки вели до революции местные помещики Максимовский, Полибин, сами крестьяне. Искали клады. Рассказывали крестьяне, что тут был притон разбойников при царе Михаиле Ромапове. Грабили почту у большака.

Награбленное прятали в горе.

С каждым годом я всё больше узнавал о городище.

Находили тут кости кладоискателей, черепа, монеты времён Екатерины и Елозаветьг. У Гремчего ручья встречались глиняные трубки. Было кладбище на горе, да землёй заросли плиты. К северу — яма, в которой будто церковь в землю ушла.

Шестидесятилетний черемисинский крестьянин Иван Дмитриевич Ивантев рассказывал: — Был нас разговор, что в Сибири был из деревни один в тюрьме, и там тюремщик сказывал, что в городище есть два хода: один со сбруей, а другой с разными вещами. Раньше тут грабежи были и сюда прятали. Лихие люди прятали в Ливовом верху, там была почта. А около Черемисина и до Домнина сквозь шла тайга, и когда в Домино был царь Михаил, то у этой тайги поляки и зарубили Сусанина.

Иван Сусанин был родом из Домнино, да не орловского, а костромского. Может, поэтому и много в округе Костромичёвых. Видимо, переселились сюда и привезли рассказ об Иване Сусанине, отдавшем жизнь за царя...

Другой крестьянин, Дмитрий Титович Бочков, хорошо помнил крепостное право.

Вспоминал о своих стычках с брмистром, о трёхдневной барщине, о церкви, о кладах. Ещё о том, что колодец был святой. Самолично видел свечу у городища: «Еду я из города, а она горит у колодца». А в яме провальной, куда церковь шла, гулы слышатся.

Однажды и мне привелось увидеть городище. Долго бродил по зелёной горе, стоял у колодца. Услышал поверье: если девушка умоется водой, то обязательно в этом же году выйдет замуж. Одна знакомая набрала целую бутылку и увезла в город. И что же вы думаете? В точности исполнилось старое поверье.

Судьба моя так сложилась, что породнился я с этим живописным краем. Из Орла, бывало, иду — начинаю пеший путь от микрорайона сталепрокатного завода через Хардиково, через Большое Рябцево и, оставляя в левой стороне Блудово, Медведево, Платоново с церковью, топаю упрямо на восток, в дорогу моему сердцу Волоконку-Сеножать. В левой стороне на повороте Оптухи видна Гора-городище с колодцем, полным непростой воды. Когда пустили автобус через Черемисино на Троицкое, стал я выходить у моста и, минуя поле, выходить в самый центр памятника древности нашей. Каждый раз возникало желание остановиться на горе, постоять в размышлениях о старине далёкой и двинуться дальше.

Однажды задержался на горе, присел отдохнуть, вынул шариковую ручку и сделал записи: «Гора-городище. На ней косят траву и стерегут скот. Помещик Максимовский тут жил в деревянном доме, имел — 9 работников. У него было два сына, один служил моряком. Ходил барин по деревне в белом кителе и в белом картузе. Разговаривал мало. Если к нему на поле телёнок зайдёт, то плати двадцать копеек, второй раз — сорок. Барыня Апраксия — картавая, маленькая, грозная. После революции в их доме школу разместили. Полибин, тоже помещик, поведением был прост, одевался, как мужик. Ещё Грязнов был — выбыл. У Полибина от кухарки подрастал сын Михаил. Потом в Орле работал. Сына Максимовского убили, будто за связь с белыми. Невеста прибежала, горько плакала-убивалась о нём. Сам Максимовский умер. В доме школа. Учитель Иван Константинович с одним приезжим учёным ходил на городище. Вскрыли четыре могилы. Большой череп в школе хранили. Узнали в городе — запретили копать. Это было в 1923 году, до революции Полибин с Максимовским копали».

Ещё слышал.

«Мне двенадцать лет было, — рассказывала одна старушка, — помню Максимушку. Стоит на горе у часовни вблизи колодца. Волосы длинные. Лечил зрение молитвой. Денег не брал. Отец Василий из Платоновекой церкви сказал: «Нельзя!» А вскоре умер Максимушка, лунёвский родом человек. В лес Медведевский ходить боялись: там озеро, костей полно — разбойники набросали. Сеножать-Волоконка князю Волконскому принадлежала. Князь брал красавиц к себе в Москву, а затем отдавал замуж с подарками». Там живут и теперь Белоглазкины, Костромичёвы, Барбашовы, Морзуновью, Субботины,

Собакиню.

На усадьбе Полибиных живёт с большим семейством Сашка дачник, правнук кухарки и того Полибина, что при советской власти трудился в Орле.

Есть в Орле представители этого уважаемого дворянского рода, скромные русские люди. С удовольствием я показывал одному из них русский биографический словарь, вернее, солидный том с фамилией его предков, служивших верно Отечеству: некоторые в ранге воевод московских XVII века.

Мать нынешнего хозяина дворянского места у ручья более известна была в народе под именем Залида. Храбрая женщина в войну нашего лётчика со сбитого самолёта спасла. Фотография патриотки хранится среди самых почётных в Ермолаевской школе.

Последний раз я видел эту уважаемую женщину на горе: она пасла коров и в разговоре разносила тех, кто не держит скотину, запускает домашнее хозяйство. Держалась она, как настоящая хозяйка всему: и полю, и лугу, и серебристой Оптухе в камышах, и Горегородищу с могилами богатырей.

Когда же приходит май и молодеют старые ракиты на Оптухе, запевают в этом краю соловьи. Поют не хуже, чем в тургеневском Спасском. Все знают: гостила там обворожительная Савина — актриса, так Иван Сергеевич шёл с ней рядом по аллее парка, увлекательно говорил о соловьях. Рассказ писателя можно прочитать в полном академическом собрании его сочинений. Не все, далеко не все знают, что сам великий знаток родной природы услышал этот рассказ вот здесь, на Оптухе, когда гостил у Черемисина, приятеля по охотничьим странствиям. Говорил о соловьях так обстоятельно, так увлекательно и крестьянин, ставший знаменитым под пером Тургенева под именем Ермолай. Стало же в книге таким, что зазвучало в лад селению, что доньне называется Ермолаево. Оно совсем близко. Если берегом пойти вверх по Оптухе, то можно не только полюбоваться Волоконкой, зайти в малое Рябцево, Жидкое, но и навестить Ермолаево, где до последнего времени ещё стояла школа, ныне переведённая в большой двухэтажный дом в деревне Крутая Гора, на трассе, ведущей на Залегощь и, что особенно важно, в Лукьянчиково, где жил знаменитый россиянин Алексей Петрович Ермолов, бывал не менее знаменитый Денис Васильевич Давыдов и, есть твёрдое предположение, гостил великий из самых великих поэтов России, Александр Сергеевич Пушкин.

Милое и славное Лукьянчиково ныне в таких размерах, что ему впору стоять в Писцовой книге Времён паря Фёдора Ввановича. Всего четыре двора. Но память на все четыреста. И даже более...

Помню, водил я однажды вечером по Орлу известного московского поэта Юрия Ивановича Панкратова и, решил, не предупреждая, показать ему могилу Ермолова. Привёл на Троицкое кладбище, подвёл к церковной стене с гордым профилем полководца и...

Боже! Что творилось с нашим столичным гостем!

— Не может быть! — воскликнул он не своим голосом. — Не может быть!!!

И, замер, читая-перечитывая надпись, изучая гордый лик героя. Шёл потом по городу — и всё говорил и говорил о человеке, ради встречи с которым Пушкин сделал 200 вёрст лишних в дни поездки на юг.

Потом у меня стихи появились об этой стороне.

Генерал Ермолов

Орёл наш северный покоится в Орле,
Стена перковная украшена портретом,
Идёт молва, как песня, по земле:
В Орле Ермолов встретился с поэтом.

Великий Пушкин!
Свет горячих глаз.
В стихах — солдат, не ведающий страха.
А где-то близко
Высился Кавказ,
Надвинув гордо белую папаху.

Гора

Внизу струится Оптуха красиво,
Как будто кто её нарисовал.
Стояла крепость вроде Новосиля,
Колодец пел и даже виден вал.
Копали тут Полибин, Максимовский,
Коров гнала
Залида на заре.
И грустно мне, что, краевед орловский,
Я ничего не знаю о горе.

Дали

Под грачиными чёрными стаями
Изумрудные дали полей.
Там Жидкое,
А там Ермолаево,
Рядом Рябцево с башней своей.
Волоконка, а там Черемисино.
Мост. Лунёво. Платоновский храм...
Подняло мою душу, возвысило,
Повело к городищам-горам.
Русь-Россия былинная, древняя,
Молодая, большая страна.
За полями, лугами, деревьями,
За любой деревенькой видна.

Грядущее

Все мы от кого-нибудь зависимы.
Блудово граф Блудов основал.
Удалой охотник — Черемисино,
Он же Черемисин-генерал.
Что от нас в грядущее потянется?
Лес? Овраг? Ракиты над рекой?
Пусть Россия устоит, останется
Вам не надо почести любой.

Минувшее

Над речкой Гора-городище
С колодцем, с травой-муравой
Минувшее пялит глазища
На мир удивительный мой.
Ракиты, посёлки и сёла.
Поют петухи на заре.
С мечом и дубиной тяжёлой
Стоит богатырь на горе.

За холмом

Не само исчезнет наважденье.
Верю: постарается народ,
И святое солнце возрожденья
Над любимой Родиной взойдёт.
На свою сторонку перетянем
Всех, живущих занятым умом...
Русская земля за шеломянем,
Русские герои за холмом.

Сто лет назад

Более века тому назад, в 1897 году, в типографии С.А. Зайцевой в Орле вышел «Сельскохозяйственный обзор по Орловской губернии за 1896 год. Результаты урожая». Обзор был составлен на основании 629 корреспонденций, полученных из разных мест нашего края. Кроме того, были получены сведения из 200 волостей губернии. Выпуская книгу, Статистическое Отделение Орловской Губернской Земской Управы выразило глубокую благодарность господам корреспондентам за их внимательное отношение к составлению ответов на предложенные вопросы. И отметило: «За одиннадцать лет существования текущей земской статистики в Орловской губернии впервые получается довольно полная картина хода явлений, имеющих сельскохозяйственное значение». В Орловском уезде получили благодарности крестьянин Афанасий Власевич Ампилогов, Марианна Владимировна Повалишина, священники Иоанн Алексеевич Кушнев, Павел Борисович Игрицкий, отец Иоанн Острословский, отец Пётр Семов и отец Феофил Соколов, управляющие Борис Селивёрстович Бородулин, Матвей Дмитриевич Власов, учителя Фёдор Владимирович Гольдев, Сергей Алексеевич Загорский, Павел Михайлович Рыбинский, землевладелец Григорий Михайлович Закржевский, волостной писарь Семён Дмитриевич Свиридов и Богословское волостное управление. Перечислены уезды той поры: Елецкий, Ливенский, Малоархангельский, Мценский, Болковский, Кромской, Карачевский, Дмитровский, Севский, Трубчевсквй, Брянский, Орловский. Приложены карты урожая по волостям озимой ржи, овса, конопли, картофеля. Множество таблиц дали ответы на вопросы, как скот перенёс зиму, в каком виде выпущен на подножный корм. В

хорошем состоянии скот из уездов Малоархангельского, Орловского, Мценского, Карачевского и Севского. Таблица урожая 1896 года отмечает по волостям, сколько было озимой ржи засеяно десятинами, сколько копен с одной десятины, каков умолот с копны. Далее речь идёт о пшенице озимой, овсе, гречихе, просе, конопле, картофеле. Наконец, названо число сельских общин, число хозяев, доставивших сведения.

Перед нами — все волости Орловского района. Масловская, Баклановская, Плещеевская, Богословская, Талызинская, Стрелецкая, Покровская, Городищенская, Богдановская, Шеншинская, Альшанская, Лавровская, Яковлевская, Богодуховская, Философская, Собакинская, Богородицкая, Староколевская, Очкинская.

Земская управа хотела знать до мельчайших подробностей, что и как выросло в полях, что и как зрело в садах, в каком состоянии были земля и небо родного края во все дни прожитого года, от осени до осени. Как росли травы? Когда начали косить? Сколько полхчал за работу косарь? В каких ценах был каждый продукт? Каков урожай от ржи до ячменя на землях владельческих и землях крестьянских? В каком состоянии цены и кредиты, скотоводство и пчёлы, а также промыслы?

Врагами земледелия объявлены сорные травы, мыши и вредные насекомые. В отдельную главу книги выведены гессенская муха, этот «хлебный комарик», эта «крохотная мушка бархатисто-чёрного цвета: брюшко с красными вырезам, сверху с красной продольной полоской, крылья тёмно-серые, живёт около месяца».

«Осень 1895 года, — читаем о самом важном, о погоде, — была тёплая и, в большинстве показаний, влажная. Её можно назвать благоприятной. В октябре было сравнительно тепло и перепадали дожди; погода способствовала развитию зелени, что местами вызывало опасения землевладельцев. Многие стерегли скот по озвмым: боялись — как бы не дали стеблей».

Зима выдалась ранняя. Около 20 октября снег покрыл землю. Во второй половине декабря и второй половине января было несколько больших морозов. Вторая половина зимы — сугробы, сильные ветры, метели. Покров снега был таков, что «старожилы не запомнят». В феврале до четырёх аршин доходил. В оврагах лежал до половины лета. В Куракинской волости Малоархангельского уезда снежный занос «закрыв совсем 25-летние яблони». Метели были часто: от ноября до марта 20 дней с метелями. Снежная буря 1—2 февраля по всей губернии бушевала, оставив «много человеческих жертв». Заносы около жилища были иногда больше двух саженей. Пробраться в избу можно было с великим трудом. Почти из каждогоезда писали, что «погибло много людей, главным образом находившихся в дороге».

Оттепелей за всю зиму почти не было.

Но вот пришёл март. Повеяло теплом. Но вскоре опять пошли холода. Весна вышла запоздалая, холодная. Изредка шёл снег.

Земля очистилась во второй половине апреля.

В апреле прошли первые весенние дожди, прогремели первые грозы, вскрылись реки, прилетели ласточки, заквакали лягушки, закуковали кукушки, в мае соловей запел и коростель закричал. К той поре распустили почки, рябина, берёза, черёмуха, жасмин, а во второй половине мая — дуб.

Выгон скота в 1896 году запоздал...

Вторая половина мая и первая июня были сухими.

Начали было сено косить, но хлынули проливные дожди. С сеном оказались те, кто вышел на покос после 8 июля при сухой погоде.

Летом ливни устраивали целые наводнения. Крепко осталась в памяти разрушительная буря 8 - 9 августа. Она погубила чуть ли не все посева конопли. Целую неделю перекладывали во Мценском районе копны, всё развязывали и связывали снопы...

Несколькими годами позднее, в 1902 году, в Петербурге вышел второй том книги «Россия. Полное географическое описание нашего Отечества», посвящённый среднерусской Черноземной области. Богато иллюстрированное издание под общей редакцией В.П.

Семёнова, «настолярная и дорожная книга для русских людей» утверждает, что наши места становились краем разорения для многих крестьян.

Полными семьями они уезжали из своего разорённого гнезда. Не найдя никакой помощи, возвращались, «питаясь опять Христовым именем». «Домохозяин, — читаем далее, — разорившегося безлошадного двора сначала сдавал свой единственный душевой надел сельскому обществу, заколачивал окна своей избы и уходил со своей женой на охочий заработок, оставив малолетних детей у родных».

Так было в губерниях Курской, Воронежской и в нашей, Орловской, производительность которой, не будь Брянского завода, «оказалась бы ничтожной».

При таком положении и Хвастливая мельница на Орлике оказалась замеченной. Тем более — появление первых железных путей.

Орёл нельзя отнести к древнейшим городам России, но Смутное время и тут оставило памятный след. Земля Орловского уезда увидела и Болотникова, и двух самозванцев.

Пожар оставил пепел на месте многих домов. Не скоро поднялся Орёл на ноги, и появилась пристань с торговыми заботами.

Шли годы.

Множились людьми уезды Болховский, Мценский, Кромской и, разумеется, Орловский.

По дороге на Кромы разрослось Лаврово, «одно из людных селений Орловского уезда», имеющее до 2000 жителей и волостное правление. Вырос Становой Колодезь, до полутора тысяч жителей Большая Куликовка. На станции грузятся более 100 тысяч пудов, в том числе — хлеб.

В Степановке пустынное пространство превратил в цветущее, занимаясь сельским хозяйством, знаменитый А.А. Шеншин (Фет).

Еропкино принадлежит славному дворянскому роду, происходящему от Рюрика. Один Еропкин был блестящим послом при Иване Третьем, другой волею Петра Великого изучал в Италии архитектуру, третий отличился при усмирении чумного бунта в Москве.

На границе Орловского и Кромского уездов расположилось Философово (более 400 жителей), село, прославленное именем С.Ф. Шенинга, «замечательным по своему хорошо устроенному полеводству, скотоводству и молочному хозяйству».

На границе Орловского уезда с Миенским — Богодухово на реке Неручь. Там — имение И.Н. Толстого (1700 десятин), с агрономической станцией.

В трёх верстах от земель Малоархангельского уезда находится деревня Мокрецы (Борисоглебское), принадлежавшее Наталье Николаевне Голицыной, владевшей двумя тысячами десятин. Теперь там — 3 церкви, до 4000 жителей, 3 школы, несколько лавок, базары, ярмарки.

Обширно Куракино на реке Неручь, знаменитое славным родом Куракиных, красотой и гордостью Отечества...

На юг от Орла, в трёх километрах от Кромской платформы, близ впадения реки Цон в Оку «тянется гряда, состоящая из глинистого леса и поросшая мелким кустарником дуба и берёзы». К югу от этой гряды видны две группы курганов. Здесь занимался раскопками А.Н. Шульгин, известный историк нашего края, член Орловской ученой архивной комиссии. Им найдены были — читаем в старинной книге — скелеты, глиняные черепки с очень грубыми узорами, медный браслет, поясные пластинки и каменный наконечник стрелы. Находки уводят в VII век. Там же, на берегу Оки, «находятся остатки укрепления. нап равлевого против Орла и получившего название Лисовского Кургана, вследствие предположения, что пан Лисовский укрепился здесь после победы, одержанной над ним кн. Пожарским...».

Речь идёт о битве у Царёва Брода.

На железном пути от станции Хотынец, пройдя по окраине Болховского уезда 15 вёрст, при станции Шахово, мы вступаем в Орловский уезд, направляемся по водоразделу рек Орлика и Цон.

В 25 верстах от Шахово — Молодовое (1300 жителей, волостное правление, школа,

лавки). В XVIII веке, при Елизавете и Екатерине II, и впоследствии, в эпоху освобождения крестьян, село принадлежало Тепловым.

Читаем далее: «Теперь хозяева Алексей Гр. и Евг. Сем. Тепловы (4400 десятин). Имение замечательно полеводством, лесоводством, имеет дегтярный завод, кирпичный завод (100 тысяч штук кирпича в год), известо-обжигательный завод.

В Молодovской волости Шаблыкино (1800 жителей, школа, лавка и торжки). Село это в эпоху освобождения крестьян принадлежало Николаю Вас. Киреевскому.

Ныне Шаблыкино принадлежит С.В. Блохину.

При селе Городище — имение графа П.Е. Комаровского (на реке Цон).

В 15 верстах за Шаховым — станция Нарышино (700 жителей). За Нарышкиным в 13 верстах — станция Саханская. От неё в 3 верстах знаменитое Сабурово.

В пяти верстах от Саханской железный путь пересекает Кромское шоссе и, пройдя мимо Ботанического сада, входит в город Орёл, пересекает Оку.

Станция Домнино. Здесь грузят до 800 тысяч пудов, разгружают до двух с половиной тысяч пудов нефти, размещая в больших складах товарищества братьев Нобель.

В семи верстах к юго-востоку от Домнина находится Александровский хутор (200 жителей). Там имение О.О. Офросимовой (800 десятин), «замечательное по своему усовершенствованному полеводству, садоводству и плодovому саду». В полуверсте от станции Домнино на Оптухе — водяная мельница, перемалывающая в год до 600 тысяч пудов хлеба.

В трёх верстах за Домниным железный путь переходит через Оптуху по железному мосту в 23 сажени длины. Однажды зимой, в 80-е годы XIX века, с этого моста упал в Оптуху пассажирский поезд».

«Орловский уезд, — читаем далее, — принадлежит к типичным уездам рассматриваемой области. Почва его чернозёмная, лиственные леса занимают только 4 % пространства. Жителей (с городом) 210 тыс.; по 77 на кв. версту. Со времени освобождения крестьян, из которых 70 % находились в крепостной зависимости, население приросло на 50 %; что объясняется между прочим ростом города Орла».

Дворян - землевладельцев было 76, из них 11 фамилий имели более чем по 3 тысячи десятин: свыше 10 тысяч - князья Салтыковы, от 9 до 10 тысяч — графы Комаровские, от 4 до 5 тысяч — графы Чернышёвы, князья Долгорукие, Чертковы, Новосильцевы, от 3 до 4 тысяч – Нарышкины, Цуриковы, Ергольские, Шенинг, Турчаниновы.

В уезде было 19 волостей, 9 крупных селений.

Главное занятие - земледелие. Под пашнями — 77 % всех земель.

Хлеба не только достаёт, но и есть небольшой избыток.

Кустарные промыслы мало развиты.

Осенью 1902 года заседал уездный комитет.

На утреннее заседание 30 сентября прибыло 18 членов комитета. Открыл заседание уездный председатель дворянства С. А. Володимиров, доложил два отношения высочайше утверждённого Особого Совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности от 28 мая и 9 августа 1902 года.

Секретарём комитета был избран В.Н. Лясковский, известный нам как помещик Киреевки, писатель, автор книги «Братья Киреевские» и трудов о разведении садов.

Председатель комитета, выступая, просил выступать кратко и точно, «без научных рассуждений». Председатель уездной управы Ф.В. Татионов заметил, что при выступлении требуются строго обоснованные отзывы. Лясковский сказал, что краткость не исключает точности и обоснованности.

Комитет приступил к делу.

Говорили об уравнивании крестьян в правах, о поднятии народного благосостояния. Затем - о расширении народного образования, об изменении юридического устройства деревни, об облегчении условий деятельности земства, об изменении оснований и порядка обложения. Говорили о пользе и вреде сельской общины.

Предположение Татаринова вызвало много возражений. А.А. Нарышкин находил, что вопросы, поднятые Ф.В. Татариновым, не противоречат программе. С.А. Цуриков напомнил, что всякая программа зависит от цели, а цель одна - поднятие благосостояния крестьянства. Без приближения к этой цели мероприятия будут бессильны.

Следующее заседание открылось в восемь часов с половиной вечера. Присутствовали: председатель комитета С. А. Володимиров, члены Ф.В. Татаринов, С.А. Лебединский, И.Н. Пуцин, А.А. Шуманский, Г.Ф. Володин, А.К. Юрасовский, П.Г. Ставцев, Г.М. Закржевский и князь В.А. Оболенский. Обязанности секретаря исполнял В.А. Оболенский...

...Закржевских помню. Выслали из Польши. Дружили на Малой Фоминке с Парахиными. Нина Закржевская окончила в наши годы Орловский пединститут. Видел её стареньких родителей. Один из Закржевских жил в Симбирске, был знаком с отцом В.И. Ленина... На вечернем заседании комитет принял все предложения председателя. Володин предложил ходатайствовать об увеличении числа лесных питомников, из которых можно было брать саженцы для засаживания и закрепления склонов оврагов. Лебединский, выступая, указывал на быстрое развитие оврагов, считал нужным собрать материал об этом в Орловском уезде.

Председатель предложил воспользоваться материалом, уже собранным Болховской уездной управой, так как Орловский и Болховский уезды «сходны по естественным условиям рельефа и залегания почв».

— Нет, — сказал Н.Н. Пуцин, — надо собрать сведения о площади, занятой оврагами, именно в Орловском уезде.

Комитет поддерживал Пуцина.

Г. М. Закржевский указал, что «в непомерном развитии оврагов в значительной степени виновато само население», необходимо принять решительные меры против крестьян, которые пахотой «способствуют развитию оврагов».

Председатель присоединился к мнению Закржевского. Сказал, что надо установить надзор, чтобы «крестьяне не пахали вдоль склонов».

Татаринов высказался против каких-либо стеснений жизни крестьян. Сказал, что «едва ли можно ожидать, что карательные меры в данном случае принесут какую-либо действительно пользу». «Население, — сказал Татаринов, — само прекрасно понимает, что овраги приносят вред, но есть причины основные, которые ему мешают бороться с этим злом — это малоземелье и стеснённость в средствах».

Председатель был против.

Стоял на своём Закржевский.

Заседание продолжалось.

Рассмотрели вопрос о пожарах. Затем — о субсидиях крестьянам, о развитии кирпичного производства, об удешевлении кровельного железа, об устройстве в деревнях яслей для детей родителей, занятых полевыми работами, о молочном хозяйстве, устранении формальностей при продаже хлеба.

В ноябре провели ещё три собрания.

Заседали и в декабре.

На одном из заседаний (4 ноября 1902 года) присутствовали члены Орловской учёной архивной комиссии. Один из них. Николай Михайлович Булгаков, большой любитель природы, вырастил рощу между Знаменкой и Фоминкой. Она и доньше именуется Булгаковской. Пуцин — потомок знаменитого Ивана Пуцина — верного друга А.С. Пушкина. Не чужая литературному миру фамилия Жедринских. Встречаются в истории края имена Попова, Юрасовского, Бурнашова, Мацнева, Стаховича и, разумеется, В.Н. Ляскового — верного друга крестьян.

Пуцин на одном из заседаний заявил, что участие интеллигентного человека в крестьянских делах может нарушить равновесие деревни.

Юрасовский думал иначе. Он указал, что в Орловском уезде ему известны деревни, где из

среды крестьян имеют земли и лица других сословий, и эти деревни прекрасно живут и работают.
Татаринов поддержал.
Горячо говорили о важнейшем — о хлебе...

Владимир Хитрово

Муратово — под таким названием в нашем краю два села. Одно прославил классик русской литературы Василий Андреевич Жуковский, другое — Владимир Николаевич Хитрово, ученый, познававший родную природу.

Муратово, встречающее нас по дороге на Болхов, тоже старинное. Своим названием также имеет связь с тремя Муратовыми (Фат, Меньшой и Тимофей), занесёнными в Писцовую книгу 1594—1595 годов.

В XVIII веке здесь была церковь во имя Казанской иконы Божьей Матери. В 1819 году построен был каменный храм во имя Вознесения Господня. В 1896 году Хитрово поставили в усадьбе деревянную колокольню, потом (1899) — деревянную караулку, окружив здание деревянной оградой. С 1897 года сюда ходили дети прихода, в котором числились деревни Филоновка, Савинки, Долбилово и Прилепы. Законоучителем был священник Василий Городецкий, учителем с 1903 года — Иван Ильич Богданов. Земская школа находилась в деревне Масальская, вблизи церкви - кладбище Хитрово с древним склепом при нём.

Прекрасным уголком русской природы было Муратово. Тенистые аллеи, деревянный бассейн с проточной ключевой водой, барские купальни — в душе любого-каждого всё это оставляло глубокий след. В окружении ветвистых лип и берёз росла-крепла душа будущего учёного, веяло отовсюду стариной.

В глубинах минувшего — корни рода.

«Человек незаурядного ума и способностей Николай Михайлович был личностью весьма ярко выраженной», — писал сын об отце.

Подчёркивал у него твёрдую волю, огромный темперамент, отзывчивость к людям, глубокое сознание долга, уважение к труду и к человеку. И ещё, что было важно, — Николай Михайлович любил всё русское, национальное, самобытное, разделял идеи братьев Киреевских, Аксаковых, А.С. Хомякова, В.Ф. Одоевского.

В Муратово, в небольшое имение бабушки Марии Алексеевны Хитрово, дети отправлялись на лето. Село находилось в 35 километрах от города Орла. Маленькая помещичья усадьба располагалась за селом, от которого отделялась небольшой балкой, по её дну протекал небольшой ручей. У старого фруктового сада он подпирался плотиной, в результате чего образовался пруд. У сада находился хозяйственный двор, за которым помещались сарай, кухня, ледник, колодезь, амбар. Недалеко от хозяйственного двора стоял старый дом с железной крашеной крышей. В нём было десять комнат. Перед домом небольшой парк, с одной стороны от него продолжался фруктовый сад, с другой размещалась церковь и старое кладбище с гранитными обелисками на могилах предков Хитрово. Парк и сад окружали старые аллеи лип и остролистных клёнов. Перед усадьбой проходила дорога в село Муратово, а за ней небольшая дубово-берёзовая роща.

Вот с этих ближайших окрестностей усадьбы и началось знакомство семилетнего Володи Хитрово с природой Орловского края...

Володя часто отправляется гулять по ручью до речки Моховицы. Склоны ручья называются Чемеричником. Здесь весной распускаются по сырым местам крупные золотистые бутоны европейской купальницы. Остепенённые участки пестрят

разноцветным ковром соцветий голубой незабудки, крапчатого пазника, златолистой песчанки, многоцветкового лютика, шестилепестной таволги, хохлатого истода, альпийского клевера, ветвистого венечника, пурпурного козельца, жёлтого подмаренника. Здесь — буйное многоцветье пленительной русской природы, начало пути будущего чёного, которого назовут «самым крупным знатоком луговой растительности» и «одним из пионеров в её изучении». (Академик Е.М. Лавриенко).

Всюду цветы и цветы...

А там, в доме бабушки, в гостиной — старинный дворянский герб Хитрово: под рыцарским шлемом со страусовыми герьями щит, где на красном поле дворянская золотая корона с двумя крестообразно положенными шпагами, а между ними восьмилучевая серебряная звезда.

Отец будущего учёного, приезжая в отпуск, устраивал поездки за 80 и 100 вёрст от села Муратово. Рассказывал легенды об этом крае. На реке учил плавать.

Два раза в год (на Казанскую и Воздвижение) около церкви вырастали палатки с товарами. Ярмарка! Шум, смех, веселье. В парке пышно цветёт сирень под названьем «Брызги наук».

Володя собирал гербарий. Учился определять растения. Получил от отца в подарок микроскоп.

Прошли годы.

В.Н. Хитрово стал учёным, активным членом Общества исследования природы.

Перед нами «Известия Общества для исследования природы Орловской губернии»: первый выпуск, второй, третий...

Второй вышел с посвящением «Великому художнику, обессмертившему своим словом природу родного Орловского края Ивану Сергеевичу Тргеневу в день 23 августа 1908 года» так постановило Общество для исследования природы Орловской губернии. Выпуск крашен портретом прославленного автора «Записок охотника». В книге публикации С.И. Огнева, С.Н. Горбачёва, А.С. Тарачкова, М.Д. Залесского, В.А. Романовского-Романько. И, конечно, В.Н. Хитрово. Более того, он в списке членов Общества значится постоянным редактором трудов.

Собиралось Общество в Орле, в помещении частной женской гимназии М.А. Аблецовой и Л.А. Байковской.

В протоколе собрания 12 мая 1907 года В.Н. Хитрово упомянут 6 раз: то он доложил о ходе печатания изданий, которые ему поручено выполнить в Киеве», то выразил готовность руководить ботаническими экскурсиями, то говорит о передаче в музей очень ценного гербария, то поднимает вопрос об изменении устава, то делает сообщение об осоке, о способах распространения этого растения. Внимательно слушает сообщение В.В. Радуловича о костях мамонта, найденных в селе Георгиевском, в имении господина Нарышкина...

В сентябре того же года собирались вновь. «После перерыва, — читаем, — В.Н. Хитрово сообщил о поездке по р. Десне члена Общества А.П. Протопопова». Далее В.Н. Хитрово перешёл к изложению результатов собственной поездки по Десне совместно с Д.Д. Рудневым в июне 1907 года. Сообщение вызвало обмен мнениями...

Из годового отчёта узнаём, что во время экскурсий были изучены камеволомни под Пятницкой слободой, геологическое строение долины Оки, а также степной лог Непрец, берега Рыбницы, деревня Гать. После отдыха было возвращение в Орёл. Грозы не пустили в Нарышкино.

На одном заседании В.Н. Хитрово «демонстрировал при помощи волшебного фонаря снимки, сделанные им во время научной экскурсии по Десне от Брянска до Трубчевска летом 1907 года».

Из протоколов видим, что В.Н. Хитрово вёл большую работу. Читал лекции, заботился об издании трудов. Так в мае 1909 года «докладывал о напечатании Д.И. Святским очерков о Галичьей горе в журналах “Вестник Знания” и “Природа и люди”, о пожертвовании

авторского гонорара (около 17 руб.) на печатание «Известий Общества». Постановлено благодарить Д.И. Святского».

Принято было предложение В.Н. Хитрово устроить экскурсию на Галичью гору, одобрены его научные сообщения: «Литературные новости по Орл. губ.», «Изменения растительного покрова и фотографический метод их наблюдения».

В большой статье «Критические заметки по флоре Орловской губернии» Хитрово рассказал о важнейших находках и наблюдениях исследователей за 1907—10 годы. И не просто рассказал, но и дополняя сведениями из собственных наблюдений.

Иной раз делился сомнениями: «Нам сообщили о весьма интересной находке... так как за достоверность находки поручиться нельзя, можем лишь обратить внимание местных флористов на желательность проверки этого указания».

Внизу — подпись, дата и названо Муратово — центр всей его научной работы.

«Литература по геологии Орловской губ. довольно обширна», — с этих слов начал «Хронологический обзор литературы по геологии и минералогии Орловской губернии».

В 1913 году вышел в свет третий выпуск «Известий Общества для исследования природы Орловской губернии».

В части неофициальной В.Н. Хитрово выступил с «Путеводителем по Галичьей горе».

В самом начале этого обширного повествования читаем: «Обдумывая, какая могла быть наиболее практичная печатная форма для накопившихся за 12 лет материалов по ботанической топографии Орловской губернии, автор остановился на издании отдельных справочников-путеводителей по небольшим отдельным районам. В каждом очерке должны быть собраны все наличные материалы для ботанического описания данного района...»

И — от души: «Наиболее интенсивные методы исследования применялись в месте постоянного жительства автора — Муратове...» Что такое Галичья гора? Это небольшой и весьма малоценный с хозяйственной точки зрения «кусочек Орловской территории». Цель описания — «подвинуть вопрос об обращении Галичьей горы... в неприкосновенный памятник природы».

Движение «в пользу сохранения в полной неприкосновенности участков первобытной природы» началось в Америке. К нам докатилось в 1909 году, когда академик И.П. Бородин прочёл в Москве доклад «Об охране памятников природы» и рассказал о деятельности профессора Конвенца. В Орле подхватил добрую идею С.Н. Горбачёв.

«Нельзя без чувства стыда и зависти смотреть на то, — писал В.Н. Хитрово, — как тщательно и любовно охранены богатства в Германии, например, в сходной с нашей губернией области лиственных лесов, тогда как дивная когда-то местность нашей губернии оголена, ограблена и загажена до последней степени».

На востоке губернии с давних пор идёт сокращение лесов ужасающее, «скоро наступит время, когда местный лесной материал станет для населения таким же недоступным лакомством, как оранжерейные персики».

Что здать? Подлежат охране участки с уцелевшими степными и более редкими растениями. Надо беречь «склоны по Непрецу, владения г. Орла или склоны по р. Кутьме в Болх. уезде». Уместно составить карту охранных полос.

Галичья гора — удобный пункт для устройства биологической станции. Близость железной дороги, живописное положение на крутом берегу Дона, богатство флоры. Местность, крайне доступная для посещения...

Сделав подробное описание растительному царству Галичьей горы, В.Н. Хитрово приложил к очерку снимки: высоченные, источенные временем обрывистые берега над рекой и в четырёх местах — одинокие фигуры человека в белой рубашке, подпоясанной ремнём, в тёмных брюках и тёмной фуражке.

Это — он.

Да, Общество для исследования природы играло важную роль в жизни Орловского уезда. В. Беляев в Орле интересовался жуками.

А.С. Тарачков на Оке, в окрестностях Орла занимался рыбами. Пришёл к выводу, что славная река России «до сих пор не исследована в ихтиологическом отношении». «Ока, — писал учёный, — берёт своё начало верстах в 60 от г. Орла, в окрестностях с. Очек, близ границы Фатежского уезда (Курской губер.) с Орловским. Главными притоками её в этом уезде служат реки: Рыбница, Цон, Орлик, Мезенка, Неполоть и Оптуха». Местность, избранную для изыскания, Тарачков назвал «верховье реки Оки». Не только пользовался собственными наблюдениями и расспрашивал местных рыбаков. В течение трёх лет успел познакомиться со всеми видами рыб. Заглянул в окрестные пруды. Изучил влияние на рыб мельничных плотин в притоках Оки, а также вымочки конопли. Объектами наблюдений учёного стали окунь, судак, ёрш, попок, налим, сом, голец, сабля, пескарь, карпия, карась, линь, скomorox, подуст, плотва, язь, голавль, кленок, шерешпер, верховодка, чехонь, синьга, лещ, щука.

Из других записей Тарачкова можно узнать, как вскрывались реки 27 марта 1852 года, как в 1855 году тронулся лёд, на Орлике был разобран мост, как в 1859 году Ока ниже моста очистилась ото льда. В «Известиях Общества» были напечатаны «Заметки по фауне Орл. губ.» А.С. Тарачкова — «Наблюдения над рыбами в р. Оке и её притоках в окрестностях города Орла», С.Н. Горбачёва — о весеннем пролёте птиц на юге Орловского уезда в 1911 году.

В небо Орловского уезда 1911 года смотрел, не отрываясь, С.Н. Горбачёв. Начал с пения овсянок 26 февраля, разумеется, по старому стилю. В самом начале марта пролегели подорожники, 14 марта — передовые грачи, на другой день пошёл валовый пролёт грачей, 26 апреля вывели птевцов, а 28 мая уже молодые полетели. 15 марта — передовые жаворонки, 19 марта — валом пошли, 17 марта — коноплянка и полярные жаворонки, 19 марта — передовые чибисы, стайки зябликов, чечётки, дрозды-рябинники, лесные жаворонки, двадцатого — зорянка, королюки, двадцать первого — серые цапли, чеканы-каменки, пустельги, двадцать третьего — передовые гуси, зеленушки, коньки луговые, скворцы, трясогузки, лунь полевой, двадцать четвёртого — болотные овсянки, кряквы, двадцать девятого — коршуны, первого апреля — прилёт гусей. Далее — дрозды, удода, журавли, бекасы, чеканы, перпела и, наконец, девятнадцатого апреля — соловьи, в конце апреля — ласточки, стрижи, коростели. Последними значатся в конце мая молодые скворцы, в июне — городские ласточки.

Шла такая шумная в звонкая весна, что в лужах запели зелёные жабы и заквакали лягушки, тоже зелёные.

Шла первая весна моих родителей: отца, увидевшего свет на Фоминке, матери — в Альшани...

«Природа Орловского края» под таким названием в 1925 году вышла в Орле книга в 576 страниц под общей редакцией профессора В.Н. Хитрово.

Мысль об издании книги появилась в Губстатбюро в 1921 году. Первоначальные намерения не шли дальше небольшого очерка.

«С просьбой о составлении очерка, — читаем в предисловии, — Губстатбюро обратилось к редактору трудов “Общества для исследования природы Орловской губернии” профессору В.Н. Хитрово, который не только сам горячо поддержал идею издания намеченной работы, но и значительно расширил и углубил её, возбудив к ней большой интерес со стороны научно-исследовательских и краеведческих сил...»

Среди авторов — проф. А.П. Иванов, проф. С.Н. Горбачёв и В.А. Беляев, инженер-гидротехник Н.М. Усов.

«Особенно много энергии и труда, — читаем в предисловии, — пришлось затратить проф. В.Н. Хитрово, которому принадлежит общая редакция всего издания и который, кроме того, является и автором двух третей всей книги».

В большой статье «От редактора» писал Хитрово: «Цель настоящей книги — дать хозяину ключи от принятого им хозяйства... Книги — это знание своей страны и своего края. Тот же хозяин ещё, кто не знает своей страны и своего края».

Обращал внимание правящих исполкомов, работников земли и леса, просвещения, учащихся школ всех степеней, краеведов-любителей и граждан-земледельцев: «Для вас всех предназначена настоящая книга».

В геологическом очерке профессора А. П. Иванова, открывающем книгу, содержится приглашение заглянуть «вглубь веков», в загадочно далёкий девонский период. «Самые обширные обнажения пластов девонской системы, ваходятся по долинам реки Оки в самом гор. Орле, особенно по реке Зуше под гор. Мценском, где желтоватые и сероватые девонские известняки слагают кручи обоих берегов больше, чем на 10 метров высоты...». Перу В.Н. Хитрово принадлежали большие статьи: «Устройство поверхности воды», «Растительность», «Климат», «О практическом значении фосфоритов». В приложения вошли таблицы, обзоры погоды за 50 лет, начала цветения — за 21 год, пролёта птиц — за 23 года, указатели имён географических и собственных, названий растений и животных. Упомянута Муратовская ботаническая база как место работы редактора.

В очерк о климате В.Н. Хитрово включил данные за 1873— 1923 годы, полученные в родном краю. Узнаём, что в 1919 году зима была суровой, лето сырым и холодным, случился сильный неурожай ржи, овса и сена. Впрочем, был ведобор продуктов и по другой причине: «деникинский фронт подходил». 1920 год — «голодный в Орлов. губ.». Во второй половине весны «насталась сильная засуха». Неурожай озимых случился «рекордный» за 50 лет.

Наблюдение за состоянием почв на берегах небольшой речки Маховицы привело к печальному выводу: «Мы видим, с какой угрожающей скоростью пошло плыть наше основное богатство в море. Отсюда следует, что нельзя позволить каждому землепользователю делать с земной поверхностью всё, что он только вздумает, а надо Установить общие правила землепользования, где частные интересы будут подчинены государственным, а вернее общечеловеческим».

Полеводство, садоводство, лесоводство, огородничество и многое другое нашло отражение в книге, представляющей собой энциклопедию родной природы.

Книга била тревогу, что в ботаническом отношении губерния наша изучена очень неравномерно, что нередко запахиваются «последние клочки» степной растительности, призывала беречь красоту.

Где бьют ключи?

Изучение природы издавно было важным делом на Орловщине. В 1892 году действительный член Императорского Русского Географического и Императорского Санкт-Петербургского Минералогического обществ Николай Кудрявцев издал свой «Геологический очерк Орловской и Курской губерний».

Автор живо описал своё путешествие по нашему краю.

«От дороги, ведущей из Алмазова на Цыпляевские хутора», — читаем в главе “Орловский уезд”, — в том месте её, где происходит её взаимное пересечение с границей уезда, начинается большой лог, который первоначально ведёт на юго-запад, прямо на деревню Сквородовку, затем поворачивает на юг, “около Прилеп впадает в долину реки Ицки. Овраг этот находится уже в Орловском уезде”».

Верховье, заросшее дубовым кустарником и орешником мало интересуется Кудрявцева. Но вот открывается его взору крутая расщелина. промытая «атмосферной водой среди толщ торфяников», обнаруживает разрез серой глины и торфа. Автор спешит исследовать овраг. О принадлежности глин к юрскому периоду говорят обнаруженные створки раковин. Юрские глины встречаются так часто, что становятся чуть ли не главной приметой орловских оврагов.

В Маслове — усадьба помещика Окунькова. «Внизу под усадьбой на берегу Неполоди, у

склона роши, выходят в ямах ключи, на которых здесь, устроены копани. Здесь, в дне копаней, залегают опять те же самые девонские жёлтые известняки и песчаники с окаменелостями, а выше их лежит юрская серо-голубая глина, довольно “жирная”. Ключи здесь весьма обильны».

Мезенка лежит на реке Мезенке. Смотрел Кудрявцев на речку, бегущую параллельно Неполоди, и сделал вывод, что «северная речка Неполодь бежит среды более низменной местности, а южная Мезенка среди нагорной. А так как и вся Неполодь больше..., то мы вправе ожидать, что русло реки Неполодь сравнительно более углублено, промыто в холмах, чем Мезенка, речка более молодая, которая золько что ведёт свою большую работу».

Деревня Лунина. В промоинах виднеется торф, а под ним «местами залегают небольшие желваки бурого железняка».

Болотово. Там, недалеко от плотины, на левом берегу был обвал с бурой глиной.

Селихово. Обвалы кофейно-бурой глины. Там же обнаружили и тёмно-серую юрскую глину. «Выше этого, в овраге, — читаем в книге, — находим пласты сливного песчаника, соответствующие жернови кам; они топким слоем залежат среди песков. В этих песчаниках месгами резко выделяются крупво-кварцевые зёрна». В другом овраге — мел, переходящий в плотный известняк. Из него крестьяне кладут себе «выходы» — каменные подвалы для картофеля и овощей.

Дмитровский уезд. Река Навля с притоками. Лапки, Бычанец, Рыбниково, Берёзовка. В этих местах можно увидеть «пишущий мел, и торфяник, и жирную голубовато-серую глину, кварцевый песок, слабосвязанный окисью железа».

В логу Берёзовки высились холмы пепла от горевших торфяников. Крестьяне рассказывают: лет 20—25 тому назад здесь было наводнение: вода унесла много скота, сорвала мосты, мельницу, ограды, «затопила несколько человек народу». Ежегодно устраивается 1 июля водосвятие, в предупреждение повторения такого страшного несчастья.

В Берёзовке, в усадьбе Н.В. Васича, за рощей внизу — крупный обрыв лёсса. Лёссовские сталактиты свисали в овраге у деревни Суслово.

Река Нерусса и Большая Локна, сёла Лысое и Бородино, деревни Лубенское и Городище — всюду были геологические яходки.

Река Крома, берущая начало около деревни Жихарево, привела в Кромской уезд. Деревни Ключниково, Каменка, Рытково, Новосёлки, Гавриловка, Кирово, Городище. В этих краях попадались гумус, красно-бурая глина, голубые пески, фосфориты, плотный песчаник, мелоподобные мергели, желтоватые мелкозернистые пески.

Николай Кудрявцев включил в свою книгу несколько путешествий. Одну из поездок он посвятил северной половине Орловского уезда.

Двигался по реке Неполодь, заехал в Маслово. Около села — овраг Плоть. В боковых расщелинах выделялся торф. Близ моста через Неполодь был обрыв высотой около шести метров. Записал: чернозём, лёс, бурая глина, тёмно-синяя глина, пёстрые тёмноцветные глины, жёлтый известняк, чёрная глина на метр толщиной.

Вышел за село и там овраг, «который выходит к церковной дороге, наверху оврага — чернозём, а внизу слоистые пески, жёлтые, пепельно-серые и пёстрые с чёрными прослойками». Ещё ниже голубовато-серые глины. На повороте река показала два железистых слоя, верхний — из охры, песка, бобовив бурого железняка — сильно осыпался. В полутора верстах от села, на правом берегу реки находилась «выборка жёлтого известкового камня (девонская система)».

Бакланово лежало в трёх верстах от Маслово. Там и на пересечении Неполоди большой Орловской дорогой было несколько оврагов. По всему левому берегу реки виднелись ключи. Овраг обнажал залежи торфа, бурого железняка и бурой глины.

Лебёдка — на возвышенном берегу у реки Цон. Отметил: имение Цурикова, теперь Пущина. Возвышенная, холмистая местность, Орловско-Карачевский большак. В глубине

берёзового леса, в 4-4,5 вёрстах от церкви, Цуриков в своё время (1881) искал руду. Несколько канав вырыл, около 20 колодцев заложил.

«Во многих местах, — писал Кудрявцев, — выбрана руда — сферосидерит плотная разновидность, тёмно-серого цвета, мелкозернистого сложения: излом напоминает сильный излом серого чугуна».

Алмазово. Осмотрел овраги и записал: «Количество руды очень велико».

Хотынец. Эта местность до речки Злыни, убеждён исследователь, была обширным сплошным болотом, «торфяники которого дружной семьёй охватывают как окрестности Хотынца, так и Красные Рябинки, Жердево, Лабычино, Бунино, Мощёное Андросово (лог Могулище), Ждимир, Селихово, Густоварь, Маслово, Анахино и Дмитровку».

Путешествие продолжается.

В конце мая 1884 года Кудрявцев «спустился на челноке из гор. Брянска в Трубчевск, специально для того, чтобы осмотреть береговые разрезы реки».

Видел Севск и Карачев. К югу от станции Нарышкино в 4 верстах на берегу речки Цон навестил Богдановку, имение Нарышкиной.

Вспомнил: в семи верстах Лебёдка со своими рудами. А тут в роще близ моста и выше «выходят жёлтые девонские известняки с многочисленными остатками рыб и разных позвонков и зубов». Выходят жирные, самые огнеупорные глины, покрытые тонким слоем песчаника. В карьерах добывают плотный жерновой песчаник. Далее — бурые, белые, серые и железистые пески. Ещё ниже — огнеупорные зеленовато-серые глины. Ещё белесоватые пески. Ниже камня — белые пески, слюдистая песчано-глинистая масса серого цвета. Далее не рыли — вода.

Побывал Кудрявцев в Ливенском уезде, богатом выходами девонских известняковых руд. Путешествовал по уездам Курской губернии.

Во второй части книги — путешествие по Оке, Кривчику, Голубицы, Шахово, Хомуты.

Кнубрь. На речке Кнубрь — овраг Золотая Гора, там обнажения юрских пород. Куски железистого железняка увидел около села Лаврово и дер. Фоминка.

Ниже Кнубря, по Оке, я не продолжил исследования, так как постоянно повторялись однообразные выходы жёлтых мергелистых известняков».

Как жаль!

Ведь уже совсем были близко Альшань с горой, набитой камнем и глинами, и моя Большая Фоминка в долине.

Автор решил ещё раз побывать на речке Кроме и в других местах. Орлик и Нугрь навестил, на Свану заглянул, Тускарью полюбовался, бассейн речки Навля исследовал, где шумят Молодовские леса, «занимающие болотистую местность Карачевского уезда», где раскинулись сёла Навль, Кремль, Шаблыкино, Молодовое, Хотьково.

Путешествовал по Снежети и Ресете, увидел курганы, покрытые соснами, осинами и берёзами. Узнал: разрыли один курган, и железные стрелы нашли, в публичной библиотеке Орла хранятся.

От Карачева через Одринскую пустынь до Нарышкино раскинулись на всём пространстве пески.

Далее дорога вела на Брянск...

Пётр Столыпин

В первый день осени 1911 года в Киеве произошло событие, потрясшее Россию: в городском театре, во втором антракте оперы «Царь Салтан»... Как рассказывал «Правительственный вестник»:

«Председатель Совета министров стоял у рампы, повернувшись лицом к публике, и беседовал с подходившими к нему лицами. Вдруг из рядов поднялся и быстро направился

к П.А. Столыпину неизвестный во фраке, лет 28, и, приблизившись на расстояние двух шагов, выхватил браунинг. Раздались два коротких сухих выстрела. Статссекретарь П.А. Столыпин схватился рукой за правую половину груди, затем опустился в кресло. Левая рука окровавлена. Силы покидают раненого, лицо бледнеет».

Первым в числе вызванных профессоров и врачей был назван лейбмедик Боткин, впоследствии (1918), расстрелянный вместе с царской семьёй, племянник Марии Петровны, жены А.А. Фета.

Столыпин скончался 6 сентября, а 9-го был похоронен в Киево-Печерской лавре. На другой день на Лысой горе был повешен убийца, Богров. «Мы надеемся, что пуля, угодившая в Столыпина, верно попала в цель», — писала в Нью-Йорке одна газета. Киев облетели слова вдовы убитого: «Ваше Величество, как видите, Сусанины ещё не гтеревелись на Руси».

«Исторический вестник» в октябрьском номере опубликовал обширную биографию, где говорилось, что Пётр Аркадьевич Столыпин родился в 1862 году, детство провёл в имении Средниково, по окончании курса в Санкт-Петербургском университете начал служебную деятельность в Министерстве внутренних дел, в 1899 году был назначен ковенским предводителем дворянства, в 1902-м — исполнял должность гродненского губернатора, через год был назначен саратовским губернатором, затем (1906) занял пост министра внутренних дел, а после роспуска Первой думы получил повеление быть Председателем Совета министров. «С этого момента, — писал журнал, — началась талантливая государственная деятельность Столыпина, направленная на умиротворение России путём стойкой борьбы со своеволием и беззаконием и путём разработки и проведения в жизнь новых законов... Революционные партии террористов не могли примириться с назначением убеждённого националиста и сторонника сильной государственной власти на пост премьер-министра, и 12 августа 1906 г. произвели покушение на его жизнь взрывом министерской дачи на Аптекарьском острове. Было убито 27, ранено 32 лица (в их числе тяжело пострадали дочь и малолетний сын Столыпина), но П.А. остался невредим».

«Я горячо верю в блестящую будущность России, — говорил Столыпин. Впрочем, Россия и теперь велика, богата и сильна...» Стали крылатыми его слова: «Им нужны великие потрясения, а нам нужна великая Россия».

В биографии ничего нет о юношеских годах великого государственного деятеля, основателя так называемой Столыпинской реформы в русской деревне. А ведь Пётр Столыпин в юности жил в Орле на Садовой, получал аттестат зрелости в Орловской гимназии, что в Воскресенском переулке.

Побывал в Орле он и через многие годы. На этот раз — дело было 2 июля 1909 года — всё местное начальство готовилось к встрече высокого гостя. Председатель Совета министров, бывший орловский гимназист возвращался из Крыма. Встречать выехал губернатор С.С. Андриевский, он же глава губернской землеустроительной комиссии, члены которой были вместе с ним.

«На станции Змиёвка, — читаем в одной из публикаций краеведа В. Ерёмкина, — была сделана остановка. П.А. Столыпин в сопровождении главноуправляющего землеустройством и земледелием России А.В. Кривошеина и других лиц ознакомился, как проводится реформа в окрестных селениях.

В Орёл поезд прибыл в три с половиной часа дня...»

Гостя приветствовали в его вагоне городская депутация в составе городского главы купца Н.Д. Суханова, почётного гражданина П.П. Гадукова, гласного городской думы купца Н.А. Суворкина, вице-губернатора Н.П. Галахова, жена которого, Ольга Петровна, была племянницей Фета и наследницей Тургенева...

Осмотрел П.А. Столыпин ряд хуторов Стрелецкой волости. Фотограф Эрдман за преподнесённый портрет получил от премьера серебряный портсигар, украшенный дорогим камнем, полицейские чины от губернатора — благодарности «за их образцовую

распорядительность при объезде его превосходительства хуторских хозяйств Орловского уезда», стражники — «за их молодецкую службу».

П.А. Столыпин — родственник М.Ю. Лермонтова, из рода Столыпиных была бабушка поэта.

Грянул семнадцатый год...

Февраль 1917 года принёс большое событие в жизнь Орловской губернии: епископ Григорий в Прощёное воскресенье простился с паствой, которая совсем недавно, 25 января, поздравляя владыку с днём ангела, желала ему править епархией ещё многие годы. Прощаясь, орловцы вспоминали, как шесть лет назад Григорий прибыл в город на Оке с гор Кавказа, где ему удалось заслужить любовь и уважение. Те же чувства умножил он в Орле.

«Придавая большое значение обзору епархии, — писали “Орловские епархиальные новости”, — преосвященный Григорий не останавливался перед болезнью, стремясь побывать, по возможности, во всех уездах и посетить возможно большее число приходов. Он успел посетить и такие “медвежьи углы” нашей епархии, где десятки лет не видели архиерея».

Епископ суров был с виду, но при обнаружении упущений чаще ограничивался лёгкими замечаниями. Высоко ценил способных работников, поощрял скромных тружеников, заботился о сиротах, много сил отдавал учебным заведениям...

В служении нашему краю владыка надорвал силы свои и вынужден был уехать на жительство в родной Святогорский монастырь, Харьковской губернии.

«Учащие и учащиеся видели в Вас не только начальника, но и доброго приветливого отца», — читал приветственный адрес В.А. Сахаров, ректор Орловской семинарии.

Не менее душевными были и другие слова, сказанные при расставании 12 февраля.

Днём ранее, 11 февраля в кафедральном соборе Нижнего Новгорода городские власти и многие граждане прощались с преосвященным Макарием, отбывающим к новому месту служения Богу.

«Одаренный от Бога многими талантами, — читал приветственный адрес губернатор А.Ф. Гирс, Вы, как добрый Христов служитель, преумножили их... Вы стремились возгреть, развить и укрепить в народе религиозную жизнь, как основу всякой другой жизни и деятельности, и в то же время смело и твёрдо указывали нам плевелы и тернии, которые заглушают нашу религиозную жизнь и уводят людей от Христа. Пламенно любя своей чуткой душой русский народ и считая его народом-Богоносцем, Вы стремились ближе стать к религиозному чувству народа, слиться с ним в религиозном подъёме... Во времена народного брожения и смуты Вы громко призывали русский народ любить свою родину, грудью стоять за те вековые устои, которыми росла и крепла Св. Русь, не увлекаться новыми учениями, которые не приведут Россию к крепости, славе и могуществу. Огненным словом Вы призывали проявлять свой патриотизм в особенности теперь, когда отечество переживает в тяжёлую годину войны великое испытание крепости своих духовных сил...»

Григорий отбыл в Харьков вечером 23 февраля. На вокзале провожали его граф П.В. Гендриков, орловский губернатор и многие другие лица.

Макарий прибыл в Орёл 25 февраля, в субботу, утром, почтовым поездом из Москвы. Встречали нового епископа Орловского и Севского губернатор П.В. Гендриков, вице-губернатор Н.К. Комаровский, городской голова И.А. Гумбин, начальники военных и гражданских частей, ректор семинарии и другие. Подошёл поезд, и сразу же раздался красный звон колоколен всех церквей Орла.

В кафедральном соборе состоялось главное торжество. Владыка облачился в мантию.

— Да, будет благословенно твоё вхождение в наш град, святитель Божий! — говорил в своём приветствии епископ Павел.

Макарий в ответ сказал своё слово. Было оно жарким, страстным, созвучным тому, что происходило в стране: «Господь призвал меня на служение пастве Орловской земли, гремел голос епископа-патриота, — в одно из самых тяжёлых и опасных времён в исторической жизни русского народа. Идёт невиданная, страшная война с народом, издавна ковавшим ковы против славянского вообще мира и в особенности против русского народа. Весь христианский мир и в особенности русский народ призывается ныне, в этот страшный судный день, к объединению на началах Христова закона. Соединим все силы ума, сердца и воли для борьбы со всем, что грозит миру внутри нашего Отечества, что увеличивает скорбь людскую, что злою волею своей отягощает и без того тяжёлое положение народа русского. Встанем все — все до единого, у кого сердце ещё не превратилось в камень, кто горит истинною, нелицемерною любовью к родине на страже исконных начал общественной и государственной жизни».

Петропавловский собор, основанный при Павле Первом, знал многих проповедников, но такое слово, полное тревоги, звучало впервые. Оно гремело, как колокол: «Война против спасительного учения Христова, никогда не перестающая, в известные времена жизни человечества особенно усиливается. И вот мы ныне видим, переживаем именно это страшное, особенно озлобленное восстание сил ада на Христа и Его стадо... Всё чаще и чаще слышатся голоса — нет Бога, нет греха, нет ответственности! И грозная волна неверия, крайней нравственной распущенности всё более и более вздымается в жизни людской, заливают и губит всё большее и большее количество душ человеческих. Началась она там, откуда ныне наносятся страшные удары нашему земному благополучию. Выросла она и двинулась со всепокрушающей силою на душу русского православного человека...»

С гневом говорил Макарий о том, как «забывши правду Божию, и правду даже человеческую, люди, целый народ все силы свои устремили только на служение своей гордыне, своему чреву, своему себялюбию».

Страстно уверял святитель, что «Господь устал миловать людей своих...». Звал пастырей церкви: «Вы — испытанная многовековою историею русского народа дружина Господня. Стойте так же бодро и неустрашимо, как и в былые времена, на страже души и сердца народного».

«Горе царству тому, предупреждал Макарий, — которое раздвоится, замутистся взаимной враждою...»

Предупреждал, словно предчувствуя близость великих потрясений. После речи владыка благословил каждого из присутствующих в храме. Затем отбыл в архиерейский дом. Зашёл в Крестовую церковь и там помолился. У входа в покои Введенского женского монастыря игуменья Евфалия поднесла епископу икону Балакинской Божией Матери... На следующий день, 26 февраля, было воскресенье. Макарий принимал служащих духовных учебных заведений. «Мне очень приятно видеть такое множество просвещённых людей», — сказал епископ. Вспомнил, что и сам тридцать лет был учителем. Нашёл учебную деятельность чрезвычайно интересной. Пожелал успеха в святом деле.

Гроза, между тем, приближалась.

Грянула она очень скоро, едва лишь телеграф сообщил из Петрограда об отречении Николая Второго от престола в пользу великого князя Михаила Александровича, почётного гражданина Орла. Это случилось 2 марта. На другой же день брат бывшего императора подписал Акт об отказе от восприятия верховной власти.

Оба исторических документа опубликовали «Орловские Епархиальные Ведомости» 12 марта.

«Усерднейше прошу всех пастырей и все учреждения церковные Орловской епархии, — обратился Макарий, — во имя мира, христианской любви к Богу и ближним, во имя блага

народа, приложить все средства к поддержанию мира, спокойствия, дабы утверждающийся новый строй государственной и общественной жизни вошёл в жизнь народную безболезненно и без страданий».

В самый разгар больших событий, 5 марта, в церкви Покрова Пресвятой Богородицы совершал позднюю литургию преосвященнейший Макарий. Волновался протоирей Василий Васильев. В этот день исполнилось 50 лет его служению в храме. Владыка преподнёс ему трогательный подарок — молебен о здравии юбиляра. С речью прочувствованной обратился. О важности пастырского служения говорил: «Чи руки вынимают крещаемого из купели крещения и сообщают ему дары Святого духа? Кто совершает величайшую для христианина евхаристическую жертву и питает его духовно? А сколько разнообразных дум по поводу духовных нужд своих прихожан и томления духа по случаю их скорбей испытывает пастырь, вознося свои молитвы, стоя перед престолом Божиим? К кому вы пойдёте с разными волнующими вас запросами мятущегося духа...» «Итак, — продолжал Макарий — радуйтесь долголетнему служению своего пастыря, бодрствовавшему за наши души и за их спасение приносившему бескровную жертву и благодарите Бога за это великое счастье, ведь надо иметь большое сердце и великую благодать Божию, чтобы с отеческой любовью входить в ваши сокровенные думы». Юбилляр отвечал «с глубоким смирением и волнением».

Жизнь продолжалась.

Март подошёл к концу. В последнем, сдвоенном номере епархиальной газеты за этот месяц было помещено пространное «Архипастырское послание».

«Волею Божиею Великая Богохранимая держава Российская, — писал Макарий, — ныне призвана на новый путь. Когда вследствие тех или иных причин вьдымаются бури в жизни народной, когда одни в дни народных волнений видят и находят осуществление своих чаяний, а другие — крушение устоев привычной жизни — тогда особенно часты отступления от правды Божией и от начал даже человеческой справедливости, тогда нередко в пылу увлечений своих торжествующие и уже достигшие своей цели нарушением только что названных начал жизни нарушают, разрушают или готовят разрушение своего только что созданного благого дела... Гнев, зависть, распри, ссоры, чувства мщениия, тщеславия, не сдерживаемые высшими велениями права, долга и вновь возникших обязанностей всегда приводят и приводят людей к взаимному раздражению, к взаимному угрызению и съеданию и, в конце концов, к самоистреблению и полному обессилению.

Боже! Сохрани нас от этого великого горя!

Боже! Сохрани Русь Святую от распрей, ссор, междуусобий всегда и особенно ныне, когда злобный враг попирает поля родной земли...».

Макарий призывал всех с особенным рвением выполнять свои обязанности перед Родиной.

«Пастыри церкви Орловской земли! — зывал Макарий. — Родина и Церковь ожидают, что вы, ожививши в своей памяти былые времена, когда православное пастырство, всегда с народом живущее единою душою, с особым рвением и благопоспешением шло на помощь Государству и самоотверженно исполняло свой долг духовного руководства жизнью народа и, ставши впереди его, одушевляло его своей любовью...»

Автор Послания обращался к гражданам, властью облечённым, призывал благословение Господа на их труды во благо Церкви и Родины. Воинам напоминал слова: «Больше нет любви, как кто душу свою положит за други своя».

Обращался святитель к рабочим и земледельцам, ко всем людям, призывая: «Храните, други, св. веру отцов и дедов, возгревайте в своей душе божественный огонь любви к Церкви и Родине. Берегите свои души от греха, от зла, от несправедливостей и обид. Храните мир и исполняйте законы».

К солнцу красному звал, к свободе души и тела. Однако, «истинно свободный тот, кто любит и ценит своих, кто чужд рабству греха, порока... Теперь именно приучите себя

вести непрестанную войну со всем дурным, приучите себя торжествовать над злом, любить правду, творить добро ближнему своему во имя Бога Живого — Бога бесконечной любви и милосердия».

Слово Макария звучало и в апреле, и в мае. Мысли находили развитие в статьях других авторов газеты. Владыка совершал службы в храмах и читал проповеди: 6 мая — в Богоявленской церкви, 7 — в кафедральном соборе, вечером — в Николаевской церкви, 9, 10, 11 — в кафедральном соборе, 13 — всенощное бдение в Преображенской церкви, 14 — в кафедральном соборе. Посетил архиерей собрание законоучительного Братства, со всеми вместе с большим интересом слушал доклад об отношении Церкви к государству (М.Н. Полунин). Выступил с речью, произнесённой «со свойственным ему ораторским талантом и чувством искреннего убеждения».

Май подходил к концу. И вдруг Святейший синод, рассмотрев прошение Макария, решил его отправить на покой. Предписание Орловской Духовной консистории, датированное 27 мая, вышло приложением к номеру «Орловских Епархиальных Ведомостей» за 1 июня. Там же — «К Православному духовенству Орловской Епархии» — последнее послание Макария.

«Горе Русского народа и величайшая опасность для его политической самостоятельной жизни, — писал Макарий, — заключается в том, что революционное движение всё более и более направляется в сторону так называемой анархии, т.е. полного безначалия и разрушения всех начал государственности, общественности и семейной жизни. Ужас современной жизни заключается в том, что свобода многими понята как своеволие, как поругание всяких прав каждого в отдельности и всех вместе, граждан родной земли. Ни имущества, ни чести, ни даже ближнего иные не хотят щадить. Прошу, молю вас, именем Всевышнего Бога, отцы и братие, приложить все усилия к тому, чтобы водворить в жизнь гражданский мир и спокойствие».

Макарий ещё продолжал звать к миру и любви, к обновлению жизни народной на началах правды и свободы. Но святитель-трибун не мог не заметить, что даже приходские пастыри на его призыв объединиться «между собою и с мирянами почти совсем не откликнулись», а потому оказались беззащитными перед теми, кто сеял смуту.

Пришлось Макарию отправиться на покой с назначением управляющим на правах настоятеля Вяземским Спасо-Предтечевым монастырём Смоленской губернии. На его место в Орле был назначен преосвященный Серафим.

Когда на стол нового епископа легли протоколы Орловского епархиального съезда духовенства и мирян, прошедшего 10-18 мая, владыка, прежде, чем писать резолюцию, обратился «ко всем пастырям и пасомым Орловской церкви с горячим призывом к миру, к единению во имя Христа, ко всепрощению, к любви Христовой, к живому строительству церковной жизни на началах христианской свободы и братства.

«Желательно привлечение в приходские организации нашей интеллигенции», — подчёркивал Серафим. Когда же поступил экземпляр «Обращения» Орловского общества обновления церковной жизни за подписями священников Аркадия Оболенского, Иоанна Кушнева, Николая Беляева и других, владыка усмотрел в этом документе «сеяние смуты».

«Тёмный лик России» в статье под таким названием В. Азбукин на страницах епархиальной газеты с гневом пересказал то, что поведал «Орловский Вестник»: в селе Воине прихожане привели священника на сход и потребовали объяснений, почему он взял у одной женщины рубль. Священник ответил, что жить нечем, назвал установленные меры драконовскими. Комиссар выхватил револьвер, приставил к груди священника, заставил замолчать и затем арестовал его. «Не давая ему ни пить, ни есть, повели его пешком в Севск, за 30 вёрст, — говорилось в заметке, — и только на полпути жена священника упростила конвоиров разрешить сесть мужу на собственную лошадь».

Азбукин возмущался, что «это происходит на Руси, которую именовали “Святой Русью”, где такое множество храмов Божиих и такая крепкая привязанность к вере православной, преданность церкви родной».

Быть или не быть Закону Божию в школе? — поставил вопрос в газете Александр Лебедев.

«Народная масса, — утверждал он, — от лица которой исходит голос благоразумия и мудрой трезвости во многих вопросах, всегда считала и теперь считает Закон Божий краеугольным камнем всех предметов школьной программы...»

«Иного решения, — продолжал Лебедев, — несомненно, не может быть. Ведь на Законе Божиим воспитывались и воспитываются все поколения русской молодёжи, начиная с основания Русского государства...»

10 августа открылся в Орле епархиальный съезд. В президиум были избраны священники И.Д. Соколов, Л. Казанский, матрос Балтийского флота В.Н. Кузин и другие.

12 августа в кафедральном соборе архиепископ Михаил Гродненский и Брестский, командированный в Орёл для проведения выборов епископа, отслужил торжественную литургию. Затем выборщики отправились в Троицкий собор при архиерейском доме. Туда в 12 часов 50 минут при торжественном звоне колоколов прибыли архиепископ Михаил и епископ Серафим. Двойные двери собора были наглухо заперты. Начались выборы. Серафим получил 308 голосов, епископ Иосиф Углицкий — 34, Амвросий, vikарий Елецкий и прежний владыка Макарий — по одному.

Избранный епископ Серафим был назначен Указом Святейшего синода.

Указ был прочитан в Троицком соборе 27 августа.

«Итак, возлюбленные отцы и братие, — начал своё слово преосвященнейший Серафим, — примите меня в любовь свою... К дружной совместной работе на благо Церкви и Родины зову я вас, довольно слов. Нужно дело». Вступление Серафима на святительскую кафедру состоялось в день памяти Иоанна Кукши, священномученика и просветителя Земли Орловской.

Пришла осень в трудах и заботах.

Весь день 2 сентября в Цветыни был занят делами на гумне отец Григорий в 10 вечера, утомлённый работой, лёг спать. В полночь к нему явились нежданные гости. Не в дверь постучались, а в окно ворвались. Газета рассказывала: «Выдавив оконную раму, грабители в количестве 6-7 человек ворвались в комнату и набросились на сияющего священника. Схватив его за горло, стали наносить ему тяжёлые удары каким-то тупым орудием и стрелять в него из револьвера».

Следующий выстрел раздался в Киеве. Газета рассказала: «К живущему в Киево-Печерской лавре митр. Киевскому и Галицкому Владимиру в ночь на 25-е января явилась банда хулиганов в солдатских шинелях, ограбив Владыку, вывели его за ворота под предлогом пойти в комиссариат и здесь убили».

Шёл восемнадцатый год, год усиленного гонения на церковь. В Орле епископ Серафим, посетив 13 января Александринский институт, отметил в своём слове «переживаемую в наши дни всеми скорбь, призывал всех искать духовного успокоения и укрепления в надежде на заступничество Царицы Небесной...».

В первый день февраля на колокольню Покровской церкви явились подрядчик и два мастера, чтобы снять оттуда четыре позолоченных герба. Народ собрался и решил, что это грабители. Кто-то ударил в набат. Толпа росла. Мастера бросили работу. Их избили. Прибыли отряды Красной гвардии и милиции. Стали стрелять. Толпа разошлась. Был убит один мальчик с револьвером в руке...

Ночь на 2 февраля была холодной. Орёл был объявлен на военном положении. И все-таки днём крестный ход состоялся. В нём участвовало до 20 тысяч человек. Крестный ход начался от Иверской церкви, по пути присоединились крестные ходы из церквей Сергиевской кладбищенской, Черниговского полка, Крестовоздвиженской и дома Трудолюбия. У Покровской часовни на Ильинке присоединились крестные ходы, шедшие по Новосильской улице из церквей: духовной семинарии, женского монастыря, Ахтырской и 1-го духовного училища, а также из Покровской и Преображенской. Пели «Христос воскрес» и «Воскресение Христово видивше». У Городской думы примкнули

крестные ходы из церквей: Крестительского кладбища, Троице-Васильевской, Михаило-Архангельской, Смоленской, Николо-Песковской, единоверческой, Воскресенской, Никольской, Богоявленской, 1-й гимназии. Отсюда шли через Болховскую к кафедральному собору, на пути присоединились храмы епархиального училища и Сретения. У собора шествие слилось с крестными ходами архиерейского дома, двух тюремных церквей, Троицкого кладбища, богоугодных заведений, Александринского института и кадетского корпуса.

В кафедральном соборе преосвященнейший Серафим совершил литургию, затем на плацу вместе с епископом Амвросием служил молебен. Сказал слово о тяжёлом положении православной церкви, затем было оглашено протодьяконом воззвание Собора по поводу декрета о свободе совести. Настоятель Болховского Оптиного монастыря иеромонах даниил говорил с большим воодушевлением, призывая народ стать на защиту Матери-Церкви и дать в том клятву.

«По стечению народа, — писала газета, — крестный ход вышел грандиозным, небывалым в нашем городе».

В тот же день в Епархиальном училище был произведён обыск. Матрос в шапке с бранью ходил по училищу, даже вошёл в алтарь. Сильному избиению подвергнулся инспектор, священник И.Д. Соколов.

В Туле крестный ход был обстрелян. Несколько человек упали убитыми и ранеными... Гонение на церковь продолжалось.

На Пасхальной неделе, 26 апреля, в селе Усть-Нугре Болховского уезда группа солдат учинила расправу над священником Иоанном Панковым и его семьёй. Сам священник получил несколько штыковых ран, его старший сын Николай, офицер, был убит у постели, младший Пётр 15 лет — на улице...

В Вязьме схвачен местными чекистами гражданин Михаил Васильевич Гневушев, уроженец (1858) села Репьевка Симбирской губернии, выпускник Киевской духовной академии (1882), бывший архиепископ Орловско-Севской епархии Макарий. 23 августа первый допрос, 2 сентября — отправлен в тюрьму, 4 сентября 1918 года Чрезвычайная комиссия под председательством Яркина в присутствии членов Аскольдова, Попова, Козоплянского, Рейнгольда, Виглянского и секретаря Варнилова постановила: «Расстрелять».

В пустынном месте за городом собрали 14 человек, приговорённых к той же мере.

Макарий мужественно дошёл до указанного места и громко сказал: «Отец мой! Прости им, не ведают бо, что творят. Прими дух мой с миром!»

Реабилитировали Макария 14 апреля 1993 года в Смоленске...

Его именем был открыт долгий список иерархов-мучеников.

Попал в него и епископ Серафим.

Ферапонт Захаркин

Этот очерк посвящён Ферапонту Давыдовичу Захаркину, участнику установления советской власти на Орловщине. Сын крестьянина из деревни Маслово, он юношей отправился в донбасс искать свою долю. Здесь молодой шахтёр стал революционером, в 1912 году вступил в ряды Коммунистической партии. В самые трудные годы становления советской власти (1918—1920 гг.) Ф.Д. Захаркин был председателем Орловского уездного исполкома, возглавлял уком партии.

Солнце широко заливает комнату. Ферапонт Давыдович долго стоит у окна, щурясь от света, провожает взглядом лебединую стаю облаков и не сразу отзывается на голос жены.

Анна Арсентьевна, высокая, статная, разговаривает с мужем, мягко улыбаясь:

— Иди, поешь. А то, небось, опять сядешь писать воспоминания.

— Сяду, — усмехается Ферапонт давидович. — Разве нам с тобой нечего вспомнить? — да если про всё писать, то и бумаги не хватит, — говорит Анна Арсентьевна.

— Хватит. — И, сдвинув мохнатые выцветшие брови, добавляет: — Пусть знают дети и внуки про нашу жизнь, про то, как трудно было нам из темноты выбираться.

Невысок и коренаст Ферапонт Давыдович. Неширок его шаг - за плечами, шутка ли, восемьдесят: с таким грузом не зашагаешь быстро. Но от всей его фигуры веет силой, бодростью, как от векового дуба.

На склоне лет всё чаще вспоминается утро жизни — детство. Видит он родное Маслово: избы, рассыпанные по взгорью, разбуженные ветром сады, туманное, берущее за сердце раздолье полей. Слышит голос Тараса Силякова:

— Пошли к Окуньковым.

Усадьба помещика Алексея Николаевича Окунькова раскинулась на возвышении у дороги. Друзья идут через сад, окружённый глубоким рвом. Трепещут листьями высокие липы. У входа в дом вскинули зелёные лапы три громадные ели. Солнце почти не проникает в комнату.

Хозяин дома приветливо встречает ребят, угощает их яблоками, сразу втягивает в беседу. Алексей Николаевич не похож на окрестных помещиков. У него крестьяне находят добрый совет. Это он добился, чтобы в селе была школа. Лучших учеников Окуньков приглашает к себе домой. Читает им сказки и рассказы из русской истории.

— Алексей Николаевич, спрашивает его Тарас Силяков, — правду говорят, что на горбатую ракиту в Стародубцево ведьмы под Рождество слетаются?

— А я от бабушки слышал про русалок, — перебивает Ферапонт Захаркин. — Летом они из воды выходят, в облаках скрываются.

Окуньков улыбается. Потом улыбка слетает с лица. Голос звучит тихо, печально:

— Суеверные люди придумали сказки про ведьм, русалок, домовых. Отчего придумали? Оттого, что школ не было, читать не умели. А ведь в книгах на всё можно найти ответ. Дружите с книгами — они вам откроют правду.

В другой раз Алексей Николаевич сказал:

— Нехорошо лгать, обижать других, воровать. Нельзя присваивать чужой труд. И уже горячо, гневно говорил о нищете трудового народа.

— Берите из книг всё лучшее, — советует Алексей Николаевич. — Всегда стойте за народ, за его счастливую долю боритесь.

Ферапонту Захаркину всё больше нравятся такие речи. Всё чаще тянет в комнату Окунькова, уставленную книжными полками.

— Сначала вот это прочтёшь, говорит Алексей Николаевич и подаёт книгу в нарядном переплёте. Потом другую, третью... И, наконец, очередь доходит до тонких брошюр, которые следует читать с опаской.

Из Москвы приехал к Окунькову сын Алексей, студент. Он привёз много новых брошюр. Теперь во время бесед Алексея Николаевича его работник присматривает за дорогой. Незваные гости прибывают на лошадях. Их пятеро.

— Прикажете накормить лошадей, — велел офицер Окунькову. А мы будем делать обыск.

— Немедленно выведите лошадей за околицу, — спокойно говорит Алексей Николаевич. У меня скот. А ваши лошади, возможно, заразные.

Пока лошадей выводят за околицу, Окуньков успевает спросить у Тараса и Ферапонта:

— Телят выгнали из овса? Листву убрали?

— Всё сделано, — отвечает Тарас.

Алексей Николаевич доволен: значит, ребята успели надёжно спрятать запрещённые брошюры и листовки.

Обыск ничего не даёт... Занятия продолжаются. Жандармы ещё не раз наведывались в Маслово. В один из приездов они арестовали Окунькова и увезли.

Но семена, посеянные им в старинном орловском селе, не пропадают даром. Добрые всходы они дают и в сердце Ферапонта Захаркина. Зорко всматривается он в

окружающую жизнь и начинает понимать, отчего бедность крепко засела в масловских избах, почему отец давид Фёдорович хоть и владеет ремеслом бондаря, плотника, колесника, а из нужды не может выбиться.

...Шли годы. Настало время покинуть родной дом в поисках лучшей доли.

В Юзовку поезжай, — посоветовала мать. — Там, сынок, масловских много. Авось на шахту устроят.

...Поезд прибыл в Мушкетово поздно вечером.

— Как в Юзовку пройти? спросил Ферапонт у станционного сторожа.

— Иди прямо на дым, — ответил тот. — Туда, где огонь полыхает. Вёрст семь, поди, будет.

Ферапонт посмотрел в ту сторону, и его глазам открылось небо, охваченное заревом, будто горело большое село, подождённое со всех сторон.

— Что это? Пожар? — спросил он у сторожа.

Тот усмехнулся:

— Этот пожар никогда не затихает. Завод работает. Только ты на шахту иди, там скорее возьмут.

В Юзовке Ферапонта ждали мытарства в поисках работы. Спасибо, земляки выручили. И первый из них — Тарас Силяков. В казарме Тарас познакомил друга с Филиппом Сорокиным и Николаем Вознесенским. Оба, как потом узнал Ферапонт, — большевики. Они и помогли деревенскому парню, приобшили к своему делу.

И вскоре он сам стал распространять листовки.

1905 год. На митингах с речами выступали большевики. В Юзовке создали Совет рабочих депутатов. Революционная волна подхватила и Ферапонта Захаркина.

Больно отозвалась в сердце Захаркина трагическая судьба Тараса Силякова, ставшего матросом Черноморского флота. Тарас поднял с друзьями восстание на корабле.

Смельчаков схватили, приговорили к смертной казни. Незадолго до казни Тарасу

Силякову объявили новый приговор: каторга. Но он отказался от этой «милости» шёл умирать, чтобы поддержать дух товарищей.

— Эх, Тарас, Тарас... — шепчет Ферапонт Захаркин.

Изредка появляясь в родном селе, Ферапонт рассказывает односельчанам о революционной борьбе.

Внимательно слушал его юный односельчанин Матвей Болбенков. А однажды, когда в село прискакали жандармы, Матвей увёл Ферапонта задворками и помог надёжно спрятаться.

— А революция скоро будет? - спросил Матвей.

— Скоро! — ответил Ферапонт Захаркин.

... И она прогремела. Только Ферапонт Захаркин был уже не в родном селе, а на Западном фронте в окопах.

... Поезд шёл медленно. В вагонных окнах проплывали белые поля и редкие рощи, унизанные пухлым инеем. Невысокий, плотный человек в солдатской шинели, в грузных ботинках стоял, смотрел и с нарастающим нетерпением думал о затерянном в снежных раздольях родном селе Маслово. Там глухо скрипят на морозном ветру старые, дуплистые ракиты, хмур и молчалив на взгорье барский сад. А в приземистой избе жаут, не дождутся его, солдата с фронта, жена и дети... На погосте, на могиле отца, свистит ветер. Не дождался перемен. Как бы теперь обрадовался! Наверное, с гордостью прочитал бы документ, где значится, что Ферапонт Давыдович Захаркин комиссар, командирован в Орёл армейским комитетом.

Солдат нахмурил брови и вздохнул.

Вспомнил Тараса Силякова. Вспомнил умиравших от голода односельчан. Мелькнул перед глазами Орловский централ, о котором ходили жуткие слухи.

В Орле, в партийном комитете, его встретили тепло.

— В нашем полку прибыло, — радостно сказал Михаил Буров, пожимая руку солдату. —

Вы нам будете очень нужны. Не представляете, какая тут перепалка в губернском Совете. В деревнях народ бурлит, требует преобразований. А у нас в Орле меньшевики и эсеры только и кричат об Учредительном собрании.

— Большевицкий комитет провёл большую работу, — лаконично отрезал Кучаидзе, высокий грузин с пушистыми чёрными усами. — И вот прошу любить и жаловать: вчерашний солдат Михаил Никитович Буров ныне председатель военно-революционного комитета.

— Готовимся к губернскому съезду Советов, — продолжал Буров рассказывать Захаркину. Обстановка сложная. Ревком диктует своё, а городская дума своё.

— Значит, мне придётся и в думу обращаться со своим делом? спросил Захаркин. И пояснил, что должен в Орле подыскать помещения для воинских частей.

— Придётся, улыбнулся Кучаидзе. Только учтите, в думе вас не поддержат. Стоит городскому голове узнать, что он имеет дело с большевиком, сразу откажет.

— Голова ненавидит нас, — заметил Буров. — Понимает, что власть уходит из рук, вот и кипятится. А вам, товарищ Захаркин, надо поработать с нами, в сёлах побывать. Главная наша забота — организовать Советы на местах.

...С бодрым, приподнятым настроением шагал Ферапонт Захаркин из Орла в родное Маслово.

Морозный ветер шумел в ушах.

Все двадцать пять вёрст прошёл он по звонкой, накатанной, залитой ярким солнцем дороге. Морозный ветер прохватывал насквозь. Но как увидал знакомую избу под ракитами, сразу забыл о морозном ветре, о застуженных ногах.

— Папка! — бросились к нему обе дочурки Лена и Анюта. Аппа улыбнулась и вдруг, шагнув к мужу, расплакалась:

— Живой!

— Теперь слёзы ни к чему — степенно заметила её сестра Наталья. — Вернулся, радоваться надо.

И захолопотали женщины, выставляя на стол нехитрую снедь.

— Да какая тут жизнь! Одни бабы да старики маются. Война-то всех мужиков повымела. Мне вон теперь позавидуют.

— Просто мне повезло, тихо сказал Ферапонт. — Миновала пуля и снаряд не взял. А сколько народу полегло! Не дожили до революции.

— Слыхали мы про революцию, — заметила Наталья. — Так ведь это в Петрограде.

— Не только в Петрограде, — возразил Ферапонт. — По всей России сейчас идёт революция.

— Только до нас ещё не дошла, усмехнулась Анна, оправляя ухватом большой чёрный чугунок в раскрытую печь. — Всё те же хозяева у власти. Завтра вот перевыборы устраивают. А чего аеребировать, когда и так ясно: власть не упустят.

Анна вытерла о фартук руки и присела к окну обняла, прильнувшую к ней Анюту.

— Надо посмотреть, — задумчиво обронил Ферапонт.

— Знаю, как ты согласишься, — усмехнулась жена. — Опять, небось, что-нибудь придумаешь. Мало тебя жандармью по донбассу гоняли.

— Время жандармов кончилось. Теперь народ — хозяин жизни. Незаметно подкрались и сомкнулись за окном густые сумерки. Высыпали частые звёзды. А разговор в избе Захаркиных не умолкал. Зашли соседи и долго не могли уйти, слушая рассказ Ферапонта о войне.

— Вот пошли две гренадёрские дивизии в наступление, — рассказывал он. — В поддержку им нашу дивизию бросили. Немцы из пулемётов косят, а мы бежим к их окопам. Проволоку прорвали, гранаты пустили в ход. Одну линию окопов взяли, вторую. Немцы ещё сильнее бьют. Но ведь русский солдат — известное дело как войдёт в азарт так его остановить может только смерть. До четвёртой линии добрались. И тут-то нам не повезло. Перепутали наши генералы, где свои, а где чужие воюют, и давай по нам из

пушек крыть. Паника поднялась. Послышались крики «Измена!». А тут не измена, а просто глупость человеческая. Бьют и бьют нас. Полдивизии положили на месте. Раненых на своих горбах из-под огня вытаскивали.

Ещё был случай, продолжал Ферапонт, — в шестнадцатом году, в ноябре. Двинулись в наступление. Ползли мы, значит, ползли. Вдруг слышим по цепи передают «Вернуться назад». В чём дело? Оказывается, девятый корпус отказался наступать. Начальство этот факт поспешило скрыть. Перебросили нас на переформирование. девятый корпус мы не осуждали. Война всем осточертела. Кому охота головы класть неизвестно за что. Царя-то когда сбросили, мы было обрадовались. Думали: теперь конец войне. Не тут-то было! долго светились в этот вечер окна в избе Захаркиных. В морозной мгле, над соломенными крышами и притихшими садами, сияли звёзды, сугробы высились у дороги — грузные, белые, буудто сказочные лебеди, готовые вспорхнуть и улететь...

Утром Ферапонт пошёл в волостное правление. Было морозно. Тихо. Снег хрустел под ногами, как капустный лист. Легко дышалось, и радостно было раскланиваться с односельчанами, отвечать на их вопросы, пожимать горячие руки.

В помещении волостного правления шло собрание гласных. Ферапонт присел в сторонке, огляделся. Невольно нахмурился, видеv на самых почётных местах помещика Брауна и лавочника Митина. Бывший старшина Сотников, председатель волостного правления. степенно докладывал гласным о проделанной работе. Говорил долго о мостах, о лошадях, о гтосевных площадях. Чем больше слушал Ферапонт, тем больше удивлялся. Странное дело! Во всём линном докладе Сотникова ни слова о том, что власть по всей стране переходит в руки Советов.

После доклада Захаркин поднял руку:

— Разрешите сказать слово?

Сказал речь и предложил избрать волостной Совет. Не успел оглядеться, как услышал свою фамилию.

— Будешь нашим председателем! — дружно заговорили масловды. Выбрали шестерых в Совет Масловской волости.

— Разрешите откланяться и пожелать вам успехов на новом поприще, — с лёгкой усмешкой сказал Браун. Вместе с ним покинули помещение Сотников и Митин.

Затем разошлись и остальные участники собрания. Остались шесть членов Совета. Стали распределять обязанности. И тут главным советчиком выступил Захаркин. Подобрали заведующих отделами продовольственным, земельным, народного образования.

Заместителем председателя вьтдвинули Збинякова.

— Интересно, как там в других волостях дела идут, — улыбнулся он.

— Везде будет власть Советов, — сказал Захаркин. — Всему народу она нужна. Иначе богатеи приберут к рукам нашу революцию.

Советы — власть народная, — продолжал Захаркин. — И начинается она с низов. К примеру, надо землю помещичью поделить среди крестьян. Кто возьмётся? Конечно, земство не решится, там — помещики. А вот как во всех волостях Советы возьмут верх, да в уезде перевыборы пройдут, тогда земельный вопрос обязательно решится в пользу народа.

Наутро в округе только и разговору было о выборах волостного Совета.

В Орле после приземистых масловских хат белое здание городской думы показалось ему громадным, величественным. Прошёл мимо высоких колонн, толкнул тяжёлую дверь.

За столом сидел человек с тонкими усиками, большими глазами.

Он поднял голову от бумаг и, прищурясь, окинул взглядом невысокую фигуру солдата.

— Кто Вы и что Вам угодно?

— Вот мой документ.

Прочёл.

— Я вас слушаю.

— Нам нужны помещения. Здание бывшего кадетского корпуса вполне подойдёт.

Голова потемнел. Решительность солдата вывела его из равновесия.
— Свободных помещений у нас нет, — сердито отчеканил голова.
— Не дадите — не надо. Сами возьмём, — бросил Захаркин.
Гулко ухнула дверь кабинета городского головы. Солдат вышел на улицу. «Так, теперь мне одна дорога — в ревком», — мысленно решил он и зашагал вверх по Болховской.
— Отказали? — улыбаясь, спросил Буров.
— Наотрез.
А ты ожидал, что голова выложит на стол свои ключи? Без борьбы нам не обойтись. Захаркин рассказал о переменах в Масловской волости. Бурова и членов ревкома это обрадовало.
— Вот это замечательно! — просиял Михаил Никитович. — Вас бы теперь в другие волости послать надо. Там тоже жизнь закипает.
— Согласен.
После этого разговора стали ещё беспокойнее дни Ферапонта Захаркина. Представителем большевистской партии разъезжал он по сёлам, выступал на сходках. Крестьянам по душе пришёлся остроумный и весёлый оратор, умеющий выступать без бумажки, душевно и находчиво. Волостные земства рассыпались.
И вот, наконец, в феврале 1918 года был созван первый уездный Совет. Съезд проходил три дня. На третий день были выборы. Кандидаты шли от двух партий: от большевиков и левых эсеров. Выступавшие первое время в блоке с большевиками левые эсеры имели значительный вес. В уездный исполком их вошло двенадцать. А представителей большевистской партии только трое: Захаркин, Пыршенков и Чесноков. Председателем исполкома сначала был избран Ковалёв, левый эсер, офицер старой армии. Заместителем Захаркин. Вскоре Ковалёва выдвинули в губисполком. Председателем в Орловском уезде при эсеровском большинстве остался Захаркин. Ему-то и пришлось принимать дела от бывшего земства. Но легко сказать — принимать. Хлопот было немало. С выпиской съезда явился Захаркин выездное правление земства и потребовал немедленно сдать дела.
— А кому мы должны сдавать дела? — нахохлился Марьин, член земского правления. — Уж не вам ли?
— Советской власти, — спокойно пояснил Захаркин. — Вот документ. Я — представитель уездного Совета депутатов.
— Мы не признаём ваш Совет! — выкрикнул Марьин.
Захаркин вышел в другую комнату. Позвонил Бурову:
— Михаил Никитич, нужна помощь. Добром власть не сдают.
— Ясно, — послышался голос председателя губернского ревкома. — Немедленно посылаю взвод.
Захаркин стал ждать во дворе. Земцы, выглядывая из окон, наблюдали за человеком в солдатской шинели. Вскоре в ворота строем вошли люди с винтовками.
— Товарищ Захаркин. — сказал командир, — взвод в вашем распоряжении.
— Занимайте помещение, ставьте часовых каждой комнаты, пятеро — со мной, — быстро распорядился Ферапонт.
Земцы перепугались.
Как только часовые были сняты, перепуганные служащие земства высьшали в коридор. В кабинет, где Захаркин принимал дела, вошли лавный бухгалтер Мельникова и член правления по народному образованию Коняхин.
Коняхин из одного села с Ферапонтом Захаркиным. Пользуясь этим, он упрекнул его:
— Что же ты делаешь? Сам масловский мужик, рабочий-шахтёр, и такого же мужика, народного учителя, штыками выгоняешь.
— Брось, никто тебя не выгоняет, — возразил Захаркин. — Если признаешь Советскую власть, будешь работать с нами. Штыков тебе бояться нечего, они наши.
— А мы так перепугались, — облегчённо заговорила Мельникова. — Знаете, с

некоторыми даже обморок был.

— Зря падали в обморок. А теперь скажите, сколько у вас денег в кассе и на текущем счету.

— Порадовать нечем. Всего-навсего четыре копейки.

— Не может быть!

— Может. Члены правления выписали себе жалование за четыре месяца вперёд, а нам, служащим, за два. Такое было распоряжение губернского земства. Мы останемся и свои деньги отработаем. Вам же нужно позаботиться о средствах на хозяйственные нужды.

— Позаботимся. Обложим буржуазию военно-революционным налогом.

На другой день заседал уездный исполком.

— Положение, товарищи, невесёлое, — докладывал Захаркин. — Земцы, видимо, рассчитывали, что мы не справимся с разрухой и вызовем недовольство в народе. Предложение — обложить буржуазию налогом — было принято. Оставалось только получить разрешение в ревкоме.

— И ещё: надо создать красногвардейскую роту при уездном военном комиссариате, предложил Захаркин.

— А где взять оружие? — задумались депутаты.

Нашли выход: отправили члена исполкома в Тулу, в Совет рабочих и солдатских депутатов, с просьбой отпустить триста винтовок, два пулемёта и необходимое количество патронов. Тульские рабочие горячо отозвались на письмо Орловского уисполкома. Просьба была выполнена, и военный комиссариат приступил к формированию роты.

Ревком разрешил обложить буржуазию налогом в пять миллионов рублей.

Ферапонт Захаркин жил в Орле, в одном общежитии с работниками исполкома. В Маслово навелывался редко. С нетерпением ждала его приезда Анна, тревожилась. В губисполком вызвали Ферапонта Захаркина:

— Тревога! На станции Змиёвка в Орловском уезде поднято восстание. Толпа с оружием движется на Орёл. Бери отряд и выезжай навстречу.

— Этого не может быть, — возразил Захаркин. — Совсем недавно население уезда проголосовало за новую власть, а теперь идёт с оружием на Орёл? Против кого?

— Не знаем, в наше время всего можно ожидать.

— Поеду один, — неожиданно решил Захаркин. — Если возьмут в плен заложником, выручайте. Но я думаю, что это провокация.

Ночью паровоз доставил Захаркина в Змиёвку. Станция была полна вооружённых людей. Ферапонт незаметно смещался с толпой, стал прислушиваться к разговорам. Сначала никто не обратил внимания на человека в шинели, с нагавом на ремне. Но вот один солдат внимательно всмотрелся и удивлённо воскликнул:

— А я где-то вас видел? На первом уездном съезде вы часом не выступали?

— Выступал и в президиуме сидел.

— Вы — Захаркин?!

— Так точно.

— Живы?! — радостно вскричал солдат.

— Как видите.

— И советская власть жива?

— А почему ей не жить?

От души поблагодарил Ферапонт бывших фронтовиков за то, что встали за власть Советов, и тут же предложил:

— Помогите волостным исполкомам собрать хлебные излишки у зажиточных крестьян. Не забывайте, что враг в любую минуту нас может перехитрить. Медлить нельзя. Хлеб сейчас нужен стране.

Люди согласились разойтись по деревням. А Ферапонт Захаркин пошёл на почту и позвонил по телефону в губисполком.

Встреча в Змиёвке оставила в душе Захаркина светлый след.

В конце февраля в орловских «Известиях» была опубликована резолюция собрания крестьян села Сретенье Лавровской волости. Заслушав доклад тов. Сретенцова относительно слухов, крестьяне постановили: считать их ложью, принять строгие меры к провокаторам, стоять дружно за пролетарское дело.

Слухи слухами, а наступление германских войск было фактом. 1 марта уездный Совет принял обращение к трудящимся: «Встаньте, все униженные и оскорблённые, встаньте, все измученные и изнурённые, встаньте на борьбу с ненавистными врагами, которые опять хотят вас заковать в рабские цепи на долгие века, которые опять хотят утопить в братской крови вашу юную Социалистическую республику...»

Совет призывал создавать партизанские отряды для борьбы с интервентами.

Разъезжая по деревням, Ферапонт Захаркин внимательно присматривался к работе волостных Советов.

Пришёлся по душе председателю укома и исполкома молодой лавровский крестьянин Дмитрий Гольцов, устанавливавший вместе со своим старшим товарищем Яковом Павловичем Шекшуевым советскую власть в родной волости. Не раз бывал в Лаврове Ферапонт Захаркин. Даже на свадьбе у Дмитрия пировал. Правда, веселье было недолгим, поскольку обстановка в Орле складывалась тревожная.

В городе стоял броневой дивизион. Командир дивизиона Сухоносков, приходя в губисполком, уверял, что стоит на страже советской власти.

Но теперь выяснилось, что сам Сухоносков не собирается подчиняться губисполкому. По улицам стали расклеивать приказы, в которых Сухоносков именовал себя «верховным комиссаром по охране города Орла». А под сенью этого приказа отряд его занимался грабежами.

Естественно, губисполком решил заменить Сухоноскова на посту начальника гарнизона. В то же время все понимали, что вооружённого столкновения не миновать. Но где взять силы?

В это время вернулся на старые квартиры 142-й пехотный Звенигородский полк.

Сухоносков приказал ему сдать оружие и разойтись по домам. Но звенигородцы, получив распоряжение губисполкома не сдавать оружие, стали на службу советской власти.

Обстановка накалилась.

В ночь с 14 на 15 марта Ферапонт Захаркин был вызван на экстренное заседание губисполкома. Сухоносков явился с пьяными телохранителями, а у ворот поставил броневик.

— Меня обвиняют в контрреволюции? — крикнул Сухоносков. — Это ложь! — и выхватил маузер.

Члены губисполкома схватились за оружие. Сухоносков пошумел и притих.

— На повестке дня вопрос кардинальной важности выборы нового начальника гарнизона, — заявил Аронов. Президиум выдвигает кандидатуру товарища Рямо. Он один из лучших членов партии большевиков.

Рямо поблагодарил за доверие, сказал, что положит конец произволу.

Сухоносков вышел из зала.

На другой день Сухоносков тщетно пытался разоружить звенигородцев. Полковой комитет не подчинился ему. К вечеру губисполком вызвал вооружённые отряды. Среди них был отряд рабочих. Начальник гарнизона Рямо поехал к звенигородцам, застал там Загарина, заместителя Сухоноскова, и арестовал его. Конная разведка полка, встретив разведку Сухоноскова, завязала перестрелку. К казармам прибыли два сухоносковских броневика. Звенигородцам предъявили ультиматум: сложить оружие, выпустить Загарина — иначе казармы будут обстреляны. Полк отказался подчиниться этому требованию. Броневики открыли пулемётный огонь. Звенигородцы рассыпались цепью, стали отстреливаться. Сухоносков приказал из пушек бить по казармам. Звенигородцы продолжали сражаться. Отряды, вызванные губисполкомом, двинулись по Введенской улице, по Дворянскому

переулку, по Болховской. Шёл в наступление и Звенигородский полк. Штабу Сухоносова, расположившемуся в здании бывшего епархиального училища близ моста через Орлик, передали ультиматум. И снова началась стрельба. По штабу ударили пушки. Снаряды заставили выкинуть белый флаг.

А Сухоносов митинговал на вокзале. На легковом автомобиле прибыли за ним члены губисполкома Аронов и Виксин. Следом примчались два грузовика с бойцами, броневик и 50 кавалеристов. Сухоносову было предложено сесть в автомобиль и ехать в губисполком. Он радостно согласился. Дхмал, что везут для переговоров...

В дни борьбы с сухоносовщиной Ферапонту Захаркину вместе с работниками исполкома довелось быть в рядах тех, кто защищал власть Советов.

Вскоре Захаркина вызвали в губисполком, объяснили:

— Немцы подошли к Севску. Исполком эвакуировался, и город оказался во власти бандитов. Вы, товарищ Захаркин, должны немедленно туда выехать, и вместе с вами — член губвсполкома Абрамов. В ваше распоряжение поступит Коробченко с отрядом. Вот вам мандаты верховных комиссаров по Орловской губернии. Восстановите в Севске порядок.

Из губисполкома Захаркин в Абрамов отправились прямо на вокзал. Начальник отряда Коробченко встретил верховных комиссаров и отрапортовал:

— В отряде 25 бойцов и 25 человек музыкантской команды.

— А музыка зачем? — поинтересовался Абрамов. — Разве мы на бал едем?

— Ну как же, товарищ комиссар. — Не моргнув, нашёлся Коробченко. — С музыкой и умирать и побеждать легче.

Вскоре к отправке всё было готово. Комиссары сели в один вагон с бойцами. Поезд тронулся. Музыканты заиграли марш.

— А ведь и, правда, веселей, — усмехнулся Абрамов.

За окном пробежали поля, одетые в нежную сверкающую зелень. Над пашней кружились грачв.

А музыка гремела и гремела, пока не доехали до станции Комаричи. Коробчевко, пока отряд выгружался, узнал, что творилось в Севске.

— Итак, товарищи комиссары, нам везёт, — бодро докладывал он. — Немцы в 30 километрах от города, попали в бывшее имение. В имении спиртзаводы, немцы запили. А в Севске хозяйничают бандиты. Люди двое суток сидят под семью замками. Войдём туда с музыкой и устроим облаву.

— Правильно! — одобрил Захаркин.

Отряд построился и двинулся вперёд. На рассвете вошли в город. На улицах ни души. Тишина была зловещей и подействовала на всех угнетающе.

— Музыка, играй! — крикнул Коробченко и уже совсем тихо добавил: — А то страшно что-то.

Грянул оркестр. Могучие мелодии полились, ломая расснетную тишину.

Но улицы по-прежнему были пусты. Люди боялись выходить. Думали, что это немцы.

Зато бандиты, увешанные оружием, расхрабрились. Коробченко выделил 50 человек для облавы. Пятнадцать бандитов были схвачены, трое погибли в схватке.

Отряд зашагал по городу с музыкой, с развёрнутым знаменем. Бойцы пели «Интернационал».

Первыми вышли из домов дети. Они быстро разнесли, слух, что бандиты арестованы и Красная армия наводит в городе порядок. Тогда навстречу вышли и жители. А на другой день в Севск вернулся уисполком...

А в Орловском уисполкоме шло заседание, когда дверь открылась, и вошёл Ферапонт Захаркин. Все вдруг встали, с минуту озадаченно молчали, будто удивлённые чем-то, потом начали шумно аплодировать.

— Что случилось? — спросил с недоумением Ферапонт.

— А мы тебя тут уже оплакивали, пояснил Пыршенков. дошли слухи, что ваш отряд

разбит, тебя и Абрамова немцы расстреляли, а сами продолжают наступление.
— Ничего себе «слухи»! — возмутился Захаркин. — Разрешите, я расскажу, как было дело.

Он говорил, а в ушах всё звучала и звучала музыка. Трубы оркестра, казалось, выговаривали гордые и смелые слова:

Мы наш, мы новый мир построим,
Кто был ничем, тот станет всем...

Густо цвели тополя. Белый пух стелился по берегам Оки и Орлика, мягко плыл по ветру и падал на мостовую, как первый снег. Ферапонта Захаркина тянуло домой, в луга, где ночами скрипят коростели и замирают травы, осыпанные серебром росы.

Но отлучаться из города было нельзя. Стало известно, что эсеры готовят в Орле восстание. Однажды вечером вызвали Захаркина в губисполком.

— Товарищи, — объявил губвоенком Рямо. — Меншевики и эсеры готовят нам, большевикам, «Варфоломеевскую ночь». Хотят использовать солдат Орловского гарнизона. Сил у нас мало, но мы должны опередить заговорщиков.

Стемнело. В губисполкоме был выключен свет. К мосту послали бойцов на случай, если пойдут броневики. Во все стороны разослали разведчиков наблюдать за повстанцами.

В 10 вечера решили вызвать командира броневого дивизиона и его помощника. Их прямо спросили:

— За советскую власть или против?

Командир и его помощник признались, что участвовали в тайном собрании гарнизона и согласились на восстание.

— Вы должны делом искупить вину, — строго предложил губвоенком Рямо.

— Согласен, — опустил голову командир.

В 12 ночи Рямо и командир дивизиона с группой шофёров пошли за броневиками.

Броневики были доставлены к губисполкому.

На рассвете вооружённый отряд, пополненный работниками губкома, двинулся к казармам артиллерийского дивизиона. Там, во дворе стояли орудия. Разведчики установили: артиллеристы спят на первом этаже с открытыми окнами.

Десятеро через окна ворвались в помещение и закричали, потрясая гранатами:

«Сдавайтесь!»

Поднялась паника. Артиллеристы, протирая сонные глаза, поднимали руки. Они охотно рассказали, кто их поцстрекал. Арестовав руководителей, бойцы на броневике прикатили к дому командира кавалерийского эскадрона. Его обезоружили и вывели на улицу. В это время жена командира успела позвонить в кавалерийские казармы. Эскадрон прискакал, но броневик отогнал его пулемётным огнём. Восстание сорвалось.

Захаркин, шатаясь от усталости, вошёл в общежитие и пластом рухнул на койку.

Но сон был недолог. Пришёл Степан Чесноков.

— Ферапонт Давыдович, — в голосе Степана была тревога. — Надо быть на страже. В уезде неспокойно.

— Знаю, — вздохнул Захаркин. — Твой отряд на месте?

— Мы держим оружие наготове.

— Помни, в любую минуту придётся его пустить в ход. Враги поднимают головы.

Советскую власть хотят к рукам прибрать...

В июле председатель уисполкома стал замечать, что в отношениях с эсерами возник холодок. Жили на Васильевской, в одном общежитии, вместе работали. Но вот начали они всё чаще уединяться, совещаться.

— Товарищ Захаркин, нам надо поговорить наедине, — вдруг предложил секретарь исполкома Алексей дмитриевич Емельянов. Председатель и секретарь закрылись в

кабинете.

— Ничего не замечаешь за левыми эсерами? — тихо спросил Емельянов.

— Да, вроде есть какая-то перемена. Но в чём дело?

— А в том, что в Орёл приехал Комков, член Центрального комитета. Замышляется заговор. Будь осторожен. Могут убить или взять в заложники.

— Спасибо, поднялся из-за стола Захаркин. — Картина ясная.

И Захаркин вызвал Степана Чеснокова. В ту же ночь свои люди были посланы в волости.

Был дан приказ: если появятся эсеровские ораторы в сёлах, арестовывать их.

Эсеры вскоре догадалась, что их план известен. Потребовали созвать собрание уисполкома.

— Чем это вызвано? — поинтересовался Захаркин.

— Будем переизбирать председателя, — объявил Филатов. — Мы тебе не доверяем. Нас большинство.

— Проведём собрание, — спокойно заявил Захаркин. Но в уисполкоме мы — две равноправные партии. Без согласия большевиков перевыборов не будет.

Перед собранием Захаркин вызвал Чеснокова:

— Стёпа, левые эсеры рвутся к власти. Переубедить их невозможно. Видимо, чувствуют за плечами силу. Поставь надёжных бойцов возле здания и наблюдай. Увидишь, что мне туго — бери заговорщиков по одному.

Ровно в 10 часов вечера Захаркин вошёл в здание и сел за стол. И вдруг увидел, что окружён. В зале появились незнакомые люди. Захаркин медлил с открытием собрания. Ждал вестей от Чеснокова. Он явился и подал записку «Всё готово».

— Собрание считаю открытым, — объявил председатель. — Кто имеет слово?

— Дайте мне! — вскочил Бухвостов, сын владельца пекарни. — Я буду говорить от фракции левых эсеров и как член уисполкома.

— Говорите хоть от имени Центрального комитета, — усмехнулся Захаркин. — Намерения ваши известны.

— На повестке дня у нас переизбрание председателя, — выкрикнул Бухвостов.

— У кого это у вас? У левых эсеров? Так и обсуждайте этот вопрос у себя на фракции. Я без санкции губисполкома и без согласия большевистской фракции обсуждение этого вопроса не могу допустить.

— Как? — зашумели эсеры. — Нас большинство!

— Не кричите! Вы выступаете против советской власти. Прошу разойтись. Собрание считаю закрытым. И Захаркин вышел из-за стола. Его окружили, стали грозить револьверами. Но тут раздался голос Чеснокова:

— Спокойно!

В зал вошли бойцы.

— Действуй, как условились, — приказал Захаркин командиру отряда в ушёл на квартиру к Емельянову.

Наутро Чесноков доложил:

— Всё в порядке! Заговорщики арестованы. Сознались, что хотели вас убрать. Теперь просят прощения, ссылаются на партийный долг. В губисполкоме действия Захаркина и Чеснокова были одобрены. А через неделю председатель уисполкома получил из тюрьмы коллективное письмо: «Как же так? Мы жили одной коммуной. А ты нас посадил в тюрьму».

В губисполкоме Борис Михайлович Волин, редактор орловских «Известий», посоветовал написать левым эсерам, чтобы они в печати разоблачили свой Центр и его контрреволюционные замыслы. Разоблачительное письмо было получено. Левые эсеры вышли на свободу.

В августе тревожные вести пришли из Ливен. Вызванный в губисполком, Ферапонт Захаркин получил приказание усилить бдительность в Орловском уезде, держать вооружённые силы наготове.

— Дела из рук вон, объяснил Михаил Буров. — Левые эсеры подняли Кулаков на восстание. Едем в Ливны.

Буров был, как всегда, подтянут и быстр, на боку — шашка. Мирон Переяславский — плотный, в очках, рядом с ним казался человеком чересчур штатским. Оба они представители губкома партии и губисполкома, отправлялись с интернациональным отрядом в самое пекло.

С нетерпением ждал Орёл вестей. И вот в губисполком позвонил М. Буров:

— Прошу помощи. На город идут мятежники, около десяти тысяч, У них пулемёты, есть и телефонная связь.

Президиум губисполкома решил послать в Ливны Железный полк.

Этот полк, не доезжая до Ливен, высадился из вагонов и натолкнулся в темноте на толпу: оказалось, повстанцы вели расстреливать взятых в плен бойцов интернационального отряда. Повстанцы были окружены и разоружены.

Вскоре выяснилось, что Буров дал телеграмму в Москву, и В.И. Ленин приказал все силы объединить для подавления мятежа.

Артиллерия Железного полка открыла огонь по Ливнам. Левые эсеры и кулаки, только взявшие город и учинившие там зверскую расправу над большевиками, перепугались.

А когда в атаку пошли цепи красных бойцов, их боевой пыл исчез. Ливны были освобождены.

А в Орёл привезли тела геройски погибших бойцов интернационального отряда и других подразделений. Хоронили их с речами, с музыкой. Сняв фуражку, стоял в толпе Захаркин и чувствовал, как слёзы набегают на глаза, больно сжимается сердце.

— Товарищи, мы никогда не забудем наших боевых друзей. Никогда не простим этих жертв врагам революции, — раздавался голос Михаила Букова.

Ветер ворошил его волосы, срывая с высоких тополей первые жёлтые листья...

...Лето 1919 года было тревожным. Московские «Известия» напечатали письмо Центрального комитета большевистской партии «Все на борьбу с Деникиным».

Август принёс чёрную весть о рейде генерала Мамонтова. Кровавый след оставлял он на своём пути. О чудовищных расправах Ферапонт Захаркин узнавал из газет, из рассказов очевидцев. В город ворвались страшные слухи. После падения Ельца они усилились.

— Перестраиваемся на военный лад, — объявил председатель губисполкома. — Отныне исполкомы становятся ревкомы, и в период оккупации они должны находиться на окраине своей территории. Держать связь со штабами и выполнять все распоряжения командования.

Ферапонт Захаркин потерял счёт дням и ночам. Теперь он, председатель Орловского уездного ревкома, занимался и мобилизацией коммунистов, и сбором продовольствия для армий, и борьбой с эсеро-меньшевистской агитацией, разлагающей массы. Хватало дел и его заместителю Алексею Новикову, членам ревкома Пыршенкову и Кондакову. Со всего уезда потоком шли добровольцы. Ревком одних отправлял в тыл для обучения, других — на фронт.

А фронт в октябре совсем придвинулся к Орлу. Ферапонт Захаркин отправил свою семью вместе с Оптушанской коммуной в Самару. Прощаясь, наказывал Анне беречь себя, беречь детей. Особенно волновался за маленького сына. Как-то малыш вынесет дальнюю дорогу?

Ох, беда-то какая! — повторяла Анна. — Смотри тут за собой. Не попадись в руки белых. — Не волнуйся за меня, успокаивал её муж. А сам с тревогой думал: «Доведётся ли ещё встретиться? Может, вижу в последний раз...»

Уходил поезд. Анна, провожая глазами медленно уплывающий город, с тревогой думала о муже, перебирала в памяти прожитые годы с того самого дня, когда в родном селе сыграли свадьбу. Был он серьезней, интересней других парней, да и на гармошке лихо играл. Запал в душу. Когда посватал, с радостью согласилась. Правда, поп как водой окатил: «Рано! Невеста молода». Год пришлось переждать. И ещё вспомнилось, как в

донбассе жили, как жандармы с обыском приходили, как на квартире тайные сходки проводили. Всё пережили. И вот — разлука! Надолго ли?..

...В Орле с приближением деникива стало ещё тревожней. Губревком выехал в Болхов. Телеграммы воинских частей сыпались на стол Ферапонта Захаркина. Из армий поступали неутешительные сводки и трудновыполнимые требования. Ревком метался в поисках подвод и продуктов, занимался эвакуацией госпиталей и семей коммунистов. Работали днём и ночью.

К Орлу подошли белые. Геройски дрался, защищая город. Коммунистический полк М.Г. Медведева, но силы были неравные. Попав в руки белых, погиб командир полка: на берег Орлика расстреляли его.

Захаркин со своими товарищами до последнего часа был в Орле. Уже белые вступили на окраину, когда ревкомовцы Орловского уезда покинули город.

Прискакали в Паньково, затем в Талызино, разместились в бывшем волостном правлении, на двери повесили объявление: «Здесь помещается Орловский уездный военно-революционный комитет».

Однажды в эту дверь постучали двое в форме красных командиров. Представились председателю ревкома: один — командир Эстонской дивизии Пальведе, второй — комиссар.

Сели за стол, раскрыли карту.

— Вот видите, — сказал командир, — сегодня мы должны взять Нарышкино.

— Взять? — удивился Ферапонт Захаркин. — Да ведь там белых нет. Я почти каждый день бываю. Хотите, в разведку

Сели на коней. Прискакали в Нарышкино, на ветеринарный пункт, работницы которого встретили гостей радушно и объяснили, что белые сюда не заглядывают.

— Бежать собираются из Орла, — улыбаясь, сказала ветврач Надежда Матвеевна. То в колокола звонили, а теперь совсем приуныли. Тесно им стало в Орле.

— Можете собирать свой ревком в путь, — посоветовал командир дивизии Ферапонту Захаркину.

Тот объявил новость товарищам. Все стали собираться, чзобы вслед за Эстонской дивизией войти в Орёл.

Погрузили имущество на подводы и выехали в Нарышкино. А утром 20 октября Красная армия освободила Орёл.

Белые, покинув Орёл, продолжали отчаянно сопротивляться. Председатель Орловского уездного ревкома получал вести о жарких боях. Приходили крестьяне. Из их слов узнавали о массовом дезертирстве из армии Деникина, о том, что население не поддерживает белых.

Ревком был реорганизован в уисполком и продолжал работать. Восстанавливались волостные Советы, партийные и комсомольские организации.

Неутомимо, забывая о сне и отдыхе, трудились члены уездного правительства Иван Пыршенков, Степан Чесноков, Сергей Сучков, Иван Кондаков, Илья Лукашин, Михаил Исайчиков, дмитрий Гольцов, Афанасий Мельников.

Приехала из Самары семья Захаркина. До конца дней не забыть Ферапонту Давыдовичу той встречи. Из вагона вышла жена с бледн, измученным лицом. Увидела мужа, вскрикнула, обливаясь слезами:

— Нет больше нашего сыночка. Не уберегла...

Потемнело в глазах Ферапонта Захаркина.

— Не может быть, растерянно произнёс он. — Не может быть!

А сердце бешено колотилось, и страшная боль разламывала виски. Анна рассказала: мальчик заболел в дороге, в душном вагоне, и умер. Похоронили его далеко от родных мест.

В конце 1920 года Захаркина вызвали в Центральный комитет партии.

— Товарищ Захаркин! Мы понимаем, что вы многое пережили, немало поработали.

Отдохнуть бы надо. Но видите, какое дело: в Сибирь, в Черемхово надо ехать. Там на угольных шахтах анархисты орудуют. Вы бывший шахтёр, возможно, сумеете там разобраться.

— Хорошо.

И он поехал в Черемхово. Собрал рабочих и представился:

— Захаркин. Послан к вам Центральным Комитетом партии большевиков.

Толпа молчала.

— Не верите? Вот мой документ.

Повёл речь о том, что надо больше давать угля стране.

— А ты сам-то знаешь, как уголёк достаётся? — спросили его из толпы. Речи все говорить умеют.

— Я шахтёр.

— Это ещё проверить надо.

Осмотрели руки и предложили показать своё умение. Посланец ЦК пошёл в шахту и стал работать со всеми наравне. Показал донбасскую сноровку.

— Убедил, — радостно шумели шахтёры. — Нашего сословия человек.

Шахта стала давать уголь стране.

— Никаких там нет анархистов, доложил Иркутскому губкому Захаркин. — Просто с ребятами надо было потолковать по душам.

В 1923 году вернулся в Орёл. Стал заведовать отделом народного образования и пропаганды в Болховском уездном комитете партии.

В комнате Ферапонта Давыдовича стоит потемневший от времени стул.

— Дорогая моему сердцу вещь, — говорит старый большевик. Память о той поре, когда я был директором трудовой школы-коммуны на Орловщине.

И, улыбаясь, вспоминает ребят, бывших своих воспитанников.

— Дружно мы жили тогда. А как в мастерских работали! Из беспризорников получались отличные мастера. Иногда заказы на мебель нам из Москвы присылали.

Материалы о работе директора школы-коммуны Ф.Д. Захаркина бережно хранит Орловский краеведческий музей.

Потом — снова Москва. На этот раз — навсегда.

ГЕРОИЧЕСКИЕ ДАЛИ

С чего начинается Родина?

Моя — с Большой Фоминки, с бревенчатой хаты под соломенной крышей с каменного амбара, старого сада и травы-куманики в прибрежных кустах над Окой.

За рекой гора Кавказка,
А внизу, где плеск воды,
Куманикасинеглазка
Бережёт свои плоды.
Берег детства, помани-ка!
Сказка старая жива.
Голубика-куманика
Тихо вяжет кружева.
Подойду, раздвину ветки:
До чего же хороша!
Чуть не выскочит из клетки
Беспокойная душа.
Вьётся, словно повилика
Источает аромат
Куманика-голубика
Наш орловский виноград.
Я сказал бы ей словечко.
Но от шума вдалеке
Водяной сидит у речки
С тонкой удочкой в руке.
Тишины он друг великий
Ненавидит всякий шум,
Не чукой для куманики,
А надёжный сват и кум.

Случилось это в 1950 году. Первый раз я зашёл в редакцию районной газеты «Путь Ильича», получил 30 рублей за два стихотворения «Моя Родина» и «Первомай», напечатанные в газете, сел впервые в жизни на поезд и покатил по рельсам. Когда же вышел из вагона, то увидел впервые Становой Колодезь, где под каждым окном росли, а в ту пору густо цвели вишни, сливы и другие деревца, хорошо мне знакомые по родной Фоминке.

В Станово-Колодезьской школе сдавали экзамены на аттестат зрелости мы, десятиклассники Лавровской школы, вместе с хозяевами. Из года в год для таких экзаменов нас объединяли. Места менялись по очереди. Нам выпал Становой Колодезь. Прошли многие годы, а в памяти нет-нет, да и всплывёт соловьиный май, в душистых вечерних сумерках сходились мы и разговаривали, а более всего мечтали о своём будущем.

Ночевали то в самом старинном селе, то где-либо посредине дороги, то в Кубани Леонида Чопорова да Анатолия Трубина, то на Куликах у Николая Ветрова, откуда рукой подать до Нижних Хуторов, где жили Нина Полохина и Александра Логвинова, обе потом учительствовали всю жизнь.

Так и тянет назвать всех нас, тогда путешествовавших по родному краю и страстно

мечтавших о прекрасном будущем. Валентина Ашихмина, Лидия Ермакова, Алексей Гольцов...

Лучше всех сдал экзамены местный выпускник Владимир Ветров. На серебряную медаль! Всегда весёлый, хотя судьба, точнее, война и нанесла ему тяжкий удар в руку... Ныне он — один из уважаемых профессоров Орловского государственного университета. Пишет о нём, почтенном и всё ещё молодом учёном «Орловская правда». И обязательно называет имена достойных учеников.

Немало хороших людей вырастил и поставил на службу Отечеству Становой Колодезь со всеми деревнями окрест.

Школа, где мы сдавали экзамены, как я потом узнал, раньше была дерковью.

В 1849 году Становой Колодезь называли хутором. Тогда-то и привезли сюда деревянную церковь, приобретённую в селе Дурневка у помещика Карпова. В ту пору храм имел престол во имя Св. Апостола и Евангелиста Иоанна Богослова. Вережение на новое место состоялось стараниями купца Тихона Лаврентьевича Тинякова и крестьян-строителей Василия Веретенникова и Александра Неверова. В 1863 году храм расширил Максим Александрович Тиняков. В 1864 году оштукатурили и установили новый иконостас. На следующий год расписали изнутри. Купец М.А. Тиняков был награждён золотой медалью на александровской ленте. Стали вести при храме церковную летопись (1870), иконостас покрыли золотом (1877), поновили живопись и вызолотили купола. Новый каменный храм построили (1892), затем установили иконостас и каменную сторожку (1891), а 21 декабря 1895 освятили престол во имя Покрова Пресвятой Богородицы. До нас церковь дошла в сильно перестроенном виде. В 1861 году земскую школу открыл священник Евсеевич Трофимович Косминский...

...Работая в «Орловском комсомольце», я получил из районной редакции тетрадь стихов Василия Агошкова, ученика Станово-Колодезьской школы. Ответил ему большим письмом: «Дорогой Василий Агошков! В народе о хороших стихах говорят: “Складно написано. За сердце берёт”. Пушкин, чтобы достичь этой складности, или музыкальности стихов, с детских лет и до последнего часа изучал родную поэзию. Будучи уже прославленным поэтом России, он шёл на ярмарку слушать слепых певцов. Народные песни и сказания для него оставались вершиной. Учился поэт у народа мудрости, зоркости и звучности... Пушкин писал о том, что его сильно волновало, что он глубоко переживал. Он в первую очередь был гражданином, честнейшим и храбрейшим человеком, влюблённым в свою Родину, в свой народ, а потом уже поэтом... Ты в школе изучал Пушкина. Но этого мало. Снова читай и перечитывай».

Назвал и такие шедевры, как «Письмо к матери» и «Анну Снегвну» Сергея Есенина. Не забыл о Маяковском.

Назвал М. Исаковского, А. Твардовского. А. Суркова.

В молодёжной газете я в ту пору с увлечением занимался «Комсомольским Ёжиком», «Орлёнком» и другими страницами. Росло влечение краеведением.

И вдруг — приглашение в «Орловскую правду». Там принял к сердцу моё увлечение незабвенный Иван Михайлович Патенков, редактор газеты, писатель, выросший под могучим воздействием своего земляка Ивана Вольнова.

Помню, я ночь не спал, придумывал страницу «Родимый край». Наутро поспешил к редактору.

— Будем выпускать! — твёрдо сказал Иван Михайлович.

Страницы пользовались большим успехом. Некоторые преподаватели истории её вырезали, использовали на уроках.

К великому нашему огорчению вскоре И.М. Патенкова не стало. «Родимый край» был похоронен под давлением свыше. В «Правде» некий Синельников подверг критике стихотворение Евгения Зиборова из «Родимого края». Это и погубило краеведческую страницу. Однако в Болхове подхватил тему родной старивы дорогой моему сердцу Александр Егорович Венедиктов. Не раз я советовал ему, большому патриоту родного

края, знатоку минувшего, написать книгу. Радовался, когда вышли «Болховские куранты», а затем «России сердце не забудет». Тяжело переживал преждевременную кончину друга-краеоведа.

В одной командировке в Малоархангельск встретил Василия Ивановича Агошкова. Из школьника-стихотворца вырос талантливый журналист и страстный краевед. Помнится, показал ему свой перевод-пересказ «Слова о полку Игореве», признался, что предлагал в одну из газет отрывок, но мне отказали. У Василия Ивановича загорелись глаза:

— Нам дайте рукопись!

— Может, отрывок?

— Какой отрывок?! Мы полностью напечатаем.

И смело заполнил несколько номеров газеты русской стариной.

Скажу прямо: от всего богатейшего творческого пути Василия Агошкова веет бесстрашием. Это он выпустил одну за другой книги-очерки «Тросна», «Кромы», «Кромское поочье», «Малоархангельские истоки» и множество других изданий, в том числе сборников стихов.

«Я благодарю судьбу, — пишет Александр Бельский, поэт и автор интересных словарей о родной Орловшине, — за встречу с интереснейшим человеком В.И. Агошковым ...»

Василий Иванович родился в деревне Редькино в 1946 году. Пережил трудное детство. Окончив начальную школу, ходил за четыре километра в Становой Колодезь. Отец научил сына играть на гармошке. Стал сочинять частушки, там к стихам потянуло. Вырастил сына и тот стал поэтом,

Стало обычным делом встречать в печати творения Агошкова, неутомимого труженика пера.

Нынешний рабочий посёлок Знаменка до войны был Кукуевкой, входил в состав колхоза «Идея Ленина». Не помню, кто рассказал мне о происхождении этого селения по воле графа М.Ф. Каменского, основателя знаменитой Сабуровской крепости по соседству, в берегах реки Цон.

Я написал стихотворение:

В старину порядки строги,
Вывел граф мужичью рать,
Поселил их у дороги:
«Тут извольте куковать!»
До сих пор они кукуют,
Развесёлые дела.
Скоро город нарисуют
И дотянут до Орла.

Если из Знаменки направиться по Кромской дороге на юг, то справа, на выходе можно увидеть дом Юрова, богатого человека: был раскулачен в тридцатые годы. В иные годы в его доме находился Сабуровский сельсовет, теперь переведённый в Салтыки.

Далее, напротив, бежит дорога в Сабуровский лес, ещё далее — в усадьбу графов Каменских.

Влево Фоминский посёлок, а там, на Оке, сама Большая Фоминка. Вправо от неё, за Окой — Альшань со школой из красного кирпича, с церковью, возведённой «иждивением графвни С.П. Бобринской».

Отсюда — прямо на восход, на возвышении Лаврово, село старинное, однодворческое.

Не то, что мы, барские...

Лаврово село старинное, немало повидавшее на своём веку. В центре — памятник павшим на Гражданской войне.

Старожил Н. Поздняков рассказывает:

— Могила довоенная.

— Почему такая широкая? — спросил я в детстве дедушку. А тот:

— Это братская могила. В ней — латышские стрелки. Они воевали вод Орлом против Деникина.

Когда я вырос, то поехал в Ригу, в музей побывал. Остались в памяти снимки под стеклом. На снимке — красные латыши. Говорят, были они с виду суровые, но ничего плохого не делали крестьянам.

Увидел на картине наши Кромы и другие места, где были сильные бои тогда, в девятнадцатом году.

Читаю о красных стрелках — и вспоминаю рассказ из своего детства. На Альшани даже одного мужика Латышом прозвали за слишком быструю речь. Так и пошли с той поры Латышевы.

Самое страшное услышал от бабушки Натальи Овчаровой из Горок под Кромами: там, на Шаховском лугу...

Стихами записал:

Войну Гражданскую я знаю не по датам.

Она в семейной памяти жила:

Солдата белого и красного солдата

До рукопашной схватки довела.

Сошлись они под переклички птичьи,

Был каждый злом, как ядом напоён,

Хоть кровь одна,

Имелось и различье:

В погонах белый,

Красный — без погон.

И двинулись они широким лугом,

Привольем русским,

Берегом Оки.

В погожий день сошлись убить друг друга,

Подняв винтовок острые штыки.

В садах стояла осень золотая,

Трава в листве, как в молодом снегу,

Тут были крики,

Брань была крутая,

И кровь лилась на Шаховском лугу.

Был штык острей у красного солдата,

Рука сильней,

Проворнее рука...

И заколол боец родного брата,

Узнал — и в душу хлынула тоска.

Бежал солдат н село осенним садом,

В избе, рыдая, бился головой.

И стала жизнь ему отныне адом

Под ветром злым эпохи штормовой.

«Гляди, хозяйке орошептал хозяин,

Видать, последние настали времена.

Вот так, по Библии,

Прикончил брата Каин».

«Молчи, старик!» — одёрнула жена...

Я помню вечер, бабушку Наталью,
Её рассказ о схватке на лугу.
Её глаза, залитые печалью,
До края дней забыть я не могу.

Новая дорога ведёт нас в Альшанские Выселки, где жил когда-то ветврач Неделин. Со всей округи люди обращались к нему: он лечил коров, овец, лошадей, даже поросят доверяли славному целителю животного мира. Сына воспитал. Михаил Неделин храбро воевал. А внук, Владимир Михайлович, стал прекрасным художником — краеведом, историком. В Москву пригласили преподавать в Академию художеств. Выпустил в Орле большой фундаментальный труд «Орёл изначальный», сразу стал знаменитым в читающем мире.

Затем попадаем в Салтыки, названные в честь одного из графов, где, предположительно, бывал классик русской литературы Н.С. Лесков, а в наши дни оказался центр Сабуровского сельсовета.

Ока, бегущая к Орлу, в этих местах бережёт музейную редкость — брод, мирно шелестящий водами своими по камням, с кустами да деревьями ракитовыми по берегам, тот самый брод, в который, как в зеркало, смотрели воины девлет-Гирея.

Заглянем в редкий документ — «План окрестностей г. Орла». В самом низу назван автор: «С 3-х вёрстной Военно-Топографической карты увеличил, дополнив рекогносцировкой 141, Можайского полка штабс-капитан Кинерин».

Самое трудное — найти Орёл. Он как-то еле виден у слияния Оки с Орликом.

Деревня Костомаровка имела дворов двенадцать, колодец один: ныне там городская улица, названная именем Андрианова Андрея Михайловича, Героя Советского Союза, до войны — тракториста в колхозе имени 8-го Марта.

Многие селения — с двойными названиями. Например: Полболотная (Мезень), Волникова (Малая Спицына), Новотроицкая (Запольская), Дмитровские Выселки (Истоминская), Лошакова (Волобуева), селцо Ново-Александровка (Никуличи), Лавровские Выселки (Фоминка), Средние (Крючковские) Хутора, Спасское (Салтыки), Борзёнки (Большая Спицына), Цветынь (Чмутово), селцо Старцево (Лепёшкино), Зяблово (Пилатовка), Новая Куликовка (Становой Колодезь), селцо Грушки (Гринёвка), селцо Некрасово (Булгаково), селцо Сабурово (Телегина)...

...За лесом хутор Полунина.

До войны в Альшанской школе директором был Михаил Иванович Полунин — погиб на войне. Видел, по словам его брата, С.А. Есенина в Орле на вокзале, поэт был проездом...
Лето на берегах Овтухи уводит к стихам:

Ракиты сплошь усеяны грачами,
Как шапки, гнёзда в сумерках ветвей.
В кустах у речки майскими ночами,
Не умолкая, свищет соловей.
Стоит в воде усталая корова,
Гоня мух ударами хвоста,
Всё лето малышней светлоголовых
Не оторвать от старого моста.
Нашёл теленок томную отраду.
Чесать в жару об изгородь бока.
С утра хозяйка ищет за оградой
Управу на заморского жука.

Книги — к старине.

Приведём выдержку из книги Александра Воробьёва, Светланы Куревиной и Валерия Шاپочки «Отсюда видно всю Россию» (Орёл, 1999), из главы «Легенды и были Черемисино».

Перед нами трое Черемисиновых: Андрей Семёнович — подполковник, защищал Отечество от Наполеона в 1812 году, Николай Васильевич — штабс-капитан, был ротным командиром ополчения во время Крымской войны. «Павел Иванович, — читаем далее, — безвыездно жил в Черемисино и держал большую псовую охоту. А, кроме того, был он страстным любителем певчих и ловчих птиц. За ними... ухаживал знаменитый Афанасий Алифанов, крепостной крестьянин». Этого Алифанова купил Тургенев за тысячу рублей. Описал его в «Записках охотника» под именем Ермолай...

Дорога Русанова

В 1930 году, находясь на чужбине, Иван Бунин написал крохотный рассказ «Муравский шлях»: «Летний вечер, ямщицкая тройка, бесконечный пустынный большак...»

Далее — слова ямщика: «Это, господин, Муравский шлях называется. Тут на нас в старину несметные татары шли. Шли, как муравьи, день и ночь, день и ночь и всё не могли пройти...»

«А давно?» — спросил писатель.

«И не запомнит никто, больше тысячи лет!»

Стариной глубокой обдало меня с первого же прочтения. Однако мысль не приходила, что речь идёт не о далёком каком-то, а может, том месте, что с детства знакомо. Издавна наш большак называли Старой дорогой, в отличие от Новой, давно шоссеиной. По Старой ходила бабушка на Кнубрь, Кромы и далее в Киев, в лавру.

Юный Ломоносов, видимо, проехал по большаку в Киев с ямщиком:

На Кнубре на заре Ломоносов
Подгонял ямщика: «Запрягай!»
Тоз поглядывал заспанно, косо,
Хмуро топал в каретный сарай.
Вожжи — в руки — и с Богом, родные!
Колокольчиков звон — благодать...
И поехал Михайло на Киев
В Лавре умные книги читать.

Когда же я узнал, что на Оке у Салтыков находился брод, которым пользовались крымские татары в своих набегах, то на старинном большаке глазам моим предстала тень разбойного хана Гирея:

Наплывает чёрный сон:
Стонут наши крутояры.
Взяли девушек в полон
Злыдни —
Крымские татары.
Хан Гирей ходил походом,
Дал хороший гон коню...

Сиротели род за родом,
Засыхали на корню...

...Приехали как-то из Москвы двое молодых людей, прилично одетых, культурных. Один - комсомольский работник из Болгарии, другой, его сопровождающий, был из ЦК ВЛКСМ. Интересуясь стариной, очень пожелали Сабуровскую крепость посмотреть. Я в ту пору работал над книгой о Каменских. Теперь же, находясь в роли экскурсовода, говорил охотно и много обо всех трёх полководцах, особенно о Николае Михайловиче. Слушали меня внимательно. Я помянул добрым словом Орловскую крепость, основанную, как известно, для защиты Москвы от татар. Досталось в рассказе и выше-названному хану.

Гость из Болгарии улыбнулся, поблагодарил за рассказ и протянул мне руку:

— Будем знакомы — потомок Девлет-Гирея...

Гостю пожал я руку на дружбу на нашем большаке.

Рядом с его суровым предком в памяти всплыл Гхдериан, немецкий генерал, танки которого 3 октября 1941 года гремели на старом большаке.

Была погода зимняя сурова,
А летом жаворонка звон стоял в ушах...
Ходили мы в Лаврово и с Лаврова,
Пересекая старенький большак.
Была из Крыма конница Гирея,
А в наши дни гремел Гудериан,
В кустах засела наша батарея,
И грянул выстрел с первой из полян.
Раскальвая небо, гром грохочет,
И вот опять ни отдыха, ни сна...
Из памяти никак уйти не хочет
Нам детство опалившая война.

Теперь же надо открыть книгу 1945 года, которую как раз в ту пору готовили в Москве: Владимир Александрович Русанов. «Статьи, лекции, письма» (Издательство Главсевморпути, Москва — Ленинград, 1945)». Подзаголовок «Литературное наследство выдающегося русского полярного исследователя начала XX века».

И тут же — портрет нашего славного земляка. В составлении принял участие А.В. Русанов, сын полярника.

Жизнь Русанова — жизнь достойного сына героического города. Имя полярника — на стене бывшей гимназии в Орле. Имя — в названии улицы. Имя на стене возрожденного заново дома Русановых, превращённого в музей...

На берегу Оки каждый овраг был изучен в юности ранней. Здесь росла и крепла главная мечта будущего исследователя Новой Земли, Шпицбергена, суровых побережий Ледовитого океана.

«Во время летних каникул, — читаем в биографическом очерке о великом человеке, — Володя нередко отправлялся к родственникам матери — в деревню близ города Кромы. Уже двенадцатилетним мальчиком он категорически отказывался от поездки туда на лошадях и преодолевал расстояние в 50 километров с лишним пешком по просёлочной дороге».

Пешком! Только пешком — через Гать, через Малую Фоминку, через Кнубрь.

Далее: «Живя в деревне, Володя целыми днями пропадал в ближайшем лесу и часто,

несмотря на запрещения и беспокойство родных, оставался совершенно один... Много лет спустя, во время экспедиций на Новую Землю, спутники Русанова восхищались его выдержкой, неутомимостью и энергией. Орловские тренировки не пропали даром».

Пригодились тренировки, когда В.А. Русанов во время ссылки в Вологодскую губернию совершил путешествие на лодке и пешком, собран богатейший материал для очерка «Зыряне». Из путешествия вернулся с интересными предложениями для улучшения жизни зырян. В советские годы в том краю был поставлен памятник Русанову.

О том, насколько было трудным путешествие, говорят строки из письма с Печоры матери в июле 1903 года: «Завтра пойду в маленькой лодочке с одним рабочим в болото и пробуду там недели две, затем один в лодочке спущусь по реке Печоре вёрст на 500».

Были многочисленные завалы. Путь приходилось расчищать баграми и топором. Через 70 вёрст вверх по течению Безволосной реки оказалась сплошь завалена стволами упавших деревьев. Пришлось оставить лодку и двинуться пешком к предполагаемому началу реки Берёзовки. Прошли. Задача была выполнена. Но тут кончилась провизия. «Двое суток, — читаем в очерке, — они брели по компасу, падая от усталости и голода. Только неиссякаемая воля и хорошая тренировка помогли Русанову благополучно выбраться из болот...»

В итоге странствий родилась мысль о проведении канала в таёжном краю...

А ведь всему этому послужил началом старый большак.

Военные страницы

Открою «Книгу Памяти», том седьмой «Орловский район» (Орёл, 1997).

«Военная судьба района, — говорится в предисловии, — как две капли воды, похожа на судьбу других районов...»

А у нас с первого июля 1941 года район был объявлен на военном положении.

Помню, отец мой уже был на фронте, где-то далеко от родной деревни Большой Фоминки, от колхоза, названного громко — «Идея Ленина».

И в нашем краю по решению бюро обкома партии и облисполкома в восточные районы были эвакуированы скот, тракторы, комбайны и другие ценности.

И мы оказались на территории, занятой врагом, с 3 октября 1941 года.

Страшно было.

«Особенно жестоко, - продолжаю читать, — немцы обращались с военнопленными. Они истязали их непосильным трудом, побоями, морили голодом. 18 декабря 1941 года в деревне Становое немцы расстреляли 47 военнопленных, предварительно раздев их до нижнего белья...»

Далее о том, что 85 человек убито и закопано в селе Альшань. Узники лагеря, который размещали в местной школе. Питание военнопленных, как свидетельствуют медики, не обеспечивало даже голодного существования. Голодных, разутых и раздетых пленных немцы выгоняли на работу. При непосильном труде это приводило к полному истощению организма и смерти.

Так оно и было.

Лютой была первая зима оккупации. Снег горами лежал. Немцы требовали, чтобы дорога была. Вот и чистили до самых кочек. На шоссе выгоняли пленных. Жили они в нашей школе, превращённой в лагерь. Колючая проволока. Вышки. Собаки. Часовые. Ночами трупы выбрасывали в овраг. Днём, когда колонну гнали, отстающих пристреливали.

Бабушка Анна Козлова, сестра моей бабушки Ефросиньи, жила у школы. Выбежала и сунула одному несчастному пару картофелин. Немец её прикладом. И выросла за школой братская могила, которую после войны отметили памятным знаком.

В «Книгу памяти», в том двенадцатый включён акт 1944 года за подписью председателя

Сабуровского сельсовета Ларина Семёна Дмитриевича, председателя колхоза «Вольный труд» Комарова Тимофея Парменовича (брата моего деда по матери), врача Гончарова Ивана Николаевича (ошибка: Никитича!), учителя Чухрай Антонины Ивановны, колхозницы Гончаровой Александры Тимофеевны.

Акт был составлен в нашей Альшанской школе, освобождённой от немцев.

«Питание, говорилось в акте, — давали в сутки 1 раз плохое, и поэтому военнопленные истощали. При истощении они ходить не могли. Немецкие солдаты издевались над ними: били, стреляли, кидали в общую яму, расположенную за школой им. Кирова. За период этого времени убито немцами и закопано в братской могиле военнопленных 75 человек. На площади д. Альшанские Выселки похоронено 106 военнопленных, расстрелянных 10.2.42.

Все издевательства и злодеяния проходили под командованием офицера этого штаба Тухильгена.

Факты злодеяний могут подтвердить следующие лица: Блохина Матрёна Егоровна, Карташева Домна Егоровна, проживающие в колхозе «Вольный труд».

Не раз в жизни нашей мы вспоминали с другом моим и земляком Прыгуновым Александром Петровичем. Шли с Фоминки в Лаврово и вспоминали.

— Никто, — говорю, — не смог бежать из этого ада.

— Почему никто? Была одна попытка.

И рассказал, как один из узников оказался за воротами лагеря. До Фоминского посёлка добежал. Там-то несчастного и догнали двое с собакой. Снял солдат винтовку с плеча и разрядил в человека, который уже еле держался на ногах. Постояли немцы, покурили, глядя на труп, и зашагали в Альшань.

Спустя многие годы приехал издалека Владимир Иванович Ильин, полковник в отставке, сын моей первой учительницы Надежды Ивановны.

Постояли мы у школьной стены, прошлись по селу, стали, как и следовало ожидать, вспоминать своё далёкое детство. И поведал мне дорогой гость, что его мама хранила драгоценную толстую тетрадь с именами военнопленных, узников Альшанского лагеря.

— Когда наши пришли, — сказал Владимир Иванович, — мать передала её одному из наших командиров.

— И что же?

— А то, что командир двинулся дальше на запад, а кому тетрадь передал неизвестно.

Совсем грустно стало.

Далее мой собеседник заговорил о Риге, ставшей ему родной.

Вспомнил о Байконуре славном, где довелось ему служить долгие годы среди космонавтов, о задуманной книге воспоминаний.

А деревья сада шумели и шумели о чём-то своём...

Память с годами становится всё менее надёжным источником для изучения прошлого.

Надёжнее — книга, а ещё надёжнее — архивный документ.

С помощью «Книги памяти» узнаю, что Альшанские Выселки, где наши мученики военной поры чистили снег, были ещё местом расстрела 10 февраля 1942 года: большая группа числом более ста человек нашли покой в братской могиле.

На Гати, известной древним городищем и Курганом Лисовского, 10 октября 1941 года был расстрелян Фёдор Семёнович Ашихмин, 1896 года рождения, скромный страж порядка в звании оперуполномоченного.

Сокрылись под землёй ещё более тысячи человек, расстрелянных тёмными ночами жестоких расправ.

Ходит молва, что среди жертв — бесстрашные подпольщики, в том числе Мария Земская с дочкой маленькой, которой ещё и года не было.

— Это моя двоюродная, — говорил мне, вздыхая, ветеран Никита Петрович Барбашов на Волоконке. Отца раскулачили, а дочь в подпольщиках оказалась, нашего лётчика спасла.

Сам мой собеседник в войну дошёл до Вены. На всю жизнь запомнил и ранение, и встречу

неожиданную в госпитале с братом, и то, как в Вене с бойцами приводил в порядок могилу Штрауса, знаменитого композитора.
Он рассказывал, а передо мной так и стояла фотография, увиденная в Орловском краеведческом музее: молодая женщина с крохотной девочкой на руках.

Мы не встречали хлебом-солью
Врага, а шли наперерез
В Орле работало подполье.
Шумел сурово Брянский лес.
Шли в бой решительно и смело,
Чтоб лютый враг не лютовал:
В Орле гостиница горела
И склад с горючим полыхал.
Отряды Знаменского леса,
Дмитровского
Бросались в бой...
Мы помним воинов Жореса —
Прикрыли Родину собой.
Был Огурцов,
Был Евдокимов,
Был Суров — сильный человек.
Народной памятью хранимый
Сегодня, завтра и вовек.
Забыть ли Машу Ушакову?
Забыть ли Женю Цыганкова?
Володу Сечкина?
Они
Служить России дали слово,
Всему великому сродни.
Сергей Тюленин в Краснодаре
Прославил наш
Орловский край.
Под Кричевым при обороне
Пал Сиротинин Николай.
Булгаков был достойным сыном
Отчизны в грозные года.
И Алексееву мы Нину
Не позабудем никогда.
Их жизнь и смерть не позабыты,
Летели Родине помочь.
Мария Земская убита,
А с нею — крохотная дочь.
Малышке не было и года,
Как поднялась ещё рука?!
Глядит с портрета через годы,
Глядит в грядущие века
Шагнула прямо из пелёнок
В войну
На выстрелы и кровь —
России маленький орлёнок
Орла печальная любовь...

Писатель Матвей Мартынов, историк Орловского подполья мне говорил:
— Если бы Фадеев не в Краснодар поехал, а в Орёл, он здесь бы написал свою «Молодую гвардию».

Продолжаю чтение военных страниц минувшего.

Булгаково. Бабенкова Валентина Николаевна, 1922 года рождения, расстреляна 22 августа 1942 года.

Нижние Хутора. Ветров Пётр Ефимович, 1875 года рождения, расстрелян 26 декабря 1941 года.

Лаврово. Гольцов Фёдор Петрович, 1887 года рождения, расстрелян в 1943 году.

Хомуты. Горюнова Анастасия Николаевна, 1904 года рождения, расстреляна 2 августа 1943 года.

Солнцево. Расстреляно 27 военнопленных в ноябре 1941 года.

Некрасовка. Расстреляны четверо 1 августа 1943 года. Там же — семь человек. Затем - 72 еврея, восемь цыган и один лётчик. Остались безымянными.

Кукуевка. Расстреляны 45 цыган в июле 1942 года.

Альшань. Шельменков Максим Ильич, 1914 года рождения, расстрелян 3 августа 1943 года. Сорокин Василий Иванович, 1924 года рождения, расстрелян осенью 1941 года.

Лагерь — 85 человек.

Усть-Рыбница. Никитин Александрович Петрович, 1911 года рождения, расстрелян 27 июля 1943 года.

Становой Колодезь. Ноздрин Дарья Ильинична, умерла после побоев 30 марта 1942 года. Лопухино. Паненкова Мария Ильинична, 1910 года рождения, расстреляна осенью в сорок первом.

Волобуевка. Петров Григорий Федосеевич, 1884 года рождения, расстрелян летом 1943 года.

Овсянниково. Бархоленко Николай Васильевич, 1926 года рождения, повешен в 1942 году. Суркова Клавдия Дмитриевна, 1927 года рождения, расстреляна 2 августа 1943 года.

Хархардин Пётр Васильевич. 1924 года рождения, расстрелян 12 октября 1941 года.

Конёвка. Фомина Роза Андреевна, 1925 года рождения, расстреляна 27 августа 1942 года.

Орловский район. Ильин Антон Васильевич, расстрелян в 1941 году. Москалёв Архип Алексеевич, расстрелян в 1943 году. Юрин Илья Григорьевич, расстрелян в 1941 году.

В Чрезвычайную государственную комиссию, председателем которой был Н.М.

Шверник, входили А.А. Жданов, историк Е.В. Тарле, писатель А.Н. Толстой, академики Н.Н. Бурденко, Т.Д. Лысенко, лётчица В.С. Гризодубова и митрополит Киевский и Галицкий Николай.

Орловскую областную комиссию возглавлял первый секретарь обкома Александр Павлович Матвеев, Орловскую районную — Василий Степан Семёнович, председатель райисполкома, членами были Умников Григорий Иванович, секретарь райкома партии и Анохин Александр Иосифович, начальник райотдела НКВД; работала комиссия с 11 сентября 1943 года по 26 декабря 1944-го.

Комиссия Володарского района под председательством Василия Ильича Свиридова пришла к выводу, что за 22 месяца в районе было расстреляно 22 человека, повешено пятеро, умерло после пыток пятеро, убито бомбами и снарядами 84 человека, расстреляно, повешено и замучено 102 военнопленных. Не пощадили Николая Андреевича Козакова 72 лет в колхозе им. Фрунзе. Над всей семьёй издевались бандиты. В ближайшую рощу повели и расстреляли жену Анну 62 лет, дочь Марию 20 лет, дочь Зинаиду 22 лет, сына Мишу 8 лет.

Однажды немцы ехали по дороге из деревни Труфаново в деревню Борнякова, увидели в лесу мальчика Толю Чупахина, 13 лет — он драл лыки на лапти в лесу, выбрали мишенью и давай стрелять, пока не убили. Мало было людоедам. Они ещё колхозника Михаила Алексеевича Москалёва схватили и повесили. Лётчика, сделавшего вынужденную посадку, убили. Застрелили военнопленного по дороге, потом Семёна Цыганкова, ученика

Платоновской школы, колхозника Ефима Пчельникова, Михаила Павловича Чернова, Михаила Тихоновича Кузьмина — почтенных сельских жителей. В Орловском районе было повешено и расстреляно 15 человек, погибло от бомб и снарядов пятеро, военнопленных погибло 112 человек. Угнали в рабство 1034 человека. За что убивали?

Р.А. Фомину и В.Н. Бабенкову взяли будто на работу, а сами завезли в лес, изнасиловали и расстреляли.

При малейшем подозрении в связях с партизанами ставили к стенке.

Время было страшное.

Даже мы, дети, боялись на лыжах кататься. Вдруг за партизан примут?!

Встаёт перед нами Драгунский лес

Я по жизни по всей пронесу
Грозной осени дымные дали.
У орудий в Драгунском лесу
Наши насмерть солдаты стояли.
И срываются каплями слёз
Каждый раз под седым небосводом
Невесёлые листья берёз
На курган сорок первого года...

Ставшие знаменитыми панфиловцы на четыре часа задержали немцев под Москвой. Наши безымянные герои-артиллеристы тоже на четыре часа задержали тогда 3 октября 1941 года.

Как это было?

Танковая колонна, двигаясь по большаку, подошла к Малой Фоминке, которую мы с детства называли дворицами. У крайней хаты гисредний танк остановился. Из машины вылез офицер в чёрном и окликнул женщину, пробежавшую через двор:

— Стой!

И показал на лес:

Солдаты есть?

— Нет, никого нет, — торопливо ответила женщина и скрылась за двором.

— Гут! — сказал немец и скрылся в люке.

Он спешил в Орёл.

Колонна с рёвом устремилась вперёд. Старые дубы задумались у дороги. Было тихо-тихо. И вдруг...

Как гром среди ясного неба, раздался выстрел. Потом второй, третий, четвёртый... Лес заговорил. Передние танки стали поворачивать назад. Один так и остался на большаке дулом на запад. Из него вытаскивали потом булавки, брошки — содержимое ограбленного по дороге магазина.

Колонна отошла к деревне и ответила на выстрелы из Драгунского леса ливнем пуль и снарядов.

На второй или третий день после боя мы, мальчишки из соседней Большой Фоминки, пришли и увидели снарядные гильзы, патроны, разбитый трактор «Сталинец», пушку и свежий холмик, припорошенный листьями. Через годы над вечным покоем защитников Орла появился обелиск со звездой.

Сколько их, безымянных героев? Двенадцать? Тринадцать? Пятнадцать? Больше цифру не называли.

Однажды в Москве был я на писательском съезде. В конце заседаний пригласили в

Кремль, устроили приём. Много было разных встреч и разговоров.

Я разговаривал с Кайсыном Кулиевым, прекрасным поэтом и весёлым человеком с Кавказа.

Узнав, что я из Орла, он оживлённо заговорил:

— Помню, помню! Пришлось повоевать в ваших местах.

— Да, — протянул я, — у нас жаркие бои были в сорок третьем...

— Не только в сорок третьем, — прервал Кулиев. — Я в сорок первом воевал.

Всё во мне всколыхнулось. Хотелось говорить и говорить. Но программой вечера снова овладели хозяева. Прощаясь, я пылко обещал Кайсыну Кулиеву, что напишу ему, что мы продолжим этот важный разговор. Но как-то так и не успел я написать ему. Потом читаю в газете, что он умер.

«Не успел», — подумалось с горечью.

Но Кулиев оказался аккуратнее меня. Он своё дело сделал, и мы прочли его рассказ о том, как был выброшен десант под Орлом тогда, 3 октября 1941 года.

А тут ещё подружились мы с Овчинниковым Александром Ивановичем, фотографом и, как вскоре выяснилось, интересным литератором. Бывший десантник горячо взялся собирать материалы для новой книги.

И написал её - «Десант в Орле», и подарил мне.

Милый Александр Иванович! Ушёл ты из жизни, а я всё вспоминаю и вспоминаю наши встречи, путешествия в природу и по местам боёв...

...Почему драгунский лес называется драгунским?

— Потому, что там жили драгуны, — ответил Александр Петрович Прыгунов, мой друг и односельчанин.

А в беседах с краеоведами выяснилось, что раньше чуть не весь нынешний Железнодорожный район Орла был драгунской волостью.

Почему? Да потому, что на этом пространстве находились казармы драгунского полка, конюшни и прочие важные строения для военных людей. В том числе — церковь (напротив нынешнего завода «Текмаш») и штаб в доме, построенном купцом Перельгиным. Это было время, когда на нашей Московской красовались статные дубы, там, где шумит-гудит вокзал железнодорожный, прыгали зайцы, а по любой из Курских нынешних улиц могли пробегать волки и даже прогуливаться медведи. Где волость, там ещё не город, а деревня. Орёл медленно рос в старину. К примеру, во времена Н.С.

Лескова горожане с ружьями ходили стрелять уток на озёра-болота на месте нынешней Комсомольской площади. Даже мы, современники полётов в космос, помним правление колхоза «Пробуждение» в районе нынешнего строительного колледжа.

Незабвенная наша цветовод и краевед Ольга Павловна Власова любила рассказывать, как по Курским улицам бродили коровы и блеяли овцы, совсем, как в деревне.

— Оттого и девушки тут были румяные, что питались отменным домашним молоком, — говорила.

Однако, вернёмся к драгунам, давшим название Драгунской волости и Драгунскому лесу. Шефом их полка была великая княгиня Елизавета Фёдоровна, в наши дни причисленная к лику святых. Орёл она любила и часто навещала. Дело в том, что её муж Сергей Романов, великий князь, родной дядя последнего императора, зверски убитый террористами в 1905 году, был орловским помещиком. Имение находилось в дмитровском уезде, в селе Долбенкино.

Дорога туда, кстати, лежала через наши места. Великая княгиня видела Драгунский лес. И не только видела. Она была в этом лесу дорогим гостем своих подшефных. Известно, что после полк драгунский стал именоваться гусарским и перешел под командование Михаила Романова, брата Николая Второго. Великий князь Михаил храбро воевал с немцами, получил Георгиевский крест и был почётным гражданином Орла, а в 1917 году отказался от предложенной ему царской короны. Он тоже причислен к лику святых. Имена великомучеников золотыми буквами обозначены на стене старинного дома на

Московской, где после войны располагался Орловский государственный педагогический институт.

В институте в наши годы работал выдающийся учёный-языковед, доктор филологических наук Сергей Иванович Котков, земляк освободителя Орла в 1943 году, почётного гражданина Орла генерала А.В. Горбатова. Оба они были родом из Ивановской губернии. Герой-генерал — автор прекрасных мемуаров «Годы и война», описал путь 3-й армии от Новосиля до Орла и далее до Берлина; на руках Александра Васильевича умер смертельно раненный генерал-майор Гуртьев.

Горбатов в молодости был гусаром орловским, помнил своего командира, великого князя М.А. Романова и то, как ему доводилось вместе с лучшими голосами полка петь в военном доме на Московской песни из русской военной старины. Славный генерал в дни репрессий тридцатых годов прославился исключительным мужеством:

вынес все пытки на допросах, но ложных бумаг не подписал. В юности дал зарок не пить, не курить, не ругаться и сдержал своё слово. Рыл золото на Колыме, сам же был человеком бесценным: берёг на войне солдат, за то его и любили они. Был полководцем суворовского толка, не расставался с «Наукой побеждать». Приезжал в Орёл на 400-летие города. Выступал на торжествах. Дружил с ребятами 17-й школы, приезжал к ним, принимал в Москве юных туристов. Призывал беречь Родину, великий русский язык, быть честными и справедливыми. Клятву свою вспомнил в наставление молодым.

Я написал о нём роман в стихах... А о великой княгине Елизавете Фёдоровне — поэму «Дочь России». Глазами сердца увидел её в Драгунском лесу:

Святыни, русские святыни —
В них юность Родины жива...
«Княгиня, матушка княгиня!»
В дубраве слышатся слова.
Они — бесценное наследство,
Они во мне в тени дерев,
Где на цветы не наглядеться,
Грибное-ягодное детство
Бежит, от счастья ошалев.
Мне тут видней былое лето
Под синим куполом небес,
По большаку бежит карета,
А в ней она, Елизавета,
Направо — лес,
Налево — лес.
Крылами чибис грустно машет,
Летит в луга,
К моей Оке.
Великомученицу нашу
Я вижу с розами в руке.
Души разбуженные струны —
Живая память о былом.
Когда-то жили тут драгуны
В лесу Драгунском
Под Орлом...

Если и правда, что мир спасает красота, то, прежде всего, красота таких чудотворных людей, как незабвенная княгиня, возлюбившая, как никто, Россию, хотя сама была и нерусского рода.

Судьба гусара

Герой Советского Союза, дважды кавалер орденов Суворова и Кутузова Александр Васильевич Горбатов всегда был среди солдат. Его полководческий талант высоко ценили Жуков и Рокоссовский.

В день 80-летия однополчане вручили своему командиру бюст Суворова.

Да, Горбатов нередко своими деяниями напоминал полководца времён Екатерины Второй: был смел, решителен, непредсказуем во многих поступках. И любил солдата, как Суворов. Любил и берёг.

Однажды в Орле у памятника Горбатову люди увидели седого ветерана. Он плакал.

Объяснил:

— Я плачу о человеке, который умел беречь нашего брата, солдата. Зря в огонь не посылал.

Ещё одна черта русского характера, очень важная, от неё рукой полагать до рассказов иностранцев о загадочной русской душе.

Когда полководец совершил свой последний подвиг — закончил воспоминания о былом, дорога привела его в редакцию журнала «Новый мир», к великому автору «Василия Тёркина» Александру Твардовскому. Сидели и беседовали, как Пушкин с Ермоловым в Орле, два Интереснейших человека. Горбатов, как Ермолов, любил и берёг солдата. Твардовский, как Пушкин, вернее, в его традициях, писал о народе и для народа, создав образ бессмертного Василия Тёркина, который даже строгого ценителя поэзии, нашего земляка Ивана Бунина, привёл в восторг.

Тем более — генерала Горбатова, написавшего потом о поэте: «Для меня хороши те стихи, которые заставляют невольно раскрыть свой Слух, полностью отдать им внимание, принимать их сразу и чувством, и умом... Меня поразило, как правдиво Твардовский пишет о народе. Он-то сам его знал... Всё просто, а сколько ума в солдате Василии, сколько в нём широты. И самые суровые испытания не могли его ожесточить, не заставили его зачерстветь.

Все войны, в которых мне пришлось участвовать, — от Первой мировой и до Второй мировой, — весь фронтовой опыт даёт мне право сказать, что Твардовский понял народ на войне, его человеческие стремления, его особенную любовь к таким людям, как Василий Тёркин... В его дисциплине есть свобода, инициатива, он смело принимает решения. Обстановка в бою часто складывается неожиданная, всего командир предусмотреть не может...

Могу добавить лишь: мне посчастливилось на моём веку видеть мужественных людей, героев. И лучшим из всех виленных героев, самым настоящим героем я считаю Александра Трифоновича Твардовского».

Нам, детям войны, довелось вырастать под могучим и благородным влиянием ветеранов Великой Отечественной. Помню, в пятом классе Альшанской школы вёл уроки истории и военного дела Николай Иванович Карташов. Не сразу я узнал, что он горел в танке. Каждым словом, обликом всем он воспитывал у нас дисциплинированность, верность Родине, честность и, разумеется, скромность. Его товарищ по судьбе, тоже бывший танкист, Егор данилович Титов, сосед по деревне, нередко встречается мне в Орле. Так уж вышло: только из «Орловской правды» я узнал о его подвигах на фронте. Что поделать? Скромность — тоже необходимая черта русского характера.

Однажды в районной газете появилась «Моя Родина» — моя первая публикация.

Подготовил стихотворение к печати молодой сотрудник Евгений Бородин, бывший фронтовик. Спустя многие годы мы стали переписываться, Евгений Алексеевич прислал две книги своих стихов. Жил в Мурманске. Написал, что всю войну был артиллеристом. Первое стихотворение, точнее, песню, сочинил после одного из жарких боёв...

...Переизданная книга А.В. Горбатова «Годы и войны», нам, орловцам, особенно дорога.

Автор, командуя 3-й армией, освобождал Орёл в сорок третьем. На торжествах 1966 года по случаю 400-летия нашего города Александр Васильевич выступал с трибуны на многолюдном стадионе. Выступая, вспомнил и о том, что с 1912 года служил в 17-м гусарском Черниговском полку, который прежде именовался 51-м Драгунским Нижегородским. В четырнадцатом году гусары из Орла отправились воевать в Карпаты, а в сорок третьем... «В то время, когда ещё рвались мины замедленного действия, я побывал в привокзальной части города, обошёл разрушенные казармы, в которых проходил службу в 1912—1914 годах. Бывшему солдату довелось, благодаря Октябрьской революции, стать генералом и командовать армией, освободившей город, где он служил тридцать лет назад. Жена генерала — Нина Александровна Горбатова — жила в Москве, на улице Качалова. Приветливая, ралушная, она долго рассказывала о своём муже, с которым и на войне не расставалась. В просторной квартире сразу обращает на себя внимание тот самый бюст А.В. Суворова подарок ветеранов 3-й армии своему командиру в день его 80-летия.

— Он очень любил Суворова, — говорила Нина Александровна.

— Почему? — задаю вопрос лишь с одной целью, чтобы узнать ещё что-то важное о славном орловском гусаре.

— Он не похож на других, — отвечала хозяйка квартиры словами своего покойного мужа. Не похож на других... Не таким ли был и сам генерал Горбатов — смелый, умевший и мыслить, и действовать по-суворовски оригинально!

В бессмертие он ушёл генералом армии, Героем Советского Союза, депутатом Верховного Совета СССР 2—5-го созывов, кандидатом в члены ЦК КПСС, кавалером многих высоких наград. В Орле и Новосибирске стоят ему памятники блиндаж под Вяжами, откуда начала своё наступление 3-я армия, мы бережём, как священное место, улицы многих городов (в Орле — площадь) носят имя полководца.

Нина Александровна рассказывала:

— Познакомились мы в тридцать третьем. Жила я на Украине, училась в транспортном институте. Как-то после занятий закупила много продуктов, стою с авоськой на остановке. Подходит трамвай. Пробую сесть ничего не получается: очень уж много народу.

Неожиданно шагнул ко мне высокий военный, подхватил меня под руку и втащил с передней площадки в вагон. Кондукторша его пропустила: «А это кто с вами?» «Моя жена!» — ответил он. Дорогой уточнил, где я собираюсь выходить.

Вышел вместе со мной. Брат Юра страшно удивился, увидев моего спутника. Шепнул: «Где тыг его взяла?» Я молча заварила чай и давай потчевать неожиданного гостя. Он, уходя, записал мой телефон.

Стали мы встречаться. В институте, бывало, едва звонок прозвенит, а ж мне кричат: «Веселова, на выход! Твой комбриг пришёл!» Потом он предложил мне стать его женой.

Я задумалась. Дело в том, что мой отец был репрессирован, сидел в тюрьме. Рассказала все Александру Васильевичу, а он: «Никому нет дела, на ком я женюсь. Это моя личная жизнь». Так и настоял на своём. Жили мы очень дружно. Но вот...

В августе 1937-го был срочно вызван в Киев и арестован Н.Я. Григорьев — командир 7-го кавалерийского корпуса, в котором служил Горбатов. На митинге, где следовало клеймить «врага народа», Горбатов смело заявил, что знает Григорьева четырнадцать лет, что он один из лучших командиров в армии. Через месяц Александр Васильевич был освобождён от должности командира дивизии, а затем исключён из партии.

Что делать? Пришлось вместе с женой ехать в Саратов. В мемуарах читаем, что родители жены встретили зятя радушно. Добавим из рассказа Нины Александровны: в 1937-м был арестован и расстрелян брат Юра. Начальник цеха одного их заводов. В 1938-м заново был брошен в тюрьму её отец.

Для А.В. Горбатова весна 1938 года была весной надежд. В марте его восстановили в партии. В мае получил приказ: назначен заместителем командира 6-го кавалерийского корпуса. Командиром корпуса был Г.К. Жуков. А осень готовила один удар за другим. Неожиданно пришёл приказ об увольнении Горбатова в запас. Поехал в Москву выяснять

причину увольнения. И там, прямо в гостинице, ночью был арестован. Трое суток не вызывали. На четвёртый день вечером отвели к следователю. Тот предложил «описать все имеющиеся за мной преступления».

— Если речь идёт о моих преступлениях, — отвезил Горбатов, — то мне писать нечего.

— Ничего, — сказал следователь. — Сначала все так говорят, потом подумают хорошенько, вспомнят и напишут. У тебя есть время, нам спешить некуда. Кому писать нечего — те на свободе, а ты пиши.

«Допросов с пристрастием было пять, с промежутками в двое-трое суток, иногда я возвращался на носилках. Затем дней двадцать мне давали отдышаться. Больше всего я волновался, думая о жене. Но вдруг я получил передачу пятьдесят рублей, и это дало мне основание верить, что она на свободе...».

Нина Александровна искала мужа. Приехала в Москву, зашла в гостиницу, а там отвечают: «Двадцать второго октября выбыл». Куда? Никто не знает. В коридоре догнала девушка-грузинка и, не останавливаясь, шепнула: «Его арестовали в ночь на двадцать второе». Жена зашла в сквер, села на скамейку и заплакала. Потом вытерла слёзы и двинулась на Лубянку:

— Где мой муж?

— А почему вы думаете, что он арестован? У нас его нет.

Пошла по тюрьмам. В Лефортовской приняли деньги. Значит, жив. Из Москвы поехала в Саратов. На работу не брали. Кое-как устроилась на завод. Раз в месяц посылала деньги мужу. Вдруг — вернулись. Поехала в Москву узнать, что случилось.

Ответили: осужден.

«Но вскоре, — вернёмся к мемуарам, — меня стали опять вызывать на допросы, и их тоже было пять. Во время одного из них случайно знал, что фамилия моего следователя — Столбуновский.

До сих пор в моих ушах звучит зловеще-шипящий голос Столбуновского, твердившего, когда меня, обессиленного и окровавленного, уносили: “Подпишешь, подпишешь!”

Выдержал я эту муку во втором круге допросов».

Когда начался третий круг, ему захотелось «поскорее умереть». Пройдут годы, и они встретятся. Побледнеет и задрожит вчерашний палач, увидев генерала в орденах. Но широка русская душа, Александр Васильевич и не подумал о мести...

8 мая 1939 года в камеру вошёл человек со списком и приказал Горбатову готовиться к выходу с вещами. «Радости моей не было конца», — вспоминал он потом. Но ввели в зал, а там за столом трое — военная коллегия. Суд шёл 4-5 минут. Спросили, почему не сознался «в своих преступлениях». Ответил: «Я не совершал никаких преступлений». Вывели. Через пару минут привели и объявили: 15 лет тюрьмы и лагеря, плюс 5 лет поражения в правах. «Приговорённый» где стоял, там и опустился на пол.

В июле уже был в одном из барачков, обнесённых колючей проволокой. Потом плыли около семи тысяч человек на пароходе — на Магадан. Магадан встретил дождём.

Прииск Мальдяк находился в 650 километрах от Магадана. Добыли золото. Морозные ветры пробирали насквозь...

В марте 1940 года на пленуме Верховного суда СССР выступил С.М. Будённый. Он заявил, что знает Горбатова как честного командира и коммуниста. Заявление сыграло большую роль в возвращении Александра Васильевича. Возвращение было долгим. Лишь 25 декабря доставили в Москву. Поместили в Бутырскую тюрьму, начались снова допросы. Но теперь уже дело клонилось к освобождению.

В ночь на 5 марта 1941 года легковая машина доставила А.В. Горбатова на Комсомольскую площадь к его знакомым.

Встретился с женой, узнал о смерти её отца в лагере. Месяц отдыхали в санатории «Архангельское» под Москвой. Потом пришёл приказ: принять 25-й стрелковый корпус. Поехали в Харьков. Приехали в субботу, а в воскресенье началась война.

Спустя годы, прочитал генерал «Один день Ивана Денисовича» А.И. Солженицына и

горько усмехнулся: «Детская игра». Он-то знал нечто более страшное. Возвращались люди из лагерей, заходили к бывшему узнику Колымы и, сидя за большим столом, вспоминали

— Ах, если бы этот стол заговорил! — вздохнула Нина Александровна.

Но столы не умеют говорить.

Книга же, изданная в 1965 году, не переиздавалась, замалчивалась, становилась редкостью, а то и вовсе исчезала: слишком уж была в глаза суровой правдой.

Нашли в этой книге место и строки о нашем послевоенном городе: «Орёл превратился в изумительно красивый город с широко развитой промышленностью, с роскошным театром, стадионом, парками, красивыми мостами через Оку и Орлик».

Думается, писал это Александр Васильевич с гордостью и любовью.

Золотые имена

Алексей Алдошин

Алексей Николаевич Алдошин родился в 1913 году в селе Марьино Орловского уезда.

После школы работал в колхозе, потом на железной дороге. На войне с 1944 года.

Пулемётчик. Под Варшавой с пулемётом проскользнул через проволочные заграждения, меткими очередями заставил замолчать несколько огневых точек врага. Наши бросились в атаку. Алексей продолжал поливать немцев свинцом. Трофеями стали три орудия, два трактора, автомашина...

Вскоре разгорелся бой у другого населённого пункта. Вражеская атака там захлебнулась под огнём нашего земляка.

Отличился Алдошин со своим расчётом и на подступах к Берлину. Несколько точек врага сумел подавить. В сумерках переправился через реку и шквалом огня вызвал панику.

Опомнились немцы, в контратаку пошли, чтобы вернуть позиции. Но не тут-то было!

Русский юноша из-под Орла продолжал стрелять. Был ранен Алексей, но боя не оставил.

Более того! Вызвал огонь на себя!

Вернулся домой с «Золотой Звездой» Героя Советского Союза.

Андрей Андрианов

Андрей Михайлович Андрианов родился в 1917 году в деревне Костомаровке. Работал трактористом в полях колхоза им. 8-го Марта. В 1941 году закончил артиллерийское училище.

Командовал миномётным расчётом на Воронежском и 3-м Белорусском фронтах. В сентябре сорок третьего с бойцами переправлялся на другой берег Днепра, закрепился на другом берегу и миномётным огнём поддерживал наступление наших.

Вскоре Андрианов со своим боевым расчётом отразил сильную контратаку врага, помог пехотинцам занять село Грайворонку.

Высокое звание Героя Советского Союза получил храбрый сержант.

Жаль, погиб в сорок четвёртом при освобождении Литвы. Там и похоронен был.

Домой вернулось имя героя и через несколько лет навечно засияло в названии улицы в Орле.

Как раз в том месте, где когда-то была деревня Костомаровка, где родился и рос будущий герой — слава родного края.

Антон Шелаев

Антон Стефанович Шелаев родился в 1924 году в посёлке Ольшанское. Учился в Ольшанской школе-семилетке, в ту пору имени Кирова. После школы уехал в город Киров Калужской области и там поступил на завод, токарем работал. В армию был призван 7 июля 1941 года. На войне так проявил себя, что стал командиром отделения разведроты. Разведка дело тонкое. Читаем, как остросюжетную повесть, очерк о нём в книге «Боевое созвездие орловцев» (Тула, 1985).

«Первое задание он получил такое: установить Связь с партизанским отрядом Барановского. Несколько дней юный разведчик пробирался по тылам врага к партизанскому отряду и наконец установил связь. Передал командиру партизанского отряда задание командования, а от него доставил важные сведения тем, кто его посылал. С мая 1942 года по июнь 1944 года Шелаев был прикомандирован к Рошединской партизанской бригаде. Он ходил по городам и сёлам, занятым фашистами, накапливая ценную информацию для командования.

По следам смелого разведчика шли народные мстители. Взрывали железнодорожные мосты, эшелоны с техникой и живой силой врага, уничтожали предателей Родины... С июня 1944 года Антон Шелаев возглавлял группу Отдельной разведывательной роты 42-й стрелковой дивизии, 49-й армии 2-го Белорусского фронта. Вылазки, которые совершал опытный разведчик и сам, и вместе с боевыми друзьями в тыл врага, приносили большой эффект. Возглавляя тыловую группу разведчиков, он 13 раз переходил линию фронта. Рискуя жизнью, Антон действовал в тылу врага отчаянно и дерзко.

В сентябре 1944 года Антон Шелаев получил задание — проверить оборонительные сооружения противника на северном берегу реки Нарев. С группой товарищей перешёл линию фронта, проник в тыл противника на глубину 25 километров. Ими были добыты особо ценные сведения... Благодаря этим данным, советские войска успешно овладели северным берегом реки Нарев, далеко продвинулись вперёд.

В январе и феврале 1945 года Антон «в исключительно тяжелых зимних условиях» трижды ходил в тыл врага и доставал сведения, которые впоследствии способствовали успешному наступлению наших войск». 7 февраля он «в глубоком тылу противника взял в плен немецкого солдата», благодаря чему было установлено место расположения резервов неприятеля.

И этого мало! Через две недели разведчик, будучи в тылу фашистском, «Точно определил передвижение войск», что позволило нашему командованию «своевременно установить время и направление отхода вражеской группировки в район сосредоточения». По группировке был нанесён Сокрушительный удар, план врага был сорван.

И это не всё...

Недаром наш уважаемый Антон Стефанович был награждён двумя орденами Красного Знамени, двумя — Красной Звезды, многими медалями и, как следовало ожидать, «Золотой Звездой» Героя Советского Союза.

После войны жил и работал в городе Щёкине Тульской области. Умер 16 июня 1976 г.

Владимир Меркулов

Владимир Иванович Меркулов родился в 1922 году в деревне Погорелово. Окончил среднюю школу № 19 и одновременно Орловский аэроклуб. В армию призван в 1940 году. Окончил Армавирскую школу пилотов (1941). На войне — командир звена на Северо-Кавказском, Южном, 4-м Украинском, 3-м Белорусском и 10-м Белорусском фронтах. Звание Героя Советского Союза получил 26 октября 1944 года. Награждён четырьмя орденами Красного Знамени, двумя — Отечественной войны 1 степени, тремя — Красной Звезды.

Всего на боевом счету отважного лётчика двадцать один сбитый самолёт.

Иван Немков

Иван Андреевич Немков родился в селе Верхняя Боевка Орловского уезда.

После школы работал в колхозе.

В 1935 году по комсомольскому набору поступил в Ейскую школу морских лётчиков.

После школы — пилот, старший лётчик, Лётчик-инструктор авиаполка. Воевал в Финляндии. С мая 1942 года — командир звена Краснознамённого Балтийского флота.

Погиб 3 мая 1943 года под Ленинградом. Звание Героя Советского Союза было присвоено посмертно 24 июля 1943 года. Похоронен на острове Лавенсари.

В Верхней Боевке (ныне Урицкого района) установлен бюст. В посёлке Нарышкино одна из улиц носит имя Героя.

Борис Панков

Борис Никифорович Панков родился в 1896 году в деревне Лукино Орловского уезда.

Участник Гражданской войны. Кадровый Военный. В Великой Отечественной войне с июня 1942 года. Командир дивизии на Юго-Западном, 3-м Украинском и 1-м Белорусском фронтах. Звание Героя Советского Союза присвоено 6 апреля 1945 года. Награждён орденами Кутузова Александра Невского Красной Звезды. После войны жил в Кисловодске. Умер в 1974 году. Похоронен в г. Запорожье.

Василий Рыбкин

Василий Филиппович Рыбкин родился в 1914 году в селе Гремяче Орловского уезда.

После школы семилетки жил и работал в городе Копейске. На войне — племётчик на Центральном и других фронтах. Форсировал Днепр. Звание Героя Советского Союза было присвоено 24 марта 1945 года.

Победу встретил на улицах Берлина.

В 1948 году умер в Донецкой области.

Иван Ступин

Иван Спиридонов Ступин родился в 1904 году в деревне Нижний Стиж Орловского уезда.

Участник Гражданской войны. Окончил 1-е Киевское артиллерийское училище (1933).

Участвовал в освобождении Западной Белоруссии и в Финской войне. В Великой Отечественной с самого начала командир Миномётной бригады на Карельском и 1-м Белорусском фронтах.

Звание Героя Советского Союза присвоено 31 мая 1945 года. Был награждён орденом Ленина, тремя орденами Красного Знамени, орденом Красной Звезды и шестью медалями...

В апреле 1944 года полковник Ступин был тяжело ранен. Встал на ноги и продолжал командовать бригадой. Одной из первых бригада форсировала Одер. Закрепились.

Приходилось ежедневно отбивать до пятнадцати контратак противника.

Наши стояли насмерть. Рубеж не только удержали, но и расширили.

Бригада Ступина решила исход боя за овладение Кистриным. Она же особо отличилась при прорыве Берлина; пехота наступала, а миномётчики массированным огнём расчищали путь.

«Только за период с 14 по 26 апреля 1945 года, — отмечалось в наградном листе, огнём

его бригады было уничтожено шестнадцать вражеских миномётных батарей, тридцать два отдельных орудия и миномёта, сто два пулемёта, разрушено пятьдесят дзотов, двадцать пять наблюдательных пунктов, около трёх тысяч метров траншей, семьдесят блиндажей, подавлено сорок восемь миномётных батарей, сожжены семьдесят две автомашины. Бригада уничтожила до трёхсот солдат и офицеров противника».

Алексей Филатов

Алексей Яковлевич Филатов родился в 1905 году в селе Никольском Орловского уезда. После школы работал в поле. Был колхозником, когда грянула война. С июля 1941 года — командир отделения на Брянском, Центральном, 1-м Белорусском фронтах.

Мужественно сражался, защищая родную землю, освобождал Ливны, Малоархангельск, Фатеж, Суруги, Новозыбков.

На Орловщине был ранен. Вернулся в строй и двинулся дальше. До Польши дошёл храбрый сержант. При расширении плацдарма на западном берегу реки Нарев заменил командира взвода. Ворвался с бойцами в траншею первой линии обороны врага и до роты немцев положил в рукопашном бою. Затем ворвались наши герои во вторую линию траншей. Тут уж совсем трудно стало: немцы наших контратаковали при поддержке десяти ганков и пяти самоходных пушек.

Взвод Филатова, поддержанный огнём наших пушек, не покинул занятых рубежей. Он выполнил свою задачу, не потеряв ни одного человека...

Однако вскоре на западном берегу той же реки Нарев храбрый командир, награждённый орденом Красной Звезды, был убит.

Посмертно было присвоено А.Я. Филатову высокое звание Героя Советского Союза 24 марта 1945 года.

Бои продолжались.

А командир наш геройский остался лежать в земле Варшавского воеводства.

Николай Хрыков

Николай Михайлович Хрыков родился в 1923 году в деревне Кофаново.

После школы-семилетки и школы ФЗО работал на заводе «Текстильмаш» токарем.

Грянула война. А там настали и чёрные дни оккупации. Своими глазами увидел юноша зверства фашистов. Ждал своих. И дождался. В августе 1943 года для него началась новая жизнь. Бывший слесарь Николай Хрыков стал командиром отделения взвода автоматчиков. Вместе со своими освободителями зашагал по дорогам войны на запад. Началось освобождение Белоруссии. Сильно были укреплены подходы к городам Витебск, Орша, Могилёв, Жлобин, Бобруйск, Рогачёв. Всюду - крепкие узлы сопротивления.

Особенно жарко было у деревни Озеране Рогачёвского района Гомельской области. От солдата к солдату прозвучала команда: «В атаку!» Бросок — и в ход пошли гранаты, за ними — штыки. Траншея за траншеей очищались от врага. Впереди самые смелые. Среди них Николай Хрыков.

С немалым трудом добывался успех. Но с какой же радостью смотрели на убегающих немцев.

Жаркий разгорелся бой в Березине.

Отделению старшего сержанта Хрыкова приказано было форсировать речку первыми. Автоматчики не растерялись. Захватили немецкий паром, доставили к нашему берегу,

осмотрели.

— Хорош паром! — похвалил командир. — В самый раз.

Сели и поплыли вперёд.

Славно воевал наш земляк. Потому и был награждён двумя медалями «За отвагу», медалью «За боевые заслуги», а 24 марта 1956 года получил «Золотую Звезду» Героя Советского Союза.

После войны жил и работал в Орле.

Алексей Жадов

Алексей Семёнович Жадов родился в 1901 году в Орловском уезде. В армию был призван в 1919 году. Окончил Орловские кавалерийские курсы красных командиров (1920), Военную академию имени М.В. Фрунзе (1934).

Участвовал в Гражданской войне и в Великой Отечественной. С июня 1941 года командовал 66-й армией, 5-й гвардейской на Степном, командовал 2-м и 1-м Украинскими фронтами. Воевал под Москвой, взял в плен основные силы Паулюса в Сталинграде, участвовал в разгроме немцев на Курской дуге. Славный путь от Москвы до Берлина отмечен множеством высоких наград.

Звание Героя Советского Союза получил 6 апреля 1945 года.

После войны избирали депутатом Верховного Совета СССР. Умер в 1977 году в Москве.

Его именем названы улицы в Москве и Орле, средняя школа в Никольском. В Змиёвке установлен памятник.

Сын бедного орловского крестьянина стал славой России.

Родина генерала Родина

Болотово — старинное село, упомянутое в Писцовой книге 1594—1595 годов. Тогда именовалось «деревней Подболотной, усть Липового верха, на речке на Мезине ниж Воскресенья Христова». Жили помещики Куприян Фидоров сын Захарьев Грилин, вдова Мария Ввановна жена Широпятова и её сыновья Стефан и Булгак Ивановичи. Крестьян было совсем мало: в двух дворах по человеку. Два двора совсем пустовали.

Были эти земли в руках Цуриковых и Комаровских, а в начале XX века ими владел ПН. Рекшинский. В 1918 году имение было передано Болотовскому кредитному товариществу. Тогда же родилась и вскоре самоликвидировалась сельхозартель «Жаворонок». Затем пришло время, когда прочно и надолго закрепился на этих землях совхоз «Наугорский». В 90-е годы XX века он стал учхозом с присоединением к нему техникума механизации сельского хозяйства. Специализацией стало выращивание саженцев плодовых растений. В совхоз вошли посёлки Зелёный, Болотовские дворы, Южный и часть Наугорской дороги. Жители всей нашей области покупают в учхозе молодые яблони, смородину вишни, малину. Осенние ярмарки украшают яблоки сортов «Орлик» и «Мелба».

Болотово — родина почётного гражданина Орла, генерал-лейтенанта танковых войск Георгия Семёновича Родина (1897—1976), награждённого за свои подвиги в Великой Отечественной войне орденом Ленина, четырьмя орденами Красного Знамени, орденом Красной Звезды и многими медалями.

Полководец родился и вырос в большой крестьянской семье. Был у матери десятым ребёнком. Службу начал в окопах Первой мировой войны. Командовал полком в Красной армии. В марте 1943 года приступил к формированию Уральского добровольческого корпуса. Выехал на Урал и ушёл с головой в большую работу. Корпус был создан из бригад Свердловской, Пермской, Челябинской.

«В историческом формуляре корпуса, читаем в книге Г. Родина «По следам минувшего» (Тула, 1963), имеется лаконичная запись о том, что все, начиная от пуговицы на гимнастёрке до тяжёлых танков, трудящиеся Урала приобрели на свои сбережения и средства "заработанные во внеурочное время"».

Первого мая 1943 года в Челябинске бойцы Уральского добровольческого корпуса приняли присягу. На митинг пришло более пятидесяти тысяч человек. От имени матерей выступила О.Н. Костелянская. На всю свою долгую жизнь запомнил генерал слова: — Нелегко матери расставаться с сыном. Многие чувства владеют матерью, когда она отправляет его на фронт. Но сегодня весь советский народ, все женщины нашей великой страны живут только одним — разгромить ненавистного врага, наказать фашизм за все его злодеяния. И я говорю: «Иди, мой сын, в бой! Круши заклятого врага грозным уральским оружием и всей силой гнева. Да будет сердце твоё отважно! Да будет рука твоя тверда! Да будет меток твой выстрел! Да будет победным твой путь!»

Уральцы вручили генералу Родину наказ: «Помните, сыновья и братья наши! Всегда, когда над родной землёй бушевали грозы войн и иноземный захватчик шёл на Русь с мечом, Урал ощетиивался грозными жерлами пушек и стеной штыков. Помните, друзья! У нас за спиной нет позора, а есть доброе имя и заслуженная хвала».

Далее в наказе говорилось о славных делах Александра Суворова и его чудо-богатырей, Михаила Кутузова и его доблестных солдат и генералов, разгромивших Наполеона. Уезжали под звуки оркестра. Пели дружно:

В грозной битве победим мы,
Снова встретимся с тобой,
До свиданья, наш Урал любимый!
До свиданья, наш Урал родной!

Поезд тронулся...

В конце июня 1943 года прибыли под Козельск, а оттуда вышли на Болховское направление, где немцы за 22 месяца укрепились основательно.

Начались бои. Каждый день рождал героев. С большим трудом, но пробивались на юг. Немцы начали отходить. К полудню 2 августа была очищена Злынь. Вышли на речку Моховицу, освободили Брянск.

В марте 1944 года форсировали речку Горынь. А там взяли Львов. Некоторые части стали именоваться «Львовскими», награждены были орденами Красного Знамени, Красной Звезды, Богдана Хмельницкого.

В январе сорок пятого Уральский добровольческий вместе с другими частями начал бои за освобождение Польши. За 13 дней боёв продвинулись более чем на 500 километров, освободив около трёхсот польских городов.

В марте корпус мощным ударом взломал оборону противника, форсировал речку Нейсе и двинул вперёд. За доблесть и воинское мастерство 23 гвардейца удостоились звания Героя Советского Союза. Тысячи воинов получили ордена и медали.

При штурме Берлина танкисты-уральцы пленили и уничтожили около десяти тысяч гитлеровских солдат и офицеров. Тогда же освободили шестнадцать с половиной тысяч советских и иностранных военнопленных. Пять раз салютовала Москва уральцам-добровольцам. Корпус был награждён орденом Суворова, две бригады — орденами Ленина, две — Кутузова, одна — Красного Знамени, артполк — Красной Звезды.

После Берлина корпус не отдыхал, двинулся освобождать Прагу. В ночь с 8 на 9 мая уральцы спустились с гор. Машины с зажженными фарами устремились на врага. «Это

было потрясающее зрелище, — читаем в мемуарах Г.С. Родина. Длинная, на десятки километров, лента огня извивалась, как горный поток, стремительно мчалась, с ходу сметая врага на своём пути.

Тысячи чехов вышли к дороге... Слёзы радости. Объятия...

На рассвете 9 мая танки Героя Советского Союза М.Г. Фомичёва ворвались в чешскую столицу».

Так оно и было.

За два года боёв корпус Г.С. Родина прошёл свыше пяти с половиной тысяч километров. Освободил тысячи населённых пунктов. Захватил и уничтожил 1110 танков и самоходных установок, 1100 орудий разного калибра, 589 миномётов, 2125 пулемётов, 2101 бронемашину,

649 самолётов, много другой военной техники. Было уничтожено 94 620 гитлеровцев, взято в плен 44 752.

Воинам было вручено более сорока двух тысяч орденов и медалей, тридцать восемь человек стали Героями Советского Союза.

В Берлине, Праге, Львове, Каменец-Подольске, Свердловске, Перми и в других местах были сооружены памятники воинам-уральцам.

В самом конце книги Г.С. Родина помещено трогательное «Слово к читателям», написанное В.М. Бадановым, гвардии генерал-лейтенантом, бывшим командующим 4-й танковой армией. Баданов не только воевал вместе с нашим замечательным земляком. Он побывал в сентябре 1966 года в Орле, участвовал в праздновании 400-летия нашего города. Генерал Г.С. Родин назвал Баданова человеком большого мужества. «В те дни, читаем в “Слове к читателю”, — я долго беседовал с ним в его просторном и светлом доме на улице Салтыкова-Щедрина».

Далее он продолжает: «Неоднократные ранения и контузии заставили Г.С. Родина оставить службу в Советской армии. Однако, выйдя в отставку и приехав в послевоенный полностью разрушенный Орёл, Георгий Семёнович опять, как и на фронте, в самой гуще событий. В течение длительного времени он избирается депутатом местного Совета, возглавляет его различные комиссии, хлопочет о строительстве заводов, жилья, драматического театра, беспокоится о семьях погибших фронтовиков, об обеспечении школ и больниц топливом, помогает инвалидам войны... В пути при выполнении важного задания его встретила страшная весть о гибели единственного сына — студента университета. А потом умерла жена....

Нет, не опустил головы генерал Родин. Он нашёл в себе силы и мужество преодолеть это горькое несчастье.

Моему боевому другу и товарищу уже семьдесят. Но ведь и опять не сидится человеку на месте. Он частый гость молодых рабочих, призывников, школьников, воинов».

Он, читаем далее, «подарил школам Орла и области свой сад, несколько библиотек, отличные альбомы, рассказывающие о боевом пути Уральского добровольческого танкового корпуса.

Г. С. Родина связывают крепкие узы дружбы с уральцами. Каждый день на его письменный стол ложится пачка писем — от бывших воинов корпуса, от школьников, от родственников погибших и просто незнакомых людей, которые желают генералу здоровья».

Так оно и было.

Его все мы хорошо знали и глубоко уважали. Помню одну из встреч в его доме. Высокий, приветливый, сдержанный в каждом слове. Держался просто и скромно.

Звание почётного гражданина города Орла старался оправдать каждым поступком своим. Троицкое кладбище стало нашему дорогому Георгию Семёновичу местом вечного покоя. Это совсем недалеко от храма и вечного покоя генерала А.П. Ермолова.

Кто служит Родине...

Владимир Костромичёв, ученик 8-го класса Ермолаевской школы, сидел за партой и писал сочинение на тему «Кто служит Родине, тот останется в памяти народной».

За окном солнечный май лучами цвёл и рассыпался в звуках. Мальчик давно обдумал свой дальнейший путь — закончить среднюю школу, поступить в военное училище и стать офицером.

Он так и сделал. Аттестат зрелости получил в Орле, в 7-й школе, а диплом об окончании военного училища — в Москве.

Но это случилось потом, а пока Володя сидел за партой и нанизывал одну строчку за другой: «Каждый человек любит свою Родину. Итальянцу дорога солнечная Италия, англичанину — туманная Великобритания. А моя Родина...»

Дальше о том, что «каждый человек дорожит своей Родиной и вряд ли он кому позволит посягать на её независимость». Ему «не даст это сделать простой человеческий долг, ответственность перед своей страной».

Мог восьмиклассник вспомнить делушку, который не вернулся с войны. Мог рассказать, что давным-давно в соседнем селении Лукьянчиково жил знаменитый генерал А.П. Ермолов, показавший высокие образцы служения Отечеству.

«Существует, — писал, — множество примеров беззаветного служения Отчизне». Перед глазами встал памятник героям Краснодона. «И хотя я видел этот монумент, — продолжал ченик, — только на фотографии, он навечно запомнился мне». Волновало юношу то, что «к памятнику нескончаемым потоком идут люди», что «у подножия лежат цветы», И рассказал Володя о героях «Молодой гвардии», о том, как они боролись с врагом, как стойко держались на допросах, смело смотрели смерти в глаза.

Под конец сочинения на бумагу легли слова, похожие на клятву. Пророческие слова: «И если после моей смерти обо мне кто-нибудь вспомнит, значит, я жил не напрасно».

Обещал «много работать», чтобы заслужить такую память.

И он заслужил.

Большую пятёрку получил Владимир Костромичёв за сочинение. Учился и дальше так, что его ставили в пример. Курсантом участвовал в парадах. Лейтенантом выполнял в Афганистане свой долг так, что получил повышение по службе в награды...

Получил посмертно...

Долг свой выполнил до конца старший лейтенант В.И. Костромичёв под Кандагаром, на одном из самых опасных участков Афганской войны.

Привезли его в Орёл, затем в родную Сеножать, а в день прощания пронесли по дороге, усыпанной цветами.

На Лепёшкинском кладбище появился необычный памятник из чёрного гранита: на одной стороне портрет воина-интернационалиста, на другой — слова из школьного сочинения «Кто служит Родине, тот остаётся в памяти народной...».

Горе, великое горе оставило тяжёлый след в сердцах близких: недолго после этого жила на свете бабушка Володи, а там и отец, уважаемый Иван Николаевич, неутомимый сельский труженик, заторопился к сыну. Совсем поседела Лидия Ивановна, мужественная русская женщина, чьё горе безмерно...

В Орловском краеведческом музее висит его шинель. В беседах экскурсоводов — память о нём.

Постоянно...

Изо дня в день...

Он был моим зятем...

Светлой памяти Владимира Ивановича Костромичёва посвящены печальные строки поэмы о нём «Вдали от Родины»:

Пролог к поэме написал он сам,
Когда ещё учился в сельской школе.
Весёлый май носился по лесам,

Гнал облака по синим небесам,
Моторный гул катил в родное поле...
Во ржи густой синели васильки,
В лугах костры высокие горели,
И девушки в ракетах, у реки,
Всё громче песню о России пели.
Короткий дождик приходил-плясал.
Играла радуга по шири небосводной,
А он, склонясь над партою, писал:
«Кто служит Родине,
Тот в памяти народной...»
Я сердцем принимал чужое горе,
Но вот оно нахлынуло своё,
И разлилось широкое, как море,
И затопило прежнее житьё.
Висит в шкафу шинель его, фуражка,
Затянутая белым полотном,
Не видел той шинели нараспашку,
На бравом офицере молодом...
Легенда пусть родится золотая,
Как Русский жил среди суровых скал,
Как он любил и как, других спасая,
Своё на камне сердце распластал...
Мать водит с деревенского порога
Ущелья гор, вершины вдалеке.
Разбитая машина на дороге,
И тут же он
На взорванном песке.
О, как его спасти она хотела,
Превыше жизни собственной любя!
Она к нему бы птицей прилетела,
Чтоб минный взрыв весь принять на себя...
Перед суровым, суматошным миром
Он больше не в долгу. Закончен срок.
Простился взвод с весёлым командиром,
Скупые слёзы, выронив в песок,
Припоминая, как же он смеялся,
Как счастлив был, что в отпуск собирался.
Как любовался карточкой жены...
Как май дышал душисто тополями,
Как вся округа пела соловьями,
Когда Володю привезли с войны!..
В его краю, когда заря несмело,
Взошла сиять над крышей голубой,
Случилось так:
Вдруг лебедь белый-белый
Крылами прошумел перед избой.
Потом поплыл, поплыл вдоль краснотала,
Куда-то вверх по Оптухе спеша
И тихо мать печальная сказала:
«Да, это же Володина душа!»
Вослед ему с тоскою поглядела

И скрылась молча в сумерках раки...
А лебедь?
Он летит, наш лебедь белый,
Над всей планетой горестно летит
Пусть мирный день, играя в самоцветах,
Встаёт, погоду ясную суля,
Лето, мой друг,
Лети, по белу свету:
Тебя взрастила Русская земля.

Листая газету...

Листаю «Новую жизнь», газету Орловского района.
В 2006 году редактировал Евгений Вершинин.
В одном из номеров — снимок из Орловского технического колледжа. Это мы с Виктором Дронниковым, известным поэтом-земляком, старым другом моим, сидим за столом. Оба родом из Орловского района. Виктор вспоминал Жилино на дороге в Болхов, ныне ставшее окраиной Орла, я - свою Фоминку и её окрестности:

Альшань, Фоминка, Дворики, Лаврово -
Какие сердцу милые места...

Встречала нас ветеран библиотечного дела Лидия Филипповна Заболотская, давний друг Орловской писательской организации. Уроженка Ливенского района, она нашла своё призвание в знаменитых местах братьев Киреевских...

На снимке в другом номере — Валентина Александровна Котова. Большая жизнь за плечами. Была не даром орденом Ленина награждена. Родом из Сабурово. Там и войну пережила. Дом немцы сожгли. Училась в Мичуринском сельскохозяйственном институте, стала агрономом в «Пробуждении». В Москве на ВДНХ вела экскурсии в павильоне своего хозяйства. В мае 1964 года была избрана председателем родного колхоза, умножила его славу после знаменитого И. Савина.

Не зря в газете упомянут посёлок Стрелецкой. Там не только хорошо работают, но и музыку любят. Первым гармонистом в округе стал Владимир Ильич Михайлов. Не хуже отца своего научился играть. Уважают гармониста и в Орехове, и в Киреевке, и в других местах.

В Некрасовке живёт Виталий Георгиевич Верцов — государственный человек. Недаром выдвинут в областной Совет.

В Тайном отметил своё 85-летие Алексей Петрович Борисов — замечательный человек. Под Старой Руссой воевал, подо Ржевом. Бои вынес страшные. Недаром Александр Твардовский написал о тех боях своё знаменитое стихотворение «Я убит подо Ржевом...». Вернулся Алексей Петрович домой в 1946 году, возглавил колхоз и продолжал отдавать силы родному краю.

В Становой Колодезь приехал в Орла поэт Николай Сапрыкин, читал свои стихи школьникам. Ребята показали гостю музей, бабушкины прялки, вышивки и другие предметы родной старины.

На снимке — В.И. Блынская в кругу учеников. Валентина Ивановна рассказала о своём брате, известном поэте. Был конкурс чтецов. Приняли участие ребята Знаменской, Михайловской, Баклановской, Стрелецкой, Жилинской, Салтыковской и Киреевской школ.

Полвека в здравоохранении провела Раиса Семёновна Тинякова из деревни Азаровка. Она

— фельдшер, обслуживающий около 1000 человек. А сколько родов приняла! Сколько жизней спасла...

Хардииковсквй Дом культуры. Здесь более ста человек записалось в художественную самодеятельность. Оживилась работа в связи с приходом нового директора И.А. Веникова.

Более тридцати лет работает Любовь Ивановна Петрова в Образцовской библиотеке. Готова часами беседовать с детьми. Она и стихи пишет:

Я люблю тебя, край мой родной.
Пусть на свете не самый красивый,
Здесь жила я надеждой, мечтой,
Здесь детей я и внуков растила.

А в Звягинках — печаль великая. Умер Михаил Васильевич Дугин, учитель Звягинской школы. Более 40 лет учил детей. На войне храбро сражался. Получил два ордена Красной Звезды, две медали, К старости написал две книги воспоминаний. Его именем в школе назвали пионерскую дружину.

В Знаменке живёт Михаил Митрофанович Беликов, сын солдата, павшего на войне. Без отца осталось девятеро детей. Миша в десять лет начал трудиться в колхозе. Пас поначалу овец. Однажды волк прибежал. Пастушок стал отбиваться. Спасибо, тракторист выручил. Другие люди набежали. Шли годы. Миша стал Михаилом, а там и по отчеству стали его называть. Заслужил. Поднимал целину. Восстанавливал Ташкент после землетрясения. Тридцать лет отработал у станка на заводе «Орёлживмаш». Есть о чём рассказать людям. Михаил Беляков так и делает. Даже стихи пишет. Больше всего — о природе.

Паюсово — старинное селение. Храму — около 200 лет. В часовне обновили купол. В Салтыках чествовали Заслуженного учителя России Анатолия Григорьевича Касьянова. «Спасибо тебе, ветеран!» — это о Н.Н. Мазалове из совхоза «Куликовский»: его звено получило рекордные урожаи картофеля. Недаром в свое время был орденом Ленина награждён. Молодо и весело смотрит с портрета.

Паюсово. На высоком холме — храм Казанской иконы Божией Матери. Рядом — святой источник: вода обладает целебными свойствами.

Жаркое лето сорок третьего — в памяти орловцев.

«Наши, — рассказывает Екатерина Александровна Полохина из деревни Калинино, — наступали со стороны Редькино. А вон там, на колокольне, немцы устроили пулемётное гнездо. Много наших полегло». Теперь жители разбили парк. Мраморные гробнички, тенистые елочки. Сюда приходят люди и подолгу стоят в скорбном молчании. Вечная память героям!

Не доезжая до старинного села Салтыки по дороге на Кромь, вырос посёлок Добрый. О нём много писали в газетах, показывали по телевидению. Лечебные учреждения развернулись в четыре этажа.

— Сегодня времена смотрин прошли, — рассказывает директор Геронтологического центра В.Н. Павловский, — и наше заведение работает, как ему положено. Принимаем ветеранов, заботимся о них.

Гости проходят по коридору.

На первом этаже — медицинский отдел, выше — комнаты, где проживают ветераны. Если требуется более сложная помощь, хозяева лечебного заведения обращаются в

Плещеевскую больницу.

— Условия для проживания в Центре созданы очень хорошие, можно сказать, домашние, — говорит ветеран труда, заслуженная учительница Антонина Георгиевна Семёнова. Довольны условиями Ираида Владимировна Будырина, тоже бывшая учительница, её

соседка Евдокия Ивановна Фокина.

««Дубрава» — дивный уголок» — в статье под таким заголовком рассказывается ещё об одном замечательном, воистину курортном месте Орловского района.

«Время летит незаметно, — рассказывает В. Д. Кузнецов, один из отдыхающих. — Утром позавтракал, а там подлечился, пообедал — можно погулять в соседней роще. Места тут великолепные. Опять же источник целебной воды. Ничуть не хуже, чем в Липецке.

Приезжают сюда орловские поэты. Играет музыка. Звуки льются прекрасные. Как сама наша природа среднерусская.

В преддверии дня Победы участник Московской битвы Василий Зёмин вспоминал фронтовые дороги до самого конца войны. Вернулся домой, а тут — сплошной разор.

Отца замучили немцы, мать убили власовцы. Великие утраты мужественно перенёс фронтовик. Однажды в 1947 году на учительской конференции увидел он свою судьбу: она сидела в президиуме.

— Увидел и сразу влюбился, — вспоминал потом.

Вера Семёновна приняла предложение Василия Алексеевича. Сели на велосипеды и поехали в сельсовет расписываться. Шумной свадьбы не было. Стали жить да поживать.

Трёх дочерей вырастили, каждая с высшим образованием, одна в университете преподаёт.

Три правнучки и два правнука умножили род. Быстро пролетели в трудах и заботах шестьдесят лет. Бриллиантовую свадьбу отпраздновали шумно и весело.

Золотую свадьбу справили в селе Калинино супруги Неверовы Николай Петрович и Зинаида Алексеевна.

Продолжаю дальше читать газету.

«Имя Ивана Егоровича Сударева хорошо известно в нашем Орловском районе, но и далеко за его пределами. Родился он в деревне Агеевке Кромского района. Закончил с отличием Нарышкинскую среднюю школу 10 июня 1941 года. Через четыре месяца добровольцем ушёл на войну. После демобилизации работал в Салтыковской и Лавровской школах преподавателем. С февраля 1951 года, в течение 35 лет Иван Егорович возглавлял колхоз имени Ленина в Салтыках». Вспоминаю встречи с этим удивительным человеком в Лавровской школе.

Подошёл он в коридоре ко мне, спросил:

— Ты, я слышал, стихи пишешь?

— Да.

— Принеси-ка посмотреть.

Посмотрел — и вскоре вся Лавровская школа читала в районной газете:

Родина!

Твоё могучее дыханье

На каждом слышится шагу

Ты — жизнь, борьба,

Свободы знамя,

Тебя я в сердце берегу.

Сам же Иван Егорович через многие годы открылся, что тоже сочиняет.

Не сразу узнал я о самом удивительном. В войну Ивану Егоровичу повезло. Однажды он получил задание провезти на машине важного гостя-писателя по линии, где только что гремела Московская битва. Писатель много спрашивал, записывал, задумывался. А потом вышли в свет ставшие вскоре хрестоматийными «Рассказы Ивана Сударева».

Гостем был Алексей Толстой, классик русской литературы.

Тайна открылась мне через многие годы, когда Ивана Егоровича же не было на свете.

Неожиданно меня отыскал письмом из Мурманска наш общий знакомый Евгений Алексеевич Бородин: поэт-фронтовик, он работал в ту далёкую пору в районной газете.

Он-то и напечатал «Мою Родину», заполучив стихи от И.Е. Сударева.

Два фронтовика открыли мне дорогу в печать.

Ныне ни того, ни другого нет.

Бедный Иван Егорович успел ещё пережить величайшее горе: в Орле на его глазах машина сбила жену, которую он очень любил. Называл королевой. Последние годы Сударева сплошная душевная боль, горькая память.

И всё о ней, о ней...

...Традиционный Фетовский праздник поэзии прошёл в Клеймёнове 10 июня 2007 года, стихами и песнями зазвенел, заиграл одеждами многоцветными. В самом начале торжества звучала духовная музыка под сводами церкви Покрова Божией Матери.

Исполнял камерный хор районного дома культуры под руководством Г. Руднева.

У входа в склеп, где покоятся А.А. Фет и его жена Мария Петровна, собрались гости-литераторы. Выступила Л. Маричева из Тургеневского музея.

Затем зазвучали на широкой поляне голоса поэтов орловских. Прочли свои стихи Геннадий Попов, Виктор Дронников, Владимир Ермаков, Андрей Фролов и, как принято писать в газетах, «другие».

Больно сжимается сердце: для Виктора Петровича Дронникова этот праздник был последним.

«Они защищали Родину» — из этого очерка Я. Неполоцкой узнаём о двух воинах, родом из Неполоди. Один — Валентин Михайлович Мерцалов погиб при освобождении Польши. Другой — отец журналистки. Он умер после войны. Дочь на всю жизнь запомнила, как провожала его. Совсем маленькой была, такой маленькой, что ей «даже весело было», «не понимала, почему взрослые плачут».

«В 1941 году, — читаем далее, — наша армия вела тяжёлые бои под Смоленском, где отец чудом остался жив. Потом участвовал в обороне Москвы на Можайском направлении. Затем попал на Волховский фронт. Он был шофёром, ездил по Ладоге — дороге жизни, освобождал Эстонию, Кенигсберг. Участвовал отец в войне с Японией. Вернулся он в пропахшей бензином гимнастёрке с боевыми наградами к нам в землянку, где мы прожили до 1948 года. Трудно было, но выжили...

В память об отце я храню его орден Отечественной войны».

Ещё один человек из когорты героических. Это Валентина Николаевна Еремеева из посёлка Шиловского. О ней рассказала в газете Л. Фёдорова, председатель совета ветеранов Лошаковского сельского поселения.

Валентина Николаевна родилась в Орле, окончила фельдшерско-акушерский техникум. Участвовала в Сталинградской битве, выносила раненых с поля боя. Лейтенант санитарной службы, она проявила стойкость и отвагу при форсировании Днепра.

«Шестьдесят лет рука об руку», — так назвал Ю. Ветров свой очерк о Фёдоре Никифоровиче и Антонине Васильевне Ямщиковых, проживающих в Знаменке. Фёдор Ямщиков на войне был танкистом, домой вернулся с орденами Красной Звезды и Отечественной войны на груди.

Елена дмитриевна Павлова — гордость нашего края. Более тридцати лет проработала она птичницей. За достигнутые высокие показатели в работе в 1971 году получила звание Героя Социалистического Труда, орден Ленина и золотую медаль «Серп и Молот». Живёт она в Нижней Лужне под Орлом.

Хороших людей не забывают.

Русская душа

В самую соловьиную пору уходила от нас Мария Михайловна Барбашова, которую я называл мамой. С пятнадцати лет трудилась на ферме дояркой, очень хорошо работала! до конца дней держала на разость нам корову. До сих пор продолжается коровий род на её

дворе: очень уж молоко вкусное.
Это о ней, о Марии Михайловне, неутомимой труженице:

В её окне поскрипывают ели,
Всю ночь кричат лягушки у пруда.
Давным-давно и дети улетели,
И внукам полюбились города.
Корову доит, кормит поросёнка,
Ругает мужа — вроде поделом.
А со стены глядит себе девчонка,
Отгородясь от старости стеклом.
Себя она девчонкою представит
И сразу станет словно не своя,
Как будто снова жизнь перелистает
От ясных зорь, от чистого ручья.
От той поры, когда частушки пела,
Была весёлой, удалью горда
И так смеяться радостно умела,
Как не смеётся больше никогда.

И эти строки из поэмы «Русская вера» — тоже о ней:

В ту ночь
Всю ночь звенели соловьи,
А бабушка Маруся умирала.
Роняя звуки робкие свои,
Большая жизнь поспешно догорала.
Себя в руках держала, как могла,
Ни стоны, ни отчаянного крика.
Смерть обвила её, как повилика,
В тягучий плен взяла и увела.
Я помню той тревоги нарастанье,
И блеск луны,
И плеск речной струи.
Я помню, как закончилось дыханье,
Как пели, отпевая, соловьи...
В ту ночь, от слёз предельно золотую,
Раскрыв крыла, как лебедь над водой,
Воспринял душу вечно молодую
Посланец Неба
Вечно молодой.

ПОД ГОРОЙ

Из поэмы

1

На городище древний
Бежит полями шлях.

Над речкою деревня
В зеленых деревьях.
Ракиты, как старушки,
Толпятся там и тут.
Где сосны,
Там кукушки
И рыжик живут.
Где городише,
Город
Стоял, подняв валы.
Был весел он и молот,
Дома, как снег, белы.
Вставал народ утрами
И жизнь крепил свою
Молитвою во храме,
Мечом в лихом бою.
Богатырями были,
Любую били гнусь
И край родной любили
И всю большую Русь.
Звенели птичьи хоры,
И вдруг беда, как гром
Исчез красавец-город
В дыму пороховом.
Доныне в дали наши
Глядит с горы крутой
Серебряная чаша
С колодезной водой.
Блестит вода святая,
Аж весело глазам.
Стоит гора крутая,
Высокая, как храм.
Привольный край Орловский
В снегу, как в серебре...
Полибин с Максимовским
Копали на горе.
Встречали на погосте
Следы далеких дней,
Где отдыхают кости
Былых богатырей.
Не раз дорогой тряской,
Минуя древний вал,
Сюда в своей коляске
Тургенев приезжал.
На облачную стаю
Глядел из-под берез.
Отсюда Ермолая
Охотиться увез.
Он душу с ним возвысил,
Взял от него в лесах
Для Савиной-актрисы
Рассказ о соловьях.

Душа покоя просит.
 Но где он тут, покой?
 Вон вижу кто-то косит
 Все утро над рекой.
 Ряды кладет умело,
 Видны издалека.
 К косью как прикипела
 Умелая рука...
 Да это дядя Коля!
 Ну как не угадать?
 За эти луг и поле
 Ходил он воевать.
 За каждый вечер синий,
 За розовый рассвет...
 На сотни верст Россия,
 Страны милее нет.
 Душе дарует пищу
 Земля горой крутой,
 Валами городища,
 Пшеницей золотой.
 Зеленым Красным лесом,
 Посадками в полях
 И голубым навесом
 В пушистых облаках.
 Горячей пылью вьется
 От топота коней...
 И трудно нам живется,
 А без нее трудней.

Встаю я с петухами,
 Живу, как весь народ,
 И думаю стихами,
 Идя на огород.
 Стараюсь там, как водится,
 Клонюсь над бороздой.
 Хочу облагородиться
 Кудрявою строкой.
 Но жизнь кругом корявая,
 Трещит и рвется нить.
 Приходится кудрявую
 Иною заменить.
 Спускаюсь в бурт за свеклой,
 С потемками «на ты».
 Спина мгновенно взмокла

От бывшей мерэлоты.
Невесело,
Нечисто
И холодно в бурте.
Похож на декабриста,
Забытого в Чите.
Наверх по шаткой лесенке
Я вылез не спеша,
И к соловьиной песенке
Пристроилась душа.
Иду я в сад, где птицы
И ликование дня.
Вот там, моя царица,
И место для меня...
В сиреновой рубахе
Сияет небосвод.
Поют все громче птахи,
Душа моя поет.
Машинами грохочет
Погожий день лучист.
Кормить Россию хочет
Мальчишка-тракторист.
Знай, ни жары, ни холода
Не бойся с юных лет
И береги честь смолоду,
Как наказал поэт.
В большую жизнь готовясь,
Будь солнышка светлей,
Чтоб стала только
Совесть
Владычицей твоей.
За каждый промах строго
Наводит суд она.
Ведь Совесть — голос Бога
В любые времена.
Будь сильным,
А не слабым.
Не бойся стать добрей.
Иначе быть ухабам
На улице твоей.

4

Июль. Цветет природа.
И тут звенит, и там.
В такое время года
Земля, как Божий храм.
Беру косу я в руки,
Спешу в широкий луг.
Пленительные звуки

Мне слышатся вокруг.
Бушует море хлеба,
Добро — всегда добро.
И жаворонок с неба
Роняет серебро.
Колышет ветер ветки.
Погода — благодать.
И вдруг
Пошли соседки
Друг другу нервы рвать.
Забьют они в экетазе
Любого мужика.
Летят ошметки грязи
У каждой с языка.
Схлестнулись дочки, внучки,
Взялись язык ломать.
Дошли, видать, до ручки —
Тут нечего сказать.
Я рос в быту суровом
В деревне под Орлом,
Где даже черным словом
Не оскверняли дом.
Скажу во имя братства,
Чтоб душу убересть:
Бесценное богатство -
Живая наша речь.
Скажу во имя чести,
Храня России лик:
Давайте, люди, вместе
Беречь Родной язык!

5

Сошлись на небе тучи.
Не вечер, а темно.
Пробьется редкий лучик
В туманное окно.
Найдет себе дорожку
И так резвиться рад...
И снова за окошко
В наш сумеречный сад.
С минутой поиграет
И вновь сойдет ко сну.
Деревья догорают
У осени в плену.
Лирическую тему
Закрою в закрома.
Сижусь, пишу поэму,
В сюжете — кутерьма.
Кто в ней найти надеется

Веселье для души,
Тот пусть в сторонке греется,
Такую сам пиши.
Пока веселья мало
Для сердца и ума:
Большую жизнь сломала
Старуха кутерьма.
Страна бежит, как лошадь,
От цепкого слепня,
И чем-то нехорошим
Все веет на меня...
Сказал наш царь Никита,
Трибунный соловей:
«Ребята! Пей досыта!
Налей!
Еще налей!»
Народ у нас, как водится,
Охочь похороводиться,
Рванулся, как медведь:
Пошел в конторе каждой
В приливе жуткой жажды
Стаканами греметь.
Справляли именины
И завершение дел,
А кто и без причины
Посудою гремел.
И проглядели как-то,
Признать пора, должны,
И человеческий фактор,
И фактор всей страны.
У Горбачева Миши
Варила голова.
«Давайте пить потише!» —
Он обронил слова.
Сказал: «Сыны и дочери,
Я трезвость в людях чту».
И вытянулась очередь
За водкой на версту.
Страна огнем объята —
Народ горит в огне.
Качаются колонны.
Где пьянство,
Там беда.
Уходят миллионы,
Уходят в никуда».
Болтая без умолку,
С бедой ведем игру...
Наркотики, как волки,
Пошли на детвору.
Непрошенные гости,
Коварные друзья.
Трешат ребячьи кости...

Горит душа моя!
Мы возлюбили нежно
Свободы милый звук.
И вот — в гробу надежды,
А сверху стук да стук.
Россия заблудилась.
Где правда? Где обман?
Вошла бедняжка в бизнес,
Как в розовый туман.

ОЖИДАНИЕ ВЕСНЫ

Из поэмы

1

Как поедешь стороною,
Где родился, жил и рос,
Так повеет стариною —
Рзаволнуешься до слёз.
Снег. Сугробы за окошком
Вроде белых лебедей.
И поёт себе гармошка
Песни юности твоей.
Далеко уводят душу
Те слова,
Что к сердцу льнут.
Хорошо поют «Катюшу»,
«Коробейников»
Поют.
Высоко «Златые горы»
Поднимают голоса.
Это — русские просторы.
Это — Родины краса.
Это вам не свистопляски
В ресторанной суете.
Наши песни,
Наши пляски
Все века на высоте...
Люди жили,
Люди были
И сокрылись, как во сне.
Край отцов до слез любили,
Сохи ладили к весне.
Прясть умели,
Ткать умели,
Лапти делали из лык.
В одиночку и в артели
Дело знал свое мужик.
На покос ходили с песней
В пору самых трудных дней,

И родное мелколесье
Сразу делалось милей.
В сад Лескова,
В рощу Фета
Как войдешь, весной дыша,
И душа теплом согрета,
Окрыляется душа.
Встретишь дерево, как друга:
Хорошо оно шумит.
Даже малая пичуга
Что-то сердцу говорит.

2

Даже Муромец Илья
Знал орловские края,
Хоть Орла тогда в помине
Еще не было, друзья.
Был Дебрянск, Карачев был,
Мценск гнездо над Зушей вил,
Новосиль стоял на круче
И в победный рог трубил.
Ливны были,
Кромы были.
Исторические были
И легенды хороши —
Собирайте от души!
Ой, калина!
Ой, малина!
Не природа — благодать.
К Девяти Дубам былина
Приросла — не оторвать.
До чего ж вода чиста
У Калинова моста.
Возлюбил Илья не даром
Эти самые места.
Святорусская былина —
Гордость древнего села.
И гремел на всю равнину
Русский храм в колокола.
Облака по поднебесью —
Белокрылый хоровод...
По Орловскому Полесью
Тень Тургенева идет.
Ходит-бродит.
Что ж такого?
Тут рукой подать до Льгова,
Где он плавал на пруду
И с ружьем стоял в саду.
Хороши дубравы летом.
Птичий свист, звериный рык.
И становится поэтом

Наблюдательный лесник.
И мелодию, и слово
Лес подсказывает наш.
На картину Курнакова
Так и просится пейзаж.
В этой зелени и сини
Не один возрос талант.
Жил Калинин Василий,
Знаменитый музыкант.
Мастер звуков был что надо,
Слышал море голосов
Возле станции Отрада,
В чаще думчинских лесов.

3

Сторона моя лесная,
Сторона моя степная —
Лесостепь, зеленый край.
И зимой, и в пору зноя
Ты встаешь передо мною
С вечным криком птичьих стай.
Наблюдаю с интересом
Красоту со всех сторон.
Хорошо бродить по лесу,
Слушать сосен перезвон.
Пой березам гимн хвалебный!
Дуб наш — дерево чудес.
Славен силою целебной
Русский лес,
Орловский лес.
Помню, Зыкина Людмила
Речь по радио вела:
«Горе душу надломило,
Когда мама умерла.
Жить без голоса в столице
Ни к чему
И не по мне.
И поехала лечиться
На Орловщину к родне.
Вот живу я там в деревне,
В милой Раевке моей.
За окном шумят деревья,
Золотится даль полей.
В лес пошла, а там березы
И такая благодать.
Подкатили к сердцу слезы,
В голос хочется рыдать.
Где-то в поле зреет колос,
Зорька пышет, как пожар...

А ко мне вернулся голос,
Мамин дар
И Божий дар».
Пела заново певица,
Дело делала свое.
И внимала заграница
Чудо-голосу ее.
Кто попал в чужие дали,
Был от песен сам не свой.
Ликовали и рыдали,
Вспоминая край родной.
А один седой, как в вене,
Все платок тянул к глазам.
Вышел, рухнул на колени,
Розыт выронил к ногам.
От волшебного напева,
Как потерянный, стоял.
«Королева! Королева
Русской песни!» —
Повторял.
Знаменитая певица,
Как своя, на всей земле:
И в деревне, и в столице,
В славном городе Орле.
Льется голос по России,
Над равниной и холмом.
И народ черпает силы
В каждом звуке дорогом.

4

Под весенними ветрами
Ты идешь и в даль глядишь.
В каждой роще, как во храме,
Под березами стоишь.
Нам дает большие силы
И здоровье на сто лет
Русский храм зеленокрылый,
Как сказал один поэт.
О высокой благодати
Без усилий и наук
С детства знал мой друг-приятель
Данил Павлыч Мельничук.
Воевать вполне годился.
Воротился чуть живой.
На учителя учился
После школы фронтовой.
Подошло распределена:
Он, имея интерес,
Всем друзьям на удивленье
Запросился в дальний лес.
С костылем стоял у двери,

Спорить с каждым был готов:
«Я люблю ходить на зверя
И охотник до грибов.
Пусть то место будет глухо,
От райцентра вдалеке.
Не придется падать духом
В том зеленом уголке».
Дни прошли и даже годы,
И не помню, почему
В край непуганой природы
Я пожаловал к нему.
Школьный домик на опушке.
Огород в кольце древес.
Все от дятла до кукушки
Вызывало интерес.
На дворе на сковородке
Шумно жарились грибы...
Мой приятель, как на лодке,
Плыл рекой своей судьбы.
«Я рождением — крестьянин.
Лейтенантом молодым
Был под Курском
Весь изранен
И достался не своим.
В Бухенвальде, как в остроге,
Нет, пожалуй, пострашней.
Врач-поляк мне резал ноги
Без особенных затей.
Спас от смерти неминучей.
Выжил я,
Как вынес бой.
Не взлетел к холодным тучам
В виде дыма над трубой.
День и ночь она дымила
И меня, видать, ждала.
Ох, и жутко это было
С неба сыпалась зола».
Мне подробностей хотелось.
Он подал толстенный том:
«Хватит! Сердце разболелось.
Вот читай...
А я потом».
И повел опять куда-то
В добрый мир зверей и птиц,
Где порою до заката,
Знай, преследовал лисиц.
Явно требуя подачки,
Возле сумки и ружья
Приютились две собачки
Чуть повыше воробья.
Поднимает утром рано
Лай веселый во дворе.

Их сажает он в карманы
И несет к лесной норе.
От охоты до охоты,
Как до радости большой.
Ну, и школьные заботы
Правят доброю душой...
Даль дорожная манила,
Мы расстались у крыльца.
Дочка выросла — сменила
На директорстве отца.
Всяк своей судьбою связан.
Развела дорога нас.
И остался не досказан
Друга старого рассказ.
За зеленою завесой
Виден мне в кругу детей.
Вечен путь его по лесу,
Вечен в памяти моей.

5

Под весенними лучами
Сердцу мил зазорный гам.
Русский лес —
Всему начало:
Деревням и городам.
Мы хвалу не даром пели
Яркой зелени листа.
Лес — наш друг от колыбели
До печального креста.
Каждой веткой,
Каждым стеблем
Он красу Руси берег.
Предок смело шел по дебрям
И трубил в пастуший рог.
Лес кормил, спасал от зноя,
Обувал и одевал.
Брянск над речкою Десною
С ним себя не узнавал.
Город рос в красе узорной...
При Петре в российский флот
Дуб воронежский отборный
Брали, радуя народ...
Праздник Первого Салюта —
Знамя алое в руке.
И на Зуше было круто,
И на матушке Оке.
Дорог свет великой даты,
Веру в жизнь народ обрел.
Третью армию Горбатов

Смело вывел на Орел.
Вспоминать не перестану
Колпакчи и Баграмяна,
Танки Родина в бою.
Сквер поднялся многолистый
Над могилою танкистов —
Жизнь ушла
За жизнь мою.
Дым налил, закутав дали,
Крыши корчились в огне...
Поезда загрохотали —
Русский лес
Пришел ко мне.
Отодвинулись руины,
Поразвеваясь зола.
Поднялись среди равнины
Крыши нового Орла...
Солнце празднично и ярко
Заливает дом и сад.
По Шаблыкинскому парку,
В наши дни ходил солдат.
Не один, а со старушкой,
Верным другом и женой.
За спиной грохочут пушки,
Время, взятое войной.
Был он юным,
Был он смелым
И находчивым в бою.
Шел на смерть, как жизнь велела,
В бой за Родину свою.
За Россию так он бился,
С лютой яростью в груди,
Что в историю годился
Лет на тысячу, поди.
Славит Воронов Илья
Тем, что жив,
Свои края.
Он сражался в Сталинграде,
В доме Павлова, друзья.
Было тяжело,
Было худо,
Будто все попали в ад.
Но воспел Пабло Неруда
Не Берлин, а Сталинград.
Наши лучше генералы,
Наш солдат смелее всех...
Вышли немцы из подвала
На февральский талый снег.
Русский нрав — особый норв,
Дар земле из высших сфер.
Говорил не зря Суворов:
«Мой маневр

Бери в пример!»
Вот чему, мои друзья,
Учит Воронов Илья.
Учит опыт всех побед,
Что сильней России нет.
Знали мы святое дело,
Нам Отчизна дорога.
И в Орле земля горела
Под ногами у врага.
Брянский лес — России слава.
Был в боях дмитровский лес.
Всюду шелковые травы
И деревья до небес.
И гремит, не умолкая,
Где гляжу не нагляжусь,
Как девиз родного края,
Слово солнечное
Русь.

6

Снежно, ветрено, морозно.
Тянет стужей от окна.
Знаю: рано или поздно,
К нам пожалует весна.
И опять взъиграют виды,
Горы белые круша.
Пробуждается природа,
Обновляется душа.
Дружно двинутся растенья
К свету солнечных высот.
И картина сотворенья
Мира снова оживет.
Позовут поля, дубравы
Слушать птиц веселый гам.
Будут шелковые травы
Снова ластиться к ногам.
Задветут сады душисто
Снега белого белей.
Вновь услышим мы артиста
По прозванью соловей.
Разольется жаворонок.
Век бы слушал не дыша.
Мир, как будто из пеленок,
Выйдет к людям не спеша.
Будет вновь шуметь ветрами,
Веять тайнами небес.
И объявят в каждом храме
На Руси: «Христос воскрес!»
А пока
Земля томится

В ожидании весны.
И серебряные птицы
На стекле еще видны.
Все морозы да морозы.
За пургой идет пурга.
У реки скучают лозы,
Погруженные в снега.
Под окном, как в белых ризах,
Сосны строгие стоят.
И берется телевизор
Привораживать ребят.
Повелось в былые годы
В нашем крае с давних лет:
Как поэт — певец природы,
Где природа,
Там поэт.
От Тургенева и Фета
До приятелей моих
Вся Орловия воспета,
Что ни яблоня,
То стих.
Хороводом бродят вишни
За березами вослед...
Хоть писал рассказы Пришвин,
Но душою был поэт.
Покатил по белу свету
Из-под города Ельца,
Видел северное лето,
Любовался без конца.
Книжку умную составил:
«Край непуганой красы».
Дальше — больше,
Жил и славил
Дали средней полосы.
Шли года.
И стало слышно
Далеко про Спас-Чекряк.
Поспешил писатель Пришвин
Там разведать что и как.
Говорят, случилось чудо:
Древний край помолодел,
Словно камнем-изумрудом
Драгоценным завладел.
Привели в пути расспросы
В то село, как в новый век.
Там служил во храме Коссов,
Знаменитый человек.
Это он великой верой
Отчий край преобразил.
Нет достойнее примера
Для души и бодрых сил.
Для отца Егора клирос

Стал ступенью новых лет.
В храм вошел писатель Нилус,
Неземной увидел свет.
Льнул мороз к оконной раме,
Наплывал в глаза туман.
И казалось:
Встал во храме
Сам Креститель Иоанн.
Случай этот мудрый Нилус
Даже в книжке описал.
И отец Егор так вырос,
Что повсюду виден стал.
Шла молва,
Цвела, как вишня,
Все пышнее и пышней.
И увидел славный Пришвин
Диво Родины своей.
Край земли обетованной
Был открыт его глазам...
Близ церквушки деревянной
Встал величественный храм.
Тут же школа и больница,
И дворец для детворы.
Соловей — живая птица
Дарит звонкие дары.
Облака бегут по небу
В свете солнечного дня.
Обещая море хлеба,
Распахнулись зеленыя...
Гость во храме пенье слушал.
Рад был все запоминать.
И охватывала душу
Неземная благодать.
Убедился очень скоро,
Что не зря молна гремит,
Что народ отца Егора,
Как отца родного, чтит.
Из уездов отдаленных,
Из губернии другой
Люди шли к нему с поклоном:
«Выручайте, дорогой!»
Он, как врач, любого слушал,
Был помочь, как другу, рад.
Не одну на свете душу
Он взрастил, как Божий сад.
Знал он:
Храм — не только свечи,
Хорошо поющий хор,
Но и ласковые речи,
Задушевный разговор...
И в полях, и на покосе
Быть с народом он привык.

Как учил его Амвросий,
Строгой жизни духовник.
Был суров, как витязь Невский,
Если видел в ком изъян.
Зря ль писатель Достоевский
Поместил его в роман?
Был борцом за веру ярым,
Будто меч в руке держал...
В монастырь его недаром
Даже Гоголь приезжал...
Как узнал тогда, вначале,
Что отец Егор в печали
И в сомнениях живет,
Дал наказ ему при встрече:
«Помни, день еще не вечер,
Время доброе придет.
Силе зла не поддавайся
Смело делом занимайся.
Враг один,
А ты вдвоем
С нашим Господом Христом.
Вера двигает горами,
В ней — отечества оплот.
Стань во храме,
Будь во храме —
И народ к тебе придет».
Время медленно струится,
Жизнь, как с первого листа.
Стал отец Егор молиться,
Рядом чувствуя Христа.
Где-то вихри снеговые,
Гнется тонкая лоза...
Смотрят лики, как живые,
На него во все глаза.
Скоро-скоро что-то будет.
Приготовилась душа...
И к нему приходят люди,
Свежим воздухом лыша.
Вот они стоят у двери,
Вот подходят к алтарю.
Слово слушают о вере,
Видят вешнюю зарю...
Дни и годы пролетали.
Люди верою сильны.
Стены каменные встали.
Купола вдали видны.
Дом леченья,
Дом ученья.
Вдалеке зеленый бор...
Людям каждое мгновенье
Отдавал отец Егор.
Чувства добрые и мысли

Отдавал в краях родных...
Потому и был причислен
К лику пастырей святых.
Крепко в памяти хранится
Даль, открытая глазам.
Мчится Русь, как тройка-птица,
К новым рощам и садам.
Верю я любуясь нивой,
Ясным зеркалом пруда:
Будет, будет справедливой
Жизнь в грядущие года.
Перед каждым человеком
Путь один до края дней:
Становиться вровень с веком,
Вровень с совестью своей.
Бог сказал — и дело снято.
Поимейте, люди, страх.
Нет ни бедных, ни богатых
На высоких небесах.
Все равны мы перед Богом,
Как в движении планет...
Долго люди по дорогам
Шли, разыскивая свет.
Бунтовали вроде Стеньки
И Емельки Пугача.
Становились смело к стенке,
Слово гордое крича.
Люди верою кипели,
Шли на крест, в огне горели.
Неужель все это зря?
Разве в каторжные норы,
Как разбойники и воры,
Шли герои Декабря?
Может, Пушкин ошибался,
Говоря: «Товарищ, верь..»?!
И Некрасов зря старался
Распахнуть на волю дверь?
Помнят рощи,
Помнят степи,
Как мы шли, срывая цепи,
Как вставали мы стеной
За страну, за край ролной.
Путь один — дорога света.
С этой верой остаюсь.
Молча кружится планета.
Ждет весну
Святая Русь.
«Русь святая? — скажет кто-то,
Ну и выдал. Вот те на...
Это чище анекдота
В наши злые времена».
В размышлениях помешкав,

Повторю в наш мутный век:
«В бой идет святой и грешный
Русский чудо-человек».
Как? Удачные слова?
Вот Россия чем жива!
Потому и устояла
Наша матушка Москва.
Потому по всем равнинам
Побежал с позором враг.
И поднялся над Берлином
Русский флаг,
Победный флаг.
Шли спасать других нередко.
Глянь на верх горы крутой:
Бережет могилы предков
Храм на Шипке золотой.
Даже Киев элатоглавый
В век, скрываемый во мгле,
В бой ходил не ради славы,
Ради жизни на земле.
Глубоки России корни,
Как заглянешь в старину.
И богаче,
И просторней
Видим древнюю страну.

2010–2011 гг.